

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.А. Забияко

**МЕНТАЛЬНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА
КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ХАРБИНА**

Монография

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
2016

УДК [94+008] (571)
ББК 63.3(2Р55)+71(2Р55)
3-12

Печатается по решению
Ученого совета Амурского государственного университета

Рецензенты:

*В.В. Агеносов, докт. филол. наук, профессор (г. Москва);
Г.В. Эфендиева, канд. филол. наук (г. Благовещенск)*

Забияко А.А.

Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: Монография / А.А. Забияко; М-во образ. и науки РФ, Амурский гос. ун-т. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 437 с.

Монография посвящена исследованию особого типа ментальности – ментальности русской эмиграции, сформировавшейся в условиях этномиграционных и этносоциальных трансформаций начала XX в. в обстановке дальневосточного фронта на границе миров – России и Китая, прошлого и настоящего, эмиграции и метрополии, русской и китайской культуры. Источником реконструкции ментальности дальневосточного фронта послужили литературные и публицистические тексты, воспоминания, эпистолярное наследие русских харбинцев, а также редкие архивные материалы по истории и культуре дальневосточного зарубежья.

Книга адресована широкой аудитории читателей: научным сотрудникам, преподавателям высших и средних учебных заведений, студентам гуманитарных факультетов вузов и всем тем, кто интересуется проблемами истории и культуры народов Дальнего Востока.

Подготовка и публикация монографии осуществлялась при государственной поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00308 «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)»

ISBN 978-5-7692-1464-6

© Амурский государственный университет, 2016

© Забияко А.А., 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена истории ментальности дальневосточного зарубежья – ментальности особого анклава русской диаспоры, сформировавшейся после 1920-го года в условиях *дальневосточного фронта* на территории Северной Маньчжурии¹. Возникшее на границе миров – России и Китая, прошлого и настоящего, эмиграции и метрополии – дальневосточное зарубежье долгое время рассматривалось как явление второго ряда в мощном движении русской культуры рассеяния. Эстетствующие критики и философы эмиграции, а затем и метрополии изначально выбрали снисходительный тон по отношению к дальневосточному зарубежью: «Что хорошего может быть из Харбина?...»².

Но разве можно реконструировать жизнь прошедшей эпохи русской культуры, тем более – русской культуры в изгнании, лишенной корней и почвы, обращаясь только к именам знаковым и известным? Для автора этот вопрос риторический. Более четверти века, а если считать с начала строительства КВЖД, то и все столетия русские люди осваивали территорию дальневосточного фронта по правой стороне Амура вплоть до Желтого моря: учились, работали, рожали детей, оборонялись от хунхузов, дружили и торговали с местным населением, создавали свои школы и театры, исследовали этот край. Это была своя, особенная жизнь, о которой потом напишут писатели-эмигранты и простые харбинцы в воспоминаниях. Потому актуальным для автора является посыл, в свое время

¹ Истории дальневосточной эмиграции посвящены исследования: *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004; *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991; *Мелихов Г.В.* Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003; и др.

² Например: *Терапиано Ю.* Перечитывая «Антологию» // Журнал Содружества. 1936. № 3; *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Париж, 1984; *И.Ф.* Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке // Русские записки. Париж, 1937. № 1. С. 322-330.

сформулированный «новой исторической наукой»: «Не пора ли перестать довольствоваться изучением одних лишь высших достижений <...> культуры и осознать, что эти шедевры созданы на том языке (в семиотическом понимании языка — как системы знаковых средств, при помощи которых выражала себя культура), который так или иначе был принадлежностью всех членов данного общества?»¹.

Наше исследование культуры дальневосточного фронта в ее эмигрантском изводе началось с архивных разысканий художественных текстов – рассыпанных в журналах и газетах стихов, рассказов, очерков писателей русского Харбина, порою совсем неизвестных. Помимо художественных произведений и критических статей, внимание исследователей было обращено к путевым заметкам, разного рода объявлениям, рекламе, даже – кулинарным рецептам², модным рекомендациям³. Затем была долгая, кропотливая работа с личными делами эмигрантов в архиве БРЭМ⁴. В этих материалах наше внимание привлекли разнообразные анкеты, справки полиции, рукописи и даже доносы. А потом последовали знакомства и переписка с реальными людьми – последними могикианами: поэтами Владимиром Слободчиковым и Лариссой Андерсен, подругой поэтессы Лидии Хаиндровой Татьяной Пищиковой, сыном харбинского купца Николаем Заика, выпускницей гимназии

¹ Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 4.

² С нашими молодыми коллегами мы пытались реализовать на практике рецепты для харбинских хозяек 1932 г., опубликованные в журнале «Рубеж»; печенья и булочки получились довольно скромные, не очень вкусные – но весьма экономичные.

³ По лекалам харбинских выкроек нами были сшиты платья для музея «Русский Харбин: история, культура, литература». В отличие от кулинарных изданий, платья получились роскошные и эффектные.

⁴ БРЭМ – Бюро по делам российских эмигрантов, созданное в Харбине после образования Маньчжоу-го, прояпонского марионеточного государства, в 1934 г. Одной из функций БРЭМ было осуществление контроля за настроениями русских эмигрантов. В этих целях были разработаны анкеты, состоящие приблизительно из 100 вопросов. После 1945 г. архив БРЭМ попал в руки СМЕРШ и частично был передан на хранение в Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). В настоящее время материалы БРЭМ являются ценнейшим источниковедческим материалом. Об этом см.: Забияко А.А. Писатели русского Харбина в архиве БРЭМ // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М., 2012. С. 603–610.

ХСМЛ, историком культуры Еленой Таскиной, сыном писателя Павла Северного, простыми харбинками и харбинцами...¹ «Послание» ушедшей в прошлое харбинской культуры неожиданно проявилось и в осколках архива Николая Щеголева, обнаруженного обычным служащим на задворках Екатеринбург², и в материалах, подаренных внуком поэтессы Викторией Янковской, одного из потомков знаменитого клана «Нэнуни».

И культура харбинского «захолустья» заговорила с нами голосами самых разных ее носителей – от поэтов и журналистов до домохозяек, служащих, крестьян, бывших военных – солдат и офицеров, их жен и детей, потомков межэтнических браков, обнаружив весь свой «ментальный универсум».

Дальневосточные эмигранты сразу стали задумываться о том, что собой представляют. Вопрос: «Что же это за штука – Харбин: Европа или Азия?»³ – жители Харбина и Северной Маньчжурии стали задавать себе с начала 20-х годов. Но вопрос, обозначенный в архитектурно-художественном журнале, для многих звучал более определенно: «Харбин – это Россия или Китай?» Большинство для себя негласно решило: Россия. Потому культурные установки жителей Харбина были направлены в первую очередь на реставрацию образа утраченной Родины.

А широкие пространства вокруг Харбина были засеяны не пшеницей, а гаоляном, шумящим под ветрами с Гоби. Сво-

¹ Об этом, например: *Эфендиева Г.В.* Ларисса Андерсен // Новый журнал. Нью-Йорк. 2009. № 256. С. 264–281; *Ее же.* Поэтическое творчество Лариссы Андерсен: характер творческого поведения и особенности художественного мышления // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 9. С. 244–250; *Зиненко Я.В., Цзюй Куньи.* «Мы жили в Харбине, как при царской России»: социокультурные и этнокультурные процессы 10–50 гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия двух культур. Вып. 11. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2015. С. 368–377; *Дябкин И.А., Левченко А.А.* Русские эмигранты в Китае: о жизни П. Северного (стенограмма беседы с А.П. Северным) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия двух культур. Вып. 11. Указ. изд. С. 342–357.

² *Забияко А.А.* Архив Н. Щеголева как источник реконструкции жизни русской эмиграции в Харбине // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия двух культур. Вып. 11. Указ. изд. С. 221–234.

³ *Васильев М.* Панорамы жизни. Облик Харбина // Архитектура и жизнь. 1921. № 3–4. С. 128.

ими дебрями и тиграми пугала не уссурийская и не амурская – маньчжурская тайга. Не случайно проживавший в начале 20-х годов в Харбине В. Март подмечал: «Мы за китайской стеной быта»¹. В 1926 г. уже другой харбинский автор сетовал: «Привыкли считать Харбин за самую настоящую Россию, мы проглядываем его специфические особенности, как проглядываем подобные местные термины»². И китайским языком русские в Харбине, как правило, не владели. «Не мы учили кит<айский> язык, а китайцы – “пусть *ходи*³ приспособляются, по-нашему маракуют”»⁴, – читаем в неопубликованной рукописи черновика автобиографического романа Н. Щеголева «Перекресток», посвященного русскому Харбину⁵.

Да, дети эмигрантов учили французский, английский языки и в совершенстве овладевали ими, а китайский выучили совсем немногие. Тому есть простое объяснение. В те годы в Харбине сложился специфический социокультурный состав китайского и маньчжурского населения – в основном включающий обслуживающий персонал и торговцев, которые, в силу этнической предприимчивости, действительно, быстро осваивали чужой язык и чужие бытовые привычки – конечно, на уровне «пиджина» (твоя-моя, мало-мало), весьма редко овладевая литературным языком⁶. Художественной и литературной китайской элиты, ориентированной на культурные диалогические отношения с русскими, в Маньчжурии в это время еще не сложилось.

Но, хотя населяющие Маньчжурию китайцы в большинстве не владели книжной культурой, – ее духовные основа-

¹ Март В. Желтые рабыни // Копейка. № 123. Публикация цикла В. Марта и комментарии к тексту: *Забияко А.А., Левченко А.А.* Этнические миграции и социокультурные реалии Северной Маньчжурии в первой половине XX в. (В. Март. Цикл «Желтые рабыни») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11. Указ. изд. 2015. С. 329–339.

² Доктор Финк. Фоб-Дайрен (рассказы К. Сабурова). Указ. изд.

³ *Ходи* (ходя – ед. ч.) – просторечное именование китайцев на русском Дальнем Востоке.

⁴ Щеголев Н.А. Тетрадь № 1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957–1962) Л. 3 // Архив литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточной эмиграции». Амурский государственный университет, кафедра литературы и мировой художественной культуры.

⁵ Там же.

⁶ Об этом, например: *Ли Мэн.* Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.

ния издревле наполняли их обыденное сознание, определяли жизненную философию и бытовое поведение. Правда, историк харбинской культуры Е.П. Таскина с этим не согласна: «... надо всегда помнить, что говорить о влиянии китайской культуры, – литературы в частности, – на русскую зарубежную литературу следует с большой осторожностью (В. Перелешин – исключение, и то в плане тематическом). Материальная культура – одно, духовная культура – другое (еще раз повторяю этот тезис)»¹.

Культура – многослойное явление, предполагающее сложные пути и механизмы взаимодействия элитарного и народного, материального и духовного уровней. Наши беженцы попали в Харбин не из дворцов и не во дворцы, а зачастую жили и питались бок о бок с китайцами и маньчжурами, охотились с ними, работали в мастерских, ресторанах и типографиях. Китайские, маньчжурские, русские дети играли вместе во дворах. Праздники тоже были общими: Пасха и Чуньцзе, день Полнолуния и Рождество². А когда в семье не было денег, китайские лавочники давали русским продукты в долг – до лучших дней. Для многих эти дни наступали очень не скоро...

Кроме того, – об этом мало пишут русские исследователи, – китайское население Харбина благодаря присущей китайской переимчивости весьма быстро «цивилизывалось», усваивая европейские стиль и стандарт жизни в его «русском изводе». Многие родители хотели выучить детей русскому и английскому языкам, и нигде, кроме как в Харбине, потом не говорили так чисто китайцы по-русски. Наряду с русской частью города появился и быстро стал расти китайский поселок Фудзядянь, ставший потом частью Харбина и до сей поры представляющий загадку происхождения своей «барочной» архитектуры. «Злачный» характер многих заведений Фудзядяня не мешал тому, что там работали китайские театры и кинематограф, развивалась индустрия китайской моды. Повседневные контакты русской интеллигенции с китайским населением и русский культуроцентризм, заставляющий проявлять известную «всемирную отзывчивость» по отношению к мощной инокультурной традиции, в своем сочетании не могли

¹ Таскина Е.П. Письмо А.А. Забияко от 6 мая 2004 г. // Личный архив А.А. Забияко.

² Иванов В.Н. Китайский Новый год // Гун Бао. 1928. 22. 01.

не способствовать общей маргинализации русской культуры в Китае и возникновению особых – «восточных» – черт в культуре русского Харбина¹.

Героем этой книги стал *русский человек* – бывший гражданин Российской империи, а затем насельник Северной Маньчжурии, бывший герой Первой мировой войны, наследник былой славы русского оружия, а позже – эмигрант, униженный революцией, поражениями в Гражданской, истерзанный Ледяным походом, или же – выросший без родины и отечества русский мальчик, знающий, что такое Россия, только по рассказам и воспоминаниям. Этот русский, наряду с китайцами, корейцами, маньчжурами, проживал на территории *дальневосточного фронта* – в Северной Маньчжурии, в Харбине. Ему была присуща своя особая религиозность, вбирающая и русский, и инокультурный элемент, свои представления о пространстве и времени, о молодости и старости, о войне и мире, о жизни и смерти, о детях и будущем...

В 1928 г. харбинский поэт Арсений Несмелов напишет стихотворение «В ломбарде»². Его герой – бывший вояка-эмигрант, зашедший в ломбард «старого ростовщика, нажившего почет и миллионы». Элегический сюжет – грустная опись вещей эмигрантов, обреченных быть проданными с аукциона («Белая жизнь, увы, осуждена / В осколках быта, потерявших имя»). Взор лирического героя окидывает все то, с чем связаны воспоминания о прошлой русской жизни:

Чего здесь нет! Чего рука нужды
Не собрала на этих полках пыльных,
От генеральской Анненской звезды³
До риз с икон и крестиков крестильных...

Тут орден св. Владимира – «тень прошлого и тема фельетона», «бездарное последнее дворянство»⁴; к нему герой не ис-

¹ Подробно об этом: *Забяко А.А., Эфендиева Г.В.* Меж двух миров. Русские писатели в Маньчжурии. Указ. изд.

² Несмелов А. Кровавый отблеск. Харбин, 1928.

³ *Генеральская Анненская звезда* (Императорский орден Святой Анны) – орден, учрежденный в 1735 г. как династическая награда и в 1797 г. введенный императором Павлом I в наградную систему Российской империи для отличия широкого круга государственных чиновников и военных.

⁴ *Орден св. Владимира* (Императорский орден Святого Равноапостольного Князя Владимира; сокр. орден Святого Владимира) – орден Российской империи в 4-х степенях за военные отличия и гражданские заслуги.

пытывает ни тени уважения. И тут он доходит до полки, на которой лежит орден святого Георгия¹:

Святой Георгий – белая эмаль,
Простой рисунок... Вспоминаешь кручи
Фортов, бросавших огненную сталь,
Бетон, звеневший в вихре пуль певучих,

И юношу, поднявшего клинок
Над пропастью бетонного колодца.
И белый – окровавленный – платок
На сабле коменданта – враг сдаётся!

Перед читателем – развернутая метафора сознания старшего поколения дальневосточной эмиграции, запечатленного «в осколках быта, потерявших имя». «В ломбарде старого ростовщика» – Истории – оказывается и вся дореволюционная русская жизнь: вековые традиции, православная вера, батальные победы и поражения, общественные предрассудки... Харбинский поэт в деталях воссоздает страницы той жизни, которой уже в конце 20-х годов – не было. И «память-антиквар» заботливо помогает ему и другим его собратьям, эмигрантским писателям и поэтам, в этом поиске. Так литература дальневосточного зарубежья от воспоминаний о прошлом перейдет к запечатлению своего беженского настоящего. Именно этими годами мы исчисляем перелом в литературном процессе русского Харбина, определивший во многом его культурную жизнь², начало художественного осмысления эмигрантами своей беженской поэзии и своей этнокультурной миссии.

Эти интенции удивительным образом совпадают с началом формирования в европейской гуманитарной науке самых разных научных направлений, через несколько десятков лет давших методологический и терминологический аппарат для исследования антропологического феномена под названием «русская эмиграция» – школа Анналов, этнология, антропология, семиотика. Русские писатели-эмигранты, сами того не

¹ *Орден св. Георгия* (Императорский Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия, Орден св. Георгия) – высшая военная награда Российской империи.

² *Забияко А.А.* На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1, ч. 1. Проза / Хрестоматия. Указ. изд. С. 3–37.

подозревая, во многих своих произведениях предвосхитили умопостроения разных научных направлений – собирая и художественно осмысляя этнографический материал о китайцах, маньчжурах, японцах, корейцах и коренных народах Дальнего Востока (Н. Байков, П. Шкуркин, В. Март, М. Щербаков, Б. Юльский), размышляя о роли слова в материальной культуре (А. Несмелов, Н. Щеголев, Н. Петерец), обращаясь к проблеме маргинализации сознания полукровцев (А. Несмелов), раздумывая о «детских» вопросах (Н. Резникова, Е. Васильева, А. Ачаир, А. Несмелов)...

Именно в конце 20-х годов прошлого века возникают первые попытки дать определение *ментальности*. Рождается целое научное направление, которое в центр своего исследования поставит частного человека, представителя «безмолвствующего большинства» того или иного общества, той или иной культуры¹. Сегодня мы опираемся на современные трактовки этого понятия. *Ментальность*, менталитет (от лат. *mens* – ум, мышление, образ мыслей, душевный склад; фр. *mentalités*) – идейно-психологическая формация, которая включает в себя, прежде всего, исторически и культурно специфические картину мира, способы осмысления реальности и модели эмоциональных реакций². Этим термином «“новая историческая наука”, наиболее влиятельное направление современной зарубежной историографии, обозначает главный предмет своего анализа: социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности»³. Ментальности представляют собой разные типы интериоризации опыта индивидуальной или коллективной жизни. Во внутреннем мире индивидов или групп опыт бытия в многомерном внешнем мире отлагается в форме исторических, эстетических, религиозных, этнических, социальных и иных типов

¹ См.: Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986; *Le Гофф Ж.* Существовала ли французская историческая школа «Annales»? // Французский ежегодник. 1969. М., 1970; *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991; и др.

² *Забияко А.П.* Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII–начала XX вв. // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009. С. 9–35.

³ *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 75–89.

ментальности¹. «По большей части, они не осознаются самими людьми, обладающими этим видением мира, проявляясь в их поведении и высказываниях как бы помимо их намерений и воли. Ментальность выражают не столько индивидуальные установки личности, сколько внеличную сторону общественного сознания, будучи имплицитрованы в языке и других знаковых системах, в обычаях, традициях и верованиях»².

Ментальность дальневосточных эмигрантов определил фронтир. *Фронтир* (от англ. *frontier*) – граница; теория фронтира была разработана в начале XX в. Ф. Дж. Тернером (как «встреча дикости и цивилизации») ³. Фронтир – термин, синонимичный русскому понятию «порубежье»⁴, которым определяется контактная зона между странами, народами или культурами. Понятие «дальневосточный фронтир» обозначает контактную зону в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В этой контактной зоне в атмосфере тесного межэтнического взаимодействия с середины XIX в. соединились судьбы русского и китайского, корейского, тунгусо-маньчжурского населения; сформировались психологические, языковые и культурные границы совместности этносов.

На протяжении почти полувека ментальность русского человека дальневосточного фронтира была растворена в обыденном сознании насельников русского города Харбина, а проявлена – в организации религиозной и культурной жизни, литературного быта, образования, особенном – харбинском быте, языке русских жителей Харбина. В середине 50-х годов русская Атлантида под названием Харбин канула в Лету, остатки эмигрантов рассеялись по всему свету. А представления русского дальневосточного эмигранта о мире, предрассудки и стереотипы мышления, религиозные взгляды и этнические установки

¹ Об этом: *Забияко А.А., Забияко А.П.* Стереотипы мышления и ментальность дальневосточного фронтира в художественном сознании писателей-эмигрантов (Н.А. Байков и П.В. Шкуркин) // XXIII Оломоуцкие дни русистов. Материалы научной конференции. Оломоуц, 2015.

² *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии. Указ. изд.

³ *Turner F.J.* The Frontier in American History. N. Y., 1962.

⁴ *Забияко А.П.* Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Вып. 9. Благовещенск, 2010. С. 5–11.

оказались запечатлены в особом роде документах – художественных произведениях, публицистике, письмах, рукописях, воспоминаниях, речевых жанрах, личных делах спецслужб, даже – доносах¹.

Эти «формы мыследеятельности» человека дальневосточного фронта, русского эмигранта в Северной Маньчжурии, мы собираем сегодня в пыльных библиотеках, архивах, частных коллекциях, находим в письмах и воспоминаниях. «Первое, с чем историк встречается в своих источниках, – это запечатленное в них человеческое сознание. Поэтому историк неизбежно должен быть историком культуры, человеческой ментальности, знать умственные установки людей той эпохи, их понятийный “инструментарий”, их способы мировосприятия. Не принимая в расчет духовной структуры людей, оставшихся памятники, он не в состоянии правильно понять содержание последних и адекватно их истолковать»². История ментальности дальневосточного фронта в ее *человеческом измерении*, синхроническом и диахроническом наполнении – это часть социальной истории дальневосточного зарубежья и его фронтальной культуры, истории религиозных, политических, этнических взглядов, истории литературы восточной ветви эмиграции³.

Поэтому исследование ментальности человека дальневосточного фронта в ее эмигрантском воплощении должно осуществляться с опорой на этнологию, социологию, психологию, историю искусства и литературы, лингвистику, религиоведение, семиотику, источниковедение и т. д.

¹ Об этом: *Забияко А.А.* Роль архивных маргиналий в текстологической практике исследования литературы дальневосточного зарубежья // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 124–131.

² *Гуревич А.Я.* Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 6.

³ Об этом: *Забияко А.А.* Тропа Судьбы Алексея Ачаира. Благовещенск, 2005; *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* «Четверть века беженской судьбы» (художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск, 2008; *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009; *Литература русского зарубежья. Восточная ветвь.* Т. 1. Часть 1-3. Проза / Хрестоматия. Благовещенск, 2013; *Щеголев Н.* Победное отчаянье. Сочинения. М., 2014; *В художественном мире харбинских писателей.* Арсений Несмелов: Научное издание: В 3-х томах. Т. I, ч. 1, 2. Материалы к творческой биографии. Благовещенск, 2015; *Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамудинов А.А.* Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015.

В литературе дальневосточного зарубежья историческая динамика ментальности дальневосточного фронта проявлена весьма последовательно, так как первые произведения русских авторов в Маньчжурии появляются задолго до возникновения института эмиграции – с начала строительства КВЖД. Позднее в поэзии и прозе дальневосточного зарубежья, в речевых жанрах и воспоминаниях оплотнятся и утвердятся фундаментальные образы этого особого типа ментальности.

Во-первых, *образ пространства*, земного пространства, который может иметь разные характеристики: например, открытое – закрытое (замкнутое) пространство, тесное или обширное пространство и т. д. В произведениях писателей дальневосточного зарубежья это – открытое обширное пространство, зримым выражением которого является *тайга*. Таежный человек и его представления – это особый мир религиозных примет и верований, объединивший разнообразные традиции народов дальневосточного фронта. Суровые условия выживания в этих краях предопределили сакрализацию пространственных и временных координат маньчжурской тайги. «Таежные люди» и невольно там оказывающиеся путники, охотники, новопоселенцы движимы чувствами и потребностями, стирающими этническое своеобразие. Дальневосточная тайга не только ежедневно подтверждает многовековые сюжеты таежной мифологии, но и порождает новые религиозные опыты. Здесь сталкиваются разные вероучительные системы и категории святости. Несмотря на разность лингворелигиозных обозначений, в этой синкретической картине мира так или иначе присутствуют представления о *святом (священном), священном пространстве, священном времени, табу* и т. д.¹

Тайга в сознании таежников – *священное пространство* со всей вытекающей спецификой *религиозных феноменов*. *Рациональное* начало, определяемое потребностью выживания («таежная грамота»), неотделимо в сознании таежного жителя от *иррационального*: ужаса перед встречей с хищником – не просто свирепым кабаном, кровожадным медведем, а с самим Владыкой гор, Властелином леса – тигром; постоянной зависимости от случая; страха нарушить *табу* – неписаный «закон тайги».

¹ Забияко А.П. Святое, священное, сакральное // Религиоведение: Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 962–963; Его же. Священное время // Указ. изд. С. 964–966; Его же. Священное пространство // Указ. изд. С. 966–968; Красников А.Н. Табу // Указ. изд. С. 1027.

Тигр – животное воплощение Духа леса и гор. «Ван» и «Дэ» («Царь» и «Великий») – многосмысленные иероглифы, природой выведенные на лбу дальневосточного хищника. *Женьшень* – растительное воплощение Духа леса и гор. «Китайцы, японцы, корейцы, монголы, тунгусы, индокитайцы и туркестанцы имеют свой цикл легенд и сказаний о женьшене, и каждый из этих народов дает им свой национальный отпечаток и физиологию»¹. «Великому Вану» – «Господину леса и гор» – возведены таежные кумирни и служатся молебны охотников за женьшенем. Молитва эта приблизительно такова: «Великий дух, не уходи! Я пришел сюда с чистым сердцем, освободившийся от грехов и злых помышлений! Не уходи!»² После открытия девственных просторов Дальнего Востока и его природы женьшень обретает необыкновенную популярность и входит в массовое сознание не просто как панацея, но и как поистине чудесное растение³.

Шаманизм, мантика, промысловая и лечебная магия коренного населения (эвенков, удэгейцев, ульчей) постепенно интегрируются в православную религиозность новопоселенцев; китайские солдаты усваивают религиозные обычаи тунгусо-маньчжуров, справляют ритуалы в честь «горного духа»; напротив, среди коренных народов Амура была широко распространена духовная культура китайцев⁴. Подобные духовные

¹ Байков Н. Женьшень // Рубеж. Тихоокеанский альманах. 2004. № 5 (867). С. 209–223.

² Байков Н. За женьшенем // Байков Н. В дебрях Маньчжурии (Главы из книги) // Рубеж. Тихоокеанский альманах. 2003. № 4. С. 243–259.

³ Об этом, например: Арсеньева А. Арсеньев и женьшень // Арсеньева А. Мой муж – Володя Арсеньев. Воспоминания // Рубеж. Тихоокеанский альманах, 2006. № 6 (868). С. 295.

⁴ Анализируя, к примеру, религиозную практику дауров, Герстфельд увидел в ней «смешение конфуциевых и ламаистских обычаев с тунгусским шаманством». См.: Сербеев Н. Описание плавания по реке Амуру экспедиции генерал-губернатора Восточной Сибири в 1854 году // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества. СПб., 1857. Кн. 3. С. 41, 67; Герстфельд. О прибрежных жителях Амура // Вестник ИРГО. СПб., 1857. Кн. 4, ч. XII. С. 99, 321, 322). Цит. по: Аниховский С.Э. Изучение этнических и религиозных традиций китайского населения Дальнего Востока России русскими исследователями в 50–60 гг. XIX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Вып. 9. Благовещенск, 2010. С. 11–24.

процессы, протекающие на территории дальневосточных земель в XIX в., фиксировались российскими учеными (Н. Свербеевым, Г.М. Пермикиным, В.П. Васильевым, Герстфельдом и др.). *Священные места* – это различные возвышенности и хребты (шеи и хвосты Дракона), водоемы («Озеро чудовищ»), могущественные деревья («Господин Леса»), участки произрастания *женьшеня* – те особые локусы таежного пространства, где наиболее вероятно проявление лесного и горного Духа. Именно в этих местах чаще всего возводятся кумирни, отправляются священные ритуалы с использованием специальных предметов. Таким образом, *тигр, женьшень, священные места* тесно связаны между собой. Следуя логике мифологического сознания, этот синкретизм выражает подвижность сферы пребывания божества и его могущества¹.

Пространственная картина мира в модусе открытого и обширного пространства тайги, степи существенно отличается от модуса закрытого и тесного пространства города². Но даже образ *города* – Харбина – в харбинской литературе и мемуарах вбирает значения пространственной незамкнутости, обширности: Харбин – это особенный город, город посреди маньчжурских степей³.

Другой фундаментальный образ восприятия, формирующий картину мира, – это *образ времени*. В качестве образа времени, формирующего картину окружающего мира, литература дальневосточного зарубежья принимает время в модусе *вечности*. Посредством представлений об окружающем мире как модусе реальности, где время существует как вечность, описываются древний Китай, Маньчжурия, дальневосточная тайга, над которой время не властно (и даже Харбин – это мир, где ход времени остановлен)⁴. Для создания целостной картины мира важно еще одно измерение реальности – *движение*. В картине мира, которую создает литература дальневосточного

¹ Топоров В.Н. Имена // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 1. М., 1987. С. 508–510.

² Пехал З., Зырянов О. Н.В. Гоголь как художественный и культурно-исторический феномен. Олонец, 2015; Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.

³ Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009. С. 10–32.

⁴ Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. Указ. изд.

зарубежья, движение минимизируется и базисной характеристикой, идеальным модусом существования становится *покой*¹. В таком трехмерном измерении образ Китая, Северо-Восточного Китая, Маньчжурии – это образ открытого незамкнутого пространства, где время остановилось и царствует покой. Это – доминантный культурный стереотип восприятия и описания Китая. Это – образ *нестрашного Китая*. Не случайно во многих стихотворениях образ Китая и китайцев связан с уютным вкушением пищи, разнообразными гастрономическими впечатлениями лирических героев: образ еды как времяпровождения, гармонизации сознания, примирения с несправедливостью жизни – один из базовых в китайской картине мира, он благодарно заимствуется и истрепанными в изгнании русскими:

Над молочной рекою – шафранный закат,
Лижут воду огней языки,
У камней берегов, беспокоясь, лежат
Огневые на поле круги...
Раскатай, раскатай голубую лазурь,
Как лепешку в маньчжурской муке!
Загруженные стаи лениво ползут
По молочной и жирной реке...

(А. Ачаир. «Сунгари», 1929)²

Сижу с китайцами в *харчевнях*,
Ведя бесед несложных ряд,
И странной радостью напоен
Мой каждый в быт Китая взгляд!

(М. Спургот. «Сижу с китайцами
в харчевнях...», 1931)³

Не раз задумывался я
Уйти в глубокие края,
И в фанзе поселиться там,
Где часты переплеты рам;
Бумага в них, а не стекло,

¹ Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения: Сборник научных трудов, посвященных 60-летию проф. В.В. Агеносова. М., 2002. С. 271–285.

² Русская поэзия Китая: Антология. М., 2001. С. 76.

³ Спургот М. Желтая дама. Шанхай, 1931.

И кана под окном тепло.
На скользкую циновку сесть,
Свинину палочками есть,
И чаем горьким запивать;
Потом курить и рисовать...¹

(Б. Бета. «Маньчжурские ямбы», 1935;
курсив мой – А.З.)

Отчасти это – романтизированный образ, в котором многие черты «чужого» пространства, *чужбины*, минимизированы или преодолены, отчасти – «одомашненный». «Вообще удивительно это проникновение в глубины китайского духа!», – напишет о харбинской лирической ноте Ли Иннань². Такой образ, сконструированный писателями-эмигрантами «изнутри», существенно отличается от образа Китая, бытовавшего прежде в русской литературе и публицистике (И. Бичурин, К. Леонтьев, Вл. Соловьев).

Начало рефлексии дальневосточного фронта положено первыми произведениями писателей, приехавших в Северную Маньчжурию к началу строительства КВЖД, переживших боксерское восстание 1900–1901 гг., воевавших в русско-японской войне (Н.А. Байков и П.В. Шкуркин). Эти писатели-исследователи начали художественное освоение этнографии Северной Маньчжурии, девственного в ту пору края.

Первая мировая война станет не только переломным этапом в жизни России – точкой отсчета коренных изменений в ментальности русского человека. Война и ее окопная правда принесет новый опыт в сознание уже будущих эмигрантов. Многие из них протопают своими солдатскими сапогами по галицийским полям, карпатским лугам, узнают радость побед и горечь поражений – в рассказах и стихотворениях Арсения Несмелова, прозе Николая Байкова забытая война всплывет во всей своей зримой полноте.

И тем страшнее и горше будут впечатления бывших фронтовиков от страшных лет революции и Гражданской вой-

¹ *Русская поэзия Китая*. Указ. изд. С. 97.

² *Ли И*. Образ Китая в русской поэзии Харбина // *Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения: Сборник научных трудов, посвященных 60-летию проф. В.В. Агеносова*. М., 2002. С. 271–285.

ны – когда бывший однополчанин будет расстреливать своего друга, когда брат забудет брата, начнется всеобщее одичание – и белых, и красных. Родина вычеркнет имена своих героев из славного списка тех, кто бился за нее на полях предыдущих сражений. Об этом – пронзительная лирика Л. Ещина, рассказы и повести Я. Ловича, А. Несмелова, воспоминания и рассказы А. Хейдока.

А дальше начнутся скитания русских изгнанников по дорогам рассеяния. «Харбин-папа» примет тех, кому не найдется места в европейском зарубежье. Литература и публицистика дальневосточной эмиграции отразят все сложные процессы вживания русских в эту новую жизнь, все перипетии формирования новой эмигрантской ментальности от начала 20-х годов и до 1945 г., от «детей восемнадцатого года» (старшего поколения эмигрантов – А. Ачаира, А. Несмелова, М. Колосовой, Л. Ещина, Вс. Иванова, Я. Ловича и др.) до «молодняка» – юношей и девушек, никогда не видевших Россию (Н. Щеголева, В. Слободчикова, Н. Петереца, Л. Андерсен и др.).

В этих произведениях и публицистических текстах отразятся религиозные метания русских эмигрантов – от радикального обращения к истокам православия до теософии и даосизма (М. Колосова, А. Ачаир, А. Хейдок). Поиски этнических опор в инокультурном окружении создадут самые неожиданные сценарии литературного поведения (Л. Ещин и А. Несмелов). Национализм в его харбинском варианте даст вымороченные побеги фашизма в литературе и публицистике (А. Несмелов, Н. Байков). Размышления о будущем, попытка воспитать поколение, способное пронести через рассеяние, через страны и континенты свою русскую речь, свою русскость, обратят сознание художников слова к проблемам детства и «детского» (Е. Васильева, Б. Юльский, А. Несмелов).

Взгляд в глубь этой культуры, в историю ментальности дальневосточной эмиграции помогает нам ответить на современные вопросы: кто мы? Что такое русскость? Что значит для русского человека его представления о родине? Почему так, а не иначе мы ведем себя в чужой стране? Чем отличается русский европейской части России от дальневосточника? Почему так легко уживается русский рядом с китайцем, но столь раздражает он европейца? Почему так удивляем мы иностранцев

своей непредсказуемостью, когда наступает час самого трудного выбора? В чем стратегия сохранения и воспроизведения русскости? и т. д.

Эта книга – об этом. О русском человеке дальневосточного фронта и его ментальности, сформированной в условиях изгнания.

* * *

Автор выражает благодарность Государственному архиву РФ, Российской государственной библиотеке (и лично заведующей отделом литературы Русского зарубежья Наталье Васильевне Рыжак), Дому русского зарубежья им. А.И. Солженицына (и лично заместителю директора по библиотечной работе Татьяне Александровне Корольковой), Институту мировой литературы им. А.М. Горького (и лично старшему научному сотруднику отдела рукописей Ольге Феликсовне Кузнецовой), Российскому государственному историческому архиву Дальнего Востока (и лично главному специалисту читального зала Елене Михайловне Гончаровой), Хабаровскому краевому краеведческому музею им. Н.И. Гродекова (и лично старшему научному сотруднику сектора истории культуры и искусства Наталье Петровне Гребенюковой), Государственному архиву Хабаровского края и его сотрудникам, а также Владиславу Резвому – собирателю редчайших текстов и скрупулезному текстологу, добросовестному научному партнеру.

Своим долгом считаю поблагодарить всех своих коллег, русских и китайцев – студентов, магистрантов, аспирантов (участников научных семинаров и архивных/источниковедческих практик).

Отдельные слова благодарности уважаемым рецензентам: Владимиру Вениаминовичу Агеносову, моему научному наставнику¹, взыскательному старшему другу и доброжелательному критику – за всемерную поддержку; Галине Владимировне Эфендиевой, энтузиасту дальневосточной эмигрантологии, моему идейному единомышленнику – за готовность делиться разысканиями, за радость совместных открытий.

¹ Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996): М., 1998.

Сердечное спасибо моему мужу Андрею Павловичу Забияко за постоянную поддержку, надежное плечо, интеллектуальную щедрость и возможность говорить о науке в домашнем кругу.

Благодарю Российский научный фонд за оказанную финансовую поддержку в подготовке и издании этой книги.

Глава 1

«ЗДЕСЬ ДОМИНИРОВАЛ “ЗАКОН ТАЙГИ”»: ОБРАЗ МАНЬЧЖУРИИ НАЧАЛА XX в. В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

(Н. Байков и П. Шкуркин)

*У стен недвижного Китая,
В глуши степей, лесов и гор,
Где мчится Сунгари, играя,
Стремясь на волю и простор, –*

*Там, в тишине, готовясь к бою,
Дракону в каменную грудь
Россия мощною рукою
Вковала свой железный путь.*

* * *

*В низинах рек, в степях дремучих,
На высях гор, во тьме лесов,
Лишь бродит зверь тайги могучий,
Хунхуз и дикий зверолов.*

(Н.А. Байков)¹

Первые русские поселенцы появились в Маньчжурии в конце XIX–начале XX вв., после заключения в 1896 г. в Москве секретного российско-китайского договора о союзе и постройке КВЖД. Точнее – летом 1897 г., когда в эти края прибыли первые партии русских инженеров и рабочих. Что знало большинство русских людей о Маньчжурии до начала строительства дороги и масштабного освоения этого края? «Маньчжурия – дикая страна, покрытая дремучими лесами. Здесь растет знаменитый женьшень, водятся тигры и добывается трава для обуви – ула», – писали дореволюционные учебники².

Вместе со строителями в эти края прибыли войска Охранной стражи, призванные обеспечивать безопасность дороги в процессе постройки, охранять людей и имущество. После подавления боксерского восстания в 1901 г. вместо нее был сформирован Особый Заамурский военный округ³. Судя по хар-

¹ Байков Н.А. В горах и лесах Маньчжурии. СПб., 1914. С. 3.

² Байков Н.А. Записки замурца. Воспоминания // Россияне в Азии. 1997. № 4. Сделанная из этой травы обувь так и именовалась местными жителями – улы, обычная обувка зверовщиков и хунхузов.

³ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. С. 48–57.

бинской переписи 1903 г., в одной только столице КВЖД в те годы проживало 15579 русских подданных¹. Одним из славных офицеров-заамурцев, а затем – писателем-натуралистом и этнографом стал приехавший в Маньчжурию в 1902 г. Николай Аполлонович Байков [1872–1958]².

Одним из первых русских сочинителей Николай Аполлонович Байков обратился к художественной рефлексии природных, этнокультурных и социокультурных реалий Маньчжурии, ввел маньчжурскую тему в научный и литературный контекст русской культуры начала XX в.

Перед тем, как попасть в эти края, Байков получил военное образование, успел поработать в Санкт-Петербургском Зоологическом музее, послужил на Кавказе (1894 г. 16-й Мингрельский гренадерский полк), а в 1898 г. был переведен в 108-й Саратовский полк.

Он отправился в Северную Маньчжурию по настойчивому совету Н.М. Пржевальского³ и по протекции Д.И. Менделеева⁴. Н.М. Пржевальский подарил юному Байкову свою книгу «Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869» с дарственной надписью. Книгу писатель пронес через всю жизнь. Навсегда запомнил Байков напутствие Н.М. Пржевальского, повлиявшее не только на его натуралистические изыскания, но и на писательскую деятельность: «Если ты так любишь природу и охоту, – говорил Н.М. Пржевальский, – советую тебе после учебы отправиться на Дальний Восток. Дивный край! Прекрасная охота! *Тайга – что твои сельвасы Бразилии! Степи – пампасы Аргентины!* Такой природы нет даже у нас на Кавказе и Туркестане! Жаль, что мне не удалось побывать там вторично! Ты

¹ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. С. 139.

² Подробнее о творчестве Н.А. Байкова: Ким Р. Байков // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 2. М., 1999. С. 270–297; *Его же*. По белу свету (Николай Байков. Судьба и творчество) // Байков Н.А. Великий Ван: Повесть; Черный капитан: Роман. Владивосток, 2009. С. 5–52; Хисамутдинов А.А. В лесах Маньчжурии (К 125-летию Н.А. Байкова) // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 120–125; и др.

³ Байков Н. Заветы Пржевальского // Байков Н. Тайга шумит. Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. / собиратель оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен. Пекин, 2005. Т. 3. Соната над Хинганом. С. 81–85.

⁴ Байков Н.А. Воспоминания о Менделееве // Байков Н.А. У костра. Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. Указ. изд. Т. 3. Соната над Хинганом. С. 235–241.

интересуешься, убивал ли я тигров. К сожалению, нет. Много всякого зверя я стрелял, но тигров не удалось взять ни одного. *Это ты сделаешь за меня, когда будешь путешествовать по тайге Маньчжурии или Уссурийского края*¹ (курсив мой. – А.З.).

Будущий натуралист застал маньчжурскую тайгу и ее обитателей практически в первозданном виде, приграничную жизнь в укладе, не меняющемся на протяжении столетий: «Здесь была своя особенная жизнь, и сохранился древний быт, очень далекий и чуждый современной культуре и цивилизации. Здесь доминировал “Закон тайги”, жестокий с точки зрения обывательской морали, но рациональный и неизбежный. Властелином здесь был не человек, а дикий зверь, которому подчинялось все живое, не исключая и человека»² (курсив мой. – А.З.).

Уже начала свое эпохальное строительство КВЖД, но пространства вокруг магистрали менялись медленно, мощные миграционные потоки – с юга Китая и Дальнего Востока России – еще не захлестнули территорию дальневосточного порубежья. Однако границы между Россией и Китаем в эти годы были уже открыты, а развитие дороги стимулировало предприимчивых и витальных ловцов удачи по ту и эту сторону пограничной полосы.

Байков стал свидетелем этих исторических, социальных и этнокультурных процессов и одним из первых летописцев дальневосточного фронта – того особенного территориального, ментального и социокультурного пространства, в котором сплелись интересы и традиции аборигенного и пришлого населения Дальнего Востока³. Его перу принадлежат первые опыты научно-популярного и художественного анализа фронтальной ментальности и порождаемой ею фронтальной мифологии⁴. Деятельность Байкова в Маньчжурии протекала параллельно исследованиям Уссурийского края В.К. Арсеньевым – штудии ученых и произведения писателей взаимодопол-

¹ Байков Н.А. Заветы Пржевальского // Байков Н.А. У костра. Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. Т. 3. Соната над Хинганом. Указ. изд. С. 81–85.

² Байков Н.А. Дань Великому Вану // Австралиада. 2003. № 34. С. 43–45.

³ Забияко А.П. Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII–начала XX вв. // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009. С. 9–35.

⁴ Забияко А.А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. № 2. С. 154–170.

няют друг друга, хоть дальнейшие судьбы и научная карьера у Н.А. Байкова и В.К. Арсеньева сложатся по-разному¹.

До 1914 г. Н. Байков опубликовал 13 очерков о Маньчжурии². И хотя он сам утверждал, что исключительно литературным трудом стал заниматься в 30-е годы, – как подмечала харбинская журналистка Е. Сентянина, первые рассказы о Маньчжурии Байков напечатал еще в 1901 г.³

Первым крупным художественным опытом Н.А. Байкова стала книга «В горах и лесах Маньчжурии»⁴. Автор, открывший Маньчжурию для русского читателя, имел оглушительный успех по всей России, и через год книга была переиздана. Она включила разнящиеся в жанровом и художественном наполнении произведения, очевидно, собиравшиеся с самых первых дней пребывания Байкова в маньчжурских землях. Композиция книги обдумана натуралистом и этнографом, готовым стать писателем, – в самом начале расположены сугубо натуралистические очерки, уже печатавшиеся ранее: «Флора и фауна», «Зоография», «Зверовые собаки», «Добывание пантов», «Пресмыкающиеся и земноводные», «Змеи и их приручение». Затем идет часть очерков, сочетающих этнографический, натуралистический и художественный элементы: «За хунхузами», «Афанасенко» и др. Последнюю часть составляет этнографическая беллетристика: рассказы «Любовь хунхуза», «Заблудился», «Тигровые ночи», «Тайга шумит» и новеллы «Тайфун», «Страшная мечь», «Корень жизни» и т. д. Ученый деловито передает подробности жизни обитателей маньчжурской тайги, научные сведения об «объекте описания», а художник трансформирует эти заметки в поэтизированные зарисовки из охотничьего и военного быта, где мифология играет особую роль.

¹ *Забияко А.А.* Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 2014. С. 270–290; *Забияко А.А.* От научных изысканий к художественной этнографии: В.К. Арсеньев, П.В. Шкуркин, Н.А. Байков // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 242–283.

² Например: «Звероводство в Маньчжурии» (1903), «В Маньчжурии» (1904), «Фауна и флора» (1905), «Охота у горы Маоэршань» (1907), «По тигровым следам» (1907), «Змеи и их приручение» (1911) и др.

³ *Сентянина Е.* Харбинские писатели и поэты // Рубеж. 1940. № 24. Имеется в виду журнал «Нива».

⁴ *Байков Н.А.* В горах и лесах Маньчжурии. СПб., 1914.

Эта книга в полной мере продемонстрировала многообразный талант Байкова одновременно как исследователя (натуралиста, антрополога) и писателя, очертила тот круг тем, который он будет развивать всю свою творческую жизнь. В центре 400-страничного повествования – не столько натуралистические образы маньчжурской тайги, но, в первую очередь, живущий по Закону тайги человек дальневосточного пограничья (*фронтира*), его социокультурный, этнокультурный портрет и религиозные взгляды. Исторически проблемы адаптации в пространствах от Амура до морских границ, помноженные на необходимость фронтирных этнокультурных контактов, определили некоторые общие черты и коренные, неизменные различия в идейно-психологическом, этическом и религиозном облике пришлых насельников дальневосточных земель – будь то китаец, маньчжур, кореец, монгол (зверовщик, крестьянин, хунхуз) или русский, малоросс, татарин (солдат, офицер, охотник, тот же хунхуз). Байков имел опыт непосредственного общения и с теми, и с другими, и с третьими, составил о каждом этносе определенное мнение.

В те годы ни антропология, ни этнография еще не оформились как учения со своей методологией. Это был самый продуктивный период интуитивного накопления материала и его рефлексии учеными, осваивавшими жизнь, быт и традиции коренных народов Дальнего Востока (С.М. Широкогоров, В.К. Арсеньев, Н.А. Байков и др.).

Логика любых этнографических изысканий состоит в том, что познать *другой народ* можно только через *познание себя* как этнический тип. На Дальнем Востоке Байков познакомился с особенными представителями *русского населения*, способными не только выживать, а добиваться успеха в суровых географических, климатических и психологических условиях дальневосточного порубежья. На рискованные предприятия в дальневосточных землях решались, как правило, люди соответствующих моральных и психологических установок. Так, начиная с XVII в. совершенно особую группу русских составлял «слой населения, явно или неявно противопоставивший себя государству, – преступники, беглые авантюристы, ищущие воли крестьяне и прочий люд, пришедший на Амур “без царя в голове”». Характерно, что уже со времен похода Хабарова власть

выстраивала политику заселения Приамурья ссыльными...»¹. Такие люди должны были быть сугубо волевыми, пассионарными натурами. Немного позднее Байков напишет: «...полстолетия тому назад Восточная Сибирь представляла собой действительно “Далекую окраину” или “Дальний Восток”, как ее обыкновенно называли российские обыватели. Чтобы добратся до ее крайних восточных пределов, то есть до берегов Тихого Океана, надо было “скакать” десять тысяч верст через всю Сибирь, или “болтаться” по “морю-океану” сорок дней и сорок ночей! Обыкновенно тех, кто решался ехать в эти “гиблые места”, провожали, как на тот свет! И не даром, так как люди, забравшиеся на Дальний Восток, почти никогда не возвращались к себе на родину и, постепенно теряя с ней связь, становились “камчадалами”, то есть людьми со своей особенной психологией и мировоззрением»² (курсив мой. – А.З.).

Самые отчаянные либо самые витальные осваивались в приграничных условиях, привыкали к суровому климату, рожали детей, устанавливали связи с местным населением, перенимали его традиции и обычаи. Фронтирные особенности жизни накладывали отпечаток на поведенческие установки и дальнейшие культурные запросы.

За те годы, что прошли со времени приезда Байкова в Маньчжурию, этот край и его люди пережили множество испытаний: боксерское восстание 1900–1901 гг., русско-японскую войну; КВЖД была уже полностью отстроена и обеспечена финансовыми вливаниями, маньчжурская тайга активно осваивалась, более того – началась ее промышленная разработка. Книга создавалась в период после позорного поражения русской армии в русско-японской войне, остро переживаемого особенно на Дальнем Востоке, кроме того – в предчувствии новых военных катастроф. Поэтому взгляд Байкова на собственный народ, как правило, лишен негативных установок, более того – несколько возвышен и преувеличенно романтизирован. В авторской точке зрения сильно влияние романов Ф. Купера и Майн Рида, увлекавших в юности будущего писателя. Этно-

¹ *Забияко А.П.* Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII–начала XX вв. // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Указ. изд. С. 9–35.

² *Байков Н.А.* Ланцетупы // Байков Н.А. У костра. Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. Т. 3. Соната над Хинганом. Указ. изд. С. 170–174.

культурные пассажи писателя пропитаны «великоросской гордостью».

Так, портрет русского пограничника завершается характеристикой: *«Симпатичное чисто русское лицо его, обрамленное окладистой бородой, было сурово, но добродушное выражение глаз невольно располагало в его пользу. Это был опытный охотник, испытанный воин, выдавший всякие виды на своем веку; практический ум его вооружен был еще русскою сметкой»*¹. Опасные тропы по горам и лесам Маньчжурии пройдены Байковым плечо к плечу с солдатами-замурцами. Вот писатель описывает спящих бойцов, отправленных на поиски хунзузов: *«Солдаты храпели, пренебрегая всеми опасностями дикой маньчжурской тайги, как будто находились в мирной безмятежной обстановке своей деревни. Что это? Наивность? Невежество? Или сознательное презрение опасности, равносильное героизму? Ни то, ни другое, ни третье. Это врожденная беспечность русского человека, бессознательное чувство силы и мощи, присущее самонадеянной, даровитой натуре.*

Такова натура славянина, могучая, способная, увлекающаяся и пылкая.

С такими солдатами, думалось мне, можно завоевать мир, но надо уметь подойти к ним, понять их, увлечь, пробудив спящую энергию и дремлющую душу этих чудо-богатырей» («Хищники тайги». С. 489) (курсив мой. – А.З.).

Потому вполне логично обращение Байкова и к образам русских таежников: *«Большинство оставшихся в Маньчжурии занимается охотой; ради нее, ради привольной, полной тревог и опасностей жизни в диких горах и лесах, эти мирные хлебопашцы Рязанской, Калужской, Черниговской и других губерний внутренней России оставили свои поля и луга, бросили свои родные углы. Не умея ни стрелять, ни охотиться, эти безобидные земледельцы превратились в отличных стрелков, ловких и неустрашимых охотников-следопытов, напоминающих нам знакомые с детства образы и типы известных романов Купера и Густава Эмара. <...> К такому типу русских пионеров в Маньчжурии принадлежат знакомые уже читателю Афанасенко, Комаров, Кулешев, Диков и Лепешкин; с этими людьми можно*

¹ Байков Н.А. В горах и лесах Маньчжурии: очерки; Тигрица: повесть. Владивосток, 2011. С. 132. Далее цитаты из этой книги будут приведены по данному изданию с указанием страниц в тексте.

делать чудеса на поле брани, они не дрогнут и честно выполняют долг воина-солдата...» (С. 489) (курсив мой. – А.З.).

Именно в первой книге Байкова обозначатся те герои, чьи образы будут неизменно сопровождать его произведения: Бобошин («типичный таежный охотник, прекрасный следопыт и стрелок. Говорят, он знается с хунхузами, но это можно сказать про всех русских промышленников, в силу необходимости, соприкасающихся с лесными разбойниками») (С. 202); «простолюдин» Илья Барабаш, на которого автор смотрит, «любую могучей фигурой и сложением», а друг Веселовский характеризует: «Душа человек! Физически силен, как дьявол, и незлобив, как ребенок. Поверите ли, мухи не обидит, но в гневе сокрушит кого угодно. Надежный человек и хороший товарищ»; сам Веселовский, интеллигент, впоследствии станет героем русско-японской войны; Илья Залесов.

Особое место среди них занимает Дорошин, «наружности весьма замечательной»: «очень высокого роста (2 арш. 12 верш.), сухощавый, но широкий в кости, он обладал огромной физической силой. Большая голова на длинной жилистой шее, длинные руки и ноги и громоподобный голос производили импонирующее впечатление на маленьких тщедушных звероловов, в фанзах которых он жил иногда подолгу. Бороду он брил обломком перочинного ножа, носимого всегда в кармане кожаной куртки. Маленькие усы и коротко остриженные волосы на голове имели цвет копченой кожи. Широкое скуластое лицо, посредине которого торчал большой горбатый нос, было цвета неопределенного по той причине, что воду и мыло оно видело редко и весьма часто, если не постоянно, подвергалось различным внешним влияниям в виде дыма от костра, копти очагов китайских фанз и разнообразным резким переменам капризной маньчжурской погоды. Небольшие, но выразительные серые глаза смотрели всегда задорно и даже вызывающе, в гневе же сверкали дико, как у волка. По-видимому, ему было около сорока лет» (С. 367).

В тайге Дорошин жил месяцами, «жил там, кочуя по фанзам маньчжуров-звероловов; охотился и добывал пушнину, в то же время помогал, чем мог, своим желтолицым коллегам. Его любили китайцы и маньчжуры и (странно!) уважали его, – может быть, за его физические качества, может быть, за отсутствие в нем племенной гордости, – не знаю, только Дорошин, или “Мауза-Дорошка”, как его называют здесь китайцы, является

всегда самым дорогим и желанным гостем в глухой зверовой фанзе от Сунгари до границ Кореи» (С. 369).

Это – люди не только специфических навыков, позволяющих им выжить в тайге, но и необыкновенной силы духа, вызывающие восхищение и даже религиозное поклонение у хунхузов. «С хунхузами, как говорили, он жил дружно, т. е. они его не трогали, так как с него нечего было взять. Ходил он в тайгу всегда один и, как уверяли китайцы, не боялся никого и ничего, даже самого черта, которого был способен схватить за рога» (С. 368) (курсив мой. – А.З.).

Впоследствии в художественном мире Байкова образы Бобошина и Дорошина контаминируются и возникнет легендарный среди таежников образ Моуцзы¹ Бобошки («В дебрях Маньчжурии», «Тигрица»): «Хунхузы и таежники считали Бобошку сверхъестественным существом и преклонялись перед его ростом и физической силой, полагая, что эти качества не человеческого происхождения.

В самых отдаленных и глухих местах восточной Маньчжурии он пользовался почетом и гостеприимством, ему всегда были рады, так как, по мнению звероловов, приход его приносил удачу в промысле» (С. 370).

Байков разовьет мотив с Дорошиным-Бобошиным в любопытный сюжет деификации² синкретическим сознанием таежных обитателей образа реального русского таежника: «В одной из кумирен, на перевале хребта Лао-э-лина, над алтарем, где жгут курительные свечи, было изображение Бобошина в виде фантастического великана с головою тигра; иероглифическая надпись гласила следующее: “Моуцзы Бобошка. Повелитель тигров. Самый большой и могучий человек Шу-хая. Сердце и душа великана”.

Узнав об этом, Бобошин отправился на перевал, к кумирне, и сорвал свое изображение, ругаясь при этом нехорошими словами и отшлепываясь.

– Вот выдумали, черти! – гремел его бас под сводами вековых кедров. – Меня вместо бога повесили в своем капище! Добро бы было похоже! А то вместо головы какое-то чудище!

Но это не помогло: вскоре же изображение было возобновлено, не в одной, а в двух кумирнях на том же перевале» (с. 540) (курсив мой. – А.З.).

¹ Моуцзы (кит., просторечное) – волосатик, так китайцы до сих пор называют неазиатов, в основном – русских.

² Деификация (от лат. *Deus* – бог и *facere* – делать) – обожествление.

Позднее черты Бобошки и Дорошина унаследует и Алатаев – центральный персонаж повести «Черный капитан», герой, приводящий в священный трепет маньчжуров и китайцев¹.

Многообразие представителей русского населения дальневосточного фронта Байков познает одновременно с исследованием инокультурных типажей. Уже в первой книге он отметит социокультурные предпосылки формирования особого облика «китайского населения». Приехавший из столицы Байков стал свидетелем того, как с обратной стороны, из Китая и Маньчжурии, к низовьям Амура устремлялся в основном преступный элемент самых разных мастей. «С незапамятных времен сюда стекались из ближних и дальних мест любители легкой наживы, беглые китайские солдаты, хунхузы, преступники, ускользнувшие от продажного правосудия, и всякий сброд, в силу различных превратностей судьбы и беспросветной жизни потерявший образ и подобие Божие. Большинство, конечно, погибало здесь или от рук своих же звероподобных товарищей, или от руки дикого первобытного правосудия в лице выборного старшины, или от эпидемиологических болезней и неумеренного курения опиума» («Любовь хунхуза». С. 384)². Большая часть из них объединялась в хунхузские группировки³. Байков как командир своего Заамурского полка был вынужден спасать местных жителей от этих «подонков челове-

¹ Об этом: *Забияко А.А.* От научных изысканий к художественной этнографии: В.К. Арсеньев, П.В. Шкуркин, Н.А. Байков // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 242–283.

² Об этом же на материале архивных документов читайте статью: *Аниховский С.Э.* Изучение этнических и религиозных традиций китайского населения Дальнего Востока России русскими исследователями в 50–60 гг. XIX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Вып. 9. Благовещенск, 2010. С. 11–24.

³ *Хунхузы* – банды пришлых китайских налетчиков на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии, которые занимались грабежом, захватом в рабство и таким образом терроризировали местное население. Состояли в основном из беглых китайских солдат, крестьян, деклассированных и ссыльных. Действовали с XIX в. до победы народной революции в Китае. Название происходит от китайского «honghuzi» – «краснобородый». Любимым прибежищем хунхузов были непроходимые леса, где они жили в землянках, шалашах из ветвей, одиноких фанзах.

чества», «двуногих хищников»¹. Он сам неоднократно попадал в опасные переделки с хунхузами. Легендарная слава «победителя Вана» однажды спасла писателю жизнь: шайка хунхуза Ван-до (большого Вана), осадившая отряд замурцев, узнала о личности их командира и достойно ретировалась в горы («Записки замурца»)².

«Хищники тайги» – такое общее определение дает хунхузам Байков в одноименном рассказе, подчеркивая, что они – намного опаснее тигров. И потому, как только речь заходит об этих таежных знаменитых, писатель находит для них именно зооморфные аналогии. Например, терморморфные черты во внешности главаря хунхузской шайки, задумавшего убить русских охотников: «...выражение глаз его, хищное и вместе с тем отталкивающее, напоминало мне *дикий гипнотизирующий взгляд змеи*» (С. 303). «Встретившись» позднее с уже казненным хунхузом, чья голова висела, по китайскому обычаю, на шесте, рассказчик фиксирует свои «орнитоморфные» ощущения: «один глаз залит был черной запекшейся кровью, другой смотрел на меня в упор. Где-то я видел эти глаза? Помню это хищное лицо *свиного ястреба*» («Тайга шумит». С. 309). В рассказе «Любовь хунхуза» «*хитрость лисицы, кровожадность волка и многолетняя опытность*» становятся исчерпывающими характеристиками бывшего главаря хунхузской шайки Сун-ли-го, позволяющими ему, отошедшему от дел, пользоваться «еще среди таежных бродяг и хунхузов большим влиянием» (С. 387) (курсив мой. – А.З.).

В мирных же обстоятельствах, когда хунхузы не ищут для себя выгоды и не чувствуют опасности, русские охотники вместе с хунхузами едят из одной миски «наперехват» вкусные китайские пельмени, черпают одинаково грязными кружками из одного котелка чай. Русский охотник любит сноровкой хунхуза, наблюдая его в работе: «Тяжелый топор с длинной рукояткой быстро мелькал в могучих руках молодого китайца. Его гибкое, точно вылитое из упругой резины, тело то склонялось вперед, то откидывалось назад, длинные крепкие руки делали гигантские размахи, лезвие впивалось в мерзлую древесину и

¹ Байков Н.А. Записки замурца. Воспоминания // Россияне в Азии. 1997. № 4. С. 116–119.

² Ким Е. По белу свету. (Николай Байков. Судьба и творчество) // Байков Н.А. Великий Ван: Повесть; Черный капитан: Роман. Указ. изд. С. 36.

щепки летели во всю стороны. Я залюбовался этой фигурой; даже Комаров, относившийся к китайцам пренебрежительно, сказал: “Экий дьявол, прости Господи, здоров работать!”» (С. 103).

Волшебный мир тайги, в который был допущен охотник Байков как «свой», подарил ему встречи не только с хунхузами, но и с егерями и простыми зверовщиками, женьшеньщиками, золотодобытчиками, китайцами и маньчжурами, доживающими в убогих фанзах свои последние дни, с русскими сторожами, охраняющими оленные угодья крупных землевладельцев. Его лучшие герои – плоть от плоти жителей тайги, причастные к ее таинственной жизни, и это становится очевидным уже в первой книге. На страницах «В горах и лесах Маньчжурии» читатель знакомится с самыми разными таежными типами, которых можно определить словами: «Это тип старого таежного волка, лесного бродяги; дремучая тайга – его стихия, жизнь ее тесно связана с его жизнью» (С. 101).

Таков, например, старик-маньчжур, приотивший в своей фанзе рассказчика с его спутниками («По тигровым следам»): «Старик порядочно говорил по-русски, и мы начали беседу. Я расспрашивал его о житье-бытье, об охоте и т. п. Узнал я следующее: зовут его Тун-хо-сян. Родился он в этой фанзе. Родители его пришли из Нингуты, откуда бежали, преследуемые за долги. Отец занялся звероловством. Давно, очень давно это было. Пришли сюда китайские солдаты, отца убили, а мать увели, впрочем, он наверное не помнит, может быть, это были не солдаты, а хунхузы. <...> Всю свою жизнь человек этот провел в лесу. Горы и окружающая его безысходная тайга сделались его родиной. Он сжился с этой девственной природой, *ему ясна и понятна раскрытая ее книга, он изучил ее в свои долгие годы отшельнической жизни*» (С. 243) (курсив мой. – А.З.).

Другой «типичнейший таежный бродяга маньчжурских гор» – «китаец-зверолов» Тый-зан-чи – при внимательном рассмотрении и благодаря собственному признанию оказывается этническим монголом («Лянзалин»). Судьба Тый-зан-чи, поведанная им самим, органична для жителей фронта: морской промысел в Южно-Китайском море, затем – ловля жемчуга, морское пиратство после гибели отца, плен, тюрьма в Гонконге, каторга, побег в Японию, где он научился говорить по-русски, работа телохранителем у богатого англичанина, служба в

дворцовой страже в Пекине, побег в Монголию после убийства офицера, потеря всего имущества после нападения хунхузов и, наконец, обретение свободной жизни в Маньчжурии (С. 473).

Кореец Мун-Ким («По тигровым следам») оказался в Маньчжурии из-за преследования японцами, заподозрившими его в каком-то заговоре (в чем он, по всей видимости, был виновен, а потому говорил об этом неохотно). Мун-Ким, приютивший и накормивший русских охотников, отказывается от платы, «говоря, что корейцы всегда хорошо жили с русскими и что не следует платить за то, что не покупается и не продается» (С. 254).

Стоит обратить внимание на этнические маркировки Байкова: по отношению к таежным жителям он изначально употребляет общий этноним – «китайцы», но при ближайшем знакомстве обязательно подчеркивает их этническую принадлежность. Подобная особенность этнокультурной диффузии будет наблюдаться впоследствии и у других писателей русского Харбина (А. Несмелова, Б. Юльского, например)¹. Очевидно, что здесь проявляется интуитивное понимание русскими писателями ассимилирующего воздействия китайской культуры и китайской традиции для разных этносов дальневосточного фронта.

Ночуя в ветхих жилищах таежников, слушал писатель мифологические сказания о давних временах, наблюдал проявления их религиозных практик. В сознании этих вольных или невольных отшельников природа имеет антропоморфный характер, а люди – наоборот, обретают зооморфный. Байков подмечает особенности религиозного синкретизма в представлениях старого таежника, корейца Мун-Кима: «...в мировоззрении лесного жителя все люди походили на каких-нибудь зверей, добрых и недобрых, хитрых и простых» (японцы – «хищные волки» и «хитрые лисы», китайцы – «хитрые лисы» и «трусливые зайцы», русские – «медведи», корейцы – «олени», англичане – хитрые и опасные «красные обезьяны») (С. 252–253).

Те таежники, с которыми рассказчика сводит либо охота, либо государева служба, несмотря на их этническую принад-

¹ Об этом: *Забияко А.А.* Фронтирная идентичность от Вампу до Сунгари // *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта.* Указ. изд. С. 336–360.

лежность, гостеприимны, охотно общаются с русскими и бескорыстно помогают им, в чем выражается святое почитание ими Закона тайги. Молитва таежника – такой рефрен сопровождает все этнокультурные зарисовки этих таежных типов: «Старик-зверолов молился в своей кумирне, стоящей у опушки леса; по временам вспыхивали огоньки его курительных свечей; оканчивая одну молитву, он ударял палочкой по чугунному колоколу, висящему у алтаря, и густой металлический звук раздавался в тишине, замирая под сводами первобытного леса и в глубине горных ущелий.

О чем молился убогий старик? Что беспокоило его дряхлое отжившее сердце и уставшую душу? Древняя старая тайга, где родился и вырос этот лесной бродяга, хранит тайну его таинственной дикой жизни и сохранит тайну смерти его, тихой, одинокой, безмятежной» (курсив мой. – А.З.); «Долго молился суровый старик, ему внимала бессмертная великая природа; девственные горы и дремучий лес чутко прислушивались к монотонной песне чугунного колокола» (С. 100).

Писатель скрупулезно воссоздает обстановку, в которой отправляются религиозные культы. Кумирня в тайге – и непреходящий атрибут повседневной религиозной практики таежников, и постоянный объект внимания рассказчика. Это может быть кумирня по даосскому или конфуцианскому типу: «Кумирня находится на самом водоразделе и обращена к востоку.

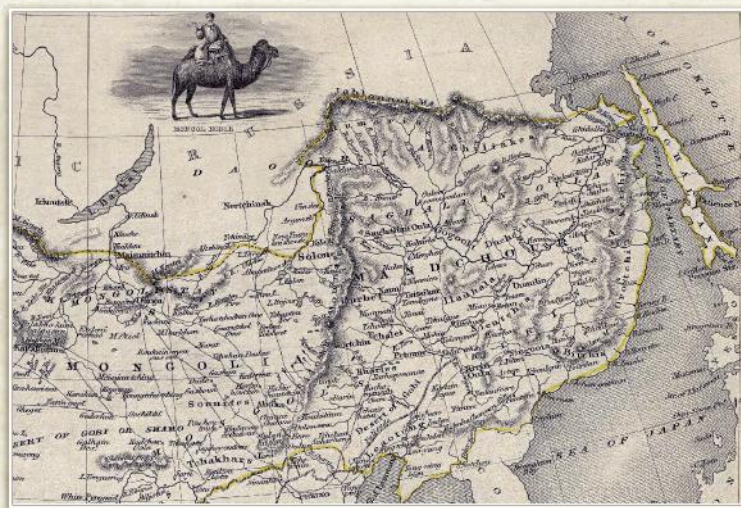
Старая кумирня три года тому назад сгорела, и звероловы построили новую, выкрасив ее красною масляною краской. Внутри нее на алтаре стоял жертвенник с курительными свечами, стены заклеены изображениями и изречениями из Конфуция.

Войдя в кумирню, старый зверолов опустился на колени перед жертвенником и начал молиться. *Мы стояли у входа, храня молчание, проникнутые чувством уважения к чужой горячей вере»* (курсив мой. – А.З.)(С. 475). Все кумирни располагаются, как правило, на перевалах и непременно под *священными деревьями* – «гигантским ильмом», «гигантским стволом кедра» («Любовь хунхуза»), «развесистым старым вязом» («Страшная месть») и т. д. При этом Байков фиксирует различие в устройстве кумирни обычных зверовщиков и хунхузов: одни таежные охотники поклоняются Конфуцию, другие – «коры-

«Еще места пустынные эти, работы только начались»:
Северная Маньчжурия начала XX в.

Ли Хунчжан.

Карта Маньчжурии и прилегающих к ней территорий до революции.

**«Еще места пустыньны эти, работы только начались»:
Северная Маньчжурия начала XX в.**

Корейские рабочие
на КВЖД.

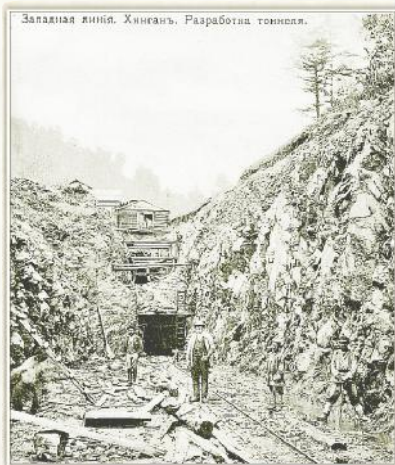

Китайские рабочие на КВЖД.

Домики русских рабочих на восточной линии КВЖД.

**«Еще места пустынные эти, работы только начались»:
Северная Маньчжурия начала XX в.**

Строительство тоннеля через Хинган.

КВЖД. Дорога через тайгу.

**«Еще места пустыньны эти, работы только начались»:
Северная Маньчжурия начала XX в.**

Охрана моста через р. Сунгари.

2-я рота Охранной стражи.

столубовому богу охоты и грабежа» (Гуан-ди)¹. Ему же молятся и «двуногие хищники» маньчжурских лесов: «Сколоченная из досок и покрытая кедровой корой, она производила жалкое впечатление. Внутри ее на обрубке дерева возвышалась уродливая фигура какого-то таинственного божества, с огромной головой, выпученными глазами и клыкообразными острыми зубами» («Любовь хунхуза». С. 394).

Этнографическим и одновременно – художественным контрапунктом описания одной из молитв таежника («Лянзалин») становится появление у алтаря, где молится монгол, двух ядовитых змей-щитомордников: «В это время я услышал какой-то странный звук, исходящий сверху. Он был знаком мне, я слышал его не раз в скалистых горах, когда потревоженная змея-халис угрожающе бьет своим хвостом с роговым наконечником и готовится броситься на нарушителя своего ленивого спокойствия». В китайской культуре змеи – существа в первую очередь вредоносные. Это шестой животный символ зодиака, символизирующий хитрость и вероломство, «но одновременно имеющий отношение к чувству благоговейного трепета и преклонения перед его предполагаемой сверхъестественной силой и родством с благожелательным драконом. Считается большой неудачей нанести вред змее, свившей гнездо под полом чьего-то дома; в то время как купить змею и освободить ее считается благим деянием, которое не останется без награды. Китайцы верят, что лесные духи, демоны и феи часто превращаются в змей. Буддийские священнослужители иногда дают приют змеям на территории своих храмов»². В тексте мы читаем: «Змеи эти живут в кумирне уже давно, и китайцы считают их священными. Еще ни разу они никого не укусили и вреда никому не принесли, кроме бурундуков и лесных мышей, которыми они кормятся около кумирни.

¹ Речь идет о *Гуань-ди* (Гуань-гуне, Гуан Юе) – в китайской народной мифологии и позднем официальном культе боге войны, а также военном боге богатства. Культ Гуань-ди был популярен и у маньчжуров, и у монголов. Особую магическую роль прорицателя приписывали Гуан-ди гадатели. Культ Гуан-ди как покровителя воинов был весьма популярен среди хунхузов (*Рифтин Б.Л.* Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия. М., 2007. С. 421–422).

² *Williams C.A.S.* Chinese symbolism and art motifs. Tokyo; Rutland; Singapore, 2006. P. 347–348.

Зимой старик их прячет в канах своей фанзы, весной опять приносит на Лянзалин, где они чувствуют себя великолепно, благосклонно принимая почет и поклонение проходящих хунгузов и звероловов» (курсив мой. – А.З.) (С. 476). Старик демонстрирует изумленным замурцам пасть ядовитой гадены. Как свидетельствуют археологические разыскания на севере Приамурья, еще во времена позднего палеолита на этих землях возникли петроглифические изображения «змееобразных существ» именно такого рода: «Характерная черта, которая прослеживается на изображениях Арбинской писаницы, – раскрытие пасти у животных, змееобразных, антропоморфных и зооморфных существ».¹ Подобные по стилю и сюжетам изображения А.П. Окладников и А.И. Мазин фиксировали на рисунках, обнаруженных около поселков Смирновка, Калиновка, Джалинда в долине Амура (около 3 т. л. назад). С.М. Широкогоров в фундаментальном труде «Психоментальный комплекс тунгусов» (1935) отмечал почитание духа змей в шаманских обрядах, которые составляли отдельную группу шаманских *вэчэку* (наряду с другими священными животными – тигром, леопардом, волком, лисой, собакой, лошадью, барсуком) у маньчжуров в начале XX в.² Религиоведческие интерпретации петроглифов, найденных в середине XX в. на территории российского Приамурья и в последние годы на территории Северо-Востока Китая, связывают культ змеи у древнего населения этих земель с культом Духа – властителя животного мира, бытующего у современных эвенков и других народов тунгусо-маньчжурской группы.³ Как видно, архаический культ был органично усвоен религиозным сознанием населения дальневосточного фронта, что породило особого рода фронтирную мифологию.

Одним из первых обращается Байков к проблеме социокультурных трансформаций в суровых условиях фронтальной реальности, когда в результате особого рода социальной организации жизни в тайге маргинализируются этнические и

¹ Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976. С. 103.

² *Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex of the Tungus. London, 1935. P. 153, 174.*

³ Аниховский С.Э., Забияко А.П., Воронкова Е.А., Кобызов Р.А., Забияко А.А. Эвенки Приамурья: Оленяя тропа истории и культуры. Благовещенск, 2012. С. 160–161.

религиозные установки тех или иных народов. Глаз ученого подмечает и положительные, и отрицательные стороны этих процессов¹. В этой парадигме образов особое место занимает Тун-ли, впоследствии ставший главным героем «Великого Вана». В «Горах и лесах Маньчжурии» Тун-ли появится в очерке «Лесные трапперы»². «Давно я познакомился с Тун-ли. Это – тип старого лесного бродяги, таежника, сроднившегося с суровой жизнью в диких лесах. На вид ему нельзя было дать больше пятидесяти лет, но на самом деле он насчитывал шестьдесят. Высокого роста, сутуловатый, плотного сложения, ловкий и сухой, он производил впечатление молодого, здорового человека». И, хотя повадки и манера поведения Тун-ли ничем не отличаются от предшествующих образов «инородцев», рассказчик сразу отмечает: «Голова его и в особенности лицо мало имели общего с чертами маньчжура. Длинная черная коса отливала серебром так же, как и густые, повисшие вниз усы. Седые брови свешивались, как кусты, над глубокими глазными впадинами, откуда смотрели черные суровые глаза. Жизнь, полная лишений, наложила на весь облик его свой отпечаток». Вывод напрашивается еще до признания самого Тун-ли: «Все в нем изобличало представителя арийской, но не монгольской расы: стройная высокая фигура, правильный профиль лица, наконец, эта поэтически-восторженная натура, чуждая суетного материализма монгольского племени».

Таежник решает поведать о себе сам: «Вы хотите знать, кто я? Вы не верите, что я манза³? Да, я не манза, я русский, такой же, как и вы, и кровь в жилах моих течет русская. Родился я в Благовещенске, где отец мой (по происхождению татарский казак, мы переселенцы) вел меховую торговлю» (С. 353) (курсив мой. – А.З.). Судьба Тун-ли типична для многих судеб фронтирных жителей: за убийство парень с русским тогда еще именем был осужден на каторжные работы и через два года бежал в Китай, благо, он знал китайский язык; там женился на китаянке, ро-

¹ Об этом более подробно: *Забияко А.А.* Религиозные традиции дальневосточного фронта в публикациях Н.А. Байкова 1901–1914 гг. // *Религиоведение.* 2015. № 1. С. 260–274.

² *Траппер* (англ. trap – «ловушка») – охотник на пушных зверей в Северной Америке. В словоупотреблении Байкова – явное влияние романов Купера и Майн Рида.

³ *Манза* – специфическое именование русскими китайцев и маньчжуров на территории Приморья и Уссурийского края до революции.

дил с нею двоих детей (один из которых признавал себя русским, а другой – китайцем). В сознании Тун-ли нераздельно сосуществуют и православие, и даосизм, и древний анимизм, и антропоморфизм. Тун-ли живет и ждет, когда «Бог приберет». Глядя на падающую звезду, размышляет: «Что это? – произнес он. – Китайцы говорят, что это душа человека несется в другой мир, где нет материи, но есть только мысль, воля! Вот вы любите тайгу, – продолжал старик, – любите эти сопки, ручьи потому, что все это дает вам отдых и посылает мир в ваши души, уставшие жить и страдать. <...> Душа человека стремится на лоно матери своей, природы, все равно как растение, поставленное в комнате, стремится к свету и протягивает свои бледные, ослабевшие ветви к тусклому стеклу маленького оконца. Все уставшие душевно, униженные и оскорбленные, немощные духом и телом пусть приходят сюда искать утешения от матери-природы! Она даст им новые силы, волеет в души их мир и благодать, обновит тело, изнуренное в непосильной борьбе и отравленное ядами современной культуры. Природа не мачеха: она напоит жаждущего, накормит голодающего, утешит страждущего и даст надежду безнадежному..., – так проповедовал старый зверолов Тун-ли. Мы внимали ему, прислушиваясь к далекому реву изюбров и тихому рокоту тайги» (С. 354–355).

Другой тип этносоциального и этнокультурного маргинала дальневосточного фронта представляет *русский, обретающийся в стане хунхузов*: «Это был один из типов, часто встречающихся теперь в Маньчжурии. Спасаясь от справедливой кары закона, люди эти бегут к хунхузам и предлагают им свои услуги. Не имея ничего святого на земле, не веря ни в добро, ни в зло, руководясь исключительно злою преступною волей, они иногда бывают полезны хунхузам в сношениях с русскими, но, надо отдать справедливость китайским разбойникам, они ненавидят их не только как представителей белой расы, но и как людей, способных на всякое гнусное и позорное дело ради наживы. Не доверяя им, китайцы их только терпят, когда видят в них хотя малейшую пользу для себя, и при удобном случае убивают. Несмотря на низкую степень нравственности, хунхузы стоят выше этих подонков культурного общества» (С. 388) (курсив мой. – А.З.). Именно ему поручает хунхуз Ван-Фа-тин кражу маленького мальчика – сына русской женщины, расположения которой он решил добиться любой ценой. Мальчик доверчиво уходит с

русским. И именно потому совершается впоследствии вся цепь тяжелых преступлений, в числе которых и смерть этого пария Ивана, и гибель невинного мальчугана.

Однако, сколь бы гнусными ни выглядели поступки русского хунхуза, согласившегося на сделку и укравшего мальчика, *непостижимый* для представителей инокультуры *русский характер* дает о себе знать. Русский хунхуз успел привязаться к несчастному ребенку, забота о нем вытеснила все корыстные чувства. Писатель испытывает русского и китайца в ситуации, связанной с соблазном получить выкуп за украденного ребенка. Он выделяет коренные различия русской и китайской ментальности: «Зверолов предполагал, что Иван, услышав о большой денежной награде за ребенка, изменил первоначальному плану и сам захотел получить эту награду, не зная, конечно, что Ивану совершенно было неизвестно об обещанной награде. У китайца и в мыслях не могло быть предположения, что Иваном в данном случае руководило сердце, простое, бесхитрое сердце русского человека. Для китайца совершенно непонятны некоторые движения души человеческой, как то: великодушие, самопожертвование и бескорыстие, свойственные в высокой степени представителям арийской расы. У монгольских народов свое мировоззрение, своя специфическая нравственная этика, не поддающаяся поверхностному анализу европейца и совершенно ему непонятная.

Материалистический взгляд на все окружающее, благодаря физиологическим особенностям и окружающей обстановке, отчасти под влиянием учения Конфуция, выработался у этого народа веками и создал особую нацию, стойкую и крепкую, но чуждую поэзии и ярких колоритных красок» (С. 422) (курсив мой. – А.З.). Писатель подмечает особенное влияние конфуцианства на морально-этическую систему китайцев. Китаец-зверолов убивает русского хунхуза (обдуманно и деловито, топором отсекая тому голову), а потом справляет молитву: «Подойдя к божнице, устроенной вблизи фанзы под гигантским стволом кедра, зверолов поставил на алтаре перед изображением *Конфуция* две курительные ароматные свечи, зажег их спичками, вынутыми из кармана брюк Ивана, стал на колени и начал молиться:

– Благодарю тебя, всевышний, могучий *Лао-цзы*, что помог мне, бедному зверолову, уничтожить одного белого дьявола и отобрать у него дитя, за которое ты мне еще раз поможешь взять много, много русских денег. Благодарю и тебя, *грозный дух*

гор и лесов, не оставляющий меня, слабого и несчастного китайца, своими милостями. Пусть будет то, что должно быть! То, что написано кровью в книге судеб, исполнится! – произнеся эти слова, китаец встал и, ударив деревянным молоточком по чугунному колоколу, висевшему над крышей божницы, вышел из-под навеса и скрылся в дверях фанзы.

Металлический звук колокола глухо зарокотал и, вибрируя на одной басовой ноте, замер в далеких тайниках дремучего леса. Ему ответил с вершины кедра филин-пугач, и хохот его, напоминавший человеческий, раздался внезапно в тишине ночной, встревожив далекое горное эхо» (С. 324–325) (курсив мой. – А.З.).

Смешав в одном тексте Конфуция, Лао Цзы и Духа Гор и Лесов, автор вовсе не ошибся, – именно в таком синкретическом единстве и существовали в сознании китайца-таежника эти великие духовные наставники и духи природы, как исторически в китайской религиозной картине мира уживаются буддизм, даосизм, конфуцианство и местные верования.

Филин хохочет в ответ на молитву убийцы – тот убил не соплеменника, а «белого дьявола», и духи природы соучаствуют в преступлении.

Незнание чужих устоев и, пусть невольное, небрежение ими способно обернуться трагедией в условиях тесных контактов столь разных этносов. Весьма кратко и в то же время емко определяет русский инженер характер китайца-хунхуза: «Ты не знаешь натуру китайца! Это упорная, настойчивая и дикая натура! Шутить с нею нельзя!»¹. В новелле «Любовь хунхуза» самонадеянность русской женщины, столкнувшейся с представителем совсем непонятного ей типа людей – хунхузом Ван-Фатином, оборачивается гибелью ее невинного сынишки.

Завершит более чем 400-страничный труд Байкова оригинальный авантюрный рассказ «Корень жизни». Тема чудодейственного корня *женьшеня* реализуется в книге Н.А. Байкова в разных дискурсивных воплощениях. В натуралистическом очерке «Звероловство» «джен-шеню» будет посвящено всего два абзаца, даны его разные именованья на маньчжурском и китайском языках, научное определение, подробно описан внешний вид, условия произрастания: «Растение это любит черноземную почву, не выносит жгучих солнечных лучей и

¹ Байков Н.А. Любовь хунхуза. Указ. изд. С. 400.

растет исключительно в глубоких, темных и сырых падах, в тени непроницаемых густых зарослей (и т. д.)» (С. 57).

В финальном рассказе в полной мере будет реализована мифологическая сюжетика, присущая женьшеню в сознании фронтирных жителей. Первые строки рассказа погружают читателя в мир маньчжурской тайги, увиденной глазами поэтически настроенного автора: «Тихо в лесу. Не шелхнет ветерок в ветвях могучих кедров и лиственниц, не прокричит зверь, не пролетит птица. <...>

Под сводами дремучего леса вечно царит полумрак, даже летом, в яркий полдень здесь темно и сыро, как в погребке. <...>

С сухих заглохших ветвей деревьев и толстых стволов старых елей свешиваются седые бороды нитевидных мхов, напоминая видом своим отжившие волосы павших здесь богатырей» (С. 501). Завязка рассказа – нахождение корня двумя женьшеньщиками, стариком Лу-фан-бинем и его племянником Ван-лисаном: «Войдя в шалаш и сбросив с плеча кожаную сумку, старик проговорил, обращаясь к молодому товарищу, разжигавшему огонь в очаге:

– Сегодня нам с тобой повезло! Хороший корешок нашли! Вот уже три года, как я не находил такого! Тяжелый! И видом совсем как человек! За него мы выручим большие деньги! Надо только его поскорее спрятать, а то как раз нащупают хунхузы и отнимут! – с этими словами он вынул из сумки небольшой корешок растения, величиной около четверти» (С. 502).

Повествовательная стратегия рассказа органично вписывается в расхожую для тех лет беллетристическую форму «личного рассказчика». Этим субъект повествования сразу выдает в себе натуралистические навыки. Натуралистическое описание сопровождается преамбулой: «Пока оба китайца будут заняты хозяйственными делами, мне, может быть, удастся вкратце изложить все то, что известно нам, европейцам, о драгоценном “корне жизни” и его добывании в драгоценных диких лесах Маньчжурии» (С. 503).

Далее следует подробное наукообразное описание женьшеня, даются его названия на китайском, маньчжурском и японском языках, указываются места произрастания, перечисляются трудности промысла, целебные свойства «корешка». Отдельный абзац посвящен женьшеньщикам: «Опытный глаз по внешности сразу отличит искателя женьшеня в пестрой тол-

пе маньчжуров и китайцев. Сухой, тренированный в ходьбе по горам, крепкий и жилистый, с суровым обветренным лицом, сутулый, одетый в синий оборванный костюм и остроконечную шапку, с берестяной котомкой за плечами и железной лопаточкой за широким поясом, – он заметно выделяется среди пестрой восточной толпы» (С. 508).

Однако натуралист лишь ненадолго внедряется в повествование, которое далее развивается по законам авантюрного жанра. В центре повествования – судьба корня, сюжет движется реализацией мифологических представлений о нем. В качестве завязки поведена устами старого женьшеньщика одна из мифологем, связанных с почитанием корня: «Первый корень продавать нельзя, <...> иначе это будет первый и последний! Такова примета! Свой первый корень по обычаю я сжег и пеплом его посыпал алтарь кумирни, стоявший тогда на большом перевале Чань-Бо-Шаня» (С. 511).

Но уже по пути к «цветущему» женьшеню унесен будет тигром юный Ван-ли-сан: «Струсил мальчишка и не пошел за мной! Великий дух разгневался и пожрал его, а цветок превратился в гнилой пень!», – решает для себя Лу-фан-бинь (С. 514). Сам же он схвачен хунхузами и умирает от пыток, так и не раскрыв место хранения корней – большого и поменьше. Хунхузов, наконец, нашедших корни, трое. Один в результате убит подельниками, так как хотел сбежать с добычей, из оставшихся двоих один, предводитель Ван-до (этот одиозный персонаж, имеющий реального прототипа, появится и в других произведениях Байкова), убивает второго подельника и отправляется с драгоценными корнями в Посыет. По дороге во Владивосток его джонка не справляется с бурей. Ван-до гибнет, а тело хунхуза и спрятанные в одежде корешки волны выбрасывают на берег, где они оказываются найдены семьей бедного корейца.

Финал рассказа символически умиротворяющ – корень достается тем, кто чист душой: «Тихая летняя ночь плыла над уснувшей землей. Темное море, медленно колыхаясь в своем необъятном ложе, рокотало, и волны одна за другой набегали на плоский берег. Бледный серп месяца всплыл из-за неясных морских далей и бросил серебряный столб лучей своих на выпуклую грудь океана.

В одиноком океане рыболовной фанзы светился красноватый огонь.

Счастливая семья бедного корейца сидела, поджав ноги, вокруг низкого стола, уставленного чашками, блюдами и кушаньями. Из тонкого горлышка глиняного кувшина хозяин и хозяйка наливали подогретую китайскую водку и пили из маленьких, величиной с наперсток, чашечек.

Всем было весело. Даже дети участвовали в семейной радости, пили из рук матери сладкий теплый напиток, смеялись, кричали и угощали остатками еды своего любимца, остроухого пса, сидевшего возле них на задних лапах» (С. 527).

Песней счастливого корейца заканчивается повествование о корне жизни и заканчивается книга «В горах и лесах Маньчжурии».

«Корень жизни» не случайно завершит многостраничный труд Байкова о Маньчжурии. Тигр, женьшень, священные места – мифологический комплекс, так или иначе развиваемый в каждом очерке и рассказе этой книги, определяющий непреложный Закон тайги. Знание этого закона и уважение к чужим традициям особым образом обеспечивают адаптационные способности жителей фронта в суровых условиях, успешность/неуспешность их этнокультурных и этнорелигиозных контактов.

Весьма характерна точка зрения Байкова: почти во всех повествованиях, когда речь заходила об этнических китайцах-таежниках, он подчеркивал их недоверчивое и неискреннее отношение к русским, оборачивающееся при удобном случае вредоносными действиями. В рассказе «Русские трапперы» Байков заметит: «...китайцев не поймешь, говорят они правду или нет, чистосердечны они или нет. Народ этот в высшей степени скрытный и лукавый, и доверяться им рискованно. Вероломство и хитрость они считают такими же добродетелями, как мы – правдивость и верность» (С. 366). В финальном рассказе он «расставит все точки над “и”», когда поместит весьма пространное «признание» китайца-женьшеньщика в его отношении к «белолицым дьяволам», признание, неотделимое от мифологии женьшеня – аппелятива Духа Леса и Гор, символа дракона. Женьшеньщик внушает своему племяннику легендарное понимание исторических процессов: «В те времена дракон просыпался редко, один раз в три года, теперь же все чаще слышится его рев, и скоро уже, как говорят, он встанет и пожрет всех белых дьяволов, пришедших к нам издалека ради наживы <...> Пока не было у нас этих варваров, китайцы жили

мирно и тихо по заветам старины, соблюдали законы, чтили своих предков и были честны; теперь же забывают все это, и белые дьяволы радуются, разрушая нашу святую старину, нашу могучую Поднебесную Империю! Из корыстных целей они научили нас военному делу, продают нам пушки и ружья, но горе им, ослепленным жаждой наживы! Скоро, скоро уже наш великий желтый дракон стряхнет с себя долгий сон, выйдет из-под земли, откроет свою страшную пасть и поглотит всех врагов наших, тогда опять настанет в Китае мир и тишина, вспомнит народ наш забытые заветы предков и великих учителей своих, и слава Поднебесной Империи разольется по всей земле! Погибнут враги наши с их хитроумными выдумками, с их дьявольскою наукою! Конечно, мне уже не дожить до этого времени! Но ты, может быть, увидишь под старость великие события, и тебя коснется могучим крылом своим Великий Дракон непобедимых, бесчисленных полчищ Срединного Государства! Теперь еще не время проснуться! Пусть белолицые дьяволы рвут его могучее тело, терзают его тяжелые члены! Тем скорее и внезапнее будет его пробуждение, тем гибельнее для них его страшный гнев! – так пророчествовал старый таежник, сидя у костерка, вперив в пламя его свои глаза, полные экстаза и непримиримого фанатизма. Молодой китаец лежал около него, затаив дыхание и слушая вещие слова старого лесного бродяги» (С. 511).

Автор не дает этим словам никаких оценочных комментариев, а старика-женишеньчика определяет знакомым выражением «старый лесной бродяга», унаследованным от кумира Пржевальского и относимым к любимым героям-таежникам. Очевидно, что Байков, имеющий долгий и многообразный опыт общения с простым населением, не сильно исказил расхожую точку зрения простых китайцев на русское присутствие в Маньчжурии – он лишь облек ее в художественно-экспрессивную форму. Этот пассаж в финальном рассказе книги – предупреждение русского ученого, офицера, писателя-патриота русскому читателю. Оно основано на уроках, вынесенных участником русско-японской войны, в преддверии новых эпохальных событий. В нем – не столько пророческие угрозы, зреющие для России на Северо-Востоке Китая (которые отчасти оправдались в XX столетии), сколько авторский посыл быть внимательными к великой культуре великого народа, чьи дети мыслят себя потомками дракона.

Иной тип писателя-исследователя, в начале XX века проложившего дорогу художественному освоению ментальности дальневосточного фронта, представлял Павел Васильевич Шкуркин [1868–1943]¹.

Его поначалу профессиональный, затем образовательный, научный и, наконец, художественный рост определили интерес и любовь к Китаю, китайскому языку, китайской культуре и китайскому национальному характеру. Эта психологическая установка сформировала определенный модус научной и затем художественной рефлексии им инокультуры.

П.В. Шкуркин сам выучил китайский язык – вначале в процессе живого общения, затем осознанно в стенах Восточного института г. Владивостока, закрепив все это в долгих путешествиях по Китаю. Во время летних каникул он не только совершал научные поездки в Китай, но и сам работал у китайцев – это «позволяло ему на практике оттачивать языковые навыки, а вместе с тем и познавать быт китайского народа»². Говоривший свободно по-китайски, он изучил традицию, литературу, быт и нравы самых разных социальных слоев Поднебесной досконально – об этом свидетельствует тематический диапазон его публикаций³.

У Шкуркина был богатый жизненный опыт и большой багаж путешествий по дальневосточным границам по разные стороны – начиная со службы приставом в Приморье, помощником полицмейстера во Владивостоке и заканчивая препо-

¹ Забияко А.А. Синолог и этнограф П.В. Шкуркин: образ хунхузов и хунхузничества в контексте социокультурных трансформаций и межцивилизационных контактов на Северо-Востоке Китая в XIX–XX вв. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11. Указ. изд. С. 188–199.

² Хисамутдинов А.А. Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколобов» // Известия Восточного института. 1996. № 3. С. 150–160.

³ Шкуркин П.В. По Востоку. Харбин, 1912; тип. КВЖД, 1916; *Его же*. Официальный отчет по Гириньской провинции за 34-й год Гуан-суй (1908). Изд-во Штаба Приамурского округа, 1913; *Его же*. Японо-китайский конфликт (Доклад в ОРО [Обществе русских ориенталистов]) // Вестник Азии. 1915. № 34. С. 170–192; *Его же*. Исторические таблицы Китая в красках. Харбин, 1917; *Его же*. Справочник по истории Китая. Харбин, 1918; *Его же*. Китайские легенды. Харбин, 1921; и др.

давательской и писательской работой в Маньчжурии (говоря, конечно, только о китайском периоде)¹. Тому всемерно способствовали профессиональные интересы офицера-разведчика, обязанного разбираться в китайской военной тактике и стратегии, повседневных привычках китайцев. И, кроме того, опыт полевого офицера, зачастую бок о бок воевавшего вместе с китайцами – против японцев, либо с китайцами – против маньчжурских хунхузов. Вот что писала по этому поводу харбинская газета «Заря»: «При объяснении с бандитами г. Шкуркин проявил полное спокойствие, назвал себя, перечислил ряд имен бывших его учеников, объяснил свои цели и даже показал свою визитную карточку, сказав, что за 38 лет своей работы в Китае он подобного разбойного безобразия не видел. Хладнокровие обескуражило бандитов, а затянувшийся диалог свидетельствовал о воцарявшемся мире. Заметив растерянность разбойников, Шкуркин предложил сфотографировать их, что и выполнил Полумордвинов, запечатлевший на пленке товарища председателя историко-этнографической секции в компании двух разбойников...»².

Сильный, волевой характер П.В. Шкуркина, сложившийся благодаря семейной генетике и воспитанию, а также необходимости адаптироваться в суровых условиях дальневосточного фронта, сказался не только в его решительных поступках и мужественном поведении. По призванию Шкуркин был настоящим ученым – он глубоко погрузился в историю Китая и его литературную и фольклорную традицию. С самого начала своих вояжей вдоль приграничных земель, а затем в качестве сотрудника Общества изучения Маньчжурского края он собирал фольклорные материалы – корейские, китайские легенды и сказки, мифологические рассказы, неотделимые от истории Китая. Как указывает А.А. Хисамутдинов, «вместе с известным востоковедом А.М. Барановым П.В. Шкуркин составил первую карту исторических периодов Маньчжурии. Ее достоинством являлось то, что она была основана на результатах последних археологических раскопок, которые вели члены Общества изучения Маньчжурского края. Этот труд так и не был опубликован и до недавнего времени хранился в музее Хэйлунцзянской

¹ Хисамутдинов А.А. Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбив». Указ. изд. С. 150-160.

² <Б.п.> Научная экскурсия с приключением // Заря. 1926. 21 авг.

провинции. Помимо этого, совместно с харбинским издателем М. Зайцевым Шкуркин напечатал карту Китая (1926–1927). Для читателей она была удобна в использовании, так как содержала большой индекс имен – на 21 странице¹.

Очевидно, П.В. Шкуркин был прекрасным дипломатом и недурным человеком, потому умел налаживать личные контакты с китайским и маньчжурским населением, даже – с хунхузами. Его этнографические наблюдения за жителями Маньчжурии содержат ценнейшие с точки зрения науки сведения, проникнуты искренним интересом и симпатией по отношению к отдельному человеку – не просто представителю инокультуры, но проживающему бок о бок с русскими на территориях дальневосточного фронта. Иногда такой человек поступает неожиданно для русского восприятия, но зачастую при этом он заставляет своими поступками посмотреть русских на мир с иной этнической точки зрения, осознать иную правду.

Для начала Шкуркин пробует себя в этнографических очерках. Первым опытом становится «Город Хуланьчэн. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии»² (1904). Сегодняшнему читателю дана возможность оценить всю значимость материала, зафиксированного П.В. Шкуркиным: практически все реалии, в нем отраженные, уже относятся к истории Северо-Востока Китая, начиная с названия города «Хуланьчэн» и заканчивая бытом и традициями этнических маньчжуров³.

Затем были написаны очерки «По Востоку» (1906), опубликованные только в 1913 г.⁴ В центре «путевых очерков» – экспедиция внутри Китая вверх по реке Янцзы. Вместе со своими спутниками автобиографический герой посещает поселения и города Китая – не самые развитые и передовые. Постоянным рефреном «очерков» становятся параллели, проводимые автором между Китаем, Европой, Россией.

¹ *Хисалмудинов А.А.* Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбов». Указ. изд.

² *Шкуркин П.В.* Город Хуланьчэн. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии. Никольск-Уссурийский, 1904. 94 с.

³ С фрагментами текста очерков читатель может познакомиться в публикации: *Дябкин И.А.* Китай глазами этнографа: П.В. Шкуркин и его «Город Хуланьчэн» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11. 2015. С. 329–339.

⁴ *Шкуркин П.В.* По Востоку // Записки Приамурского отдела Императорского Общества востоковедения. Хабаровск, 1913. Вып. 11.

В предисловии он напишет: «События последнего времени в корне потрясли многие из древних устоев древнейшего в мире государства и невольно возбудили жгучий интерес в европейских, так или иначе связанных с Востоком. Вот почему, не доверяя тенденциозным сообщениям дальневосточной прессы, я в 1906 году предпринял поездку по наиболее интересовавшему меня Восточному Китаю. Предлагаемые очерки – выдержки из путевого дневника, дополненные кое-где выдержками из малоизвестных или необнародованных китайских и английских источников. Заметки эти нарочно не систематизированы, а остались в форме дневника, чтобы читатель мог следить за путешественником и одновременно с автором получать впечатления от роскошной, вечно юной, цветущей природы Востока и от дряхлой, на наш взгляд, но такой же жизненной, как и природа, культуры Китая»¹.

Герои, на которых сосредоточено авторское внимание, – простые китайцы: бедняки, монахи, военные. Это социальные слои, изображение которых будет преобладать в этнографических сборниках Шкуркина. Они – носители культуры, еще практически не столкнувшейся с европейским влиянием. По мысли Шкуркина, именно в этих слоях жителей Китая зародилось такое уникальное явление как хунхузничество.

Затем появятся художественные переводы китайских и корейских легенд², сопровождаемые глубокими этнокультурными заметками: «Нужно всегда иметь в виду еще то обстоятельство, что китайские сказки в огромном большинстве случаев вовсе не являются плодом личного вымысла их авторов. Китайская сказка почти всегда представляет только иную группировку, пересказ в другой форме тех понятий и представлений, которые издавна живут в народе. Поэтому и отношение к сказке в Китае совсем иное, чем у нас: китаец почти [выделено авт.] верит в сказку и относится к ней всегда с известным почтением»³.

Следующим этапом формирования П.В. Шкуркина как ученого, имеющего, вдобавок, и художественные потенции,

¹ Шкуркин П.В. По Востоку. Указ. изд. С. 4.

² Шкуркин П.В. Китайские легенды. Харбин, 1921; *Его же*. Путешествие восьми бессмертных за море. Харбин, 1926; *Его же*. Тонкая ива: Китайская повесть для дам и идеальных мужчин. Харбин, 1922; *Его же*. Корейские сказки. Шанхай, 1941.

³ Шкуркин П.В. Китайские легенды. Указ. изд. С. 3.

становится его обращение к художественной этнографии¹. Его оригинальной темой и «kozyрной картой» становятся хунхузы – именно те, кто стал настоящим бедствием для населения дальневосточного фронта и с российской, и с китайской стороны, и с кем пришлось ему самому бороться долгие годы сначала в Приморье в должности пристава и помощника полицмейстера, затем – в Маньчжурии. С этой проблемой Шкуркин был связан и научными штудиями – к книге своего друга и единомышленника В.К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае» (1914) он переводил все китайские документы, на работу Шкуркина «Китайские азартные игры» Арсеньев ссылается в главе «Азартные игры»².

В середине 20-х годов П.В. Шкуркин выпустит отдельные книги «Хунхузы: Этнографические рассказы» и «Игроки»³ (хотя первая книга была готова еще в 1919 г.).

В предисловии к «Хунхузам» Шкуркин с самого начала продекларирует *этнографичность* своих историй, отказав самому себе в *беллетристичности*: «Предлагаемые рассказы не беллетристические: они не обработаны с внешней стороны, форма их груба, и изложение не удовлетворяет элементарным требованиям изящной словесности. Но зато все они взяты из жизни: *все рассказанные в них случаи списаны с действительности по возможности с фотографической точностью; это – негативы или протоколы.* <...> Рассказы эти разрешите назвать этнографическими»⁴ (курсив мой. – А.З.).

Писатель ясно понимал разницу между беллетристическим⁵ и этнографическим текстом. Другое дело, что он недооценил те возможности, что дает фактографический этногра-

¹ Об этом: *Забияко А.А.* Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 2014. С. 270–290; *Забияко А.А.* От научных изысканий к художественной этнографии: В.К. Арсеньев, П.В. Шкуркин, Н.А. Байков // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Указ. изд. 2015. С. 242–243.

² *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае. М., 2004.

³ *Шкуркин П.В.* Хунхузы: Этнографические рассказы. Харбин, 1924; *Его же.* Игроки: Китайская бль. Харбин, 1926.

⁴ *Шкуркин П.В.* Несколько слов // Шкуркин П.В. Хунхузы. Этнографические рассказы. Указ. изд. С. 483–484.

⁵ В более поздние годы, уже живя в Америке, Шкуркин обратится и к чистого рода беллетристике («История капитана Дагерти». Сан-Франциско, 1939. 58 с.).

фический материал *литературе*. Именно такой способ рефлексии и определяется нами как художественная этнография, а произведения П.В. Шкуркина – полноценное воплощение этнографического повествования. Несмотря на заявленную во вступительной главе документальность и реалистичность в изображении образов китайских разбойников, автор нередко «замешивает» на основе жизненной правды *художественную рефлексию* хунхузничества, а заодно с этим социокультурным явлением – олитературивает свои наблюдения о национальных традициях жителей Северо-Востока Китая, о социально-политической обстановке дальневосточного фронта конца XIX–начала XX вв.¹

Несмотря на декларативный отказ от беллетризации, в тексте Шкуркина переплелись наблюдения за хунхузами (их обычаями, этическими нормами, религиозными взглядами, образом жизни, особым языком), мифологические приемы организации сюжета и новеллистичность. В этом Шкуркин пошел дальше первых опытов Байкова в области беллетризации. Но и модус художественного осмысления этнографического материала у Шкуркина был иной. Он двигался к этнографизму через постижение китайской мифологии, глубоко погружаясь в китайскую картину мира. Шкуркин подчеркивал: «Отнюдь не задаваясь целью написать историю Китая, я желал, по мере сил и возможности, познакомить русских читателей, в общих чертах, с некоторыми периодами истории Китая и его народа не только в освещении официальной китайской истории, но и на основании “дикой” истории, а также исторических рассказов и записок. Кроме того, вряд ли история какого-либо другого народа породила так много легенд и преданий, как история китайская. Отделить историю от предания или легенды иногда не так легко, а для цели, поставленной мною, этого и не нужно: наоборот, легенда часто служила для меня элементом, связующим несколько исторических эпох или моментов. Там, где исторические данные не сходились с легендой, я это разногласие не только не затушевывал, но, наоборот, подчеркивал»².

¹ Об этом: *Забияко А.А., Дябкин И.А.* Образ разбойника в контексте «фронтирной мифологии» дальневосточной эмиграции // *Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях*. Пенза; Прага, 2011. С. 170–181.

² *Шкуркин П.В.* Легенды в китайской истории. Харбин, 1922.

В отличие от Байкова, для которого хунхузы, в первую очередь – «двуногие хищники», «хищники тайги», «подонки рода человеческого»¹, Шкуркин изучает это явление изнутри, вставая на позицию хунхуза не как представителя этносоциального типа, а как отдельного человека со своими индивидуальными душевными качествами, представляющего этнически определенный характер. Этот характер – плоть от плоти результат синкретического фронтирного усвоения китайской и маньчжурской религиозной и этической традиции. Так появляется, например, рассказ «Как я сделался хунхузом». В нем писатель-исследователь предлагает нам одну из человеческих историй бывшего предводителя хунхузской банды – Юй Цай-туня: «Недавно мне пришлось познакомиться с *весьма интересным человеком* – командиром китайского полка, полк которого славится безукоризненной дисциплиной и отсутствием проступков среди солдат. Это – высокий, худощавый мужчина с *симпатичным лицом*, которое делается иногда каменным и показывает необыкновенную твердость характера. Вместе с тем, как это ни странно, он *скромен* и даже *конфузлив*. Хорошо знающие его говорят, что он очень *добрый человек*, но *раб своего слова*, что однажды он сказал – того не изменит. Подчиненные *не только боятся его, но уважают и любят*»² (курсив мой – А.З.).

Уже из описания Юй Цай-туня, в котором нет ни одной отрицательной характеристики, становится ясно, что речь идет не о закоренелом злодее, а о человеке, в первую очередь, интересном и симпатичном автору. Писатель предуведомляет: «История его представляет *один из типичных примеров того, как китайцы делаются хунхузами, как живут и промышляют хунхузские шайки*». Действительно, из рассказа мы подробно узнаем о том, как формируется хунхузское сообщество, каким образом организована нелегкая жизнь лесных разбойников, на каких принципах держится их социум.

Юй Цай-тунь прибыл в Маньчжурию из Владивостока, а туда попал из Шандуня. Писатель воспроизводит типичную историю пути миграции китайцев в Приморье в XIX–начале XX вв. Здесь же Шкуркин от лица китайца рассуждает о воз-

¹ Забияко А.А. Религиозные традиции дальневосточного фронта в публикациях Н.А. Байкова 1901–1914 гг. // Религиоведение. 2015. № 1. С. 260–274.

² Цит. по: Шкуркин П.В. Как я сделался хунхузом // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1, часть 3. Проза. Указ. изд. С. 234–241.

можностях, которые открыты русским и китайцам в условиях их тесного проживания в дальневосточных землях: «Людей у нас на родине много, а земли мало, да и плоха она, рабочие руки ценятся ни во что; а у русских – так говорили у нас – *каждый китаец с хорошей головой и здоровыми руками в короткое время может составить себе капитал*, если только не будет играть в азартные игры или курить опий» (курсив мой – А.З.).

Именно последнее несчастье и постигло нашего героя, следствием чего стала куриная слепота, приведшая к более тяжким последствиям. Неизвестно, что было бы с наркоманом Юем дальше, «если бы неожиданный случай не изменил его судьбу»: за неосторожные движения старшина ударил его по лицу.

«Я не скажу, что я почувствовал, но я ни слова не сказал, и, пробравшись ощупью на свое место, я лег и пролежал без сна до утра.

С восходом солнца вернулось ко мне зрение. Я встал и стал прощаться с товарищами, говоря, что я ухожу. Те стали уговаривать меня остаться, но я ушел, бросив внесенный мною в дело пай и причитавшиеся на мою долю заработанные деньги, а их было порядочно.

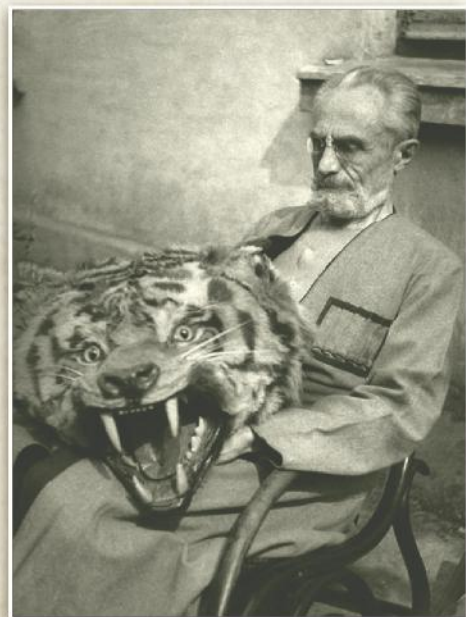
Пошел я в лес, вглубь, в горы, куда глаза глядят. Без денег, почти без платья, без друзей и знакомых, нищий, шел я по тропе, сам не зная куда».

Он стал «независимым» («т. е. тем, что вы обыкновенно называете “хунхузом”») потому что, не сумев простить нанесенное публичное оскорбление, жестоко расквитался с ударившим его по лицу старшиной артели. Вернувшись в артель, тем же самым заработанным у корейца американским топором Юй хладнокровно убивает своего обидчика: «Лицо его развалилось на две стороны, и он без звука опрокинулся на кан. Я ударил его еще раз, и еще третий раз посередине тела и видел, как вывалились внутренности.

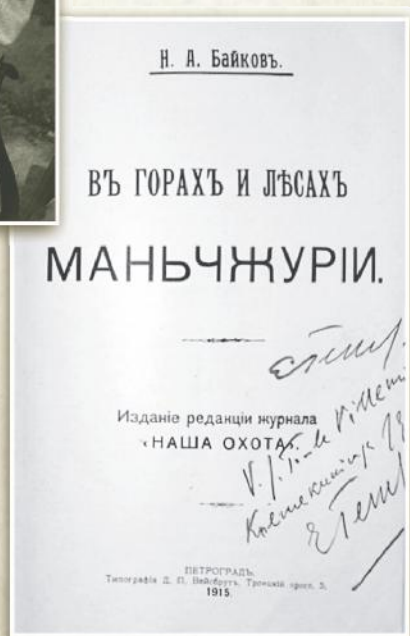
Все смотрели, не шевелясь, и никто не сказал мне ни слова, когда я спокойно вышел из шалаша и опять, как и в первый раз, пошел куда глаза глядят.

Что мне теперь было делать? Я сделал то, что выбросило меня из общества людей. В работники мне уже идти нельзя...». При этом Юй подчеркивает, что иначе он не мог бы поступить, настолько органично его *естеству* желание отомстить обидчику *за потерю лица* («толкала какая-то посторонняя сила...»).

**«Здесь властвовал Закон тайги»:
Маньчжурия начала XX в. и ее обитатели в творчестве
Николая Аполлоновича Байкова [1872–1956]**

Н.А. Байков
со шкурой убитого им тигра.

Н.А. Байков. Титульный лист издания
«В горах и лесах Маньчжурии».

**«Здесь властвовал Закон тайги»:
Маньчжурия начала XX в. и ее обитатели в творчестве
Николая Аполлоновича Байкова [1872–1956]**

Тажные обитатели.

Казачи-замурцы.

**«Здесь властвовал Закон тайги»:
Маньчжурия начала XX в. и ее обитатели в творчестве
Николая Аполлоновича Байкова [1872–1956]**

Кумирня в г. Ашихэ.

Маньчжур и медведь.

**«Здесь властвовал Закон тайги»:
Маньчжурия начала XX в. и ее обитатели в творчестве
Николая Аполлоновича Байкова [1872-1956]**

Иллюстрация к книге Н.А. Байкова.

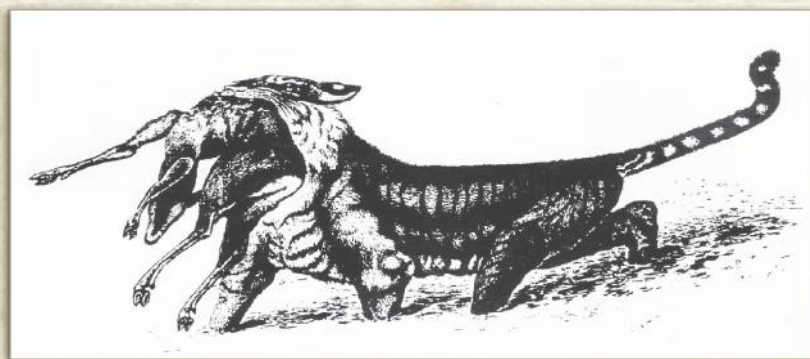

Рисунок Н.А. Байкова.

«Востоковед и востоколюб»:
образ Маньчжурии и ее обитателей в творчестве
П.В. Шкуркина [1968–1943]

П.В. Шкуркин.

П.В. Шкуркин в маньчжурском costume.

**«Востоковед и востоколюб»:
образ Маньчжурии и ее обитателей в творчестве
П.В. Шкуркина [1968–1943]**

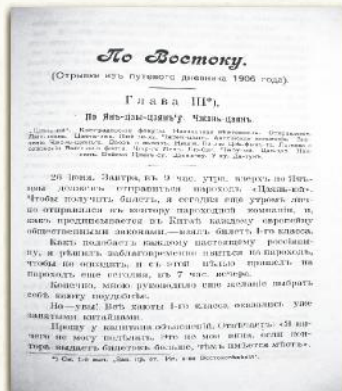

Чины Охранной стражи КВЖД с арестованными хунхузами.

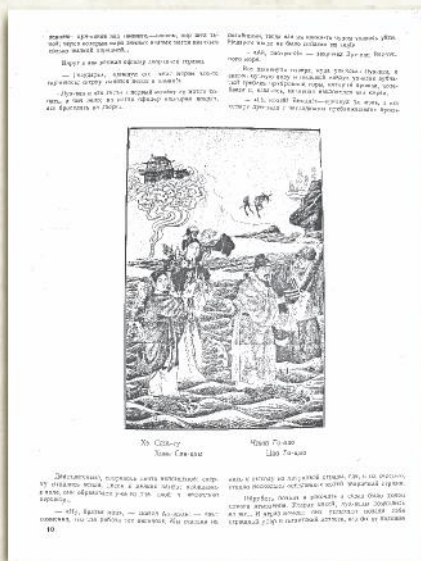

Китайские хунхузы, приговоренные к смертной казни.

«Востоковед и востоколюб»:
образ Маньчжурии и ее обитателей в творчестве
П.В. Шкуркина [1968–1943]

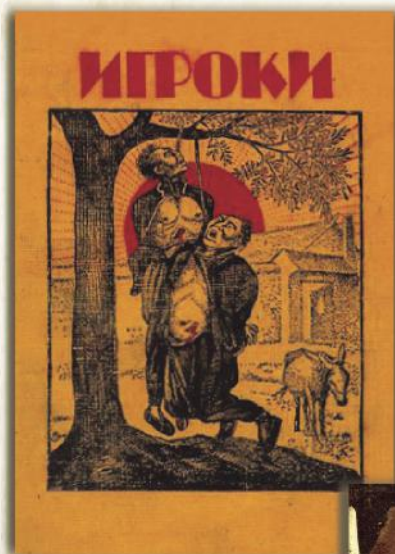

П.В. Шкуркин. «По Востоку». Вестник Азии. 1911. № 9.

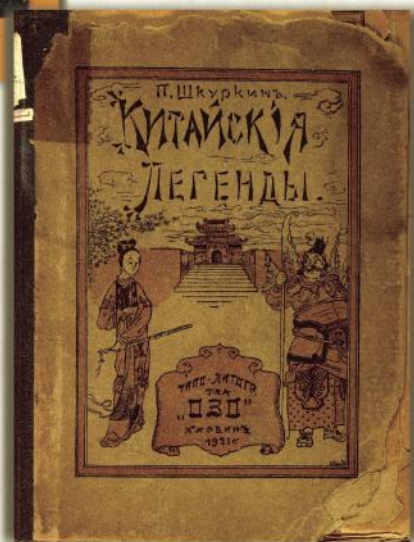

П.В. Шкуркин. «Путешествие восьми бессмертных за море».
Вестник Маньчжурии. 1926. № 8.

«Востоковед и востоколюб»:
образ Маньчжурии и ее обитателей в творчестве
П.В. Шкуркина [1968–1943]

П.В. Шкуркин. «Игроки».
Китайская бьяль.
Харбин, 1927.

П.В. Шкуркин. «Китайские легенды».
Харбин, 1921.

Не углубляясь в этические рассуждения, Шкуркин фиксирует отличительные черты национального характера китайцев – мстительность и жестокость по отношению к обидчикам, удивительные для русского сознания в столь эмоционально ровном повествовании, но, очевидно, вполне понятные соплеменникам. Русский читатель погружается в мир абсолютно иных психоментальных установок: готовности китайцев к тяжкому монотонному труду («целый день приходилось быть на ногах в снегу, в слякоти, с топором или пилой; свалишь дерево, нужно его очистить от сучьев, запрячься в веревочные лямки и тащить его через камни, пни и буераки к самой речке.

Лошадей у нас не было – слишком дорого было их покупать. К концу дня иной раз так устанешь, что даже есть ничего не можешь...»); отсутствию каких-либо отвлеченных душевных интересов, упорству и терпению в физических лишениях («теперь мне 37 лет, хотя на вид мне больше, – тяжелая жизнь быстро старит. Вы ведь отлично знаете, кем я был раньше, да я и не скрываю этого! Постоянное напряжение, непрерывные переходы, необходимость вечно быть начеку – по пять, по шесть дней невозможно было даже ул переобуть – все это даром не проходит...»), способности к высокой степени самоорганизации.

Тот же Шкуркин ненавязчиво отмечает и редкую национальную черту китайцев – умение поддерживать друг друга в беде и ценить дружбу. Эта тема затронута в рассказе о друге Юя, бывшем атамане, подарившем Юю двухэтажный дом: «– Возьми! Быть может, нам еще придется искать зимой крышу для отдыха. Мы – братья: ты всегда найдешь пристанище у меня; а я – я хочу быть уверенным, что найду угол у тебя!». Эти слова Юя не забывал, они согревали его надеждой на поддержку в трудной ситуации со стороны друзей, но и стимулировали отплатить добром за добро.

Отдельно Шкуркин заводит разговор о способности китайцев быть благодарными – эта черта этнического характера китайцев, отличающая их среди других этносов Востока Азии и подтверждаемая многолетними отношениями с китайцами разных социальных слоев и разных иерархических статусов. Об этом писатель пишет в рассказе «Маньчжурский князек», этой теме посвящает рассказ «Старая хлеб-соль» – не случайно названный *русской пословицей*. В нем повествуется уже о русском

десятьнике и главаре хунхузской шайки, не забывшем о доброте «русской мадамы», жены десятника, в свое время вылечившей его, тогда простого рабочего:

«— Тебе помнишь Василия, что рука топор ломаила; другой десятник говори – твоя нельзя работой, – цуба Харбин! Тебе Марья говори – его Харбин ход – кушай нет, – помирай есть! Марья шибко хорошо лечи – один месяц Василий работой есть!

Десятник вспомнил – действительно был такой случай несколько лет назад, когда один из рабочих китайцев поранил себе руку. Китайца хотели расчитать, но его жена заступилась за рабочего и, приобретя кое-какие сведенья о перевязках во время своей службы сиделкой в больнице, стала сама “лечить” больного. На ее счастье рука быстро зажила без особых осложнений; рабочий скоро ушел, и о нем все забыли.

– Смотри! – сказал хунхуз и протянул левую руку. У основания большого пальца тянулся большой шрам.

Тогда только десятник догадался, кого он видит перед собой, и сладкая надежда на спасение заставила забиться его сердце.

– Ну, – продолжил хунхуз, – бери твоя вещи и ходи домой. Скажи Марья – шибко хорошо! – и он опять отдал какое-то приказание своим подчиненным.

Через несколько минут десятник в сопровождении двух хунхузов-проводников пробирался через лесную чащу кратчайшим путем к своей конторе.

В тот же день вечером предводитель хунхузов потребовал в свою фанзу одного из конвоиров, сопровождавших десятника.

– Ты исправно доставил десятника домой? – сказал он.

– Да, исправно, – отвечал хунхуз.

– Почему же ты не доложил мне по возвращении? – уже строже спросил атаман.

– Мы только что вернулись, да-лао-е! – смутился тот.

– А как у тебя очутились часы десятника?

Хунхуз помертвел; из-за косога борта его куртки предательски высовывался кончик серебряного брелока в виде переkreщивающихся ружей – тот самый, который висел на конце цепочки от часов у десятника.

– Мне... мне... подарил их десятник, – лепетал растерявшийся в конец хунхуз.

– А я что приказал?

– Да-лао-е, великий господин! Я виноват!

Через пять минут хунхуз был расстрелян, а на другой день какой-то китаец вызвал десятника из конторы, отдал отобранные у него накануне одним из его проводников часы и, рассказав все случившееся, быстро скрылся»¹.

Повествовательная организация произведений Шкуркина такова, что точка зрения на то или иное событие, оценка поступков героев выражаются не авторскими характеристиками, а либо через реплики рассказчика, либо в диалогических формах. При этом речь героев предельно реалистична, немногословна, зачастую замешана на русско-китайском пиджине. Автор интуитивно выбирает оригинальный способ «двойной этнической точки зрения»: его субъект повествования может одновременно представлять собой носителя двух типов ментальности, например, маньчжурской и русской. Так, рассказ «Маньчжурский князек» начинается следующим образом: «Далеко-далеко на северо-востоке, где-то за морем Бо-хай, находится неведомая, чудная, сказочная, но и страшная страна Маньчжурия, откуда вышла наша священная династия – да хранят ее боги!

Высокие горы вздымаются к небу; в одной из них на самой вершине, в глубоком провале, есть озеро, на дне которого живет князь-дракон, в громе и молнии взлетающий иногда на небо... Из других гор иногда вырываются столбы пламени, расплавленные камни, как вода, текут вниз, все сжигая на своем пути, и густая тьма, вырвавшись тучами из недр горы, черной адской сажей оседает внизу и покрывает землю на сотни ли (верст)...

Горы покрыты непроходимыми лесами, и в этих лесах растет таинственная волшебная трава орхой-да, или женьшень, способная влить новую жизнь больному телу. Но горе тому смельчаку, который, целыми месяцами разыскивая волшебный корешок и, наконец, найдя его, бросится тотчас вырывать его из земли, забыв от радости, что сначала следует помолиться и возблагодарить духов гор и владыку здешних мест – грозного амба-лао-ху! Тотчас неведомо откуда появится страшный лаоху (тигр) со священным иероглифом – “ван” (князь) на лбу, и... Никогда уже никто из смертных не увидит больше на этом свете несчастного искателя корней.

¹ Шкуркин П.В. Старая хлеб-соль // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Часть 3. Проза. Указ. изд. С. 260–262.

Но если счастливицу удастся добыть хотя бы два-три корешка в лето – ему больше ничего не нужно: он может продать их дороже, чем на вес золота... Конечно, если не попадетсЯ в руки надсмотрщиков, потому что выходить на опасный промысел без особых билетов нельзя: все добытые корни следует сдавать нашим милостивым фу-му-гуань – “отцу-матери подобным начальникам”. Если же вышел без разрешения и попался – ну, так лучше было бы уж с тигром встретиться!»¹. Но дальнейшее повествование ведется от лица одного из русских офицеров из дивизии генерала Р., участника «китайского похода» против «боксерского восстания», а затем – участника русско-японской войны.

Для чего Шкуркину понадобилось такое смешение и смещение точек зрения? Очевидно, для того, чтобы показать ситуацию начала XX в. на Северо-Востоке Китая изнутри и *со-чувственно*, приняв ее как свою. Это было органично для его картины мира – «востоковеда и востоколюбца». Например, он описывает начало восстания ихэтуаней: «Наступил 1900-й год. В Китае началось движение, известное у нас под глупым названием “боксерского восстания”. Желудок Китая судорожно сокращался, чтобы извергнуть насильственно попавшую туда неудобоваримую пищу – европейцев.

Генерал Вогак доносил из Тяньцзина о том, что не сегодня-завтра вспыхнет антиевропейское восстание; ему не верили. Он представил неопровержимые данные – Питер решил уже объявить его сумасшедшим, но генерал от переутомления и моральных страданий заболел воспалением мозга как раз в тот момент, когда началась уже резня и международный экспедиционный корпус двинулся от Таку к Тяньцзину и затем к Пекину.

Потянулись и мы на юг – начался китайский поход»².

Проникновенная рефлексия Шкуркиным тяжелейших для Китая исторических потрясений неотделима от глубоких раздумий русского патриота о судьбе России и роковых последствий для нее тех самых событий. Шкуркин стал одним из первых писателей-исследователей, осознавших тесную связь исторических путей России и Китая, важность диалогических

¹ Шкуркин П.В. Маньчжурский князек // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Часть 3. Проза. Указ. изд. С. 241–260.

² Там же.

отношений двух этносов, взаимопомощи русских и китайцев. Свою точку зрения он выражает при помощи органичного соединения реального и мифологического повествования, опираясь на сущностный принцип китайской картины мира – мифологизацию истории. Из его «этнографических рассказов» читатель может сделать вывод о близости многих черт душевного склада русских и китайцев: горячности и открытости, жестокости и при этом – отзывчивости. Это точка зрения человека, влюбленного в Китай и китайцев, потому он отчасти субъективен. Но при этом Шкуркин фокусирует внимание читателя на том позитивном начале, что русский человек может обратить во благо своих взаимоотношений с китайцами.

* * *

Итак, в начале XX в. «у стен недвижимого Китая», в Северной Маньчжурии, оказываются два русских ученых – натуралист Н.А. Байков и китаевед-историк П.В. Шкуркин. Будучи людьми военными, сложные политические коллизии первых лет нового столетия (боксерское восстание, русско-японская война) они испытали на себе вместе с жителями Китая. Эти ученые первые обратились к проблемам исследования человека дальневосточного фронта, его особого сознания, религиозных представлений.

В этнографических заметках и репликах Н. Байкова находят отражение и объективная зоркость ученого-натуралиста, и особенности колониального мышления офицера-заамурца, и страстный субъективизм патриота-великоросса, и специфический этнографизм. Его любимый герой – «типичный таежный бродяга», независимо от его этнической принадлежности (русский, китаец, маньчжур, кореец, монгол) – человек, почитающий Закон тайги, воздающий молитвы Духу леса и гор – и органично уживающийся с остальным миром обитателей тайги. К такому типу людей Байков причисляет и Тун-ли, и самого себя.

П.В. Шкуркин идет дальше Байкова. Такого же «типичного таежного бродягу» он видит в хунхузе, понимая, что к тяжелой бесславной судьбе приводят того особые фронтальные обстоятельства. Это – несколько иная точка зрения русского патриота, офицера, готового защищать свою родину; это взгляд ученого, исследующего эти процессы в живой практике общения с представителями великой китайской цивилизации.

Глава 2

«МЕЖДУНАРОДНЫЙ, ФАНТАСТИЧЕСКИЙ, РУССКИЙ»: ОБРАЗ ХАРБИНА И ХАРБИНЦЕВ В КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ

*Кружка на карте удостоен
Совсем еще в недавний срок,
Рукою русской был построен
Наш любопытный городок;
Теперь он город, он огромен,
Многоэтажно-многодомен,
Он изменил начальный вид;
В нем не найти былого знаков
О дне, который говорит
Об изыскательских бараках,
Где первый Морзе застучал,
Где поселились инженеры,
Чертежники и офицеры
И где казачий взвод стоял.*

*(А.И. Несмелов. «Нина Гранина»,
повесть о старом Харбине)¹*

*Перед днем Российской встряски,
Через двести лет,
Не петровской ли завкаски
Запоздалый след?*

(А. Несмелов. «Стихи о Харбине»)²

Исторические договоренности России и Китая в конце XIX века кардинальным образом изменили жизнь дальневосточного фронта. Девственные просторы Северной Маньчжурии стали пространством мощнейших этномиграционных трансформаций. Позднее об этих исторических событиях харбинский беллетрист Я. Лович напишет: «Вызванная к жизни волей Российского императора и светлыми умами Витте и Ли

¹ Несмелов А. Нина Гранина // Рубеж. 1944. № 12-13. Цит. по: Несмелов А. Собр. соч. в 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Владивосток, 2006. С. 448.

² Несмелов А. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Указ. изд. Далее ссылки на это издание с указанием тома и страниц.

Хунчанга¹, Китайская Восточная железная дорога стальной стрелой пронзила дикие маньчжурские степи, горные массивы, девственную тайгу, перелетела через мощные реки, уткнулась в берег Великого океана, соединив его с Атлантическим океаном. Все это стоило России и русским людям огромных усилий, гигантской борьбы с природой, с иногда враждебным населением. Но зато потом, когда рухнула Российская империя, Маньчжурия еще долго благодарила русских людей, выброшенных с родины, гостеприимством, лаской и приютом за то, что они сделали для нее. Блаженные, поистине райские времена были для русских много лет на КВЖД. Недаром, когда приехал в 1902 году на дорогу граф Витте и спросил на какой-то станции стражника, как им, охранникам, живется здесь, вдали от России, то получил ответ:

– *Сверхъестественно, ваше высокопревосходительство!»* (курсив мой. – А.З.)².

Даже если эта жизнерадостная фраза – плод художественной фантазии, в ней весьма точно определены ощущения русских первопоселенцев в Северной Маньчжурии. Именно «сверхъестественные» условия – резко-континентальный климат с жарким летом и студеной зимой, девственная тайга, богатая охотой, реки, обещающие щедрые рыбалки, удивительные народы и народности, эти края населяющие, при этом – неограниченная свобода и обильная, сытая жизнь привлекали, заманивали сюда русских пассионариев.

Строительство Китайской Восточной железной дороги способствовало тому, что в самом центре полупустынной в те годы Маньчжурии появился совершенно уникальный город – Харбин. Первые поселенцы вспоминали, что возник он на месте топкого болота, «где водилось много уток, куликов, бекасов, на которых охотились весной и осенью местные охотники»³.

¹ Ли Хунчанг (Ли Хунчжан) [1823–1901] – один из самых влиятельных и одиозных сановников Цинской империи XIX в., подписал Симоносекский мирный договор с Японией (1895) и Союзный договор между Российской империей и Китаем (1896), вследствие чего его имя стало в китайской истории синонимом унижений эпохи неравных договоров. Согласно мемуарам Э. Э. Ухтомского, согласие Ли подписать договор стоило российскому правительству трех миллионов рублей.

² Лович Я. Враги. Роман. М., 2007. С. 127.

³ Байков Н.А. // Политехник: Юбил. сб., 1969–1979. Сидней, 1979. № 10.

Неподалеку располагались ханшинный¹ заводик да кладбище. «По своей идее, по своему географическому положению Харбин задуман превосходно. Немного найдется таких искусственно созданных городов, которые в 5–8 лет своего существования успели бы вырасти из никому неизвестной деревушки в огромный город и зажечь собственную широкою торговою жизнью. Правда, Харбин был озолочен сперва постройкой железной дороги, а затем пребыванием в Маньчжурии миллионной русской армии»². Город стал «расти как на дрожжах, стремительно, на глазах, как растут тополя в Маньчжурии, обрастать по берегу Сунгари новым городом и Фудзедяном и вокруг этими разными городками-спутниками – Нахаловкой, Корпусным городком, Чинхе, Гондаттьевкой»³.

Образ Харбина в сознании его жителей складывался постепенно, по мере того, как город застраивался и обживался. Русские пришли не на пустое место – здесь жили маньчжуры, монголы, китайцы. Место уже имело свое именование. Со временем его истинное значение стерлось, русские поставили ударение на свой манер в слове «Харбин» – на последний слог. Потому с такими разночтениями связана реконструкция самого топонима. До сих пор не поддается точной этимологизации само слово «Харбин». Одни переводят это слово (Ха-эр-бинь) как «высокий берег», другие – как «веселая» или «красивая (хорошая) могила». Третьи вовсе считают перевод бессмысленным. Одна из попыток пролить свет на происхождение слова «Харбин» исходит из монгольского слова «хараба» – «баранья лопатка», так как возвышенность, где впоследствии был разбит Новый город, походила (с высоты птичьего полета) на нее очертаниями. Существует также мнение, что название взято из маньчжурского языка и означает «брод» или «переправа» и т. д. Г.В. Мелихов считает, что производное китайское «Хаэр-бинь» произошло от «русского названия Харбин», которым основатели города, первые русские поселенцы, назвали местность, в которой поселились, и город, который они создали. То есть Харбин – слово русское»⁴.

¹ Ханшин (хана) – дешевая пшеничная китайская водка.

² Исторический обзор КВЖД, 1896–1923. Харбин, 1923. Т. 1. С. 387.

³ Иванов Вс. [Из харбинского жития] // «Дело не получило благословения бога»: Публицистика и мемуары белых. Хабаровск, 1992. С. 335.

⁴ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1994. С. 66.

В китайской историографии, ранее обходившей молчанием как историю возникновения города, так и происхождение его названия, существует свое толкование слова «Харбин». Но многие исследователи сходятся в том, что Харбин – слово не китайское, и иероглифы, которыми оно пишется, можно перевести по-разному¹. Разночтения в истории возникновения и названия города имеют самую разную природу – историческую, этническую, политическую. Историк Ли Мэн подчеркивает, что еще в 1864 г. в официальном документе «маньчжурское слово “Харбин” упоминается в смысле “узкий остров”, находящийся на реке Сунгари, напротив нынешнего Харбина»². Долгое время на языке китайского истеблишмента город представлялся «изначально китайским», давшим в свое время убежище «русским эмигрантам»³. Его маньчжурскую историю китайские историки предпочитают обходить молчанием.

Не вдаваясь в этимологические тонкости и отражая *типичную точку зрения русских* обитателей столицы КВЖД, констатировал факт «творения» и «именования» Харбина русскими казаками Арсений Несмелов: «Здесь построим *русский город*, / Назовем – *Харбин*» («Стихи о Харбине», сб. «Полустанок», 1938). Но, как бы там ни было, ни русская, ни китайская версия именованья Харбина не находит подтверждений на лингвистическом уровне. При этом в современном китайском словоупотреблении все топонимы и гидронимы, связанные с харбинскими территориями, приобрели китайское звучание и китайское же толкование, и в этом состоит логика сегодняшней истории Харбина⁴.

Официальное именование Харбина гармонично уживалось с его топонимическими перифразами, определяющими уникальный потенциал возможностей и предпочтений, открытых жителям этого города. Как всякий «значительный» город,

¹ Об этом: *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). Указ. изд. С. 59–61.

² *Ли Мэн.* Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 102.

³ Из речи официального представителя администрации провинции Хэйлунцзян на открытии международной конференции «Литература русских эмигрантов в Китае» (Хэйлунцзянский университет, Харбин, 2002) // Личный архив А.А. Забияко.

⁴ Вплоть до курьезных случаев, когда привычное именование гостиницы «Модерн» («Modern») не воспринимается китайцами ни в русском, ни даже в английском звучании.

возведенный по «государеву замышлению» и в «сказочно-быстрые сроки»¹, Харбин имел все права на мифологическую рецепцию собственной уникальности. Характер городской застройки и заселения, послереволюционная роль «странноприимного дома» для беженцев со всех уголков России усилили предпосылки для складывания харбинской мифологии². Она воплотилась в речевых жанрах, художественных текстах 20–40-х гг. XX в. и продолжила развитие в поздних мемуарах бывших харбинцев, рассеянных по всему свету³.

Уже упомянутый Я. Лович приводит любопытную классификацию самоименований тех, кто обживал, заселял и возделывал этот край. Первым в этом ряду стоит слово «ланцепупы», обозначающее «племя» простых строителей-первопроходцев. Появление довольно странного, но с точки зрения звукословесной наполненности веселого и энергичного слова связано с историческим анекдотом: «когда во времена постройки КВЖД приехал принц Генрих Прусский, то пожелал принц посмотреть, как работают так называемые линейные рабочие батальоны, прокладывающие дорогу в девственном лесу. Под жарким маньчжурским солнцем солдаты превратились в черных дикарей. Да и чистотой и порядком одежды не могли похвастаться. Начальство не хотело ударить в грязь лицом и поэтому приделало небольшую часть солдат, и остальным приказало скрываться в тайге, пока высокий гость будет осматривать дорогу. На беду, один любопытный солдатик выглянул из-за деревьев и принц увидел полуголого, черного человека. Фамилия и имя солдата были Федор Ланцепупов. В полном отчаянии, потрясая кулаками, ротный закричал:

– Ланцепупов, пошел вон!

Солдат скрылся, а принцу объяснили, что в этих диких местах обитает вымирающее племя “ланцепупов”»⁴.

Вопреки предписанной «племени» исторической обреченности, маньчжурские «ланцепупы» вымирать и не думали. Наоборот, со всех концов России в этот край открывшихся воз-

¹ Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М., 1994. С. 8–10.

² Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 5.

³ Забияко А.А. Мемуары русских харбинцев: мифологизация истории vs. история эмиграции // От Бунина до Пастернака: Русская литература в зарубежном восприятии. М., 2011. С. 247–265.

⁴ Лович Я. Враги. Указ. изд. С. 127–128.

можностей хлынули коммерсанты, биржевики, рабочие, ремесленники – все те, кто мечтал улучшить материальное положение, по разным причинам спрятаться от власти, просто обмануть судьбу, начать новую жизнь. Судя по харбинской переписи 1903 г., в это время в столице КВЖД проживало 15579 русских подданных¹.

Постепенно смысловое пространство именованья «ланцепуны» будет расширено, и этим словом станут определяться все слои русского населения маньчжурской равнины. Н.А. Байков посвятит этим людям отдельный рассказ, связывая их образ жизни и специфику их сознания с ментальностью дальневосточного фронта: «Эта оторванность от родины, суровые условия жизни в диком безлюдном крае, отсутствие культурных интересов и сравнительная материальная обеспеченность выработали особый тип дальневосточной интеллигенции, отличавшейся от коренной российской своим широким размахом, деловитостью, энергией и предприимчивостью, но, в то же время, бесшабашным легкомыслием, самодурством и беспечностью»² (курсив мой. – А.З.).

Другое, закономерное, именование русских насельников этих земель – «русские маньчжурцы». Заметим – только в восприятии западной эмиграции и в более поздних работах российских исследователей данные территории определяются как Китай, а его русское население – «русскими китайцами». Так как освоение этих земель начинается в конце XIX в., во времена правления маньчжурской династии Цин, эти места в начале прошлого столетия по праву именовались еще Маньчжурией – оттого и книга Н.А. Байкова, о которой выше шла речь, названа в соответствии с географическими и топонимическими реалиями тех лет. Прибывшие в эти края витальные и настроенные на успех люди обживались в соответствии со своей русской природой. Русский же язык со своим словообразовательным и лексическим потенциалом апеллировал к географическим названиям с радостью:

«Веселое, жизнерадостное было время. Но за весельем русские люди не забывали дела. С гигантской быстротой рос построенный русскими Харбин, украшался, вел культурную, огромную работу в дикой, девственной стране. Закончили дорогу, построили станции, пробрили горные массивы тунне-

¹ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. Указ. изд. С. 139.

² Байков Н.А. Ланцепуны. Указ. изд.

лями, перебросили через реки кружевные мосты, оживили дикие, безлюдные лес, степи, наладили добрые отношения с маньчжурами и китайцами, привели с собой хороший, добрый российский, уютный быт – с самоварчиками, с ухой и щами, с пирогами, рюмкой водки, солеными огурцами и капустой, с российским гостеприимством, добродушием, незлобивостью. Получали отличные оклады – девать было некуда; в свободное время ходили на охоту, на рыбную ловлю, играли в картишки, флиртовали, устраивали пикники на ближайших станциях или здесь же, за Сунгари; женились, размножались в благодатном, благословенном климате, под ярким маньчжурским солнцем – и создавали новую, симпатичную породу – *русских маньчжурцев*¹.

Еще одно самоименование русских в Северной Маньчжурии было связано с основным местом их деятельности и, в целом, всей инфраструктурой края, зависящей от КВЖД: «Словно новое племя российское появилось в этих далеких краях. И имя этому племени было – от КВЖД – “кавэждэки”» (курсив мой. – А.З.)². Действительно, Китайская Восточная железная дорога стала тем историческим проектом, что способствовал мощным миграционным процессам русского и китайского населения с конца XIX в. и вплоть до середины XX в.

Примером типичной судьбы одного из русских «кавэждэков» может стать фигура Александра Владимировича Щеголева (род. 12.VIII.1877 - ?), отца знаменитого харбинского поэта-задиры Николая Щеголева. А.В. Щеголев был уроженцем села Чемоданово Мещерского уезда Калужской губернии, православный. Судя по анкете БРЭМ³, прибыл Щеголев в Северную Маньчжурию в 1903 году. Женился он еще в родных краях или супругу свою, Анну Ивановну⁴, нашел уже в Харбине – неизвестно⁵. Вполне возможно, что она тоже была из новоприбывших в Маньчжурию в поисках лучшей доли барышень: в неопубликованной рукописи автобиографического романа

¹ Лович Я. Враги. Указ. изд. С. 128.

² Лович Я. Враги. Указ. изд. С. 129.

³ Личное дело Щеголева Александра Владимировича в архиве БРЭМ.

⁴ Щеголева Анна Ивановна (1884–1975). В 1910 г. ей было 26 лет – по тем временам приличный возраст для рождения первенца.

⁵ Судя по дате рождения первого ребенка (отцу было уже 33 года), женился А. Щеголев, скорее всего, уже в Маньчжурии, будучи материально обеспеченным человеком.

Н. Щеголева «Перекресток» упомянуто о том, что приехала его мать из Калуги, где закончила Епархиальное училище¹. Александр устроился на железную дорогу, работал там артельщиком в Управлении. Семья новоявленного железнодорожника поселилась в Новом городе, в Корпусном городке², где в добротных двухквартирных одноэтажных («кэвэждэковских») домах с палисадниками проживали в основном рабочие и служащие дороги. Добропорядочная жизнь «кэвэждэков» воспроизведена в дневниковых набросках к роману Н. Щеголева: «привольная сытость», «домик», который «съел все сколько-нибудь поэтические мечты», «садик и огородик», которые «имелись и находились у АВ в образцовом состоянии благодаря его растительным трудам». «Сытость, обеспеченность, жалованье хорошее, детей (крестить\рожать\делать) есть где, чего еще надо?»³. Несмотря на саркастический тон заметок поэта-«задиры»⁴, читателю вырисовывается картина вполне благополучной жизни маньчжурского обывателя-«кэвэждэка». Действительно, «так жили, богатели, обрастали жиром русские люди, заброшенные сюда. Блаженно и счастливо жили – под мудрым управлением Хорвата»⁵.

Для Александра Щеголева и его сослуживцев этот край стал поистине «счастливой Хорватией»⁶ и продолжал быть им вплоть до 20-го года – царством «белобородого, добродушного, очаровательного генерала Хорвата», царством «спокойной, уютной, домовитой жизни, царством благодушного начальства, жирных, мастодонтных кондукторов, каждый из которых

¹ *Забияко А.А.* Архив Н. Щеголева как источник реконструкции жизни русской эмиграции в Харбине // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11, 2015. С. 221–234.

² *Перелешин В.* Поэт Николай Щеголев // Новое русское слово. 1975. 6 июля.

³ *Щеголев Н.А.* Тетрадь № 1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957–1962) Л. 2, 3, 4, 5 // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточного зарубежья» Амурского государственного университета.

⁴ Об этом: *Забияко А.А.* «Мои это годы, моя это боль и судьба!» Жизнь и творчество Николая Щеголева в контексте судьбы «взыскующих поэтов» дальневосточного зарубежья // Щеголев Н.А. Победное отчаянье: Собрание сочинений. Указ. изд.

⁵ *Лович Я.* Враги. Указ. изд. С. 129.

⁶ Так называли полосу отчуждения КВЖД в годы управления дорогой Д.Л. Хорватом (1903–1920).

был настоящим фермером, царство неторопливой, немного сонной работы, хороших окладов, преферанса, отличной еды и, конечно, сплетен»¹.

Экономическая и социокультурная привлекательность Северной Маньчжурии, линии отчуждения КВЖД и самого Харбина привела к тому, что уже к 1917 г. число харбинцев превысило 100 тыс. человек, из них русских было свыше 40 тыс.² «Сверхъестественность» онтологии Харбина требовала должного соответствия, высокого образца. Харбин именовали «восточным Петербургом», «восточной Москвой», «восточным Парижем», «восточным Чикаго», «восточным Сан-Франциско», «восточным Клондайком», «восточным Сионом»... Образные определения неофициальной столицы КВЖД, основанной русскими, вобрали, с одной стороны, «гений места», а с другой – архитектурный, социокультурный и этнокультурный облик Харбина.

Родственные аналогии с Петербургом определялись функциональным назначением городов, *продиктованных* имперской политикой. Используя классическую метафору, можно сказать, что оба города стали для России «окнами»: Петербург – в Европу, Харбин – в Азию. С Петербургом роднили Харбин и плановый характер застройки, названия улиц: Первая Линия, Вторая Линия, Большой проспект, Садовая. «Центральной, – реконструировал Г.В. Мелихов, – была Военная улица; параллельно шли Ветеринарная, Офицерская, Армейская и Штабная <...> Между Штабной и Охранной улицами находился весьма популярный Городской сад. Между ними пролегали Фуражная, Лагерная, Обозная, Солдатская и многие другие улицы»³.

Харбинский текст был связан с «петербургским мифом» и феноменологически – как культурная реплика «нерусского города» посреди русских болот, превратившегося в «русский город посреди маньчжурских степей». Как и его северный «собрат», Харбин был построен на болоте и постоянно находился под угрозой наводнения. Если демонический образ Невы организовал центральный эсхатологический миф Петербурга

¹ Лович Я. Враги. Указ. изд. С. 126.

² Исторический обзор КВЖД, 1896–1923. С. 588. Цит. по: Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). Указ. изд. С. 66.

³ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. Указ. изд. С. 74.

(«Медный всадник»), то образ «хищной желтоводной реки» задал тон эсхатологическим прозрениям А. Несмелова:

Но хищно желтоводная река
Кусает берег, дни жестоко числит,
И горестно мы наблюдаем, как
Строения подмытые повисли.

И через столько-то летящих лет
Ни россиян, ни дач, ни храма – нет,
И только память обо всем об этом
Да двадцать строк, оставленных поэтом.

(«Эпитафия»)¹

Однако, в отличие от Петербурга, чье эмоциональное поле восприятия строилось на метафоре «антигуманности», невозможности жить в этом «городе на болоте», «городе на костях», Харбин создавал полярное семантическое поле – сказочно-утопического пристанища всех страждущих и нуждающихся.

«Петербургская» (столичная) топонимика Харбина коррелировала с «домашней» – исконно-харбинской, провинциальной. Интонациями эпической сказительницы сопровождает заочное путешествие по «своему» Харбину чуряевская поэтесса Лидия Хаиндрова: «Вот я иду по главной, Китайской улице, она тянется до самой реки <...>. Город делился на деловую часть, центральную, которая называлась Пристань. Ясно, что она была расположена ближе к реке, и на вторую часть, которая носила название Нового города. <...> На Пристани были любопытные названия улиц, так и веяло от них старой, наивной Россией. Была, например, Пекарная улица, будьте спокойны, что название соответствовало действительности. Скажем, была Тюремная улица, причем в самом центре города. Это так и было на самом деле, – там находилась тюрьма, защищенная высокими стенами и всеми атрибутами этого учреждения. Была Полицейская улица, она оправдывала свое название. На ней находилось полицейское управление. А когда человек начинал чихать, и его спрашивали, где он так простудился, то следовал ответ, что он простудился на Сквозной улице»². «На нашей мирной Садовой улице, действительно мирной, даже чьи-то коровы проходили утром и вечером мимо нашего сада;

¹ Несмелов А. Собрание сочинений. Указ. изд. Т. 1. С. 184.

² Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. Калуга, 2003. С. 205–210.

говорили, что это бывший офицер завел молочную ферму и научил коров поворачиваться и равняться по команде», – словно в сказочном поединке «небылиц в лицах» развивает харбинскую топонимику уже Ларисса Андерсен¹. Завершим этот буколический экскурс воспоминаниями Ю. Крузенштерн-Петерец: «У меня в прошлом – прочный, военный быт, дружная семья. Моя Россия был маленькой – наша Офицерская улица в Харбине, наш полк, офицеры, солдаты. Военная церковь. Стройное “Коль славен” с полкового плаца, нежно разливавшееся над улицей. В далеком маньчжурском прошлом я, сама того не зная, пила живую воду России, и ее хватило на весь мой век»².

Русская топонимика города как сущность его «русского содержания» характерным образом отразилась и в текстах китайских писателей той поры. Так, известный прозаик Цюй Цюбо, посетивший одну эмигрантскую семью в харбинском Циньцзягане (ныне – район Наньган), пишет о своих впечатлениях от жизни русских харбинцев: «Русские живут здесь, как у себя дома»³, и приводит красноречивую реплику самих русских: «*Так нам же не довелось побывать в Китае. Неужели вы считаете Харбин Китаем? Русские ведут здесь свой, чисто русский образ жизни, и не так уж много у них возможностей для ознакомления с китайской культурой. Конечно, культура такой древней восточной страны, как Китай, несомненно, представляет большой интерес. И, право же, очень хотелось бы побывать в Пекине, Шанхае и других городах...*»⁴. Русский извозчик привозит его совсем не по адресу, не понимая указанных по-китайски координат, при этом сетует: «Ох уж эти китайцы... – бормотал он [извозчик]. – Отчего это они до сих пор не желают признавать русских названий улиц в Харбине? <...> “Ты сам тоже хорош, – подумал я про себя. – *Едешь, едешь по китайской земле, а ни малейшего представления не имеешь о китайских*

¹ Андерсен Л. Ларисса вспоминает // Новый журнал. 1995. № 200. С. 317.

² Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. 1999. № 6. С. 82.

³ Цюй Цюбо. Публицистика разных лет. Путевые записки о новой России // Цюй Цюбо. Перевод с кит. М., 1979. С. 54.

⁴ Цюй Цюбо. Публицистика разных лет. Путевые записки о новой России. Указ. изд. С. 56. О восприятии образов русских, проживающих в Харбине, в китайской прозе 20-40-х гг. прошлого века: *Сенина Е.В. Образ «белоэмигрантов» в китайской литературе 20-40-х гг. XX в. // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 7. Благовещенск, 2015. С. 46–58.*

**«Международный, фантастический, русский»:
образ Харбина в фотографиях 10 – 30-х гг. XX в.**

Первые постройки Харбина. Начало 1900-х годов.

Харбинский вокзал. 20-е годы XX в.

**«Международный, фантастический, русский»:
образ Харбина в фотографиях 10—30-х гг. XX в.**

Семья служащего КВЖД.

Харбин. Дом КВЖД.

Харбинские сады.

**«Международный, фантастический, русский»:
образ Харбина в фотографиях 10 – 30-х гг. XX в.**

Фудзянь.

ХАРБИНЪ. На пристани. Китаец — предсказатель судьбы. № 2.
Un chinois dit au - la bonne aventure a Harbin

Харбин. Китаец — предсказатель судьбы.

**«Международный, фантастический, русский»:
образ Харбина в фотографиях 10 – 30-х гг. XX в.**

Харбин. 20-е годы. Китайская улица.

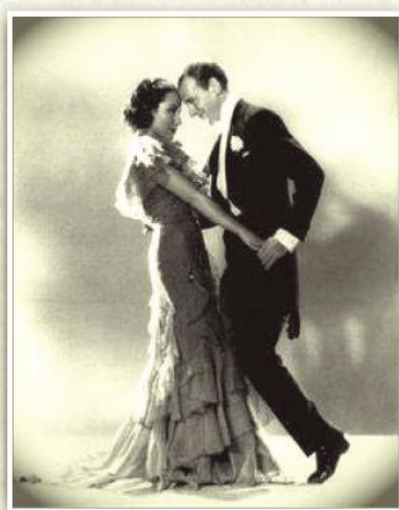

Харбин. 30-е годы. Китайский денди с русскими барышнями.

**«Международный, фантастический, русский»:
образ Харбина в фотографиях 10 – 30-х гг. XX в.**

Харбинский символ – отель «Модерн».

Харбинское танго. Фото из журнала «Рубеж».

**«Международный, фантастический, русский»:
образ Харбина в фотографиях 10 – 30-х гг. XX в.**

Харбин. Торговый дом «Чурин».

Чуринские прилавки.

«Международный, фантастический, русский»:
образ Харбина в фотографиях 10—30-х гг. XX в.

Harbin Business School
(Аттестаты через ДНП)
ОТКРЫТ
прием прошений
В КЛАССЫ:

1. Младш. подготовительный (с А.В.С.)-утр. и вечер.
2. Старш. подготовительный (для оконч. средн. учебн. завед.)-утр. и веч.
3. Класс диктфона (англ. и русск.)

Н. Я. гор., д. П. И. Дзевбол-ло, Соково (против собора).

Шлите портреты дѣтей

на „Конкурс Прелестнаго Ребенка“!

За истекшую недѣлю в редакцію „Рубежа“ поступили первые фото-снимки дѣтей для участія в объявленном конкурсѣ.

С ближайшаго номера „Рубеж“ начинает печатаніе этих портретов и, одновременно, талонов для участія всѣх читателей в голосованіи.

Двум побѣдителям конкурса,—дѣвочкѣ и мальчику,—получившим наибольшее число голосов, будут выданы „Рубежомъ“ цѣнныя преміи-игрушки.

В Конкурсѣ Прелестнаго Ребенка могут принимать участіе всѣ дѣти в возрастѣ от 2 до 6 лѣт.

Родители, торопитесь послать портреты ваших дѣтей в редакцію „Рубежа“—Харбин, Коммерческая, 6.

Реклама и объявления в харбинских периодических изданиях.

«Международный, фантастический, русский»:
образ Харбина в фотографиях 10—30-х гг. XX в.

Сегодня, 22-го ноября, в 9 час. веч.
В БЪЛОМ ЗАЛѢ МОДЕРН
по случаю 10-ти лѣтняго юбилея журнала «Европейская жизнь» приглашены в честь ре-
дактора журнала А. П. Кофманна банкеты. По желанию.
Запись на банкеты продолжается сегодня, до 2-х час. дня в «Модерн» тел. 23-18.
Стоимость ужина 5 нѣст. дол. с персоны.
Наказки сборы на какие-либо праздн. на банкеты допущены не будут.
Юбилейная Комиссія.

Послѣднія весенія и лѣтнія Н О В О С Т И

получены в большом выборѣ:

- СОРОЧКИ**— мужскія шелковыя, поплиновыя, зефировыя,
спеціальныя теннисныя—шелковыя и трикотажныя,
МАЙКИ и ТРУСИКИ—спортивныя,
ГАЛСТУКИ—самовязы,
БЪЛЫЕ— мужское лѣтнее, шелковое, сѣтчатоє и
трикотажное,
ЧУЛКИ— спортивныя,
НОСКИ— шелковыя фильдекосовыя
и фантазія,
ПЛАТКИ— носовыя,
ХАЛАТЫ, ПИЖАМЫ, ПОДВЯЗКИ,
ПОДТЯЖКИ, ЗАПОЯКИ, РЕМНИ.

ШЛЯПЫ

фетровыя и соломенныя от 1²⁰ руб.

СТЕКИ, ТРОСТИ,

бумажники, кошельки, портмонэ

и много других всевозможных сезо-
новых товаров.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МАГАЗИНЫ

Торгового Дома

И. Я. ЧУРИН И К

Пристань, Новый Город, Модагоу.

Реклама и объявления в харбинских периодических изданиях.

названиях китайских улиц" <...> Харбинские районы Даоли и Цзинцзяган полностью русифицированы и улицы там получили русские названия. Так что китайцам ничего другого не оставалось, как называть улицы по порядковому номерам...¹.

Патриархальный русский быт города, его размеренная сытая жизнь, обилие православных храмов (практически в каждом районе города) навевали аналогии с «восточной Москвой». Да тут и жили хлебосольно, праздники справляли пышно и шумно. Как во всяком «значительном городе», были в Харбине и свои «архитектурные мифологемы», сближающие город с московским культурным текстом. К примеру, Свято-Николаевский собор с золотым крестом, доминирующий над окрестностями города. «Красивая мысль» возведения этого храма (Е.Х. Нилус) должна была, по всей видимости, не только утверждать торжество православной веры, но и символизировать запечатленную в камне русскость. «Православный храм, построенный для русских на китайской земле, в образно-содержательном смысле стал культурным символом Харбина – “восточной Москвы”, как его называли, и больше – символом самой России»².

Образ Николая Мирликийского в часовне харбинского вокзала – архитектурно-православный миф многонационального Харбина. «Перед ним при отъезде ставили свечи не только русские, но и китайцы, называвшие его “старика вокзала”. Они, нехристиане, защитили образ [речь идет о событиях 1924 г., когда КВЖД была поделена между Советской Россией и Китаем. – А.З.]. Обратились к председателю правления, китайцу, с петицией: “Если русским не надо, нам надо. Старик хороший, нельзя убирать”. Советская администрация должна была уступить: китайские почитатели Угодника могли и на драку пойти»³. Почитание «Старика-вокзала», «Старика-Собора» сопровождалось и своеобразными обрядовыми действиями китайцев: «...и молились ему горячо, падая наземь, и били лбом,

¹ Цюй Цюбо. Публицистика разных лет. Путевые записки о новой России. Указ. изд. С. 56.

² Об архитектурной идее Свято-Николаевского собора: *Левашко С.С.* Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века. Хабаровск, 2003. С. 33, 118; *Ее же.* Архитектура и архитектурная жизнь русского Харбина // *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта.* Благовещенск, 2015.

³ *Крузеништерн-Петерец Ю.В.* Воспоминания // *Россияне в Азии.* 1998. № 5. С. 26.

моля и упрашивая быть милостивым, в ладоши стучали крепко, чтоб услышал, и по-русски кричали “Помогай!”»¹. Потому, как вспоминали потом русские харбинцы, китайцы «...и в самые тяжкие дни народного горя являлись в наши храмы со своими священниками, чтобы вымолить дождя в засуху и прекращения его – в наводнение».² Имя «Николай» было необыкновенно популярно, с ним многие китайцы принимали крещение³.

Восприятие Николая Угодника как споспешника добрых начинаний практичными китайцами перекликалось с простонародными воззрениями русских людей. В словоупотреблении русского населения Северной Маньчжурии именование христианского святого соединилось с именем народного мифологического героя Понужай. Само слово «Понужай» происходит от устаревшего, а затем – диалектного забайкальского глагола «понужать» (принуждать, заставлять, преодолевать) в повелительном наклонении. Как подчеркивает Г.В. Мелихов, во время Ледяного похода в образе легендарного Понужая, таинственного Помощника нашел свое земное воплощение «заступник за народ и Землю Русскую, Святитель Николай Чудотворец»⁴. Марианна Колосова, вспоминая страшные события той холодной зимы, написала пронзительное стихотворение, в название которого положила именно этот вопль-императив «Понужай-ай!»:

Погасла даль. Вечерний крепнувший мороз
Дыханьем смерти оведал сибирский край.
Тянулся лентой бесконечную обоз,
И повторялся крик протяжный – «понужай-ай!»
И ехали они... в шинелях, в башлыках...
Смятенье сильных душ! Сплетенье многих воль...
Как передать в моих коротеньких строках
Изгнанников тоску и побежденных боль?
Обида глубока, и в каждом сердце стон,
И в каждом сердце страх кричит: не отставай!
Похолодел наган, и потускнел погон,
И повторялся крик протяжный – «понужай-ай!»

¹ Дземешикевич (Хлюстова) Л.К. Харбинцы. Рукопись книги // Архив фонда Дома русского зарубежья. Ф. 1. Р-277. Л. 118.

² Дземешикевич (Хлюстова) Л.К. Харбинцы. Указ. изд. Л. 121.

³ Там же. Л. 119.

⁴ Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. Указ. изд. С. 180.

В этой стихотворной новелле рассказывается о том, как офицер, чья лошадь пала, и стало ясно, что жене и детям не спастись, вынужден был застрелить свою семью:

И проезжали все, поспешно отвернувшись...
В степи чуть-чуть завихрился буран.
И бледный офицер, в молчанье, задохнувшись,
Застывшею рукою выхватил наган!
Два выстрела! Замолкли плачущие дети...
Один в жену... и крик короткий - «ай!»
Себе в висок... Был Бог тому свидетель,
Да страшный крик протяжный - «понужай-ай!»

(«Понужай-ай!», 1927)¹

Очевидно, что в сознании белопоходников внутренний императив («понужай!»), дававший им волю к жизни в страшные дни Ледяного похода, поначалу персонифицировался, антропоморфизировался в образе чудесного помощника – старичка, и, наконец, деифицировался – обрел черты святости.

Арсений Несмелов запечатлел мифологический сюжет о Понужае в стихотворной балладе:

Эшелоны, эшелоны, эшелоны -
Далеко по рельсам не уйти!..
Замерзали красные вагоны
По всему сибирскому пути.

В это время он и объявился,
Тихо вышел из таежных недр,
Перед ним богатырем склонился
Даже гордый забайкальский кедр.

<...>

Стар и сед, а силы на медведя
Не уходят из железных рук!..
То идет, то на лошадке едет,
Пар клубится облаком вокруг...

<...>

¹ Русское слово. 1927. 10 апр.

- Кто ты, дедка? Мы тебя не знаем,
Ты мелькаешь всюду и везде...
- Прозываюсь, парень, Понужаем,
Пособляю русскому в беде¹.

Позднее образ Николая Чудотворца оброс многообразными легендами и сказаниями, апокрифическими нарративами, к которым обращались и сами православные священники. Так, в одной из проповедей святителя Филарета своей харбинской пастве было рассказано целых три истории о чудесах, творимых Николаем Угодником (Старика вокзала, Понужаем). В первой истории незадачливый китаец «в один из ранних весенних дней решил по какой-то спешной надобности пробежать по начавшему уже таять льду Сунгари и, оступившись, оказался в воде, превратившейся в холодное мелкое крошево — смесь воды и мелких льдинок. <...> Бедняга стал тонуть, но был чудесным образом спасен. Понимая, что ему не выбраться из ледяной воды, китаец так сильно испугался, что не выдержал и крикнул по-русски три-четыре известных ему слова: “Старик с вокзала, помоги!”, подразумевая неоднократно виденный им образ святителя Николая Чудотворца. <...> Утопающий тут же потерял сознание, а когда очнулся, то обнаружил, что стоит все в той же холодной воде, но уже по колени, почти что у самого берега. Китаец вылез, отдышался и под впечатлением пережитого чудесного происшествия поплелся на харбинский городской вокзал, где, как известно, долгое время, даже при советской администрации, пребывал образ святого и перед ним теплилась неугасимая лампада. <...> Говорят, что китаец упал на колени перед иконой, а на следующий день крестился с именем Николай»². Другой случай был таков: «Один русский охотник забрел далеко, далеко в тайгу или в степь, и там попал на китайский хутор, где искал отдыха. Приветливые хозяева его приняли, он увидел у них над дверью старенький образок святителя Николая и думает: “Что эти язычники могут с ним сделать, зачем он им нужен?”. И хотел у них взять. Хозяин обидел-

¹ Несмелов А. Понужай // Несмелов А. Собрание сочинений. Указ. изд. Т. 1. С. 133. В 1935 г. вариант этого стихотворения был опубликован в газете «Рупор» под названием «Дед Понужай» и датой «6 декабря 1934 г.» (Рупор. 1935. 1 января. С. 6)

² Филарет (Вознесенский), митрополит. Проповеди. Т. 1. Сан-Франциско, 1982.

ся, говорит: “Как ты хочешь взять у нас этого Старика, он такой добрый, он так хорошо помогает. Мы ни за что не отдадим!”»¹.

Более позднюю историю уже с «советскими коннотациями» рассказывал «некий настоятель православной церкви на Кривой улице в Харбине. В сентябре 1945 г. в храм зашли трое советских летчиков и в нерешительности остановились перед алтарем. Так как службы в тот момент не было, настоятель подошел к ним, отвел в сторону и полюбопытствовал: “Господа, что вам будет угодно?” В ответ на это пришедшие рассказали ему следующую историю. Выполняя задание командования, экипаж самолета в составе трех летчиков вылетел на бомбардировку японских учреждений и войск в Харбине. На подлете к городу летчики, все как один, из-за облака увидели лицо старика, который поднял руки, и... самолет словно бы остановился в воздухе. Он не падал, но и вперед лететь не хотел. Могли повернуть направо, налево, назад, вниз, но только не вперед... Сбросив бомбы за чертой города, летчики вернулись на аэродром, не выполнив задания, но и не спешили докладывать о произошедшем начальству. Кто-то из них предположил, что образ старика очень походил на знакомого ему с детства по иконам Николая Чудотворца. И вот, собравшись с духом, втайне от политработника эскадрильи, пришли в храме ему поклониться. Поставили свечки, ушли...

Эта история замечательна прежде всего тем, что сами горожане свидетельствовали о том, что на Харбин за все время японской оккупации не было сброшено ни одной авиабомбы»².

Так в пиджинизированном именовании памятника, особом отношении к «Старика вокзала», олитературенном мифе о Понужае нашло реализацию «народное слово» о многонациональном городе и его заступнике, святом Николае Чудотворце, помогающем и русскому, и китайцу, и маньчжуру, и украинцу, и еврею...

Размах культурной жизни города способствовал тому, что позднее в воспоминаниях харбинцев разных вероисповеданий мифологические очертания примут гостиница «Модерн», здания Желсоба (Железнодорожного Собрания), ХСМЛ (Христианского Союза Молодых Людей), старой синагоги и т. д.

¹ *Филарет (Вознесенский), митрополит.* Указ. изд.

² *Гончаренко О.Г.* Русский Харбин. М., 2009.

За терпимость харбинских граждан к евреям, следствием чего стал расцвет еврейской общины не только в финансовом, но и в общественно-политическом, религиозном, художественном направлении, город прослыл «Восточным Сионом». Харбин стал одним из центров развития еврейской культуры на Дальнем Востоке; в нем сформировались основы движения евреев на Землю обетованную в процессе формирования государства Израиль. До сей поры харбинские евреи издают альманах «Игуд Иоцей Син», сделав образ Харбина символом своего объединения¹.

Этот город давал широкие, поначалу – неограниченные возможности вновь прибывшим туда, особенно – людям витальным, готовым к разного рода авантюрным предприятиям: «Харбин – во-первых, город международный по характеру своего населения, во-вторых, он город тихоокеанской культуры с известной повышенностью и остротой переживаний. В этом смысле он город фантастический»², – так в 1926 г. харбинцы оценивали свою уникальность.

«Фантастическая» природа Харбина позволяла соотнести его с крупнейшими центрами Европы и Дикого Запада. Харбин «стал привлекать внимание дельцов самого разного толка, кинувшихся “делать деньги” на девственных просторах Маньчжурии. Со всех концов Российской империи сюда хлынули коммерсанты, подрядчики, биржевики, спекулянты, а также и простой люд – рабочие, ремесленники, лавочники, прислуга и т. п. <...> Особенно быстро богатели люди, занимавшиеся подрядами на строительстве дороги и работавшие в лесопромышленности, торговле. Однако, как и на “диком Западе”, баснословные состояния, создававшиеся в Харбине со сказочной быстротой, чаще всего так же быстро “лопались” или проматывались»³.

¹ *Об этом: Эфендиева Г.В.* Судьбы еврейской диаспоры в Китае (по материалам «Бюллетеня Игуд Иоцей Син») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Сборник материалов международной научной конференции. Благовещенск, 2002. Вып. 3. С. 469–475; *Ее же.* «Мой мир – мозаика стихов...» (О поэтическом наследии Рахели Кольберг) // Бюллетень Игуд Иоцей Син. Тель-Авив; Яффа, 2003. № 376. С. 56–59.

² *Доктор Финк.* Фоб-Дайрен (рассказы К. Сабурова) // Заря. 1926. 1 февраля.

³ *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). Указ. изд. С. 65.

За «деловитость и умение принимать верные решения, ведущие к развитию и прогрессу...» Харбин получил близкий перифраз «восточный Чикаго»¹. «Восточный Клондайк» определял те сказочные возможности обогащения и процветания, что таили в себе богатая недрами маньчжурская равнина и маньчжурская тайга, наличие там золотых приисков и лесных концессий.

А «восточным Парижем» маньчжурский городок стал чуть позже – по праву крупнейшего культурного центра русской эмиграции на Дальнем Востоке. Но был окрещен так и за любовь к развлечениям и модным нарядам (Г.В. Мелихов)², за особый «харбинский шик»³, вызывавший зависть у советских дам – жен советских служащих, специально отправлявшихся туда «пошить костюмчик». Благодаря именно этим качествам в восприятии ориентированных на Запад харбинцев *их* город был «авантюристичен», «подтянут», «американизирован», «кинематографичен»⁴:

Прекрасна жизнь в Париже
И в Вене, и поближе,
Бывает там весь свет,
Но Сунгари там нет!
В Венеции не худо,
Неаполь – тоже чудо,
Но место, без прикрас –
Нахаловка у нас.
И Альпы, и Карпаты
Культурою богаты,
Ну что же и пускай,
Там нет «толкай-толкай»!
В Европе все изжито,
Опошлено, избито,

¹ Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. Указ. изд. С. 375.

² Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. Указ. изд.

³ Об этом: Эфендиева Г.В. В пространстве харбинской моды (по материалам журнала «Рубеж») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Благовещенск, 2009. С. 142-153; Ее же. «Харбинский шик» и «советская прозодежда»: о моде, идеологии и культуре // Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009. С. 97-110.

⁴ Доктор Финк. Фоб-Дайрен (рассказы К. Сабурова). Указ. изд.

Житье же, как во сне,
В одном лишь Харбине!

(«Харбинские прелести»)¹

Мифопоэтическое восприятие пространственных координат Харбина возникает в сознании харбинцев не сразу, а лишь тогда, когда революционная катастрофа отделит этот город от метрополии и от Китая, от прошлого и от настоящего. Волна революции не сразу докатится до Харбина, долгое время жизнь в нем будет протекать в привычном русле.

В целом Харбин сохранял свой облик добропорядочного провинциального городка: «Милая Хорватия всех приняла, всех обласкала, всем помогла. Белобородый дедушка Хорват всем своим многолетним авторитетом, дипломатическим тактом, политической ловкостью сумел прикрыть, уберечь незваных гостей от недовольства хозяев страны»². Известный политический деятель Н.В. Устрялов – человек, вовсе не настроенный на «литературную волну», – писал в 1927 г.: «Харбин производит впечатление совсем патриархальное. Даже не дореволюционный, а прямо довоенный стиль жизни. Что-то совсем старомодное – словно “страна воспоминаний” из “Синей птицы”. Повсюду благообразные, степенные лица, благонамеренные взгляды и по-старому пышное, обильное хлебосольство»³. Возникла особая ситуация *безвременья*: «Время как бы остановилось в Харбине. А мы знаем: это типичный мотив волшебной сказки», – с расстояния прошедших лет реконструирует темпоральные ощущения харбинцев современный исследователь⁴. Правда, идиллическое время «между историей» продолжалось недолго. Характерно, в какую форму облакаются воспоминания об этом: «...однажды, примерно в 1919 году, коренные харбинцы, проснувшись утром, узнали из газет, что они со своими чадами и домочадцами стали эмигрантами. Это было тяжелое пробуждение. Нужно было с этим примириться» (курсив мой. – А.З.)⁵.

¹ Цит. по: Мелихов Г.В. Белый Харбин. Указ. изд. С. 374–375.

² Лович Я. Враги. Указ. изд. С. 130.

³ Устрялов Н.В. Иркутск–Харбин // Новости жизни. 1927. Юбилейный номер.

⁴ Линник Ю. Сольвейг. наброски к портрету Лариссы Андерсен // Грани. 1995. № 177. С. 150.

⁵ Хаиндрова Л.Ю. В Харбине – городе детства // Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. Указ. изд. С. 210.

Но постепенно город стал наполняться реальными беженцами из России: «...после того, как растаяла Белая мечта, вдруг нагрянули, нахлынули в Хорватию со всех сторон – с востока, с севера и особенно с запада – тысячи и тысячи запуганных, разбитых и морально и физически, растерянных, несчастных, замученных кровавой борьбой российских граждан. Они ехали в поездах, переходили границу пешком, плелись на усталых, измученных лошадях. Это было нашествие, великое переселение народов. Это было страшное время, когда русские люди, раздавленные, выброшенные большевиками на чужбину, были не организованы, растеряны и беспомощно озирались вокруг, видя чужие народы, чужую жизнь, чуждые нравы и обычаи, к которым волей-неволей приходилось приспосабливаться, чтобы существовать»¹.

В эти годы возникает еще одно именование русских, прибывших в Маньчжурию после революции, – «белоэмигранты», среди китайцев называемых «белые русские»². Своеобразие социокультурной обстановки в Харбине состояло в том, что средние слои бывших российских граждан попали в «почти довоенную» «почти Россию» тогда, когда той – прошлой России – уже не было. «Здесь, на линии КВЖД, собрались, как в музее, различные классы и слои России, со многих ее концов – с Волги, с Урала, из Западной Сибири, из Уссурийского края, из Приморья. Собрались сюда, чтобы отдохнуть, зализать раны, помолиться о погибших в борьбе, собраться с силами и, если будет возможность, снова ринуться в сечу с временно победившим большевизмом. Думали, мечтали, что время это скоро придет, что недолговечна советская власть и вот-вот снова затрубят трубы великого сбора.

А пока – кто мог, кто устроился – присматривались к быту кэвэжэдэков, учились у них, учили их. Жадно набросились на неприхотливые радости жизни, словно торопясь вознаградить себя за ужасы недавней борьбы: летом купались в Сунгари, загорали на маньчжурском огненном солнце, ездили на дачу. Зимой служили, торговали. Создавали новые дела, строили. Конечно, пили водку под чудесные маньчжурские соленья, покупывали в ресторанах, ходили в театры и в кино – и спори-

¹ Лович Я. Враги. Указ. изд. С. 130.

² Об этом: Сеняна Е.В. Образ «белоэмигрантов» в китайской литературе 20–40-х гг. XX в. Указ. изд.

ли, спорили, спорили о будущем устройении государства Российского»¹.

По сравнению с западными центрами, где эмигрантам приходилось выживать в тяжелейших условиях, харбинская обстановка была благоприятной. Испытав поистине эсхатологическое потрясение, утратив семью, дом, Отчизну, пережив ужасы Ледяного похода, новоявленные харбинцы словно вернулись в прошлое и практически оказались в ситуации первотворения, когда могли не только заново «восстановить» былое, но и имели для этого еще лучшие возможности: отсутствие фактической бедности, лояльность со стороны китайских властей, большой приток интеллигентных сил, полных креативной энергии, отсутствие жестких границ с Россией. «Положение этого города тогда было двойственно: географически он находился в Китае – и в то же время казался частью России. Ведь здесь давно обосновались россияне, строившие и обслуживавшие КВЖД. Русская колония многократно увеличивалась после Гражданской войны. Институты, издательства, церкви, школы: все это было в эмигрантском Харбине, который жил и функционировал как полноценный русский город. Но только не было в нем ни КГБ, ни Главлита. И вместо революционных лозунгов висели на его магазинах добротные купеческие вывески с привычными “ять”»².

Впоследствии это дало возможность прийти к мифологическому обобщению о том, что в Харбине «все... было доступно, и все мы говорили по-русски, и все мы были равны. Именно там, в эмиграции, особенно среди молодежи, в гимназиях, на спортплощадках бесклассовое общество получилось само собой» (курсив мой. – А.З.)³. Подобный устойчивый образ «положительного Харбина», «Харбина-папы»⁴ сформировался под воздействием «харбинского эффекта» на сознание тех, чья жизнь протекала в этом городе, и тех, кто впервые встречался с ним. Отметим, что и в откровениях известной поэтессы, прозвучавших спустя многие годы, также сильна доля мифологизации харбинской социальной парадигмы, но это – опять-таки результат работы художественного сознания.

¹ Лович Я. Враги. Указ. изд. С. 131.

² Линник Ю. Сольвейг. Указ. изд. С. 151.

³ Андерсен Л. Ларисса вспоминает. Указ. изд. С. 319.

⁴ Янковский В. Харбин-папа // Рубеж. 2006. № 6. С. 367–375.

В начале 20-х гг. в этом городе на короткое время удивительным образом нивелировались не только классовые противоречия, но и социальная вражда, приведшая в Харбин тысячи беженцев. На страницах харбинского «Рубежа», в строках, позднее вошедших в роман с красноречивым названием «Враги», Яков Лович так охарактеризует эту социокультурную ситуацию харбинского фронта: «Вдруг уходят, тают, расплываются старые будни, заботы, думы о страшных днях, воспоминания о недавно пережитом, о кровавой борьбе в сибирских просторах, о горечи поражения, о потере многих, многих дорогих людей. Вся эта тысячная толпа, сидящая в театре, замершая, замороженно следящая за каждым движением Кармен, еще недавно, совсем недавно – два года тому назад – уходила, ощеряясь, огрызаясь, нанося короткие, яростные, отчаянные удары наступающему, беспощадному врагу. Уходила на восток – туда, где грезилось спасение, где можно было отдохнуть, залечить раны, собраться с силами и снова броситься на борьбу.

Эти мужчины были одеты тогда в хаки, сжимали винтовки, шли по снежным сибирским равнинам, по свирепой, звенящей от мороза тайге, падали от голода, холода, истощения, ран, тифа, снова поднимались и, скрипя зубами, шли, шли вперед – к спасению, к жизни, к лучшему будущему, которое они хотели найти на востоке.

Эти женщины, многие из которых одеты теперь уже снова хорошо, тогда, два года тому назад, брели со своими мужьями, братьями, отцами по тайге, оборванные, страшные, похожие на трупы, ехали в санях и на телегах, переполняли теплушки. Они ухаживали за ранеными, тифозными, обмороженными, они кормили на привалах своих мужей теми немудреными продуктами, которые удавалось достать по сторонам великого сибирского пути в разоренных яростной борьбой деревнях. И часто – о, как часто! – они хоронили – наспех, кое-как – в ледяных и снежных могилах своих детей, своих мужей, отцов, братьев. И многих, многих из них, из этих женщин, засыпали снегом в тех же сибирских просторах, и многих, многих из них выбрасывали настигнувшие большевики из холодных теплушек – уже замерзших, уже превращенных морозом в звенящие от удара трупы со стеклянными, открытыми, скорбными глазами.

Но те, кто вышел из этого ада, из ледяных тисков мороза, кто вспоминал о пройденном страшном пути, как о дурном

сне, те хотели теперь жить, жить, жить во что бы то ни стало, закаленные борьбой, посмеявшиеся над смертью, случайно вытянувшие счастливый билетик в трагической лотерее 1920-го года.

Вот почему молчали все они в театре <...>: знойной сказкой и звоном гитар тушили воспоминания о ледяных ночах в жестокой, угрюмой, мохнатой тайге, сушили сочащуюся еще кровь из ран, гнали смертельную тоску по разбросанным по страшному пути дорогим могилам»¹.

Все социокультурные и общественно-политические особенности формирования харбинской среды располагали к тому, чтобы «удивительная власть литературы» стала силой, интенсивно движущей восточный центр русского зарубежья вперед². В Харбине, воссоздавшем в миниатюре по образцу и подобию модель ушедшей России, во-первых, сформировались все условия для того, чтобы заново «проиграть» сценарий недавней литературной эпохи, возвращенной в Петербурге. Для харбинских сочинителей это было тем более актуально, что, находясь далеко от своих парижских собратьев, они во многом развивались собственными силами. В то время как первое поколение западной эмиграции задавалось мучительными вопросами самопознания и осознания своей исторической миссии в философских трудах³, публицистике, харбинские изгнанники использовали практическую возможность воссоздать по дореволюционным образцам русскую культурную среду. До революции будучи отстраненной от столичных центров, от эстетических исканий Серебряного века (в силу своего социального происхождения либо географической удаленности), сформированная в начале 20-х гг. харбинская интеллигенция испыты-

¹ Лович Я. Об артистке Зыряновой, о бомбах на станции Бухэду, о Лашевиче и советской даме, о Косте Зубове и о том, как Остроумов приказывал расти траве и цветам (шесть отрывков из нового романа) // Рубеж. 1940. № 31. Цит. по: *Литература русского зарубежья. Восточная ветвь*. Указ. изд. Т. I, ч. 2. С. 33–42.

² Об этом подробно: *Забияко А.А. Русский Харбин: мифогенное пространство и художественное мифотворчество* // «Четверть века беженской судьбы...» Художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск, 2008. С. 18–39.

³ Например: *Степун Ф.А. Мысли о России* // *Современные записки*. Париж, 1923. № 17; *Ильин И.А. Путь к очевидности*. М., 1993; *Федотов Г. Зачем мы здесь?* // *Современные записки*. Париж, 1935. № 8; *Адамович Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру*. Париж, 1961; и др.

вала мифологизаторское отношение к эпохе русского модернизма. Она с радостью неопита открывала для себя поэзию А. Блока, А. Белого, А. Ахматовой, в меру возможностей постигая и зачастую впервые переживая изыски салонной культуры:

Россия. Петербург. Нева.
Как ни зови их, смысл все тот же.
Душа забудет все слова,
Но этих позабыть не сможет.

(С. Сергин «Заветные слова», 1935)¹.

Так писал поэт, никогда не бывавший в Петербурге, не выезжавший никуда за пределы Харбина. В то время как русский Париж декларативно обозначил свою дистанцированность от культуры Серебряного века, обвинив Блока и его последователей в скифстве и разрушительной азиатчине², дальневосточные беженцы именно в литературе той поры искали духовную опору. Потому в интеллигентской среде Харбина просыпается жажда творчества – настоящая «жадность к поэзии» (В. Слободчиков). Писать начинают все – не только представители дворянского сословия, но и бывшие военные, их жены и дети, домохозяйки, железнодорожные служащие, дети железнодорожников, танцовщицы, чиновники, журналисты, архитекторы и т. д. В мифопоэтической утопии литературного Харбина, невероятными темпами проживающего свою историю, сходятся и ожидание «легендарного Героя», и потребность в сакрализации недавнего прошлого, в романтизации жизни, и жажда мифологизации бытия русского человека в инокультурном окружении.

Но в Харбине, наиболее удаленном от Парижа по сравнению с другими эмигрантскими центрами, создавалась и харбинская мифология уже «русского Парижа». Он воспринимался харбинцами – в противоположность «провинциальному» Харбину – как столичная антитеза, как идеализированное царство «высокой» литературы и «высоких» литературных отношений, тем более, что туда отправился весь цвет российской интеллигенции:

¹ *Русская поэзия Китая: Антология* / сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001. С. 485. Далее ссылки на это издание: РПК с указанием страниц.

² *Адамович Г. Александр Блок // Адамович Г. Одиночество и свобода.* М., 1996. С. 287-297.

Когда бы вырос я в Париже, –
Изрек литературовед, –
Я был бы и к Парнасу ближе...
<...>

Преславный город, град небесный!
Зачем ты не открылся мне?
Я оказался в Харбине...

(В. Перелешин «Поэма без предмета»)

«Нам казалось..., что парижские поэты – сплоченная группа, что все они пишут в одном тоне (и как прекрасно!), что Ладинский в отличных отношениях с Цветаевой, Адамович запросто бывает у Ходасевича, Поплавский на “ты” с Георгием Ивановым и что “телесная” Екатерина Бакунина кормит пельменями Эйснера и обожаемого (нами) Анатолия Штейгера:

Синеватое облако,
И еще облака...

И это было бесподобно. Лучше и Ахматовой, и Гумилева, и Блока»¹.

Мифологизированный образ Парижа представлен в письме В. Янковской (хотя и не проживающей в Харбине, но близкой по духу харбинцам) к М. Кантору: «Слово “Париж” звучит в Корее далеким и почти нереальным. Боюсь, что в этом Париже такими же покажутся Вам и мои дальневосточные стихи... Но мне так хочется попасть на Запад!»².

Надо сказать, что и первые заседания будущей «Чураевки» проходили под названием «Вечера под Зеленой лампой» – в полном соответствии с парижскими «вечерами» в доме Мержежковских:

В Париже группировки, кланы,
Литературные кружки:
Подружки млеют и дружки,
Взаимным восхищеньем пьяны.
Там видятся большие планы,
Там анемичные стишки
О счастье, остром до тоски,

¹ Перелешин В. Два полустанка // Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. Amsterdam, 1987. P. 26.

² Письмо В. Янковской М. Кантору от 7 октября 1934 г. // Якорь: Антология русской зарубежной поэзии. СПб., 2005. С. 352. Далее ссылки на это издание: Якорь. С указанием страниц.

Превознесут терапианы.
Там не запьешь, не захандришь:
Рукой Бакуниной телесной
От сплина вылечит Париж¹.

В 1930 г. Арсений Несмелов снизил планку претензий харбинцев в фельетоне, дав остроумный «дайджест» социокультурных рецептов «Харбина с ... точки зрения». Для большевиков, например, Харбин – «Бурррржуазный веррртеп!

Но вертеп, куда хорошо получить командировку, чтоб отдохнуть от “социалистического рая”. Еще лучше получить в этом вертепе надолго основательную солидную службу, обзавестись квартиркой, потихонечку покушивать и... ругательски ругать город, в котором потихоньку наслаждаешься всеми прелестями “буржуазной” культуры»².

Для эмигранта это – «тихая пристань».

– Здесь, мол, над нами не каплет!

Конечно, эмигрант любит поворчать на Харбин, но ворчит он, как ворчит муж на жену, с которой тихо и мирно прожил лет десять: добродушно, ласково и не оттого, что жена ему не нравится, он представить себе другой супруги не может, а просто печень или почки расходились!..

Ведь годы берут свое. Десять лет прожито, сколько пережито..

Одни воспоминания молодости чего стоят! Бегство из Сибири, каморка в Модягоу, потом местечко на КВЖД, обывательское благоденствие...

И, думая о Харбине, эмигрант вздыхает:

– Плохо ли, а от добра добра не ищут!..».

Он изложит разные точки зрения разных слоев харбинских обывателей: коммерсанта («сплошная депрессия»), «некоторых харбинских женщин» («надо искать иностранца»), и домопупа³, которому «Харбин представляется скопищем немущих квартиронаимателей, отчего у него всегда дурной аппетит, и он, домопуп, плохо спит», и незамужних девиц, для которых «Харбин представляется тоже скопищем, но не квар-

¹ Перелешин В. Поэма без предмета. Холиок, 1989. С. 47.

² Несмелов А. (подп. Н. Рахманов). Харбин с ... точки зрения // Рупор. 1930. № 333. С. 5.

³ Домопуп – домоуправляющий.

тирантов, а... женихов. Большого различия в возрасте они не видят.

Холостяк в пятьдесят лет – такой же жених, как и в двадцать.

Даже лучше. И обеспечен, и не так ревнив, и не так придирчив.

– С мужем жить – не с лица воду пить. Для питья можно найти и более подходящий источник».

Жизнеутверждающий финал фельетона Несмелова таков: Харбин – «это собрание тем для фельетонов». А фельетоны нужны там, где их читают, где к ним относятся с живым интересом, где могут посмеяться и задуматься в соответствии с уровнем своей культуры и образованности. Харбин был именно таким – городом развивающихся и витальных, читающих людей.

Итак, фронтирная уникальность природы Харбина не могла быть исчерпана только крупным масштабом экономических, политических, эстетических аналогий либо – гротескными определениями самоуничжительного характера. Каждый воспринимал город сквозь призму собственных предпочтений, в этом многоголосии представлений как раз и заключалась сущность «фантастического» Харбина – русского города в центре Маньчжурии.

Глава 3

«ОКОПНАЯ ПРАВДА»: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

*Гремел, крутил и нес водоворот:
Любовь и смерть. Проклятья, грохот, вздохи, –
И это все – четырнадцатый год
Столетия и первый год – эпохи.
Всклооченный, шарахнувшийся год!*

(А. Несмелов.

«Тысяча девятьсот четырнадцатый»)¹

Эти строки Арсений Несмелов напишет в 30-е годы². Для него, как и для многих эмигрантов старшего поколения, уже наступит время подведения жизненных итогов, обращения памятью к событиям, в которых они принимали активное участие и которые стали историей, вписания этих событий в жизнь харбинского эмигранта.

Жизнь русского Харбина и развитие его культуры можно исчислять тремя основными этапами: с 1898 до революции, с 1920 г. по 1932 г. и с 1932 по 1945 г. Как писалось выше, коренные изменения в патриархальном быте харбинцев начинаются в 1920 г. «Рассосались, разметались по всей КВЖД пришлые русские люди – еще недавние бойцы, солдаты Белой Идеи. Медленно стали устраиваться. Не легко это было, не просто, не всем повезло. Но года через два как-то умялись, растряслись. По маньчжурским степям, в тайге, в горах, по станциям, а главным образом в Харбине, осели все те, кто не хотел примириться с большевизмом, ушел поэтому из России и предпочел скитальческую жизнь примирению с властью Хама. Это были смертельные враги большевиков...»³, – напишет о своем восприятии этого времени Я. Лович.

¹ Несмелов А. Собрание соч. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Указ. изд. С. 392–396.

² В указанном издании стоит подпись «Харбин, 1931». Судя по примечаниям, «главы из поэмы» публикуются по «Гумилевскому сборнику» (Харбин, 1937 г.). В Библиографии Дяо Шаохуа есть указание на более позднюю публикацию: Врата. 1934. № 1 // Дяо Шаохуа. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае). Библиография. Указ. изд. С. 96.

³ Лович Я. Враги. Указ. изд. С. 130.

По данным 1923 г., только в Харбине к тому времени окажется уже 165 857 русских¹. Большинство вновь прибывшего населения русского Харбина составят опытные вояки. В основном это будут люди, «почти со школьной скамьи попавшие на фронт Первой мировой войны, в течение долгих лет непрерывно воевавшие и не знавшие никакого другого дела и другой обстановки»². Среди них – государственные, политические и общественные деятели (Д.Л. Хорват, Н.Л. Гондатти, Н.В. Устрялов и др.), руководители белого движения (Г.М. Семенов, М.К. Дитерихс, Б.В. Анненков), члены военных формирований Г.М. Семенова, И.М. Калмыкова, Р.Ф. Унгерна, В.О. Капеля и т. п.

Судьбы этих людей сложатся по-разному. «Непримиримые» продолжат борьбу с Советами, вступив в различные военно-политические организации (например, прославившийся своей лютостью атаман Г.М. Семенов) или создав собственные вооруженные отряды (как, например, легендарный барон Унгерн). Ищущие забвения от пережитого окупятся в обустройство своего эмигрантского быта, с трудом перекавалифицировавшись в служащих и коммерсантов. Не нашедшие себя в мирной жизни «мещанского» Харбина погрузятся в пьянство либо покончат жизнь самоубийством.

Будут среди них и те, кому «кровавый отблеск»³ военных лет осветит дальнейшую дорогу в литературное творчество. Эти люди сформируют неповторимый облик культуры дальневосточного русского зарубежья – А. Несмелов, Л. Ещин, М. Колосова, А. Хейдок, Я. Лович, Вс. Иванов и др. Будут те, кто пройдет японскую, германскую, Гражданскую (Н.А. Байков и П.В. Шкуркин), узнает радость побед и горечь поражений на фронтах Великой войны, а затем попадет на Гражданскую (А. Несмелов, А. Хейдок, Вс.Н. Иванов), и те, кто в силу возраста или каких-то других причин сразу окупнется в водоворот братоубийственных событий 1918–1921 гг. И хотя кровавые сполохи последующих трагедий озарят души многих будущих писателей значительно раньше, в годы Первой мировой, в их сознании события этой Великой войны на долгое время будут заслонены и вытеснены революционной катастрофой.

¹ *Весь Харбин на 1923 год* / под ред. С.Т. Тернавского. Харбин, 1923. С. 94.

² Поляков Ю.А. Проблемы эмиграции и адаптации в свете исторического опыта // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 8–15.

³ «Кровавый отблеск» – название сборника А. Несмелова (Харбин, 1929).

**«Окопная правда» и ментальность
дальневосточного фронта:
образ Первой мировой войны в сознании русских эмигрантов**

Бойцы-фанагорийцы.

Воин-замурец (открытка с фронта).

**«Окопная правда» и ментальность
дальневосточного фронта:
образ Первой мировой войны в сознании русских эмигрантов**

1-й русский кадетский корпус им. Великого князя
Константина Константиновича.

Поручик А. Митропольский.

Титульный лист
книги А. Митропольского
«Военные странички». 1915 г.

**«Окопная правда» и ментальность
дальневосточного фронта:
образ Первой мировой войны в сознании русских эмигрантов**

Бойцы егерского лейб-гвардии полка.

«Зверства» русских в Первую мировую войну.
Фото из русской газеты военных лет.

**«Окопная правда» и ментальность
дальневосточного фронта:
образ Первой мировой войны в сознании русских эмигрантов**

Вс.Н. Иванов (фронтовое фото).

Я.Л. Лович (Дейч) (фронтовое фото).

«Вероятно, ни с одной из великих войн, – писал А.П. Лиферов, – в которых Россия участвовала в последние несколько столетий, не связано такое же молчание и сознательное искажение народного самосознания, как с войной 1914–1918 гг. Несмотря на огромное количество исторической литературы по этому периоду, изданной за последние десятилетия, Первая мировая война в исторической памяти россиян до сегодняшнего дня остается “белым пятном”, несмотря на крупнейший всплеск литературы и публицистики, наметившийся в те годы...»¹. В течение военных лет к этой теме в разных художественных формах, с разными идейными установками и обращались И. Шмелев («Суровые дни», 1917), Л. Андреев («Иго войны», 1916), С. З. Федорченко («Народ на войне», 1917), с фронта слал свои записки Н. Гумилев («Записки кавалериста», 1916). Стихами откликались З. Гипшиус, М. Волошин и др.

Однако в Советской республике образ Первой мировой войны будет практически стерт из национальной памяти и культуры, а то, что останется как данные исторической реальности, будет искажено и извращено.

Причина такому трагическому забвению в метрополии абсолютно ясна. Ее корни – в идеологической установке, определившей магистральную линию формирования массового советского сознания: все, происходившее до революции в истории России, было временем «тяжкого многовекового рабства простого русского народа». Советский беллетрист Ю. Слезкин понял эту «генеральную линию» как руководство к действию и поделился своими выводами с собратьями по перу: «...мой совет – забудьте как можно скорее прошлое, если хотите устроить настоящее и обеспечить будущее... *Прошлого не существует*»² (курсив мой. – А.З.). Справедливости ради, надо сказать, что к теме Первой мировой войны в своем творчестве обращались и А.Н. Толстой («Хождение по мукам»), и Б. Пастернак («Доктор Живаго»), и М. Шолохов («Тихий Дон»). Но общий пафос изображения событий тех лет будет определяться словами «позор», «поражение», «разочарование». Потому Первая мировая война, в других странах несомненно связываемая с победами

¹ Цит. по: *Костюков Л.* Холод пути: о человеке, который отказывается делать то, что дается легче всего. Николай Гумилев // Первое сентября. 1996. № 2. С. 5.

² *Слезкин Ю.Л.* Фантазмагория. Берлин, 1924.

русского солдата и русского оружия, будет переименована в «империалистическую», ее герои и мученики вычеркнуты из истории (что, безусловно, спасло некоторых, еще живущих).

К сожалению, и западная эмиграция не проявит особого интереса к данной теме. В этом смысле проза восточной ветви русского зарубежья проявит свою фронтирную специфику, дав эмигрантскому читателю и последующим поколениям бесценный материал, свидетельствующий о духе русского солдата и забытых страницах русской истории, которыми можно гордиться и черпать из них опыт.

Одним из писателей, познавших «окопную правду» во всей ее полноте, станет Арсений Иванович Несмелов [1889–1945]. В 1914 г. поручик Митропольский в качестве военного корреспондента начинает публиковаться в военных газетах «Столичная молва» и «Наша Родина»¹. До войны пробовавший себя в качестве фельетониста и автора прозаических безделок а-ля Антоша Чехонте, на фронте он пишет «военные странички» – военные зарисовки с места событий, создав оригинальный жанр с новеллистическим сюжетом. Читателю, ожидающему вести с фронта, корреспондент Митропольский открывает фронтовые будни во всей их полноте. Несмотря на постоянно сопровождающее ощущение близости смерти, «военные странички» А. Митропольского показывали войну – как образ жизни.

«Странички» печатаются регулярно, почти в каждом номере «Столичной молвы» или через раз, например: «Над Вислой» (№ 395. 20. 10.14); «Агония одного полка» (№ 396. 27.09.14); «Шпион», «Дети», «Номер второй» (№ 397. 3.11.14); «Денщики» (№ 399. 17.11. 14); «Подпоручик Муратов» (№ 400. 24.11.14); «Будни» (№ 402. 8.12.14) и т. д. Повествовательная стратегия «страничек» вполне органична жанру: рассказ ведется от первого лица, лишь иногда уходя в сторону безличного повествования. Мы понимаем, что наш рассказчик рука об руку воюет на передовой со своими героями-солдатиками, его ощущения неотделимы от их фронтовых горестей и радостей.

Автору в ту пору 25, он не мыслит обобщенными категориями («русский народ», «патриотизм», «отечество» и т. д.) –

¹ Данная глава написана с учетом уже известных публикаций прозы А. Несмелова и недавно опубликованного двухтомника его прозы: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: Научное издание: В 3-х томах. Т. 1. Проза: В 2-х частях. Ч. 1. Указ. изд.

ему бы самому дожить до завтра. Когда смерть подстерегает на каждом шагу, в этой жизни все предельно ясно: кто такой враг, что такое дружба, любовь; как много значат покой, тепло, сон, простой кусок хлеба... И каждый вечер в его душе, как и в душе каждого солдата, «начинала шевелиться робкая, скрываемая от самого себя, надежда на то, что их часть сегодня не “ввяжется” в бой»¹. Самоценным для военного корреспондента Митропольского является отдельный человек, его характер, иногда определяемый в двух-трех словах: «Их трое: Терентий — московский монтер, Кузьма — трамвайный кондуктор и Гришка — вятский мужик. Монтер сутул, мал ростом и ядовит. С Кузьмой, хитрым парнем, он во вражде и за хохлацкое происхождение называет его “малороссийским салом”».

Гришка — дитя природы.

Все они денщики и сейчас догоняют полк, следуя за фуранкой, нагруженной офицерским скарбом» («Денщики». Курсив мой. — А.З.)². Маленькие радости денщиков — раздобыть припасов повкуснее да съесть их тайком от командира. Но вот неожиданно три разбитных денщика встречаются с врагом и мгновенно превращаются в отчаянных бойцов: «И вдруг заspanные, немытые денщики лица разом преобразились, стали суровыми и решительными, как у бывалых боевых солдат. Денщики нагнулись к чемоданам и закопошились в вещах, вытаскивая винтовки <...>

Денщикам не было времени соскочить на землю, и они стали палить в налетевших врагов. Лошаденка, испугавшись выстрелов, рванулась вперед и из последних сил понеслась по дороге. Этим было выиграно несколько секунд, и десяток беспорядочных выстрелов сделал свое дело <...>

Трофеями победителей были две лошади и один легко раненый в ногу австриец. Но теперь денщики не решались

¹ Митропольский А. Агония одного полка (по рассказам пленного) // Столичная молва. 1914. № 396 (27 окт.). С. 3; Митропольский А. Военные странички. М., 1915. С. 28–32. Цит. по: В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Ч. 1. Указ. изд. С. 27–30.

² Столичная молва. 1914. № 399 (17 нояб.). С. 2; Митропольский А. Военные странички. М., 1915. С. 15–17. Цит. по: В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Ч. 1. Указ. изд. С. 35–37.

уже двигаться наугад и вернулись в деревню, где решили заночевать»¹.

Человек на войне живет простыми чувствами, и писатель передает это самыми разными способами. Передышка между боями – и рассказчик набрасывает живые зарисовки: «Я сижу на кровле моей землянки и наблюдаю за жизнью врага.

Вот из домика с красной черепичной крышей вышел австриец в расстегнутом мундире и смотрит в мою сторону, почесывая спину. По улице спускающейся к реке деревни бежит другой солдат и тащит гуся... За ним гонится баба...

Вот догнала, вцепилась... Мне даже слышно, как она кричит...

...Они следят за дорогой, по которой ходят в город за хлебом и табаком наши "земляки"...

Вчера по этой дороге шел офицер. По нему сделали около тридцати выстрелов, и последний был удачный... Пуля попала в засунутую в карман руку, пробила кисть и засела в ногу» («Над Вислой»)².

Героя, сидящего в окопе, изводит беспрестанное пение пуль: «У каждой свой звук. Крошечная, случайная разница в весе, и вот одна гудит, как струна контрабаса, а другая визжит. И очень скверно визжит.

Скучно сидеть в земле и слушать эту музыку. День такой бесконечный!» («В земле»)³; а ротный, измотанный десятками верст переходов, мечтает только об одном – о бане («В резерве»)⁴.

Вечером офицеры прощаются и каждый «идет разрыскивать свою "могилку", как солдаты прозвали окопы, вырываемые отдельными ямками.

Вот она. На дне есть солома, и лежать будет мягко.

Шинель у офицера широкая, а если расстегнуть еще хлястик и поднять воротник, то в нее можно завернуться, как угодно. И будет тепло.

¹ Митропольский А. Денщики. Указ. изд.

² Митропольский А. Над Вислой // Столичная молва. 1914. № 395 (20 окт.). С. 2; Митропольский А. Военные странички. М., 1915. С. 45–48. Цит. по: В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Ч. 1. Указ. изд. С. 23–27.

³ Столичная молва. 1914. № 405 (29 дек.). С. 2; Митропольский А. Военные странички. М., 1915. С. 24–28. Цит. по: В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Ч. 1. Указ. изд. С. 49–53.

⁴ Столичная молва. 1915. № 406 (5 янв.). С. 2; Митропольский А. Военные странички. М., 1915. С. 38–43.

Теперь надо закурить папиросу, и в “могиле” будет очень уютно...

Боже, как хорошо лежать так, не двигаясь, не думая ни о чем... Даже жаль засыпать, хочется продлить эти минуты блаженного покоя, но сон сам закрывает глаза...

Тишина, тишина, тишина...»¹ («Ночью»).

При этом враг – австриец, немец – на этой войне только тогда настоящий враг, когда идет сражение. Как только заканчивается атака и «люди становятся людьми», – и «враг» воспринимается таким же человеком, что и русский боец: «Бросая орудия, пулеметы и обозы, тридцать тысяч человек неслись, как листья, подгоняемые ветром, полубезумные от усталости, жажды и ужаса.

Вот один обессилел и упал, но в небе что-то летит, жужжит, как огромная приближающаяся муха... Все ближе, ближе... Вот будто остановилась и

– Дзюу!..

Мякнула своими двумя с половиною сотнями пульек, и человек снова вскочил и снова бежит, пока мозг не выдержит, а душа не впадет в полное безразличие» («Атака»)².

Война полностью меняет сознание человека, отодвигая на задний план все суетное, преходящее: «офицер понял, что война сделала его совершенно иным, новым... Прежнего капитана С. беспокоил вопрос о новом пальто для дочери-курсистки, волновал отзыв начальства и прочее, – все то, что теперь стало таким безразличным и далеким... Три четверти души словно умерло, а последняя четвертушка образовала новую душу, для которой жизнь началась лишь с того момента, как эшелон был посажен в вагоны воинского поезда и покинул М. Действительностью стали походы, ночевки в польских деревушках и фольварках, тревоги, бои – словом, все, что называлось войной»³ («Капитан С.»). Другой офицер, потерявший на фронте ногу,

¹ Столичная молва. 1915. № 421 (20 апр.). С. 3. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Ч. 1. Указ. изд. С. 67–70.

² Митропольский А. Военные странички. М., 1915. С. 20–22. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: Ч. 1. Указ. изд. С. 58–60.

³ Столичная молва. 1915. № 424 (11 мая). С. 3. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Ч. 1. Указ. изд. С. 77–80.

вдруг становится философом: «У каждого бывают минуты, когда мир кажется прекрасным, и даже то, что час назад угнетало душу и делало ее несчастной, — окрашивается льющимся отовсюду сиянием тихой и печальной красоты» («Без ног»)¹. А «сумасшедшая принцесса», как прозвали одну уездную даму ее неудачливые воздыхатели, обретает смысл жизни в том, что становится начальницей военного госпиталя: «В госпитале Веру Михайловну оценили сразу. Стала она в нем не только заведующей, но и всем чем угодно. Задержали, например, поезд на станции — кого отправить для переговоров, как не ее? Она все сумеет, все устроит, обо всем позаботится. Без нее же ничего не клеится...

А когда приехали на фронт и госпиталь развернулся в крошечном, наполовину сожженном местечке, — Вере Михайловне и цены не стало. Она сумела в лазарете, оборудованном на пятьдесят человек, поместить двести... Она нашла для этого и помещение, и средства, и, заведя всем сложным и хлопотливым госпитальным хозяйством, успевала в то же время работать в перевязочной и дежурить наравне с сестрами.

Необходимой оказалась Вера Михайловна и для раненых. Когда кому-нибудь из них делалось плохо — обыкновенно звали ее. Должно быть, солдаты оценили силу ее золотых значков и успокаивались, когда она присаживалась на их постели» («Сумасшедшая принцесса»)².

В течение двух фронтовых лет Несмелов опубликовал не менее 35 рассказов, многие из которых чуть позднее войдут в сборник «Военные странички: стихи и рассказы»³. В сборник включены двенадцать рассказов («Дети», «Сторожевка», «Подпоручик Маратов», «Денщики», «Номер второй», «Атака», «Шпион» и другие) и пять стихотворений («Там», «Над полем», «Австриец», «Скоро утро. Над лонетом...», «В походе»). Компонуя сборник, Несмелов руководствовался соображениями его жанрово-стилевой целостности. Художественной доминантой «Военных страничек» становится изоморфизм лирических

¹ Столичная молва. 1915. № 426 (25 мая). С. 3. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: Ч. 1. Указ. изд. С. 83.

² Столичная молва. 1915. № 431 (29 июня). С. 3. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Ч. 1. Указ. изд. С. 97–104.

³ Митропольский А. Военные странички. Указ. изд.

и эпических зарисовок. Одна и та же тема, один и тот же сюжет раскрывается в разных дискурсивных образах, оттого сильнее эффект, производимый «страничками». Так «фабульно скреплены стихотворение “Скоро утро. Над люнетом...” и рассказ “Сторожевка”, повествующие о страшных тяготах военных дней, о физических и духовных переживаниях русских солдат на австрийской земле. Отчасти картина вечернего отдыха солдат, описанная в рассказе, повторяется в стихотворении “Над полем”»¹.

Как считают В.В. Агеносов и И.А. Дябкин, «сборник не просто ознаменовал начало творческого пути, он стал своеобразной лабораторией, в которой формировалось сюжетно-тематическое, стилевое и дискурсивное своеобразие несмеловского творчества. Соединяя в едином художественном целом стихи и прозу, “Военные странички” не только отражают авторское стремление к совмещению стихового и прозаического начал, но и попытку к передаче военного сюжета сквозь призму своего журналистского опыта. Стихотворения, включенные в сборник, и рассказы перекликаются не только тематически, но и сюжетно. Перед нами – то лирические, то эпические странички»². За пределами «Военных страничек» остались истории, из этого художественного единства выпадающие, но не менее интересные для читателя³. Это тоже – «военные странички», но уже с «зародышевым» началом других жанров, которые Несмелов будет успешно развивать: «Кабан», «Друзья» – анекдота, «Собака» – мистической новеллы, «Сказка юности» – любовной истории, «Ночь в плену», «Мертвый городок» – авантюрного рассказа и т. д.⁴

¹ Агеносов В.В., Дябкин И.А. Генезис военной прозы А.И. Несмелова: от «военных страничек» к «окопной правде» // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: Сборник научных работ. Благовещенск, 2012. С. 148–167.

² Агеносов В.В., Дябкин И.А. Генезис военной прозы А.И. Несмелова: от «военных страничек» к «окопной правде». Указ. изд.

³ К сожалению, во время написания статьи В.В. Агеносовым и И.А. Дябкиным им были доступны только тексты сборника. Сегодня практически все произведения той поры опубликованы в издании: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Указ. изд.

⁴ *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: Ч. 1. Указ. изд.

Каждый рассказ, написанный в 1914–1916 гг., – свидетельство событий той забытой Великой войны, живая история и живые герои. Будущий харбинский прозаик обратится и к повседневному героизму совсем юного гимназиста-разведчика («Мертвый городок»), и к роли случая или провидения на войне, в которые так верят фронтовики («Собака»), к образам хитроумных, смекалистых и бесстрашных русских, попавших в плен («Ночь в плену»), и ко многим другим темам.

Здесь же сформируется и особый «динамический» стиль Несмелова. Писатель лишает литературу о войне урапатриотического пафоса – и тем сильнее эффект, производимый его стенографическими фразами. О подвиге разведчика гимназиста Рыкачева повествуется как о деле обыденном: «Он так привык прокрадываться за черту расположения противника и толкаться среди австрийцев, что в глубине души считал это дело очень пустым и легким... И награды, к которым его представляли, он находил слишком высокими.

– Мальчишка! – крикнули ему. – Растопи-ка печку в хате, пока мы здесь копаемся... Гостинца дадим.

Рыкачев не спеша вернулся домой и стал разводить огонь. Теперь он знал, что через два-три часа у него будут все нужные сведения о гарнизоне, занявшем город.

Вошли солдаты. Смеясь, вытащили сплюснутого в мешке и ощипанного гуся и стали варить суп. Гусь был украденный; австрийцев это очень забавляло... Рыкачев попросил папиросу у рыжего, выламывавшего дверь солдата, сел на лавку и стал слушать. Когда суп был готов, накормили и разведчика» («Мертвый городок»)¹. Семнадцатилетний парнишка – один из тех тысяч героев, которые выросли на этой войне и сделали русскую армию непобедимой для *внешнего* врага. И тем страшнее и горше для читающего эту прозу осознание того, что чуть позже одолел Россию и русских совсем иной противник.

Попав в мясорубку Гражданской, вместе с такими же, как он, «добровольцами», пережив позор поражения и став изгнанником, Несмелов долго не обращался к годам Первой мировой, когда мощью русского духа и русского оружия он мог гордиться. Он вернулся к рефлексии тех лет, уже будучи зре-

¹ Столичная молва. 1915. № 437 (10 авг.). С. 1. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Ч. 1. Указ. изд. С. 114–117.

лым писателем – в 30-е годы. В русскую беженскую культуру вошла совсем иная проза, определяемая исследователями как проза «окопной правды»¹. Теперь это – полноценные рассказы, с особым несмеловским пониманием этого жанра: в них кумулируются разные сюжетные линии, как правило – две или три, связанные одним событием и разными точками зрения на это событие. Наиболее известные из повествований о «германской» – «Полевая сумка», «Короткий удар», «Богоискатель»², «Полковник Афонин»³, о которых много уже написано. Помимо общей темы (Первая мировая и русский солдат на войне), эти рассказы вмещают и толстовские идеи становления молодой души («Полевая сумка»), и проблемы этического выбора на войне («Короткий удар», «Полковник Афонин», «Богоискатель»), и религиозные споры 10-х годов, «скорректированные» войной («Богоискатель») и т. д. Автобиографический герой «Полевой сумки» – Мпольский, оказавшись на фронте, проходит в короткий срок все этапы своего взросления и человеческого роста: «Раньше я боялся промочить ноги, не пил сырой воды. Купаясь в летний день, прежде чем войти в воду, “остывал”, мочил голову и под мышками. Теперь же я перехожу реки вброд и остаюсь весь день в мокром платье. Я пью из луж, после похода, потный, бросаюсь в воду, ругаюсь самыми скверными словами и иногда бью grenадеров. И это все оттого, что я начинаю понимать, что жизнь, моя и чужая, вовсе не стоит того, чтобы ею следовало уж слишком дорожить...»⁴

Война стирает грань между добром и злом, между жизнью и смертью. Военная машина требует постоянных военных действий, человеческих жертв. Если же их нет – немислимая в мирной жизни, охота на человека превращается в ежедневную забаву русских и австрийских солдат:

«Мы стреляем почти одновременно.

Там, на противоположном склоне долины, после этого обычно происходит следующее: человек или падает, или пускается бежать.

Если он бежит, мы преследуем его огнем.

¹ Об этом подробно: *Агеносов В.В., Дябкин И.А.* Генезис военной прозы А.И. Несмелова: от «военных страничек» к «окопной правде». Указ. изд.

² *Несмелов А.* Рассказы о войне. Шанхай, 1936.

³ Рубеж. 1936. № 15.

⁴ *Несмелов А.* Полевая сумка // Несмелов А. Собр. соч. в 2-х т. Т. 2. Указ. изд. С. 91-116.

Тогда стреляет лишь один из нас, другой же смотрит в бинокль, корректируя стрельбу.

Право, забавно видеть, как взрослый человек, потеряв голову от страха, несется, словно подросток, играющий в горелки.

Бинокль шестикратный, цейсовский, позволяющий видеть каждую складку на его куртке, различать даже выражение его лица.

Вот он бросил уже и хлеб, и чайник и несется, как заяц, преследуемый собаками.

Нам очень смешно» («Охота на человека»)¹.

Но и в этой чудовищной забаве праздных солдат срабатывает особая этика, своя «солдатская психология»: в австрийского офицера, демонстративно справляющего нужду в сторону русских окопов, бойцы, как ни обидно их командиру, не стреляют. Объяснение самое немудреное: «В человека, который оправляется, разве годится стрелять? Для солдата, ваше благородие, такого человека зазорно убить. Даже грех. Хуже, чем бабу».

«Рассказы о войне» активно печатались в разных периодических изданиях эмиграции и метрополии (прежде всего, в «Рубеже» и «Сибирских огнях»), публиковались в коллективных сборниках, а в 1936 г. вышли отдельной книгой². Не включенные в сборник рассказы дополняют несмеловское понимание «окопной правды». О самоценности каждого мгновения жизни во всех ее бесхитростных проявлениях – рассказ «Шальная пуля». Поручик Бартенев полон жизни, «благодаря» радуется присланному невестой «эйнемовскому»³ шоколаду, с упоением читает Маяковского, флиртует с юной панной⁴. Шальная пуля убивает и его, и дезертира, которого он преследует⁵.

В рассказе «Шестое чувство» художник, потерявший в бою обе руки, лежа в госпитале, излагает медсестре свои мысли по

¹ Несмелов А. Рассказы о войне. Шанхай, 1936. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Ч. 2. Указ. изд. С. 39–43.

² Несмелов А. Рассказы о войне. Указ. изд.

³ Шоколад фирмы «Эйнем» («Товарищество паровой фабрики шоколада, конфет и печений», известное с 1851 г.), весьма популярный до войны, активно рекламируемый как образ благополучной и изысканной жизни.

⁴ В первой публикации (Рубеж. 1928. № 7. С. 8, 10, 11).

⁵ Рубеж. 1928. № 7. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: В 3-х томах. Ч. 2. Указ. изд. С. 33–38.

поводу шестого чувства. Медсестра же, возвратившись к себе после ночного обхода, думает о жалости на войне как об этом самом простом «шестом чувстве»¹.

Ежедневная смертельная опасность, с которой уже жились солдаты на войне, обостряет чувства и эмоции, вызывающие к жизни. И притупляет ощущения, связанные с гибелью человека. В рассказе «Ротная мышь» развиваются две сюжетные линии: о мышши, живущей в землянке и предупреждающей своих сожителей о гибели, и о шутке прапорщика Смирнова. Две этих забавные истории не имеют внешней мотивировки, но логика их сопряжения становится ясна в финале. Мышь для людей, каждый день ожидающих смерти, становится духом-охранителем жилища (подобно мирному довоенному домовому): пока мышь в землянке, живы и его обитатели: «<...> Это замечательная мышь. <...> О ней ведь даже писалось в газетах. Будто бы она предсказывает несчастья, служит, если можно так выразиться, барометром попадания немецких мин в землянку...» (С. 52). Убегает мышь – надо срочно спасаться. Этот мотив – прекрасная беллетристическая завязка: «Новоприбывшие офицеры теперь с совсем иным чувством смотрели на темный комочек, вновь пронырливо забегавший по столу. Теперь уж мышь не вызывала к себе отвращения ни у Рака, хохла из подпрапорщиков, ни у недавно прибывшего из Москвы прапорщика Смирнова, субалтерна» (С. 52).

Образу последнего героя, юноши Смирнова, автор уделяет особенное внимание: «Прапорщику Смирнову шел двадцать второй год, был он талантливым художником, учеником московской школы живописи и ваяния.

Хорош собой и еще лучше характером – добрый, веселый, живой, остроумный. Очень любили его солдаты, – умел прапорщик даже в суровое военное дело вносить шутку, веселость...

То из тонкой бумаги смастерит воздушный шар, наполнит его над углями теплым воздухом и отправит к немцам. А попутно еще объяснит солдатне, почему этот шар поднимается в воздух и как вообще изготавливаются настоящие воздушные шары...

¹ Рубеж. 1936. № 32. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: В 3-х т. Ч. 2. Указ. изд. С. 14–22.

А на шаре своем такую картинку нарисует, что земляки за животы хватаются.

То портреты пишет. И не то чтобы с командира роты или, скажем, с фельдфебеля или взводных, а с самого последнего рядового солдата. Так во всем его боевом виде и изобразит — как, например, он у бойницы окопа стоит и за противником наблюдает.

И много он таких картинок дарил. Кто только ни попросит — нарисует и подарит. И как ведь рисовал — лучше фотографии! А разве не лестно такую картинку домой послать — жене или матери?

Очень солдаты Смирнова любили»¹.

И вот изобретательный прапорщик придумывает очередную шутку — как избавить своих однополчан от бесконечных изнуряющих обстрелов со стороны немцев:

«— Не унывайте, земляки. Есть у меня идея. Дам приказ немцам прекратить свои безобразия.

Солдаты думают — шутит.

Ан нет, не шутил прапорщик.

Он в ходе сообщения мастерскую для себя устраивает. Он из тыла расстарался достать большой кусок картона, прибил его гвоздями к доске и на нем рисует самого императора Вильгельма. Он его с какой-то картинки очень похоже срисовал. Все на месте — и ордена, и усы торчком, и каска. А сверху по-немецки пишет: “Не смей бросать мин: в роте именинник!” ...

Потом он картон обрезал по фигуре и свою картину велел ночью поставить над окопом. И говорит:

— Вот вам слово мое: не бросят в нас завтра немцы ни единой мины. Не посмеют они палить в изображение своего императора.

До чего занятно!

Земляки даже про минные неприятности несколько забыли: уж очень интересно узнать, как вывернутся немцы из подобного щекотливого положения» (С. 53).

Юный прапорщик погибает от очередного коварного обстрела немцев — талант юности и бездушная сила войны не совместимы. Унесенная из родного блиндажа, погибает и ротная мышь — добрый дух солдатского жилища.

Почти в каждом из военных рассказов зрелого Несмелова есть место подобным трагикомическим сюжетам: то неказистый

¹ Рубеж. 1936. № 32.

солдатик Смольянинов занимает место мертвого разведчика на поле боя и, замаскировавшись таким образом, уничтожает вражеский бомбомет («Мсть врага»)¹; то русские солдаты посылают австрийцам, приславшим им на воздушном шаре лапти («так как половина русских солдат в лаптях и притом в рваных, то мы, снисходя к бедственному положению наших врагов, посылаем им совершенно новые лапти. Носите и не поминайте лихом. Впрочем, можете этими лаптями и щи хлебать»), пирог, начиненный испражнениями (у австрийцев не хватает хлеба) («Окопная шутка»)².

Несмеловский рассказчик дает объяснение такому сочетанию страшного и смешного: «Со смертью, прилетающей всего на вершок выше окопных козырьков, с любопытными пулями, заглядывающими и в бойницы наблюдателей, с черными хвостатыми минами, медленно взлетающими, чтобы обрушиться на бревна блиндажного закрытия и разнести их в щепы, — со всем этим свыкались, ко всему этому прижились и даже как-то не замечали отовсюду грозящей опасности.

Ко всему привыкает человек, и страх смерти, как некая тяжесть, непрерывно придавливающая дух, — это на войне лишь удел неврастеников... Страх смерти — это кратковременная спазма, которая сжимает вам сердце лишь в исключительные минуты: в момент, скажем, выхода для атаки за проволоку укрепления или в момент, когда нарастающий рев приближающегося тяжелого снаряда говорит о том, что взрыв грохнет поблизости.

Но пройдет это — и опять начинаются окопные будни. И скучающая в безделье солдатская душа ищет развлечения, шутки. <...> Но сейчас обо всем этом вспоминаешь с удовольствием, потому что тогда над всеми нами светило солнце нашей молодости!» («Окопная шутка»).

Изображение Первой мировой войны Несмеловым соединило самые разные историсофские концепции и самый разный батальный опыт: от толстовской «мысли народной»

¹ Рубеж. 1932. № 32. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Ч. 2. Указ. изд. С. 146–154.

² Рубеж. Луч Азии. 1939. № 4. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Ч. 2. Указ. изд. С. 161–165.

к литературе «потерянного поколения»¹. Долгое время и самим писателям-эмигрантам, и более поздним исследователям дальневосточной эмигрантской литературы казалось весьма лестным и отчаянно смелым проводить параллели с «недосягаемой» литературой «первого ряда», в том числе – сравнивать творчество Несмелова с литературой «потерянного поколения». Сейчас мы смотрим на это несколько иначе. Проза Несмелова – это не проза «потерянного поколения» европейских писателей, изживающих свое прошлое за рюмочкой кальвадоса в кафе, знакомом с детства. Это – история русского офицера и дворянина: вначале московского кадета, студента, затем поручика, попавшего на фронт германской, прошедшего с русской армией пол-Европы и вдруг узнавшего, что доблесть и победы его товарищей на фронтах ничего не значат, что они теперь – враги своего народа, изгои. И путь их отныне – к чужим берегам, через границу и дебри уссурийской и маньчжурской тайги – туда, где шумят гаоляновые поля.

Но это – и история целой части русского мира, что оказалась насильно оторвана от своего отечества и выброшена в чужие пределы. Читатель может проследить, как меняется сознание русского человека – от патриархально-провинциального благодушия к драматическим ощущениям первых поражений на фронтах Первой мировой; «теплой волны патриотизма», дарованной победами русского оружия в 1915–1917 гг., надежды на окончательную победу и растерянности предреволюционных настроений². Это – история целого поколения таких же дальневосточных эмигрантов-белопоходников, переживших годы горьких поражений Гражданской войны.

Сам Несмелов это осознавал, потому в обращении «К читателям» шанхайского сборника «Рассказы о войне» подчеркнет, что его проза о войне появилась значительно раньше западноевропейской прозы «потерянного поколения»: «Работа над этой беллетристикой, – отметит автор, – я не сгушал красок и не мудрствовал лукаво. Я хотел лишь правдиво рассказать о том, что происходило в душе человека, неожиданно вырванного из мирной обстановки, поставленного перед лицом еже-

¹ Об этом: *Голенищев-Кутузов И.Н.* Русская литература на Дальнем Востоке // *Русский Харбин.* М., 2005.

² *Забяко А.А., Эфендиева Г.В.* Прозаическая Арсениана: забытый архив русской жизни // В художественном мире харбинских писателей. Арсенин Несмелов: Материалы к творческой биографии. Указ. изд. С. 5.

минутно угрожающей ему смерти и с этой угрозой постепенно свыкающегося»¹. В этом авторском признании, считают исследователи, «заключается та самая творческая задача, которую он перед собой ставил как писатель и непосредственный участник всех описываемых событий. Именно поэтому читатель верит Несмелову, который даже в немногочисленных лирических отступлениях не отступает от правды жизни, пытаясь художественно исследовать психологию поступка, состояние души человека на войне»².

Возвращаясь к военной теме и предчувствуя новые беды, Несмелов исследует истоки русской трагедии XX в. Потому его «окопная правда» объединяет истории о Первой мировой, «кадетские истории» и прозу о Гражданской войне – именно в такой последовательности, очевидно, и развивалось его сознание. Ведь Несмелов сам был из кадет³, потому писал об одном из рассказов: «*Рассказ “Второй Московский” не о войне. Особые соображения заставили меня включить этот рассказ в книгу... Большинство моих героев – офицеры, питомцы кадетских корпусов. Их души формировались именно в той обстановке, в которой развивается действие этого рассказа и где тоже происходит маленькая, детская война, в каких-то долях, однако, тоже требующая героизма. И, может быть, этот рассказ психологически дополнит остальные*»⁴ (курсив мой. – А.З.). Позднее Несмелов напишет замечательный рассказ «Великий князь Константин Константинович и кадеты (воспоминания одного из них)»⁵, в котором, помимо личности великого князя⁶, обратится благо-

¹ Несмелов А. К читателям // Несмелов А. Рассказы о войне. Указ. изд. С. 3.

² Агеносов В.В., Дябкин И.А. Генезис военной прозы А.И. Несмелова: от «военных страничек» к «окопной правде». Указ. изд.

³ Несмелов учился во Втором Московском кадетском корпусе, где до него с 1880 г. учился и А.И. Куприн. Об этом: *Комментарии* // Несмелов А.И. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. Указ. изд. С. 710.

⁴ Несмелов А. К читателям // Несмелов А. Рассказы о войне. Указ. изд. С. 4.

⁵ Луч Азии. 1940. № 6. Цит. по: В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Ч. 2. Указ. изд. С. 183–193.

⁶ Константин Константинович Романов (1858–1915) – поэтический псевдоним К.Р.; член Российского Императорского дома, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, генерал-инспектор военно-учебных заведений, президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, поэт, переводчик и драматург.

дарной памятью к своим истокам – позабытому институту кадетских корпусов:

«Налетел на Россию шквал, истерзал, измучил страну и до сих пор еще терзает, изуродовав ее, лик ее изменив до неузнаваемости. И с тем, что ушло, — будем надеяться, не навсегда, — исчезла с улиц русских городов и такая характерная для России прошлого фигурка, как наш кадет, мальчик в черной военной шинели, браво и лихо отдающий честь проходящему офицеру.

“Кадет на палочку одет!” — говаривала про нас штатская публика, подчеркивая этой поговоркой подтянутость воспитанников кадетских корпусов.

Русская так называемая “интеллигенция”, идущая на поводу у общественного мнения, организуемого радикальной прессой последних довоенных годов, не любила и кадет, не предчувствуя того, что почти все эти военные мальчишки и юноши, которых она встречает на улицах Петербурга, Москвы или некоторых губернских городов, станут через несколько лет жертвами страшных годов России и будут мужественно умирать сначала на полях Польши и Галиции, а затем, в годы гражданской войны, на сибирских просторах, на Кубани или в Крыму и Предкрылье»¹.

Вот на плечи этим мальчишкам – недавним кадетам, юнкерам и младшим офицерам – и выпали испытания, о которых та самая либеральная интеллигенция не могла и помыслить, но которые всячески провоцировала.

Кстати сказать, выпускником кадетского корпуса² был еще один харбинский писатель – Николай Аполлонович Байков, хотя к началу Великой войны он успел уже стать знаменитым на всю Россию писателем. Прославленный в Маньчжурии натуралист, Н.А. Байков не успел уйти в заслуженную отставку – был мобилизован на фронт и славно воевал в действующей армии. Под его командованием на юго-западном фронте, в Галиции, в составе Заамурского полка воевали бойцы про-

¹ Несмелов А. Великий князь Константин Константинович и кадеты (воспоминания одного из них) // В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Ч. 2. Указ. изд. С. 183–193.

² *Владимирский Киевский кадетский корпус* – военно-учебное заведение Российской империи, имевшее целью подготовку детей и подростков к воинской службе в офицерском звании.

славленной «тигровой роты»¹. Н.А. Байков был ранен в левую голень и награжден рядом орденов, включая Св. Анны II степени, дослужился до подполковника. События 1917 г. застали Н.А. Байкова на фронте, и он был свидетелем действия большевистских декретов, относящихся к русской армии и предательских направленных на ее разрушение во время военных действий против неприятеля. Не перечисляя подробности его дальнейших мытарств, скажем только, что Байков воевал в рядах Добровольческой армии, а затем, после тяжелых переездов, побывав даже в Египте, во Владивостоке, в 1921 вернулся в милую его сердцу Маньчжурию².

В 1937 году в Харбине увидит свет сборник Н.А. Байкова «По белу свету»³. Большую часть его рассказов составят истории времен Первой мировой. Когда были написаны байковские истории – сказать трудно, скорее всего, ближе ко времени их публикации, когда воспоминания улеглись в памяти.

В этих историях Байков остается тем писателем-натуралистом, который сложился к 1937 году – все-таки ему исполнилось уже 65 лет, за плечами – написанные уже в эмигрантскую бытность «В дебрях Маньчжурии» (1934), «Великий Ван» (1936) и многое другое. В своих неспешных повествованиях он воссоздает те или иные случаи, как правило, произошедшие во время передышки между боями. Каждой частной истории предшествует пространная экспозиция, как в тексте натуралиста рассказ о частном объекте предваряет общая характеристика явления. Постоянным рефреном этих рассказов становится мысль о противоестественности (антиприродности) войны. Завершает каждый рассказ сентенцией философского характера.

В рассказе «Курганы богатырей» Байков противопоставляет природную гармонию (довоенный «прекрасный сосновый лес») и то, что несет природе война. Описание погибших деревьев вызывает антропоморфные смертельные ассоциации: «Кое-где одиноко торчали стволы уцелевших деревьев, изрезанные осколками снарядов, с обломанными верхушками. На земле навалены были кучи зеленой хвои, перемежаясь красными стволами сосен. Многие деревья превратились в груды бе-

¹ Ким Р. Байков // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / под общ. ред. О.Н. Михайлова. Вып. 2. М., 1999. С. 270–297.

² Ким Р. Байков. Указ. изд.

³ Байков Н.А. По белу свету. Харбин, 1937.

лых смолистых щеп. Будто здесь дрались не люди, а гиганты, вырывавшие с корнем могучие сосны и бросавшие их друг в друга.

На этом кладбищем деревьев стоял густой смолистый запах хвои и свежерытой земли <...> Я обошел весь лес вдоль и поперек и увидел такие жуткие картины, что до сих пор леденеет душа и замирает сердце!» (курсив мой. – А.З.)¹, – образ погибшей природы продолжает образ смерти людей и зверей: «В том лесу погибло не менее тысячи офицеров и солдат и столько же было ранено.

Вместе с людьми здесь нашли смерть многие лесные звери и птицы, искавшие приюта и защиты под сенью зеленых ветвей и в чаще густых зарослей» (С. 119).

Писатель воспроизводит те положения и позы, в которых застала русских солдат «беспощадная коса смерти»:

«В одном месте лежали в кружок пять офицеров, командир батальона со своими ротными. Они разглядывали карту военных действий, разостланную на земле»; «неподалеку от них молодой солдат вынул из-за пазухи медный нательный крестик и собирался поцеловать его, да так и застыл со скрещенными на груди руками.

А вот совсем еще юный прапорщик запаса писал на клочке бумаги письмо матери» (С. 120).

Как и в несмеловской военной прозе, Байков не противопоставляет австрийцев и русских, признавая способность противника и на человечность, и на душевное величие.

Рассказ «Жучка» – о том, как была ранена любимица солдат, ротная собачка, «небольшое, невзрачное на вид, но чрезвычайно умное и ласковое животное». Все бойцы заволновались. И вот самый «лядащий» и «никчемный», «замухрышка» солдатик, «растолкав их, взбежал по ступенькам на край бруствера, недолго думая, спрыгнул с него вниз и двинулся по проходу между проволочными заграждениями. <...> Стрельба сразу прекратилась и наступила полнейшая тишина, нарушаемая только визгом собаки и далеким постукиванием пулеметов. В этой тишине чувствовалось особенное напряжение ожидания, как во время затишья перед грозой. <...> Наш смельчак

¹ Байков Н.А. Курганы богатырей // Байков Н.А. Тайга шумит; По белу свету; У костра; Сказочная бль: очерки и рассказы. Владивосток, 2012. С. 118. Далее ссылки на это издание с указанием страниц.

меж тем подошел к самому берегу, нагнулся над раненой собакой и взял ее на руки. Жучка перестала скулить и прижалась к своему спасителю». (С. 123).

После возвращения «замухрышки», которое «произвело сенсацию на всей нашей позиции», герой обретает имя, которое «превозносят» – Иван Сверчок.

И «австрийцы, также пораженные незаурядным поступком, выкинули на штыках из своих окопов плакат на русском языке “Слава русскому герою!”» (С. 124).

Сюжет рассказа «Медальон» обращен, казалось бы, к теме, далекой от героизма на войне, – мародерству. Натуралист Байков определяет таких людей в соответствии со своим опытом общения с миром животных: «Во всякой армии, как бы она ни была культурна и дисциплинирована, найдутся любители легкой наживы, рискуя головой, пробираются они на эти кровавые нивы за обильной жатвой – ценностями и деньгами, оставшимися в карманах и других потайных местах у убитых и даже у раненых <...> Эти волки работают ночью.<...> Мародеры пользуются заслуженной ненавистью и, будучи пойманы на месте преступления, бывают тут же расстреляны без следствия и суда. Больше всего они напоминают гиен и шакалов, которые идут вслед за караваном в пустыне и пожирают трупы людей и павших животных» (С. 130. Курсив мой. – А.3.).

Но величие человеческого духа, сила любви побеждают подобное проявление низости человека. В сентябре 1914 г. автобиографический рассказчик «объезжал поля сражений под Равой Русской»¹ и стал свидетелем символической сцены: «На земле, под низким кустом боярышника, лежали два трупа, сцепившись друг с другом в предсмертных объятиях. На одном из них была форма офицера австрийской армии; у него оказались перебиты обе ноги. Похоже, он был еще жив, когда к нему подобрался мародер. И офицер, не желая быть ограбленным, а может, под угрозой убийства, впился зубами в горло разбойника и задушил его, перекусив ему глотку. Лицо мародера было сине-багрового цвета, глаза вышли из орбит и страшно таращились в голубое небо.

¹ *Рава Русская* (укр. *Рава-Руська*, нем. *Rawa-Ruska*, польск. *Rawa Ruska*) – город районного значения в Жолковском районе Львовской области (Украина).

В мешке у мародера найдены были золотые и серебряные кольца, медальон с миниатюрной карточкой какой-то пожилой дамы, несколько кошельков с австрийскими кронами и две пары военных ботинок.

Офицер оказался совсем молодым человеком, лет двадцати; лицо его имело признаки интеллигентности и даже аристократизма. В руке был зажат золотой медальон с изображением юной девушки с огромными голубыми глазами» (С. 131).

«Героизму и самоотверженности русской женщины» посвящен рассказ «Это – любовь». Развитие действия предваряет рассказ о том, как приезжают на войну вдовы и матери отыскать «дорогих мертвецов» и похоронить их по обычаю. Героиней рассказа становится вдова убитого прапорщика Рудича. Пять дней искала эта женщина своего мужа среди убитых и уже похороненных в братской могиле солдат. Позднее солдаты, помогавшие женщине в ее скорбном деле, рассказывали своему командиру о том, как «в течение трех дней они обыскали многие могилы тех войсковых частей, где служил ее муж. Приходилось выкапывать трупы частью уже разложившиеся. В одной могиле оказался труп заживо погребенного солдата <...>

– За эти три дня мы всяких ужасов насмотрелись! – рассказывали мне солдаты. – В бою не так страшно, как в могилах копать и мертвецов доставать. Один запах чего стоит! Иногда дышать нельзя, к горлу подпирает. С души воротит! Первый день было трудно, а потом пообвыкли. Вот барыня Рудич молодец! Сама работала с нами лопатой и киркой, не хуже мужика. От вони у нас в носу свербит и рыгать охота, а ей хоть бы что! Очень уж мужественная и справедливая баба. <...> Как отроем могилу, так она сама покойников переворачивает, осматривает, все ищет между ними своего. Почитай, что до сотни мертвецов перевернули, осмотрели и назад в землю закопали» (С. 128).

Ситуация обнаружения тела погибшего мужа практически воспроизводит мотив волшебной сказки и мифологических историй (легенд): «Подходим как-то к одной могилке. Ни креста, ни надписи, ничего нет. А это уж было к концу третьего дня. Наша барыня посмотрела на насыпь, взглянула на небо и села на камень, лицо руками закрыла. Не то плачет, не то так, с горя. Тут дубок стоял над могилкой, и ветер шумел желтыми листьями. Вдруг, откуда ни возмись, маленькая птичка села на дубок и так жалобно запела. Барыня подняла голову и долго слушала эту песню, пока пташка не вспорхнула и не улетела.

Барыня вдруг говорит “Это душа моего мальчика! Она мне весточку шлет, что в этой могилке лежит! Ну-ка, дайте скорее лопату, будем копать!”»¹.

Однако дальнейшее поражает своими натуралистическими деталями, цель которых – не только усилить то впечатление, что производит женская верность на солдат, но и донести до читателя всю мерзость войны: «Третий покойник оказался ей-ный муж! Он уж здорово разложился, но она его сразу узнала по бороде да по образку на груди.

– И, Боже мой, что тут было! Мы думали, она с ума сошла. Схватила его, обнимает, целует в губы, в глаза, а оттуда бежит вонючая жижка и лезут белые черви!

Вся перепачкалась в навозе, в гное. Еле уговорили ее тело в гроб уложить, а то вечерело уже и солнышко садилось. Тогда только она успокоилась и села в телегу рядом с покойником.

– Когда мы обратно поехали, она нам сказала, что птичку ту во сне видела, что это она нас к могилке привела. Чудная такая барыня! Видно, хорошая жена была своему мужу. Дай Бог всякому!» (С. 128).

* * *

Для Арсения Митропольского годы Первой мировой войны стали временем вхождения в литературу и становления художественного дарования, выработки собственной стилиевой манеры как писателя и поэта. В середине 30-х годов, уже будучи Арсением Несмеловым, писатель вновь обратится к этому далекому времени в самых разных прозаических жанрах – анекдота, шпионской истории (о чем речь пойдет ниже), философского рассказа и в лирических стихах. Тема Первой мировой в его прозе определит особый модус изображения и жанрово-стилевую специфику рассказов 30-х гг.: «рассказик, где трагическое переплетается со смешным, как-то вскрывает психологию этих отважных людей, их духовную сущность, столь ценную в заданиях грядущей русской национальной революции» («Рассказ добровольца»)².

Николай Байков, напротив, обратится к событиям Великой войны уже зрелым писателем, создавшим свои главные произведе-

¹ Протт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2004.

² Луч Азии. 1937. № 2. Цит. по: В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: В 3-х т. Ч. 2. Указ. изд. С. 44–51.

дения. И, что немаловажно, – писателем, вступающим в диалог с уже опубликовавшим многие свои рассказы Несмеловым. Что объединяет столь разных художников, помимо общей темы?

Гордость за русский характер и удивление перед его непонятной природой. Частично такой модус художественности сохранится в рассказах, «переходных» от Первой мировой к Гражданской – посвященных начальным победам Добровольческой армии и ее бойцам. Так, в «Рассказе добровольца» Несмелов напишет: «Идут годы, заставляя людей страдать, меняя их души, идеалы, верования.

Появляется усталость. Посидеть бы спокойно, чтобы никто не трогал, не понуждал бы к деятельности. Российская эмиграция за два десятилетия своего бытия прошла через много психологических этапов, психологических типов.

Но из всех этих типов один неизменен: *тип добровольца, поднявшего оружие против большевиков в 1918 году. Великой бодростью, самоотвержением и верою были заряжены эти люди! С песней шли они в бой, с песней били красных, с песней и погибали сами.*

Была в них великая отвага и великое презрение к собственной участи. Ни жена, ни дети не останавливали их! Им чужда была поза последующих лет эмиграции. *В них был юмор»*¹ (курсив мой. – А.З.).

Кроме того, рассказы о Первой мировой войне пишутся в предгрозовые 30-е годы, в начале 40-х. Потому Несмелов обращается к событиям четвертьвековой давности не просто так – а с мыслями о новых жертвах:

«Ах, много, много было убито людей в ту войну, а будет их убито еще больше. И знаете, что: военная же техника и кончит военный задор – доведет до абсурда интенсивность способности умерщвлять» («Мечь врага»); «Оставит ли грядущая война хоть малейшую возможность для простой человеческой шутки?» («Окопная шутка»).

Байков же продолжит свой сборник совсем иными темами и проблемами, о чем речь пойдет ниже. Так или иначе, опыт побед и поражений русского солдата в жестокой мясорубке Первой мировой, рефлексия этого опыта харбинскими писателями – ключ к пониманию событий, произошедших позднее, – кровавой междоусобицы Гражданской войны.

¹ Луч Азии. 1937. № 2.

Глава 4

«БРЕМЯ НЕНАВИСТИ И КРОВАВОЙ БОРЬБЫ»: ОПЫТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СОЗНАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ-ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

*Мы – дети восемнадцатого года
(А. Несмелов. «Восемнадцатому году»)¹.*

*Нам ночлег под кровом не обещан,
У костров ложимся на тропе...
Как прекрасно позабытый Ещин
Эти ночи страшные воспел.*

*Бороды в сосули превращались,
В градуснике замерзала ртуть,
Но, полузамерзшие, бросались
На пересекающего путь!*

6 декабря 1934.

(А. Несмелов. «Дед Понужай»)².

В истории России, измученной, истерзанной за четыре года Первой мировой войны, 1918 год станет переломным. В январе пройдет III Всероссийский съезд Советов и будет принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В марте подпишут предательский Брестский мирный договор, сводящий на нет человеческие потери и победы русской армии на фронтах германской. В мае начнется братоубийственная гражданская война, растянувшаяся почти на три года. 17 июля в Екатеринбурге зверски расстреляют царскую семью. И начнется массовый исход русских в другие страны и на другие континенты.

В страстных ритмизованных строках романа «Враги» (1941) выразит отношение к этой дате Яков Лович:

«К буйному, забрызганному, как палач, кровью, пьяному, жестокому, дикому 1918 году вернись из наших дней, читатель.

К тем далеким дням, когда, словно сойдя с ума, заметались по шестой части земной суши миллионы русских людей, кроша, рубя, расстреливая, грабя, насилуя друг друга; когда под-

¹ Несмелов А.И. Восемнадцатый год // Несмелов А. Кривавый отблеск. Харбин, 1929. Цит. по: Несмелов А. Собрание соч. В 2-х т. Указ. изд. Т. 1. С. 97.

² Несмелов А.И. Дед Понужай // Рупор. 1935. 1 января. С. 6.

виг был рядом с изменой, святость – с подлостью, нежность – с садизмом; когда все перевернулось, закрутилось в кровавом смерче; когда жизнь ничего не стоила, когда топтали ее мимоходом, не глядя, равнодушно, словно не жизнь это была человеческая, а гусеница, ползущая через дорогу.

К тем далеким дням, когда с винтовкою в руках бродили мы по проселочным дорогам, в тайге, в горах, по берегам полноводных рек, по широкому российскому простору – то в роли охотников, в самой увлекательной охоте – за человеком, то в роли дичи, за которой охотятся. Тогда прятались, убегали, видели за каждым кустом притаившегося врага, кровавую, безвестную смерть»¹.

История гражданской междоусобицы в Сибири и на Дальнем Востоке способствовала тому, что будущие основатели харбинской литературы опыт мучительных поражений и долгой дороги в изгнание собирали и откладывали в творческий багаж. Из Омска – «столицы Сибири» – во Владивосток, затем, спустя два года, пробираясь через границу – в Харбин. Многие из них выдержали испытание страшным Ледяным походом. Кто-то из новоявленных эмигрантов попробовал себя в писательском ремесле уже до Первой мировой войны или в преддверии революции (П. Шкуркин, А. Несмелов, Вс. Иванов, Н. Байков), к кому-то вдохновение стало приходить в период «омского сидения» и в дни страшного Ледяного похода (Л. Ещин, А. Ачаир)², многие станут писателями уже в Харбине (М. Колосова, А. Хейдок, Я. Лович). За плечами их будет разный жизненный и образовательный опыт. У одних – Геттингенский университет (Вс. Н. Иванов), у других – незаконченная Петровско-Разумовская сельскохозяйственная академия (А. Ачаир)³. Позднее о своем литературном alter ego Я. Лович напишет так: «Полунина постигла та же участь, что и почти всех русских юношей в то тяжелое, страшное время. Окончив в Благовещенске гимназию, он поступил на медицинский факультет Томского университета, но вскоре был призван в армию. С этого момента гражданская война закрутила его в огненном вихре. Он не успел как следует осмыслить происходящего, как очутился без родины,

¹ Лович Я. Враги. Шанхай, 1940. Цит. по: Лович Я. Враги. М., 2007. С. 11.

² Витковский Е. Спи спокойно, кротчайший Ленька!.. // Ещин Л. Собрание стихотворений. М., 2005. С. 56–76.

³ Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. Указ. изд. 436 с.

без денег, без родных, без знаний, которые дали бы ему оружие в борьбе за жизнь. Это была судьба многих, многих тысяч русских молодых людей – и как много из них опустили и погибли...

Полунин избежал этого»¹.

Став эмигрантами и будучи вынуждены зарабатывать на жизнь тяжелым поденным трудом, бывшие солдаты и офицеры не спешили писать о тех страшных днях, не копались в воспоминаниях, чтобы воссоздать заново сцены ожесточенных боев на дальневосточной земле. Горечь поражения, разочарование в идее, ужас пережитого не отпускали их долгие годы. «Слабое зрение и слух, контузия, обморожена ступня», – сухо перечислит впоследствии свои военные «трофеи» в анкете БРЭМ бывший полковник Грызов². Более никогда о Гражданской Алексей Ачаир не писал. Лирические строки посвящал любви, надежде и утраченной России³. Видимо, опыт Гражданской был так тяжел, впечатления столь травматичны и нелюбезны, что вспоминать об этом бывшему полковнику не хотелось.

Лирический жанр все же быстрее реагирует на остроту эмоции. Тем более, если стихи пишутся вслед событиям, в перерывах между боями и тяжкими переходами. Поэтому первыми заговорили поэты – в частности, Леонид Ещин [1897–1930]. Его можно назвать истинным «ребенком восемнадцатого года» и воспитанником Ледяного похода⁴. На фронтах Первой мировой Ещин, по молодости лет, не воевал, «а вот в Гражданской войне он участвовал определенно: мы находим его в чине прапорщика в отряде полковника А.П. Перхурова. С этим человеком связана немалая часть судьбы Леонида Ещина: демобилизованный в 1917 году полковник в январе 1918 года занялся активной борьбой с советской властью, вступив в “Союз защиты Родины и Свободы” (эсеровский, возглавлявшийся Борисом Савинковым). Перхуров поднял антибольшевистское восстание в Ярославле (июнь–июль 1918 года), участвовал в этом восстании и прапорщик Леонид Ещин. После подавления восстания в Ярославле Перхуров (а с ним и Ещин) убыл в Поволжье,

¹ Лович Я. Враги. Указ. изд. С. 133.

² ГАХК. Фонд. 830. Оп. 3. Дело А.А. Грызова Л. 14.

³ Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира.

⁴ Забияко А.А. «Перехожий калика» харбинской лирики: Леонид Ещин // «Четверть века беженской судьбы...» (художественный мир лирики русского Харбина). Указ. изд. С. 255–286.

где вскоре вновь вступил в борьбу. В 1919 году Перхуров, уже генерал-майор, принял участие в отступлении русских войск, в Великом Сибирском Ледяном походе. Для его группировки Поход сложился крайне неудачно: после того, как в январе 1920 года был оставлен Красноярск, группа пыталась пройти по бездорожью через тайгу к югу от Байкала – но заблудилась. 11 марта Перхуров попал в партизанское окружение и вынужден был сдаться; лишь немногим удалось вырваться на восток, дабы воссоединиться с войсками атамана Семенова, после расстрела А.В. Колчака формально возглавлявшего армию. Среди немногих был и капитан Леонид Ещин»¹. Если следовать этим данным, капитан Ещин принимал участие и в «волочаевских днях», где, как известно, белогвардейцы (вместе с японцами) были разбиты. Затем он оказался во Владивостоке, а потом уж перебрался в Китай.

Судя по датам рукописных стихов, в Харбине Ещин был с начала 1924 г.² Но еще во Владивостоке, в 1921 году, он издает «Стихи таежного похода», куда, очевидно, вошли стихи, написанные во время Ледяного похода. Беспрецедентные лишения и муки Белой армии в краткой форме воспоминаний так охарактеризовал И. Серебренников, один из участников этой эпопеи: «Днем солнце – еще терпимо, к вечеру же поднимался обычный резкий степной ветер. Мороз становился крепче. Зябли лошади, коченели солдаты. Далеко не все имели теплую одежду... Ночлег в теплой избе – редко. Бивак у костра. Отмораживались... Картина, которую все чаще и чаще видят те, кто идет следом: замерзшие люди – то в одиночку, то целыми группами, – крепко уснувшие у потухшего костра... И еще – эпидемия тифа и самоубийств сопровождали собой весь путь отступления белых на восток»³.

Ещин же воссоздал эти ощущения детально, практически – по месяцам, сопоставив испытания, выпавшие на долю его и его товарищей, с крестными муками. Тематику и поэтику сборника определил афористический эпиграф: «Зима, где кровь, / Зима без крова». Натуралистичность описаний, могильная семантика образов с самого начала вызывают мрачное

¹ Витковский Е. Спи спокойно, кротчайший Ленька!.. Указ. изд. С. 62–63.

² Ещин Л. Собрание стихотворений. М., 2005. С. 56–76.

³ Серебренников И.И. Великий отход. Рассеяние по Азии Белых армий, 1919–1923. Харбин, 1933. С. 37.

ощущение безнадежности и обреченности тех, кто стал участником описываемых событий:

Скрипя ползли обозы – черви.
Одеты грязно и пестро,
Мы шли тогда из дебрей в дебри
И руки грели у костров.

Тела людей и коней павших
Нам окаймляли путь в горах.
Мы шли, дорог не разузнавши,
И стыли руки в стремених.
Тянулись дни бесцельной пыткой
Для тех, кто мог сидеть в седле,
И путь по трупам незарытым
Хлестал по нервам, словно плеть.¹

(С. 3; курсив мой. – А.З.)

Финальная строфа каждого стихотворения звучит трагическим аккордом, через библейские аналогии поднимающим лирического субъекта над невыносимостью земного существования. Тягостное описание изнурительных будней Ледяного похода, реалистическое воссоздание лишений бойцов (холода, бессонных ночей, осознания бесцельности всего происходящего) странным образом сочетается с ритмико-тематическими аллюзиями на блоковский «Балаганчик». Завершается стихотворение конечной фразой-катреном, в которой мучения русских воинов и всех русских уподобляются крестным мукам Иисуса:

Глазам в бреду бессонной муки
Упорно виделись в лесу
Между ветвями чьи-то руки,
В крови прибитые к кресту.

(«Скрипя ползли обозы – черви...»,
январь 1920) (С. 3)

В рядах измученных бойцов продвигаясь на восток («Прем к Востоку – / Бог помочь!»), герой постоянно оглядывается назад – на *запад*, на *закат*. Почти каждое стихотворение первой части начинается с упоминания об этом. Но если поначалу образ *запада* (*дома, прошлого, России*) и *закатной зари* подернуты романтическим флером: «На *западе розовом, как детство / Дого-*

¹ Ещин Л. Собрание стихотворений. Далее ссылки на это издание с указанием страниц.

рая, *заря* стояла» (курсив здесь и далее мой. – А.З.), то вскоре он наполняется кровавыми ассоциациями: «Конец заснеженных полей / *Закат закрасил красным*». В конце первой части *заря* – традиционный образ юности и связанных с нею надежд – превращается в *зарев*. *Запад* становится символом смерти. Его отрицательная семантика усугубляется грубым физиологическим сравнением:

Как язвой, *заревом* запад застлан,
А небо стало угрюмо-сизым;
Занозой месяц заткнулся снизу
Напротив места, где солнце гасло.

(«Зарево», курсив мой. – А.З.) (С. 7)

Первая часть сборника завершается стихотворением «Праздник», когда, вопреки всем испытаниям, подвыпившие бойцы в «трещанье сосен» слышат «о надеждах гимн, / О счастье грядущих весен, / Где будет любой любим»:

– Пустяк, что зима сурова,
Пустяк, что в тайге ночлег;
Легко обойтись без крова,
Если в спирте растает снег!

– Враги! Морозы! Голод!
Мы стали сильнее вас всех:
Вам слышно, как, пьян и молод,
Дрожит над кострами смех?!

(С. 9)

Но это – лишь временная передышка, дарованная пьяной эйфорией. Заканчивается зима, но не заканчиваются лишения. Первая часть является прелюдией ко второй, где читатель целиком окунается в мир переживаний и разочарований повзрослевшего за год лирического героя. Тягостное ощущение «*безвременья*» нескончаемого и страшного, «*безвременного*» 20-го года, выражено при помощи предлога *без* – в самих названиях-концептах («*Весна без радости*», «*Осень без скорби*», «*Зима без крова*»), аналогичной внутрстиховой образности. Утрачена привычная для человека вера в весеннее обновление и продолжение жизни. Нагнетание слов с приставкой и предлогом *без* в стихотворном континууме всемерно эти чувства усугубляет – лирический герой со своими однополчанами словно выпадают из времени:

Под пулеметный грохот дробный
Проходят годы, как века,
И чужды всем, одни, *безродны*,
Идем мы памятник надгробный
Былой России высекать...

(«Зима без крова») (С. 14)

...А кости старой падали надежно огорожены
Поскотиной дырявою, налегшей на сосну.
Ах, черт возьми, да надо ли, чтоб были мы заброшены
На жизнь распрокорявую в поганую страну!

(«Забайкальский поход», июль 1920) (С. 12)

В этой части сборника наиболее яркое звучание получит тема *непрожитой и поруганной молодости*, проходящая через всю книгу:

Не с нашим сердцем деревянным
Рыдать о прошлом покаянно
И лицемерить у костра!
Напрасно ищем мы – их нет здесь,
Кому б рукою стан обвить:
За обесчещенных возмездье –
Весна, лишенная любви.

(«Весна без радости», Пасха 1920) (С. 10)

Осень *бесскорбная*... Синяя осень.
Небо спокойное нам не тесно,
Скорби у осени разве попросим
Мерзлой душой, не увидевшей снов?

(«Осень без скорби», октябрь 1920) (С. 13)

Скорбный календарь, «испещренный» географией поражений и потерь отступающей Белой гвардии, представляет финальное стихотворение второй части – «Год в походе (Двадцатый год)»¹:

Двадцатый год со счетов сброшен,
Ушел, изломанный, в века...

¹ Великий сибирский ледяной поход начался в ноябре 1919 г. и продолжался до начала марта 1920 г. Отступающие белые войска проделали путь общей протяженностью более 3 тыс. км. Историки выделяют в Великом сибирском ледяном походе три этапа: 1) от Омска, берегов Иртыша до Енисея, 2) от Красноярска до района г. Канска и 3) до Байкала и Читы.

С трудом был нами он изношен:
Ведь ноша крови нелегка

(С. 14)

Практически каждый месяц в памяти лирического героя Ещина оставил свою мрачную метку: январь – *промерзший Кан*¹, февраль – *Байкальский лед*², март – *трупы павших под Читой*; но ужас марта не сравним с апрелем: *«тот март теряется в апреле, / как Шилка прячется в Амур»*³ и т. д.

Третья часть «Стихов» под названием «Morituri» – похоронная месса по павшим товарищам, по погибшей юности и утраченным мечтам. Она и построена по законам музыкального произведения: I. «До-диез», II. Ми-минор», III. «De Profundis». Это – ее кульминационная часть, чье название отсылает к работе «De Profundis» С.Л. Франка. С этим философом Ещин мог быть знаком по Нижнему Новгороду, где в родительском доме протекала его юность, а Франк отбывал ссылку. В своем труде Франк размышляет об истоках национальной трагедии русского человека: «Подобно утопающему, который еще старается вынырнуть, мы должны отрешиться от головокружительного, одуряющего подводного тумана и заставить себя понять, где мы, и как и почему попали в эту бездну. А если даже нам действительно суждено... погибнуть, то и тогда дух жизни влечет нас погибнуть не в сонном замирании мысли и воли, а с ясным сознанием, передав векам и народам внятней, предостерегающий голос погибающего и чистое, глубоко осознанное покаяние. Силою свободной мысли и совести – которых не могут отнять у нас никакие внешние бедствия, никакой гнет

¹ Кан – река в Красноярском крае России, правый приток Енисея. «Движение по реке Кан было не только тяжелым, но и крайне опасным. Река, покрытая толстым слоем снега, под которым струилась вода незамерзающих горячих источников, тридцатипятиградусный мороз... Более тяжелые условия, пожалуй, придумать сложно. Люди, двигаясь в темноте по реке, фактически, наощупь, постоянно проваливались в полыньи, которые не были видны под снегом. Многих из них покидали силы, и они оставались лежать на этом крестном пути...» // Интервью Руслана Гагкуева для д/ф «Последняя тайна генерала Капшеля».

² В середине февраля 1920 г. капшелевцы перешли Байкал, который, наравне с переходом по реке Кан, стал одним из самых сложных отрезков пути Великого сибирского ледяного похода. Всего Байкал перешло 30–35 тысяч человек. На станции Мысовая раненные и больные капшелевцы, а также женщины и дети были погружены в эшелоны, а здоровые продолжили свой поход (около 600 км) до Читы, которой и достигли в начале марта 1920 года.

³ «Как Шилка прячется в Амур»: истоками Амура являются реки Шилка и Аргунь.

и произвол – мы должны возвыситься над текущим мигом; понять и оценить кошмарное настоящее в связи со всем нашим прошлым, в свете не мигающих, блуждающих огоньков болотных испарений, а непреходящих, сверхвременных озарений человеческой и национальной Жизни»¹.

Успел ли Леонид Ещин прочитать эту работу – неизвестно. Учитывая то, что «Стихи таежного похода» редактировались и издавались во Владивостоке, а третья часть сборника несет в себе наиболее сильный отпечаток литературности, вполне вероятно, что работу Ещин мог прочитать уже после Ледяного похода. Но переключка переживаний и раздумий поэта и философа не вызывает сомнений:

Когда хромым, неверным шагом
Я приплечусь сквозь утра тюль;
Когда не враз, вразброд, зигзагом
По мне рванут метлой из пуль;
Когда метнет пожаром алым
Нестройный залп на серый двор,
А я уныло и устало
Ударюсь черепом в забор, –
Тогда лишь только я узнаю,
Что составляет наш удел;
В небытие иль двери рая
Ведет конец житейских дел.
*О Боже, Боже, даруй веры,
Чтоб ярко радостью гореть,
Вкушая ночью мук без меры
Перед расстрелом на утре!*

(С. 18–19; курсив мой. – А.З.)

Словно замыкая нить философских рассуждений Франка, Леонид Ещин «из глубины» вновь обращается к Господу от имени своего измученного «я». И от имени каждого русского, пережившего ужас национальной трагедии.

В финальном стихотворении Ещина есть строки, обнажающие внутреннее состояние бойца-поэта:

Алкогольные вихри гуляют
В пустыре отаеженных душ,
И тоска, извиваясь, как уж,
Разогнала безумную стаю

¹ Франк С.Л. De Profundis // Из Глубины: Сборник статей о русской революции С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева и др. М.; Пг., 1918.

*Муз, глядящих глазами кликуш:
Сумасшедшую музу Похода
И тифозную музу Тайги.*

(С. 18; курсив мой. – А.З.)

К числу «воплощенных» муз белого движения можно без натяжек причислить Марианну Колосову [настоящее имя – Римма Виноградова]. Она не воевала. Но ее отца-священника, по непроверенным источникам, и возлюбленного расстреляли большевики. Колосова была настроена истово антибольшевистски. Тема Гражданской войны станет основной темой ее лирики в разных вариациях.

Истоки национальной трагедии, положившей начало бесчисленным жертвам гражданской междоусобицы, монархически убежденная Марианна видит в низложении Николая Второго, а затем – в его злодейском убийстве. В стихотворении «Два государя» трагическая смерть последнего русского императора осмысливается поэтессой в сплаве балладной похоронной песни, духовного стиха, исторической песни, наполняемых житийными клише:

Вышел французский король Людовик¹
Навстречу Николаю Русскому царю.
«Брата моего встречу с любовью
И двери ему отворю».

Ласковы Апостола Петра очи,
Ключи от рая у пояса звенят.
Русский царь из черной ночи
Входит в пресветлый райский сад.
Лицо – северного снега бледнее,
Глаза – великой тоскою горят...
И даже Петр апостол, робея,
Отшатнулся от скорбных глаз Царя.

(«Два государя»)² (С. 10)

Гражданская война материализовала все мифологические и ритуальные формы и образы во всей немислимой полноте. Она «рекрутировала» на свои поля не одну тысячу молодых русских жизней. *Причеты* – один из жанровых подвидов при-

¹ Об этом: *Забияко А.А.* Жанровые истоки «динамитной лирики» М. Колосовой (на материале сборника «Господи, спаси Россию!») // *Русский Харбин, запечатленный в слове.* Вып. 1. Благовещенск, 2006. С. 22-50.

² *Колосова М.* Господи, спаси Россию! Вторая книга стихов. Харбин, 1930. 68 с. Далее ссылки на это издание с указанием страниц.

читания, непосредственно связанных с рекрутской и солдатской тематикой. *Рекрутская причета* – это плач по уходящему на военную службу мужу, любимому, брату. Исторически так сложилось, что проводы в армию на Руси приравнялись к проводам «на тот свет» – в этом воплощались и ритуальный смысл (умирание в качестве мальчика и штатского человека, рождение в качестве мужа, воина), и реальная тревога родных, сопровождаемая песней-оберегом.

М. Колосова создает свои стихи в сплаве традиционной народной песни и страшных реалий:

Над чужой печалью
Душу надрывая,
Я свои потери
Вновь пересчитаю...

В результате образы погибших близких приобретают обобщенный характер многочисленных жертв кровавой российской междоусобицы:

Ах, волос любимых
Золотые пряди
Ветер поразвевял
Где-то в Петрограде!

А в родное сердце
Вражеская пуля
Врезалась случайно
Где-то в Барнауле!

(С. 23)

Лирическое «я» поэтессы в причетах вырастает до символического образа Руси-женщины, оплакивающей своих друзей, любимых, отцов, братьев, чьи жизни были украдены революционным лихолетьем («*А погибших близких / всех не перечислить*»). Наряду с архаическими формами устойчивых для причетов эпитетов – «горестные мысли», «золотые кудри» – в них вплетается образ, сочетающий традиционное определение врагов и их историческую конкретизацию: *злые мадьяры, вороги в Нарыме*. По всей видимости, под первым – полусказочным – именем подразумеваются красные венгры под предводительством легендарного Бела Куна, бесчинствовавшие в те годы на Дальнем Востоке. Образ же *вороги в Нарыме*, хотя и построен по традиционной модели (ср., *басурманы, вороги* и т. д.), но еще более конкретен. Он обозначает своих же, русских, но – красных, и потому врагов, может быть, еще более жестоких.

На реальность и масштаб переживаемых Колосовой событий указывают топографические реалии (наименования городов, рек, стран, гор):

В Иркутске, в сквере, около вокзала,
Я на скамье садовой ночевала,
Да не одну, а двадцать пять ночей...
Бежала я от предстоящей муки,
Фальшивый паспорт обжигал мне руки,
Глаза слепил блеск вражеских мечей.

(«Не в этом ли году?») (С. 37)

«Я свои потери / вновь пересчитаю», – начав трагическую географию своих утрат в «Причетах», продолжает ее героиня в других стихотворениях:

*Сижу, облокотясь на шаткий стол,
И слушаю рассказ неторопливый:
Про Петропавловск, про Tobол ...
Я вижу берег синей Ангары,
Потом глухие улицы Читы ...*

(«Все о том же», курсив мой. – А.3.) (С. 35–36)

Словно с высоты птичьего полета, объемлет взор лирической героини российские просторы, охваченные бедой: *Петроград, Петропавловск, Вологда, Tobол, Соловки, Нарым, Барнаул, Чита, Хор* (станция под Хабаровском, где течет одноименная река), *Амурские воды, Трехречь*¹ и т. д. Она словно заново про-

¹ Речь идет о событиях августа–ноября 1929 г. – Советско-китайском вооруженном конфликте на КВЖД. Постоянные вооруженные столкновения на советской и китайской территории, инспирируемые с обеих сторон, приводили к человеческим жертвам. При этом страдали, в первую очередь, мирные жители – достаточно вспомнить кровавые события в Трехречь 28.08.–1.09. 1929 г. В эти дни безвинно уничтоженными войсками НКВД, переправившимися на территорию Китая, оказались целые казачьи поселки на территории Трехречь, жестокая расправа коснулась всех – от мала до велика. Эмигрантская пресса откликнулась статьями: <Б.п.> Кровавая бойня в Трехречь. Как было стерто с лица земли селение Дамасова/ Из дальневосточной газеты «Рупор»// ГАРФ. Фонд р 5871. Дело № 127; <Б.п.> День русской скорби// Гун-Бао. № 848 15 октября 1929 года // ГАРФ. Фонд р 5871. Дело № 127; <Б.п.> О том, что претерпели русские крестьяне из Трехречь// Фонд р 5871. Дело № 127; <Б.п.> Трехречь. Экономический очерк// ГАРФ. Фонд р 5871. Дело № 127; <Б.п.> Война хижинам// Рубеж. 1929; <Б.п.> Кровавые события в Трехречь // Рубеж. 1929. № 43. С. 3; <Б.п.> Финал трагедии Трехречь. Похороны 27 расстрелянных жителей поселка Тиньхэ // Рубеж. 1930. № 21; *Камский Б.* Уголок прежней России в маньчжурских степях // Рубеж. 1934. № 30. С. 12–13.

В 1937 г. харбинский беллетрист Д. Загоскин выпустит сборник рассказов «Казачи». В одном из них – «Мечь» – с топографической точностью будут описаны кровавые злодеяния и провокации советских диверсантов против трехреченцев.

ходит весь путь поражений Белой армии. И для читающих стихотворение харбинцев российские реалии постепенно сужаются, приближаясь к сибирским и дальневосточным пределам, напоминая о недавних военных событиях, о Ледяном походе, о том, что война не закончена, но надежды на победу постепенно умирают:

И дальше слезныя и бледныя страницы:
*Гензан*¹... *Гири*²... *Сумбу*рность Харбина.
Молящие измученные лица.
Спокойствия! Забвения! Вина!
Возврата больше нет назад...

(С. 36; курсив мой. – А.З.)³

* * *

Арсений Несмелов, хотя и посвятит Гражданской войне целый поэтический сборник «Кровавый отблеск» (1929 г.), в этих и последующих лирических раздумьях уйдет от описания «кровавых дней» и обратится к историософской проблематике: образу «полумонгола» Ленина, роли личности в истории («Две тени»), вине русской интеллигенции за происшедшее («Так уходит море...», «Русская мысль»). Но больше всего поэта будет занимать судьба частного человека, одного из множества русских добровольцев. Именно о нем – бывшем однополчанине, а сегодня – изгое-эмигранте («Ловкий ты и хитрый ты...», «Встреча вторая»), о бывшем коллеге по цеху, а теперь – советском писателе («Встреча первая»), об ушедшем друге-поэте («Леонид Ещин») будет размышлять Несмелов в своей лирике (сб. «Без России», 1931)⁴.

В прозе к теме Гражданской войны он начнет возвращаться немного позднее (с середины 30-х годов). Причины на то существуют разные – как личного, субъективного характера, так и общие для всех белопоходников: Несмелов обустроивался, изживал тягостные воспоминания, о которых такие же, как он,

¹ *Гензан* (Вонсан) – порт в Корее, на восточном берегу Корейского полуострова, в глубине Броутонова залива. Во времена Гражданской войны один из путей, по которому остатки русской армии добирались в Харбин.

² *Гири* (совр. назв. – Цзилинь) – в первой половине XX века столица провинции Гири (сегодня – Цзилинь); железнодорожный узел на линии КВЖД.

³ *Колосова* М. Господи, спаси Россию!.. Указ. изд.

⁴ Об этом: *Забияко* А.А. «Сердце жаждет поединка» // «Четверть века беженской судьбы...». Указ. изд.

эмигранты, хотели поскорее забыть. А потом он увидел в годах Гражданской источник беллетристической сюжетности. Тот драматический период жизни своей и своего народа он будет воссоздавать не внешней событийностью, как в героико-романтических повестях метрополии¹, а сквозь призму социальных и психологических деформаций на уровне частного сознания («Аш два О», 1935, «Рассказ добровольца», 1937, «Поручик Такахаси», 1938, «Родимое пятно», 1939, «Бой в горах Урала», 1940, «Наш тигр», 1941, «Трудный день поручика Мухина», 1942, «Людоед», 1942, «Всадник с фонарем», 1944).

География несмеловских повествований о Гражданской войне вмещает почти всю Россию: от ее западных пределов – до Москвы, затем – через Урал к Нижнеудинску, Иркутску, Владивостоку – к дальневосточным границам с Китаем и даже за их пределами («Баллада о Даурском бароне»). Это – дороги, пройденные самим Несмеловым, события, почти все им пережитые. Несмеловская проза о гражданской войне, написанная в 1929–1944 г., – пространство воспоминаний бывшего добровольца: рядового, прапорщика, поручика, а во время повествования – просто эмигранта. Поэтому зачастую композиционная форма этих историй – рассказ в рассказе. Если рассказчик обращается памятью ко времени временных побед Белой армии, тон повествования напоминает рассказы о Первой мировой («Рассказ добровольца», «Родимое пятно», «Аш два О», «Бой в горах Урала»): «местами смешно, местами страшно. И смеяться хочется, и плакать». Герой-рассказчик резюмирует: «а такова и вся наша жизнь <...> – и поплачешь над ней, и посмеешься. У кого к чему склонность»² («Аш два О»).

Если же речь идет о событиях, когда участь Белого движения заведомо печальна, тон рассказа обретает драматические интонации («Трудный день поручика Мухина», 1942, «Людоед», 1942, «Всадник с фонарем», 1944). Рассказ «Трудный день поручика Мухина»³ воссоздает один из дней бывшего добровольца, спасающегося от красных в чешском эшелоне и попа-

¹ Например, «Железный поток» А. Серафимовича, «Разгром» А. Фадеева и др.

² Несмелов А. Аш два О // Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. Владивосток, 2006. С. 317.

³ Прожектор. 1942. № 3. Цит. по: Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. Указ. изд.

дающего на станцию Иннокентьевская в роковой для истории дальневосточного Белого движения день.¹

Поставленный охранять вагоны, поручик Мухин слышит вдруг странное пение – «Вечную память»: «Что это могло быть? Что могло означать это церковное похоронное пение глубокой ночью, на станции, занятой большевиками? Кого хоронили и кто хоронил?» Не выдержав, поручик рванул к пакгаузу, откуда доносится пение, и увидел «странное шествие: десятка два людей во всем белом двигались в кольце вооруженной охраны. Белые-то и пели, и белизна их одеяний объяснялась тем, что все они были в одном белье, то есть раздеты до нательных рубаш и кальсон. <...> большевики, раздев донага своих пленников, заставляли их босыми ногами идти к месту казни ... голыми ногами по обжигающему льду. <...> И вот раздетые и разутые люди шли на смерть по сорокаградусному снегу и сами отпевали себя – слова похоронного песнопения далеко, далеко разносились в замороженном, как бы хрустящем воздухе» (С. 321).

Мухин реагирует быстро: «Спасшийся от такой или подобной же участи только тем, что он стал чешским солдатом, поручик Мухин ни о чем не думал не рассуждал. Передернутый затвор послал патрон в ствол, ствол лег на проволоку, Мухин чуть присел, чтобы прицелиться...» (С. 321). «Он клал выстрел за выстрелом по разбегающимся черным фигурам. Потом он вырвал из подсумки вторую обойму и стал перезаряжать винтовку. Тут к нему подбежали сзади и опрокинули его в снег. Он сопротивлялся, но его держали. Он думал, что это красные.

Но это были чехи» (С. 322).

В этот «трудный день» с поручиком Мухиным происходит много еще всего: пока он сидит под арестом, задержанный чехами за неисполнение приказа, станцию захватывают каппелевцы. Начальник штаба отправляет поручика с чешским значком на папаше в разведку: «пройти в Иркутск и разузнать,

¹ 15 января 1920 г. по согласованию с представителями Антанты командование Чехословацкого корпуса, стремясь обеспечить беспрепятственное продвижение своих эшелонов к Владивостоку, на станции Иннокентьевская арестовало и выдало Колчака эсеро-меньшевистскому Политцентру, установившему еще в конце декабря 1919 г. контроль над Иркутском. После перехода власти в городе к большевикам 21 января 1920 г. Колчак был передан Иркутскому военно-революционному комитету, который, по негласному указанию Ленина, принял решение о расстреле Колчака. Казнь состоялась 7 февраля 1920 г. Тело было сброшено в Ангару.

как красные готовятся к обороне» (С. 325). Мухин дожидается завтрака у коменданта, в это время при нем допрашивают красноармейца, не успевшего сорвать вовремя красный бант. Перед допросом «Мухин обратил внимание на то, что в глазах коменданта была не то ласковая ирония, не то самая обыкновенная человеческая ласковость» (С. 326).

После короткого допроса («Откуда родом?», «Зачем пошел к красным?», «А бант зачем надел?») комендант приказывает расстрелять красноармейца и спокойно начинает завтрак с Мухиным, добавляя между прочим: «Жестокое, жестокое дело гражданская война, господин поручик. Но что поделаешь? Око за око» (С. 326).

Наконец, Мухин идет на задание. По дороге в Иркутск Мухин догоняет «медленно тащившиеся к городу порожные розвальни с крестьянином-возницей. За санями шла женщина...» (С. 327). Розвальни везут труп ее мужа, расстрелянного этой ночью в числе двенадцати. «Священник между них был, между замученных, отец Николай из села Рассохино. Сама видела: лежит сейчас, седенький, на снегу. Он, когда уж их повели, сказывают, благословил всех, отпущение дал и вечную память запел. Все и запели. Так, себя отпевая, и пошли на смерть...»

Не признавшись женщине в своем поступке, Мухин решает, что «бремя ненависти и кровавой борьбы» лежит теперь на его плечах.

В Иркутске он чуть было не попадает в переplet, столкнувшись с группой вооруженных чинов «только что организованного чека», уже успевших ограбить состоятельную еврейскую семью. Но чекистам не до «чешского офицера»: они с трудом отбиваются от вопящей старухи-еврейки, требующей вернуть золотые часы ее покойного мужа.

Мухин выполняет задание, возвращается назад и тут узнает, что кашелевцы не смогли атаковать город, оставили станцию и ее вновь заняли красные. В последние минуты он успевает на вокзал и отправляется с эшелоном во Владивосток, где ждет его жена.

Несмотря на цепь мало связанных между собой событий, «Трудный день поручика Мухина» – драматическая коллизия Гражданской войны в миниатюре. Лейтмотив художественного целого – библейский образ двенадцати «апостолов» – белых офицеров, разутых и раздетых, в сорокаградусный мороз боси-

ком бредущих на казнь. Трагическим аккордом звучат финальные строки рассказа: «Радость спасения, радость близкой встречи, казалось, поглотила все. Но даже и за ее розовым светом, за ее полнозвучной мелодией, где-то позади всего этого – забываемо, непрекращаемо слышалось ночное нестройное пение “Вечной памяти” самих себя отпевавших мучеников. И, поднимаясь в вагон, Мухин троекратно перекрестился» (С. 332).

Своим военным бытовизмом, хроникально воссозданной атмосферой одного дня и одновременно библейскими коннотациями рассказ перекликается со стихотворением Несмелова той же поры – «В Нижнеудинске» (1942)¹. Оно посвящено встрече (возможно, придуманной поэтом) поручика Несмелова и уже арестованного адмирала Колчака:

И было точно погребальным
Охраны хмурое кольцо,
Но вдруг на миг в стекле зеркальном
Мелькнуло строгое лицо.

Уста, уже без капли крови,
Сурово сжатые уста!..
Глаза, надломленные брови,
И между них – Его черта,

Та складка боли, напряженья,
В котором роковое есть...
Рука сама пришла в движение,
И, проходя, я отдал честь.

(С. 169-170)²

В этом же году Несмелов напишет рассказ «Людоед»³. Повествование в рассказе ведется от первого лица – рассказчик вспоминает события двадцатилетней давности, когда пришлось ему «встретиться с людоедом, и при этом не с “профессиональным”, так сказать, каннибалом <...>, а с соотечественником и даже стихотворцем, а именно – фельетонистом из владивостокской коммунистической газеты “Красное Знамя”» (С. 333).

¹ Несмелов А.И. Собрание соч. Указ. изд. Т. 1.

² О соотношении реальности и вымысла в стихотворении: Дябкин И.А. Мифологизация образа Колчака в литературе метрополии и эмиграции // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 4. К 70-летию профессора О.И. Федотова. Указ. изд. С. 190-201.

³ Об этом: Забияко А.А., Девочкин А.О. Проблема «натуралистического текста» в творчестве А. Несмелова // Вестник АмГУ. 2011. Вып. 52. С. 148-156.

Пресловутый людоед (подписывающий свои фельетоны псевдонимом Северный) «явился во Владивосток в двадцать втором году из тайги, где он партизанил с красными». Северный вроде бы нравится рассказчику: «Очень добрый, отзывчивый, всегда готовый помочь, услужить, выручить из беды. <...> Ничего подчеркнуто коммунистического или даже просто советского ни в речах его, ни в поведении не было. Просто хороший мужик, рубаха-парень, такой же представитель богемы, как и я сам» (С. 333). Однако что-то мешает герою проникнуться всей душой к «рубахе-парню»: «К Северному у меня всегда почему-то держится в душе настороженность, и я сам не могу объяснить себе ее причину. Почему бы? Отчего?» (С. 334). Эти вопросы – завязка сюжета, за ними последуют откровения Северного. В ресторане жизнерадостный фельетонист просит своего визави не заказывать себе телятины, а затем, немного бравируя, признается, что он – людоед. Причем эта бравада, видимо, вызвана неотступным желанием этого человека рассказать о содеянном.

Северный партизанил в отряде, принадлежавшем к Тряпицынской группе, «уничтожившей город Николаевск-на-Амуре¹. Группа эта не была однородной в отношении изуверств и кровавых дел, но все же, под угрозой обвинения в измене и собственной гибели, линии этой в той или иной мере все должны были следовать» (С. 336). И все же отряд из шестидесяти человек решил покинуть лагерь Тряпицына. Во время перехода через тайгу у людей заканчиваются все запасы провизии. Голод заставляет участников перехода съесть сначала своих лошадей, затем разделить на два отряда, чтобы более эффективно охотиться на дикого зверя, которого в глухой тайге очень мало. Беличье мясо не спасает, да и оно быстро заканчивается. «Так вот, заголодали мы. Пришел такой день – нечего жрать. А кругом лес и мороз. Мороз и лес – тьма, холод, глушь. И глушь эта гудит, стонет. Ветер издали тяжелой волной идет, волну эту несет и вдруг, деревья закачав, пронесет над тобой дальше. <...> Не красота – пытка этот шум тайги, если он изо дня в день над то-

¹ Об этом: *Емельянов К.* Люди в аду: К 20-летию гибели Николаевска-на-Амуре с предисловием Я. Ловича. Шанхай, [1940]. О николаевской трагедии: *Гутман А.Я.* Гибель Николаевска-на-Амуре: страницы из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Берлин, 1924; *Смоляк В.Г.* Междоусобица. По следам нижеамурской трагедии. Хабаровск, 2009.

бой. Даже для нас, привычных, да еще на голодное брюхо! Как зубная боль он» (С. 338).

В борьбе за выживание два отряда становятся врагами, а затем начинают охоту друг на друга. Первого убитого в перестрелке человека обезумевшие от голода люди съедают ночью: «Поделили его по ноге, по руке, по мягким местам – одно название, конечно, мягкие-то, кожа только, – и сварили. И когда дух супяной из котла поднялся, так крыса-то, которая в брюхе у нас сидела, чуть не загрызла каждого. Едва сырьем человечину из котла руками не повытаскивали» (С. 344).

Так физиологическая потребность в пище пересиливает все морально-этические установки и доводит людей до людоедства. Начав есть человечину, они уже не могут остановиться – беспросветный голод делает свое дело. Однако есть в группе один стойкий человек – Шкурин, который, слабея с каждым голодным днем все более, выдерживает и сохраняет человеческий облик. Он же спасает и героя-рассказчика, которому выпал жребий стать очередной жертвой: Шкурин просит подождать до утра, а там съесть себя самого. Случай (любимый несмеловский мотив) либо провидение в лице Шкурина остановило людей от дальнейших убийств: волчья стая загоняет в стан людоедов изюбря. Когда заканчивается вся эта «пакостная история», образ Шкурина (умершего в итоге от истощения, несмотря на то, что товарищи его отпаивали горячей кровью изюбрей) вызывает у них чувство уважения: «А потом мы Шкурин похоронили, – это, парень, сделали от всего сердца. Не о себе говорю, а каждый понимал и благодарен ему был, что он нас от убийства остановил...» (С. 351).

Итак, развязкой убийственного (в буквальном смысле) напряжения сюжета становится появление волчьей стаи. Голодных волков, с которыми бродягам пришлось выдержать бой, но «которых мы подстреливали, тут же на наших глазах остальные разрывали и жрали». По признанию Северного, волки «вели себя, в сущности, совсем так же, как и мы до этого времени» (С. 351). Грань, которая отделяет человека от зверя, оказалась разрушена в эпоху братоубийственной Гражданской войны. Не случайно героями рассказа о людоедстве становятся участники тряпицынской банды – люди, на чьей совести в 1920 г. был уничтоженный мирный Николаевск-на-Амуре, тысячи загубленных невинных жизней. Человек перестал стесняться своей звериной природы.

Этой трагедии был посвящен роман Я. Ловича «Враги» (1941), который писатель создал на основе собственного расследования в качестве военного следователя¹. «В начале лета 1922 года, – вспоминал Яков Львович, – судьба забросила меня в Николаевск-на-Амуре – вернее на то место, где был этот когда-то цветущий город. Черная, страшная равнина, утканная печеными трубами, груды кирпича, ржавого кровельного железа, горелыми бревнами. Кое-где, в разных местах, новые легкие фаршированные постройки, возведенные японцами. Остатки русского населения ютятся по разным сараям, баракам и лачужкам. Прошло уже два года после кровавых событий, но печать ужаса и горя осталась у этих людей. Я был на фронтах Великой войны и гражданской бойни, видел много страшного, но о таких ужасах, какие вытерпели эти люди, я никогда не слышал. Мне рассказывали, как партизаны пороли, пытали, расстреливали, жгли, кололи штыками, рубили шашками и топорами, насиловали, грабили, убивали колотушками для глушения рыбы, вспарывали животы, разбивали черепа грудным младенцам. Рассказчики спаслись чудом: один бежал в лес и жил неделю на снегу, другой прожил больше недели под... тротуаром, правильно рассчитав, что никому не придет мысль искать беглеца в таком месте. Третий, в момент ухода партизан из города и избиения ими всех оставшихся в городе, спрятался в помойную яму. Способы спасения были разнообразны и необыкновенны: когда угрожает смерть, человек становится изобретательным. <...> Я получил от дирекции фирмы командировку в Александровск-на-Сахалине и здесь поселился у Константина Александровича Емельянова, члена Петропавловского окружного суда, в прошлом судебного следователя. Узнав, что он и его жена пережили николаевские события, я начал расспрашивать их. Муж отвечал неохотно, а жена, обычно очень молчаливая, говорила много и с необыкновенным подъемом. Емельянов, когда мы с ним остались одни, сказал:

– Я очень прошу Вас не упоминать о Николаевске при жене. Когда она вспоминает эти события, то...

Тут он выразительно покрутил пальцем около лба. С тех пор мы при жене никогда не упоминали о событиях. Но зато во время прогулок по Александровску, вдвоем с Емельяновым,

¹ Лович Я. Враги: Роман в трех книгах. Посвящен памяти истерзанных в Благовещенске и Николаевске. Шанхай, 1941. С. 499-523 – отклики на книги Я.Л. Ловича.

и особенно во время охоты, на которую мы часто ходили, я выслушал полный отчет о том, что произошло в Николаевске. Узнав, что Емельянов изложил все это систематически на бумаге, я попросил его разрешения снять копию с записок и переписал их от руки, так как машинки не было»¹.

Вернемся к рассказу Арсения Несмелова «Людоед». Спустя время, когда все участники страшного похода уже отошли от голода, преступникам было «и стыдно, и противно, и дали мы друг другу слово никому об этом никогда не рассказывать». Но был один из них – каторжник Ваня Кайло, первый преступивший человеческий закон, который «искренно удивлялся»: «Если, как нас вот, нужда заставляет, так что же, погибать, что ли? Да гори оно синим огнем, чтобы я от голоду сдох, когда мясо, хоть и человекье, рядом! Я твой окорок, Северный, вот как бы еще обглодал! – и, *сытый, довольный, веселый, он хохотал всюю*» (С. 351. Курсив мой. – А.З.).

Чуть позже Несмелов напишет рассказ «Всадник с фонарем» (1944)². Его название аллюзивно перекликается и с библейскими («Четыре всадника Апокалипсиса»), и с приключенческими (Майн Рид «Всадник без головы»), и романтическими (В.А. Жуковский «Лесной царь», А.С. Пушкин «Медный всадник») текстами. Но семантика, раскрывающаяся в содержании, имеет исключительно зловещий характер. Очевидно, в рассказе воссозданы события 1921 года – начала НЭПа³. Они послужили завязкой сюжета. Место действия не обозначено, но ясно, что это – средняя полоса России, там, где «бор-от до самого Ярославля тянется» (С. 305)⁴. Хронологическая ситуация рассказа – на стыке суровой реальности и ужасной мистики. С одной стороны, война закончилась; настало время послереволюционной «коммерции». Бывший прапорщик Константин Звягинцев приходит к своему давнишнему знакомому, мельни-

¹ Лович Я. Враги. Роман. М., 2007. С. 5.

² Луч Азии. 1944. № 10.

³ Переход к НЭПу – новой экономической политике (такое название закрепилось за системой экономических мероприятий, сменившей политику «военного коммунизма» и являвшейся, до известной степени, ее противоположностью) – был провозглашен В.И. Лениным в марте 1921 г. на X съезде РКП(б). Вслед за X съездом партии ВЦИК издал декрет от 21 марта 1921 года «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом».

⁴ Возможно, речь идет об Орловской губернии, для которой характерен такой выговор («тое лето» – характерное использование указательного местоимения по типу прилагательного для центральных и юго-восточных говоров).

ку, продать свои «суконные защитные солдатские штаны» за пуд муки¹ (С. 304): «Теперь все коммерцию ломают. Вон в городе на всех улицах солдаты чем только не торгуют. Даже странно: все против буржуев, а все в купцы лезут» (С. 305).

С другой стороны, место, где осуществляется «коммерция», не простое: это далекая мельница², «одичалый лес», где постоянно слышится «странный звук, напоминающий унылую ноту, без всякого повышения и понижения вытягиваемую музыкантом из волторны и вдруг обрываемую, чтобы затем снова начать тянуть ее» (С. 305). Ужасный вой, а это воет волчица («Чу, воет, подлая. Жутко»), с самого начала и до конца сопровождает повествование, служит его лейтмотивом. На Звягинцева вой действует устрашающе: «Прапорщик так и остался стоять с дождевиком в руке» (С. 305).

Мельник же, Семен Иванович Генералов, реагирует на него обыденно: «Волчиха с волчатами тут неподалеку путается. Совсем одичал лес». Очевидно, что он знает что-то такое, что будет страшнее волчьего воя. Мельника так и подмывает поделиться этим знанием: «Что волчиха? Рассказал бы я тебе про одно дело, да не к ночи мой рассказ будет...» (С. 305); «Тут у меня нехорошие дела были. Не зря волчиха крутится». Подобные реплики придают повествованию сюжетное напряжение, читатель готовится узнать о чем-то страшном, о чем хочет, но не решается поведать мельник.

Провокативная семантика образа мельника не реализуется в сюжете. Напротив, Семен Иванович – воплощение здравого смысла и этической крепости. Его не пугает лес, – оказывается, самое страшное происходит в городе: *«Да что!.. Мне-то еще одному около леса хорошо жить. А вот в городе я был, так Боже ж ты мой! Все люди друг другу врагами стали. Все, что ни придется, рвут друг у друга из рук, изо рта. <...>* А и мне хочется быть как

¹ Несмелов А.И. Собрание соч. Указ. изд. Т. 2.

² Мельница и мельник в славянской мифологической картине мира занимали особое место. Считалось, что мельница – место, связанное с нечистой силой, а мельник знается с водяными и прочей нечистью. Потому мельница – место опасное, а мельник – сродни колдуну. Отсюда и образ мельника в русской литературе (А.С. Пушкин, А.К. Толстой, Н.А. Лесков и др.) Об этом писали: Максимов С.Б. Нечистая, неведомая и крестная сила: соч. в 20 т. СПб., 1908. Т. 18; Ведерникова Н.М. Мельница и мельник в русской мифологии // Научный диалог. 2014. № 12: Филология. С. 6–22.

**«Бремя ненависти и кровавой борьбы»:
Гражданская война в сознании дальневосточной эмиграции**

Начало Ледяного похода.

Бойцы Великого сибирского ледяного похода.

**«Бремя ненависти и кровавой борьбы»:
Гражданская война в сознании дальневосточной эмиграции**

Белоповстанцы.

Участник Гражданской войны на Дальнем Востоке.

**«Бремя ненависти и кровавой борьбы»:
Гражданская война в сознании дальневосточной эмиграции**

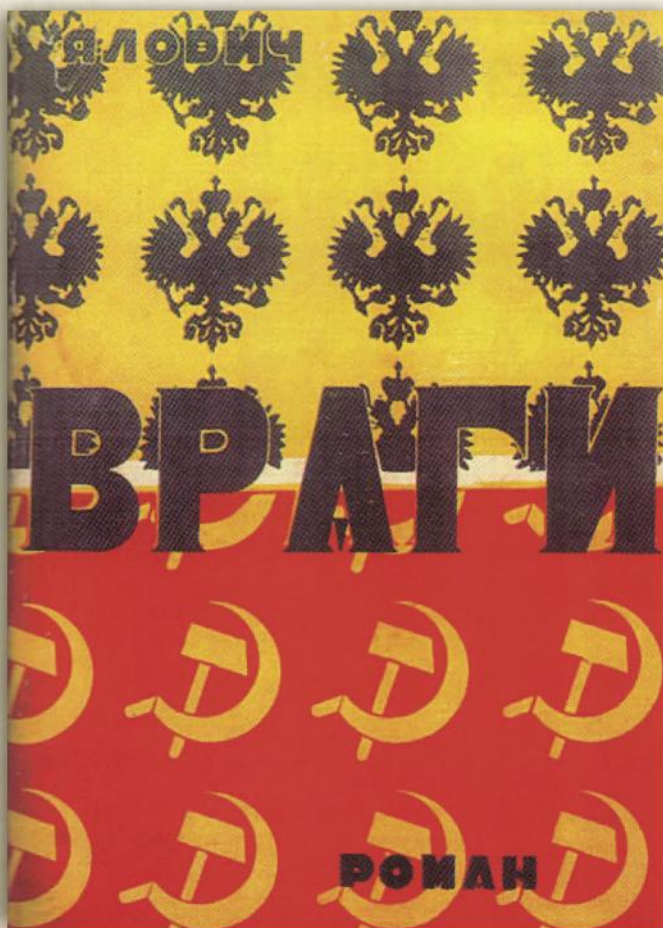

Николаевск-на-Амуре до трагедии 1920 г.

Последствия николаевской трагедии.

**«Бремя ненависти и кровавой борьбы»:
Гражданская война в сознании дальневосточной эмиграции**

Обложка романа Я. Ловича «Враги» (1940).

и все прочие: рвать из рук, грызть, убивать. Что такое с людьми стало, Константин?» (курсив мой. – А.З.)(С. 306).

В диалоге мельника и бывшего прапорщика – несмеловское понимание революции и ее последствий. Мельник резюмирует: «Потому что революция. <...> Все, что в человеке, в нутре его спрятано, наружу полезло. Теперь его прорвало. Ведь человек-то по натуре что? Тот же зверь, но только в цепях. Спустили его с цепи, вот он себя и показывает» (С. 306). Для мельника причина *озверения* очевидна: «Бога отменили. А раз Бога нет, то все дозволено». Эти слова – развитие идей Достоевского, который, конечно, не мог предположить, до какого ужаса может дойти русский человек в своем нигилизме.

Только-только закончились расстрелы пленных белых офицеров. Страшные события не обошли стороной и те места, где живет мельник. Поэтому появление «всадника с фонарем» на общем тревожном фоне психологически мотивировано. Всадником оказывается местный житель, прискакавший ночью отыскать своего убитого сына. Так разрешается таинственная ситуация: «укажи мне место, где тут надысь офицеров расстреливали <...> Сына моего тоже кончили, он золотые погоны на войне заработал. Откопать тело хочу и домой увезти» (С. 309).

Мельник уже не один раз хаживал туда: «Почитай, все уж откопаны, – сумрачно усмехнулся Семен. – Не одно твое семья пострадало. Кажинный день приезжали. Откопать откопали, а зарывать некому. Но не без охраны тела лежат: волчиха там с волчатами кружится. Еще узнаешь ли теперь сына?» Фигуры умолчания в этом несмеловском рассказе – красноречивее любых описаний и характеристик. Отец узнает своего убитого сына сразу:

«Старик поставил фонарь на землю и поворачивает первый труп. Повернул, поднял фонарь, светит в мертвое лицо. Долго светит. Потом опять ставит фонарь на землю и садится на корточки возле мертвого.

Проходит минута. Семена и прапорщика душит мертвецкая вонь.

Им невольно, но нет сил нарушить эту ужасную тишину» (С. 311).

В коротких репликах мельника и несчастного отца – весь невыносимый трагизм не раз уже пережитой мельником ситуации:

«Семен делает над собой усилие.

– Чего сел? – спрашивает он. – Твой, что ли?

– Мой, – глухо отвечает старик. – Он первый и лежит.

– Удачливо нашел, – говорит Семен и крестится. – Куда пуля-то попала?

– В глаз. Ты, мельник, помоги мне, Христа ради, покойника в мешок уложить да поднять. Ослаб я.

– Я помогу, есть такое дело, – и Семен поспешно спускается в ров» (С. 311).

Отец, потерявший своего сына, откопавший его в страшной яме с трупами таких же убитых чьих-то детей – настоящий Всадник российского революционного Апокалипсиса.

В 1944 году Несмелов возвращается к самому началу трагедии – первым злодейским репрессиям со стороны красных. За ними последует такая же волна жестокости со стороны белых. Разве простит отец смерть своего сына, поругание «своей плоти»?

По дороге к месту расстрела Семен «облегчает душу» и рассказывает страшные подробности произошедшего, необычно томящие его: «Как они всех тех людей расстреляли – ко мне пришли. *Которые пьяные, которые от злодейства своего как шальные.* В омут гранату бросили, глушеную рыбу повыловили и стали уху варить. Тут один ко мне стал вязаться. Почему, говорит, ты с нами разговору не ведешь? Я отвечаю: какой же, мол, может быть разговор? Не песни же мне играть <...> А потом стали белый порошок в носы совать и все сразу принялись говорить. Я вижу – *безумные люди, и тихонько ушел с мельницы*» (С. 310).

Натуралистически страшен и одновременно – символически многозначен образ волчихи в рассказе. Волчиха постоянно воеет и неотступно следует за героями.

Но не волчиха – источник зла. Волчица – лишь зверь, который живет инстинктами и целесообразностью природных законов. Познавший *человеческое зверство* мельник ее не боится.

Рассказ «Всадник с фонарем» будет написан много позже сборника «Без России» (1931), где образ волчихи представлен в самых разных ипостасях. В лирике эта волчиха неотступно следует за попавшими в отчаянное положение, переправляющимися через границу бывшими русскими офицерами:

Воет одинокая волчиха
На мерцанье нашего костра.
Милая, не сетуй, замолчи-ка:
Мы пробудем только до утра.

С образом волчихи в сборнике связаны мотивы *одиночества, изгойничества, тоски, смерти, оборотничества*. Согласно общеиндоевропейской традиции, волком-оборотнем становится человек, совершивший тяжкое преступление¹. *Оборотнические* потенции, заложенные в образе волка, делают этого зверя неистребимым, живучим, а потому – еще более страшным. *Оборотничество* как кара за былые деяния характеризует природу несмеловского героя. Читал ли Несмелов К.Г. Юнга – неизвестно. По крайней мере, его образ волчицы, волчат и *волчьего* в человеке совпадает с юнгианской трактовкой «дикого бессознательного». В аналитической психологии *волк* выступает указанием на угрозу со стороны не связанных с сознанием сил, столь же «рассудительных», сколь и бескомпромиссных². Опираясь в своих поэтических интуициях на глубинное проникновение в славянскую мифологию и опыт общения с опасной стихией маньчжурской тайги, харбинский поэт весьма точно уловил и архетипические основания этого животного образа.

Постепенно волчьи черты «проступают» в самих героях – это объясняет тоскливый вой по ним волчицы:

Мы бежим, отбитые от стаи,
Горечь пьем из полного ковша,
И душа у нас совсем пустая,
Злая, беспощадная душа.

Эта метаморфность и изоморфность волчьего / человеческого³ коренится в самом несмеловском понимании революции и междоусобицы – как нарушения природного миропорядка:

Тошно сердцу от звериных жалоб,
Неизбывен горечи родник...
Не волчиха, родина, пожалуй,
Плачет о детенышах своих.

(«На водоразделе»)⁴

¹ Иванов В.В. Волк // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 242.

² Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. М.; К., 1997.

³ Бидерманн Г. Волк // Энциклопедия символов. М., 1996. С. 45–47.

⁴ Несмелов А.И. Без России // Несмелов А.И. Собр. соч. в 2 т. Указ. изд. Т. 1. С. 108.

Несмелов не идеализирует ни себя, ни своих товарищей-погодов, «отважных и беспутных, / Рожденных в восемнадцатом году». О себе и о них эти слова: «и душа у нас совсем пустая, / злая, беспощадная душа».

Оборотническая природа волчьего образа определяет все то страшное, что пробудила революция в русском человеке безотносительно к его политическим взглядам. Поэтому *волчья сила, волчья злость* характеризуют не только самого героя и его однополчан или соратников, яростно сопротивлявшихся большевикам. Их враг обладает не меньшей силой и злобой:

Горло сжимает – захват каков!
Истинно *волчья стальная челюсть*.

(«Агония». С. 117)

Волчиха – символ природы, восстающей против торжествующего хаоса, против озверения человека. Она кружит возле разрытых трупов и одновременно оплакивает их.

Рассказ завершается именно этой мыслью:

«– А волчиха на тебя не нападет, Семен? – спрашивает прапорщик.

– Не, – тихо отвечает тот. – Она же сытая. Опять, поди, уже к мертвым пошла.

И, словно подтверждая его слова, позади их раздается протяжный, нудящий вой» (С. 311).

Уважение к «большому врагу» – отличительная черта несмеловской оценки событий Гражданской войны. Характеризуя феерическое ощущение «духа восемнадцатого года, мужественного, авантюрного, подлинно живого», присущее его поколению, он напишет в одном из писем к Л.Ю. Хаиндровой: «Мы дрались с большим врагом и били его. Мы были молоды и верили в победу. Наши неудачи казались нам только случайностями»¹.

Для большинства вояк-эмигрантов война не закончится в 1923 г.² Она продолжится в деятельности разрозненных воинских формирований, различных военных союзов и политических организаций, общественных объединений. В нее окажутся втянуты и китайцы, и японцы. Фронтирное положение

¹ *Солодка М.Б.* «Бессмертна вещая созвучность». Указ. изд. С. 61.

² Большая энциклопедия «Революция и Гражданская война в России: 1917–1923»: Энциклопедия в 4-х т. М., 2008.

Харбина приведет к тому, что город приютит и белых, и красных. Враги, безжалостно истреблявшие друг друга еще вчера, окажутся соседями по квартирам – об этом с большой болью писал Я. Лович¹. «Гремучая смесь красных и белых была одним из компонентов изменчивой харбинской атмосферы»².

Военные конфликты и провокации со стороны большевиков и «белобандитов» продолжатся в дальневосточном порубежье на протяжении десятилетий. Самый страшный из них – конфликт 1929 г., приведший к массовому зверскому истреблению красными диверсантами жителей русского Трехречья, станет темой многочисленных публицистических статей, лирических плачей М. Колосовой (об этом – ниже), рассказов Д. Загоскина (сборник «Казачи») и др.

В 1929 г. Вс. Иванов призывал своих собратьев по перу не просто упиваться прошлым, но искать темы для новых сюжетов³. Именно «непреодоленность биографии» становится для харбинских беллетристов мощным источником вдохновения и выстраивания индивидуальных моделей поведения. Гражданская война станет тем рубежом, перейдя который каждый из писателей сделает для себя сознательный выбор – кто он и что хочет сказать своим братьям и тем, кто идет на смену.

¹ Об этом: Лович Я. Враги. Указ. изд.

² Стефан Дж. Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992. С. 66.

³ Иванов Вс.Н. Об эмигрантской литературе // Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М., 1991. С. 239–243.

Глава 5

СИБИРСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ, «ЧУРАЕВКА» И ДЕТИ ЭМИГРАЦИИ (Алексей Ачаир)

На смену «детям восемнадцатого» года подрастал эмигрантский «молодняк»¹ – дети эмиграции.

Молодые всегда нуждаются в единящем их начале. Они не могут жить воспоминаниями о прошлом их отцов. Это особенно становится очевидным во времена социального разброда и утраты духовных ориентиров. Молодость ждет своих культурных героев, способных не только повести за собой, но и дать импульс к саморазвитию. Так случилось и с молодым поколением русских харбинцев, многие из которых либо были рождены на территории КВЖД, России никогда не видели, либо в нежном возрасте вместе с родителями родины лишились.

Алексей Ачаир (Алексей Алексеевич Грызлов) [1896–1960] – личность, созидательными и просветительскими инициативами которого в далекой Маньчжурии была сполна удовлетворена потребность русских изгнанников в культурном герое². В 1926 г. этот бывший казачий офицер – уже известный под поэтическим псевдонимом Ачаир – создаст литературно-художественное объединение «Чураевка»³.

¹ Так в соответствии с волчьими аналогиями определил молодое поколение эмигрантов А. Несмелов.

² Подробно о жизни и творчестве А.А. Ачаира см.: *Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира*. Указ. изд.; *Забияко А.А. «Лирическая романтика, к сожалению...»*: А. Ачаир // «Четверть века беженской судьбы...» (художественный мир лирики русского Харбина). Указ. изд. С. 174–217; *Забияко А.А. Русский Харбин: мифогенное пространство и художественное мифотворчество* // «Четверть века беженской судьбы...» (художественный мир лирики русского Харбина). Указ. изд. С. 18–39.

³ О работе «Чураевки»: *Слободчиков В.А. «Чураевка»* // *Русский Харбин*. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 73–77; *Ли Мэн. Харбинская «Чураевка»* // *Русский Харбин, запечатленный в слове*. Вып. 6. Благовещенск, 2012. С. 167–182; *Забияко А.А., Крыжанская К.А. Переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова*. Указ. изд.

Под эгидой ХСМЛ¹ Ачаир – старший секретарь русского отделения этой организации – начнет поддерживать детское молодежное и юношеское движение в Маньчжурии. При ХСМЛ будут образованы детский сад, постоянно действующие курсы дошкольного воспитания, гимназия, колледж, институт, библиотека, юношеское объединение «Костровые братья» и т. д. Многонаправленность системы духовного воздействия на молодежь, осуществляемого Ачаиром и его единомышленниками, не укладывалась в рамки совершенствования художественного мастерства, как это было, например, в поэтических объединениях других эмигрантских центров. В ее основе лежали не просто просветительские, но и миссионерские интенции Ачаира, сугубо оригинальная религиозная мотивация русского секретаря ХСМЛ.

Для бывшего казачьего полковника работа с молодыми людьми становится духовным прибежищем, способом забыть пережитое и возвратиться к новой жизни. Уже в пору расцвета «Чураевки» Ачаир подчеркивал, что его объединение стремилось найти «путь к красоте, простоте и бесстрашию» через «возжигание факела духа во мгле повседневных забот»². Он считал ХСМЛ движением, направленным против всего антихристианского, антирелигиозного, антиэтичного, движением, отстаивающим христианскую гражданственность и развитие человеческой личности на основах христианской этики и нравственности³.

И это была не просто риторическая патетика и, конечно, не чиновничья конъюнктура. Ачаир своим обликом, творческим поведением и религиозной настроенностью словно пытался всемерно соответствовать великим предшественникам.

¹ ХСМЛ – Христианский союз молодых людей (Харбин, 1925–1933). Харбинское отделение УМКА – ХСМЛ выгодно отличалось от таких же отделений в странах США и Западной Европы, где было сильно протестантское влияние; причина этого – разный подход к сотрудничеству с ХСМЛ первоиерархов Русской Православной Зарубежной Церкви. После окончания Гражданской войны в России деятельность Союза сосредоточилась на оказании помощи молодым русским эмигрантам.

² Ачаир А. Письмо в Музей Николая Рериха (январь 1932) // Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк. Цит. по: Рогов В. «Полно охватить всю Сибирскую Русь». «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира // Новый журнал. 2009. № 256. С. 240.

³ Десять лет работы среди молодежи. Юбилейная беседа с пом. старшего секретаря А.А. Грызovým // Заря. 1933. № 268. С. 3.

Рожденный в сибирской казачьей станице, Алексей Ачаир не был воспитан в атмосфере Серебряного века. Алтайский край не подарил ему возможности взрасти среди модернистских изысков и религиозных исканий петербургской богемы. Однако судьбу и деятельность Ачаира во многом определила модель жизнестроения, присущая Серебряному веку¹. Творчество писателей и поэтов рубежа веков интересовало его не просто как художественный опыт.

Сопряжение и взаимопроникновение «текстов жизни» и «текстов литературы» послужили для Ачаира образцом, в соответствии с которым он пытался выстроить собственную религиозно-эстетическую систему, опирающуюся на конкретику практических соображений деятельного сибиряка.

Алексей Ачаир вырос на Алтае, у подножия Тянь-Шаня. Скорее всего, он знал о том, что топонимика его родного края неотделима от теонимики² народов Южной Сибири, тесно проживающих со славянским населением³. Топонимическая модель фронтирной культуры легла, по всей видимости, и в основу псевдонима «Ачаир», который поэт всячески обыгрывал в своем творчестве⁴. Причиной выбора полковником Грызовым своего второго имени стала не только любовь к родным местам, усугубленная ностальгией, а уж тем более не его звукосемантическая многозначность, а личное осознание своей культурной миссии в эмиграции. Находясь в так называемой «провинции» зарубежья, Ачаир не претендовал на универсализм философских обобщений. Но он – *русский* секретарь ХСМЛ⁵, вероятно, соотносил прочность эмигрантского бытия в Маньчжурии с

¹ Магомедова Д.М. Переписка символистов как целостный текст и источник сюжета // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX в. М., 2009. С. 759.

² Теонимика – название богов и духов.

³ Курилов В.Н. Топонимия как источник для истории духовной культуры народов Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий: В 2 т. Т. 2. Новосибирск, 1998. С. 269–279.

⁴ Ачаир – название станицы, где родился и вырос Алексей Алексеевич Грызов. Очир (Очирвани) – имя буддийского бурхана, демиурга. Об этом подробно: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Поэтика псевдонимов в творчестве русских харбинцев: от жизнестроительства к литературным мистификациям // «Четверть века беженской судьбы...» Указ. изд. С. 79–103.

⁵ Принцип организации ХСМЛ (YMCA) в разных странах состоял в том, что руководил региональным отделением американский секретарь (в Харбине – Г. Хейг), а его помощником был представитель национального объединения.

возможностью синтезирования восточного и западного типов сознания. Предпосылки такой межкультурной и межрелигиозной толерантности были действительно заложены в его сибирском детстве, где естественным образом переплетались быт, нравы казачьего населения и коренного населения Алтая (монголов, татар, казахов и др.). Мало того, семиреченские казаки, к которым и относился род Грызовых, начиная с 60-х гг. XIX в. тесно взаимодействовали с цинскими подданными (калмыками, даурами, маньчжурами и собственно китайцами), зачастую принимавшими православие и даже становившимися казаками. И хотя их ассимиляция в русской среде протекала весьма сложно, опыт межкультурного общения, безусловно, оказывал определенное влияние на формирование этнокультурных концептов¹.

Действенную опору своим регионально-религиозным поискам Ачаир нашел в личности Г.Д. Гребенщикова². Основой религиозных устремлений Гребенщикова, а впоследствии и Ачаира, стали принципы сибирского регионализма, понятию как духовное объединение всех мыслящих сибиряков, движимых идеей свободной и процветающей Сибири. Идеи сибирского регионализма берут свое начало из того времени, когда по общероссийской политической программе сибирский регион целенаправленно заселялся переселенцами из других регионов. «Оторванное от привычной социокультурной среды, оказавшееся в неведомом краю, в иных природно-климатических условиях, вынужденное существенно скорректировать свои хозяйственные занятия, непосредственно соприкоснувшись с культурой Востока (непривычной и привлекательной), славянское население обостренно ощутило свою русскость, очищенную от местных особенностей, столь стойко сохраняемую на их бывшей родине»³. В историографии понятие «сибирский регионализм» тесным образом связано с движением «сибирского областничества».

¹ Дацышен В.Г. Формирование китайской общины в Российской империи (вторая половина XIX века) // Диаспоры. 2001. № 2–3. С. 36–53.

² Гребенщиков Григорий Дмитриевич (1883 или 1884–1964) – русский писатель, критик, журналист, общественный деятель.

³ Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX–начала XX в. // Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей. Казань, 2004. С. 235. Подробно о понятиях «сибирская ментальность», «сибирский регионализм» см. еще: *Сибирь* в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума: В 2 т. Т. 2. Новосибирск, 1998.

Сибирские областники развили концепцию Сибири как особой области с присущими ей географическими, этнокультурными, политическими особенностями и специфическим региональным самосознанием¹. Культурная направленность сибирского областничества выразилась в идеях просветительства и патриотизма, которые должны были способствовать выводу сибирского региона из культурной изоляции, преодолению его культурного провинциализма². Известно, что Гребенщиков поддерживал программу, последователем которой он сам стал под влиянием известного исследователя Центральной Азии и Сибири Г.Н. Потанина³, и выступил одним из организаторов Общества сибиряков в США⁴. В своем творчестве он поднимал вопросы сибирской старины и особенно пристальное внимание уделял проблеме угнетения «иностранцев», уважению национальной самобытности и традиций коренного населения Сибири⁵.

Г.Д. Гребенщикова можно назвать первопроходцем в деле распространения «сибирского влияния» в эмиграции. В 1925 г. он организует строительство американской Чураевки. Это поселение мыслилось как *скит русской культурной мысли*, как начало «Практической Школы жизни», цель которой состояла в помощи человеку «проходить свой жизненный путь бережно, полезно и красиво»⁶. Выбирая место для будущего *скита*, Гребенщиков испытывал обостренную тоску по родине, ему очень хотелось найти место, которое напоминало бы Россию, Сибирь с ее пейзажами, где на лоне природы можно было бы размышлять о «первой помощи человеку»: «Плохо это или хорошо, навязчиво или наивно, но больше и усерднее всего я хотел бы задуматься о радости для ближнего и для далекого брата – человека и, главное, о том, чтобы, помогая в укреплении духа самому себе, научиться подать первую посильную помощь человеку-брату, русскому, без различия сословий, религии и политики»⁷.

¹ Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 4.

² Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Указ. изд. С. 6.

³ Азаров Ю.А. Гребенщиков // Литература русского зарубежья. 1920–1940. М., 2008. Вып. 4. С. 351.

⁴ Азаров Ю.А. Гребенщиков. Указ. изд. С. 354.

⁵ Там же. С. 351.

⁶ Росов В. «Полно охватить всю Сибирскую Русь»: «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира. Указ. изд. С. 249.

⁷ Гребенщиков Г. Письма с Помперара // Перезвоны. 1926. № 22. С. 689.

Регионализм Гребенщикова органично сочетался с его увлечением идеями Рериха и теософией, что также нашло отклик в душе А. Ачаира¹. Очевидно, что многим «старшим» эмигрантам теософские идеи были близки и соприродны. В первую очередь потому, что «дети восемнадцатого года» были ориентированы на культуру Серебряного века и религиозные искания той поры. Многие из будущих харбинцев еще до революции познакомились с идеями Н.К. Рериха, а в начале 1920-х гг. восприняли его новые прожекты как открытие, столь ожидаемое в эпоху духовных метаний и общественного разброда². Теософские настроения буквально были «растворены» в обыденном сознании русских харбинцев, даже если их носители не отдавали себе в этом отчета³. В.А. Слободчиков в мемуарах рассказывает об одной из ячеек теософского общества в Харбине, секретарем которой была его мать. Теософы собирались на частной квартире семьи Слободчиковых, их было немного, человек пятнадцать. Общество «не имело официального статуса и регистрации, да, по-видимому, такая организация в те

¹ Об этом: *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* «Меж двух миров»: Русские писатели в Маньчжурии. Указ. изд.

² Об этом: *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Книга I: Великий План. СПб.; М., 2002; *Шахматова Е.В.* Шамбала как утопия русского сознания // *Религиоведение*. 2013. № 1. С. 132-143.

³ Книги по теософии и оккультизму занимают в корпусе харбинских и шанхайских публикаций большое место. Например: *Архангельский Д.А.* Ты есть То. Новое сознание человечества. Харбин, 1931; *Полный оракул и чародей, предсказывающий будущее по предложенным вопросам...* Шанхай, 1939; *Пономарев А.Р.* О теософии. Харбин, 1936; *Практический курс сосредоточения. Оккультное руководство.* Шанхай, 1937; *Пьянкович В.Н.* Лекции по оккультизму. Харбин, 1928; *Соломбин Е.* Таинственное в обычном. Шанхай, 1936.; *Теософия и теософское общество: краткий очерк.* Шанхай, 1937; *Истоки тайноведения: справочник по оккультизму...*; *Еженедельный журнал русского оккультного центра «Огонь» (Шанхай)* // *Полански П.* Русская печать в Китае, Японии и Корее. Каталог собрания Библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета. М., 2002. Библиотека Д.Н. Бодиско предлагала харбинским читателям ознакомиться со следующими изданиями: *Тутолка С.* Оккультизм и магия // *Рупор*. 1931. № 252. С. 1; *Крыжановская В.И.* Рафаэла; *Ее же.* Мертвая петля и др. // *Рупор*. 1931. № 188. С. 2. На страницах харбинских газет весьма много публиковали отрывки из теософского трактата Д.А. Архангельского. Например: *Архангельский Д.* Семь тел человека // *Рупор*. 1927. № 1996. С. 5; *Его же.* Женщина спасает человечество! // *Рупор*. 1927. № 2000. С. 17; *Его же.* Рассудок – наш враг, ум – наша гордость! // *Рупор*. 1927. № 2012. С. 2.

времена в регистрации и не нуждалась»¹. Слободчиков запомнил, что изучение теории членами теософской ячейки носило серьезный характер: «Две книги Блаватской, “Тайная доктрина” и “Эзотерическое христианство” изучались и обсуждались в течение полутора лет»². Эти книги тогда еще не были переведены на русский язык, и все присутствующие читали их на английском языке, а затем обсуждали содержание на русском³.

В 1927 г. Рерих предпринимает практическую попытку осуществить свои духовные предсказания и найти-таки мифическую Шамбалу. Этот «Великий План», результатом которого должно было стать создание «Новой Страны», монголо-сибирского государства на просторах Азии, и составил содержание Тибетской экспедиции 1927–1928 гг. Для многих дальневосточных эмигрантов учение Рериха, преломляемое в практическом ключе, имело судьбоносное значение.

Ачаир мечтал воплотить великие замыслы Учителя на маньчжурской земле. Опубликованная в последние годы переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова дает возможность понять, как складывалась в сознании Алексея Ачаира концепция сопряжения сибирского регионализма, рерихианства и китайской философии⁴. Эпистолярное общение разделенных океанами сибирских прожектеров продолжалось недолго, в течение нескольких месяцев 1927 г. и составило семь писем; три из них

¹ Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин; Шанхай. Указ. изд. С. 62–63.

² Там же.

³ Книжное собрание В. Слободчикова, в котором сохранилась часть семейной библиотеки, содержит несколько книг философского и оккультного характера. Например, «Истоки тайноведения: справочник по оккультизму» (Шанхай, 1939), «Астрономическое мировоззрение в его историческом развитии» С. Опшенгейма (Берлин, 1923), «Пути благословения» Н. Рериха (Харбин, 1924), «Четвертое измерение: обзор главнейших теорий и попыток исследования области неизмеримого» П. Успенского (Берлин, 1931), «Японские рассказы из области чудесного» (Иокохама, 1909). Коллекция «русского харбинца». Каталог собрания В.А. Слободчикова. М., 2006.

⁴ Росов В. «Полно охватить всю Сибирскую Русь». «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира. Указ. изд. С. 239–264. В дальнейшем ссылки на письма А. Ачаира и Г. Гребенщикова приводятся по этому изданию. Подробнее об этом см.: Забияко А.А., Крыжанская К.А. Переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова: идеи «сибирского регионализма» в контексте индивидуальной религиозности харбинского поэта. Россия и Китай на дальневосточных рубежах // Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Вып. 9. Указ. изд., 2010. С. 197–218.

Ачаир написал Гребенщикову. Ачаиру в это время исполнился 31 год. Гребенщикову – 43. А. Ачаир был читателем и горячим почитателем писательского таланта Г.Д. Гребенщикова¹, который уже издал сборники повестей и рассказов «В просторах Сибири» (1915), «Степь да небо» (1917), три тома эпопеи «Чураевы» (1922–1923), роман «Былина о Микуле Буяновиче» (1924).

Поэтому не случайно Ачаир обращается за советом к более опытному единомышленнику, «своему старшему другу и брату по народу»² Георгию Гребенщикову³. Он собирается работать над «установлением Всемирной сибирской связи – для учета культурно-творческих сил, которые могут быть использованы для будущей помощи строительству Нашей страны»⁴, «пусть всемировая Чураевка явится деревней, отдельные дома которой разбросаны по всей Земле»⁵. «Вселенская Русь», как видно, была не только поэтической метафорой дальневосточного поэта, но и *религиозным концептом* эмигранта-областника.

Сибирь становится одним из смыслообразующих понятий системы его духовных устремлений. Специфичен подбор выражений для раскрытия Ачаиром образа Сибири: «живая связь», «большая Сибирь», «дух Жизни, Света и Любви». О том, что идея религиозного служения Сибири необыкновенно ув-

¹ Подробнее о Г.Д. Гребенщикове см.: *Росов В.А.* Белый Храм на высоких горах. Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове. СПб., 2004; *Росов В.А.* Георгий Гребенщиков. О Новом Ковчеге // Дельфис. 2001. № 1. С. 37–39; *Росов В.А.* Георгий Гребенщиков: наследие сибирского писателя в Санкт-Петербурге // Берега. 2005. Вып. 4. С. 58–59; *Леонов В.Н.* Культурологическая концепция Г.Д. Гребенщикова: Дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2003. В 20–30-е гг. эмигрантская пресса публиковала статьи: *Тарлыкова О.* Аристократ мысли и слова // Зарница. 1926. № 6; *Горшков М.* К 25-летию юбилею литературной деятельности Г.Д. Гребенщикова // Гунбао. 1931. 4 апреля; <Б.п.> Юбилей Г.Д. Гребенщикова // Заря. 1931. № 325. С. 4; *Гинс Г. Г.Д.* Гребенщиков. По случаю 25-летнего юбилея // Заря. 1931. № 335. С. 4; *Нилус Е.Х.* На чествовании Г.Д. Гребенщикова // Заря. 1931. № 345. С. 6; *Ачаир А.* Идея творчества Гребенщикова // Заря. 1931. № 347. С. 6; *Растан М.* Юбилей Г.Д. Гребенщикова // Заря. 1931. № 312. С. 4; <Б.п.> 25-летний юбилей Г.Д. Гребенщикова // Рупор. 1931. № 323. С. 9; *О.Ш.* Литературный юбилей // Рупор. 1931. № 309. С. 10.

² *Ачаир А.* Гребенщикову Г. Письмо от 4.06.1927 // Новый журнал. 2009. № 256. С. 253.

³ Об этом: *Забияко А.А., Крыжанская К.А.* Переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова: Идеи «сибирского регионализма» в контексте индивидуальной религиозности харбинского поэта. Указ. изд. С. 197–219.

⁴ Цит. по: *Диао Шаохуа.* Харбинская «Чураевка». Указ. изд. С. 220.

⁵ Там же.

лекла Алексея Ачаира, свидетельствует его лирическое творчество тех лет:

Святая Русь – Суровая Сибирь.
Так вот и все, что сохранилось с детства...
И от тебя, годов изгнания пыль,
уберегу отцовское наследство¹.

«Думы вечны» в его переписке – свидетельство сильнейшего влияния философии Н.К. Рериха. Ачаир признается в этом сам: «на столе передо мной лежат и “Цветы Мории”», и «эти цветы <...> – в сердце»²; «Пути Благословения – моя настольная книга с начала 26-го года»³. В ответных письмах Гребенщикова не единожды прозвучит призыв изучать творческое наследие Н.К. Рериха, «этого редчайшего в наш век Человека»⁴, идеи которого лишь будущие потомки поймут в полной мере: «Прекрасно делаете, что читаете Рериха. Это еще непочатый, не открытый пророк нашей эпохи»⁵. В будущем, по мысли Г. Гребенщикова, харбинская «Чураевка» может стать «неуловимым Беловодьем, символом для единения культурных сил <человечества>»⁶. Основная цель «должна быть самой далекой и прекрасной настолько, чтобы казаться почти недостижимой. Так оно и будет: чем выше вы будете идти, тем выше вам захочется»⁷.

Сама переписка возникает в период мучительных духовных метаний Ачаира. Он сетует: «В моей работе (вообще) и, в особенности, в стихах я чувствую сейчас, и не только чувствую, но и наблюдаю какой-то *перелом*. Словно происходит внутри или вне меня какое-то перемещение мне неизвестных духовных частиц. <...> Я переживаю сейчас на себе – отсутствие питающей среды. Я как бы ядро в пустом яйце, и чтобы не колоться о стенки – я раздвинул себя до границ формы. Естественно произошло разрежение, и от этого образовались пустоты. Эти пустые клеточки я ничем не могу заполнить. Не думайте, что не стремлюсь к этому. Пустота разъедает и живые волокна, и

¹ Ачаир А. Сибирь // Рубеж. 1932. № 46.

² Ачаир А. Гребенщикову Г. Письмо от 28.03.1927. Указ. изд. С. 244.

³ Ачаир А. Гребенщикову Г. Письмо от 31.05.1927. Указ. изд. С. 251.

⁴ Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 7.09.1927. Указ. изд. С. 255.

⁵ Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 2.05.1927. Указ. изд. С. 249.

⁶ Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 7.09.1927. Указ. изд. С. 255.

⁷ Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 10.10.1927. Указ. изд. С. 257.

вот это-то и есть главное» (курсив мой. – А.З.). Философия Рериха стала для Ачаира духовным прибежищем.

Гребенщиков пишет Ачаиру о том, что они «живут в период, когда впервые на земле появляются величайшие свершения, ради которых приходили Будда и Христос и многие пророки, но которые не были миром понятными до конца»¹. В данную эпоху, по мысли Рерихов, формируется новый тип мышления – космическое мышление: «Мы находимся у самого преддверия нового века, новой расы, и потому наше время может быть приравнено к последним временам Атлантиды, в существовании которой наука начинает все более и более убеждаться», – говорила современникам Е.И. Рерих².

В своих призывах к Ачаиру Гребенщиков постоянно говорит о *теплоте доверия* («Мне как-то особенно тепло от сознания, что я могу всю эту *теплоту доверия* отдать обратно в утренней порции»)³, о *Радости жизни* («Это будет для нас первый шаг к Школе жизни, то есть к *Радости жизни*»)⁴. Согласно этике Агни Йоги, *радость* наступает от осознания возможности что-то кому-то дать⁵, от философского восприятия себя в мире и своего отношения к этому миру. «Я к этому прибавил бы, что все вечное и великое можно найти в любой крупнице сущего. Значит – все зависит от того, как на что смотреть, как мыслить, как воспринимать»⁶, – формулирует свое кредо жизни Г. Гребенщиков. И он продолжает: «...путь к прекрасному <лежит> через жертву, через подвиг, через искренний отказ от многого, что иногда ошибочно называем ценным»⁷, и если мы «будем творить благо всюду и всегда – и, как лучами солнца, покроем мир искренностью и любовью. И тогда станет легко и радостно работать даже в дымовой трубе»⁸.

Ачаир наполняет свои письма философским содержанием, следуя практическим советам и духовным наставлениям

¹ Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 7.09.1927. Указ. изд. С. 254.

² Рерих Е.И. Письмо от 28.08.1931 // Агни Йога: Интернет-энциклопедия. URL: <http://agniyoga.roerich.info/index.php?title=28.08.31> (дата обращения: 13.05.2010).

³ Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 2.05.1927. Указ. изд. С. 248.

⁴ Там же. С. 249.

⁵ Там же.

⁶ Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 2.05.1927. Указ. изд. С. 249.

⁷ Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 7.09.1927. Указ. изд. С. 254.

⁸ Там же. С. 255.

Гребенщикова и проникаясь духовными идеями Рериха: «Ваш совет будет крещением нашего молодого дела – крещением духом Жизни, Света и любви»¹; «Для себя я имею желание, чтобы иметь как можно больше для других»². Последний тезис Ачаира почти дословно перелагает положения Этики Агни Йоги о преодолении препятствия на пути к высшим мирам – чувства собственности, а потому «опытом жизни и почитанием Иерархии» необходимо освободиться от этого чувства³.

Что понимает харбинский поэт под собственностью? 31-летний Ачаир пишет: «По-моему, нет сильнее муки, как не иметь, что *отдать*. Но отдавать то, что я сам считаю не ценным, – ценно ли это? Отсюда и мое разочарование (впрочем, я никогда не был и в очаровании) от моей работы вообще и творчества в частности. А вместе с тем, я не имею права не иметь, что *отдать*. Я должен. Ведь все мы должны – следующему за нами поколению, которое слишком мало хорошего видело, да и сейчас видит в жизни»⁴ (курсив мой. – А.З.). Для Ачаира «отдать» – это живая потребность всех его жизненных устремлений.

* * *

Очевидно, что стремление «отдавать» проросло и укоренилось в сознании Алексея Ачаира задолго до переписки с Гребенщиковым. Потому он, немного оправившись после тяжелых походов, стал собирать под своим крылом харбинскую молодежь. По единодушным воспоминаниям бывших чураевцев (В. Слободчикова, Н. Резниковой, М. Волина, Е. Рачинской и др.), их объединение возникло из домашних салонов любителей поэзии и поначалу именовалось «Кружок ХСМЛ журнала», затем «Вечера под зеленой лампой» – как реплика названия парижского салона Мережковских, восходящего, в свою очередь к Пушкину.

В.А. Слободчиков так воссоздает обстоятельства зарождения «Чураевки»: «Однажды после очередной встречи у Александры Паркау группа молодежи, не желая расходиться, еще долго толковала на улице возле ее дома. Как передавали, к

¹ Ачаир А. Гребенщикову Г. Письмо от 31.05.1927. Указ. изд. С. 251.

² Ачаир А. Гребенщикову Г. Письмо от 4.06.1927. Указ. изд. С. 253.

³ Трефилов В.А. Агни Йога. Указ. изд. С. 244.

⁴ Ачаир А. Гребенщикову Г. Письмо от 4.06.1927. Указ. изд. С. 253.

группе подошел поэт Алексей Ачаир (Грызлов) и предложил продолжить дискуссию в помещении гимназии Христианского союза молодых людей (ХСМЛ), где он был секретарем и администратором гимназии. Встреча состоялась в ближайший вторник за чашкой чая, организованной самими гостями. Здесь было решено организовать объединение молодых любителей русской словесности, и Ачаир предложил название “Молодая Чураевка”. <...> Название понравилось присутствовавшим и было единогласно принято. Была создана инициативная группа под непосредственным руководством самого Ачаира»¹.

Сам Ачаир вспоминал об этом событии более романтично: «Вы помните, как это было? Как-то в июне... Мы сидели в комнате, выходявшей окнами в сад... Окна были открыты... Читали стихи, пили чай с сухими трубочками, похожими на корицу, и фруктовыми вафлями... А от этой мелочи как-то сразу перешли к решению крупного для нас вопроса: Как назвать наш кружок? И какая у него должна быть цель? Так появилась Молодая Чураевка. Так появились чураевские поэты»².

Итак, в лице Ачаира объединение молодых харбинцев (очевидно, имевших смутные представления об основах регионализма³) восприняло опыт американской Чураевки. Ачаир так объяснял выбор названия своего объединения: «За границей существует маленькая культурная колония – деревня Чураевка, где учатся русскому языку и истории дети в русской школе, где они знакомятся с русским бытом, родной культурой. Они на время как бы уходят в родную страну, хотя бы в миниатюре, и черпают там из нее национальные соки для работы в международном обществе, в большом международном и, во всяком случае, иностранном масштабе. Мы руководились именем Чураевки – как символом накопления творческих национальных сил за границей»⁴. По мнению М. Волина, Ачаир, «создавая свою “Чураевку”», делал ее символическим островком русской культуры в Китае»⁵.

¹ Слободчиков В.А. «Чураевка» // Русский Харбин. М., 1998. С. 65–68.

² Ачаир А. Наш кружок // Чураевка. 1933. 28 марта.

³ Только в 1930 г. в харбинских газетах появились публикации об изданных книгах по сибирскому регионализму: Сватиков С.Г. Россия и Сибирь (к истории сибирского областничества XIX в.). Прага, 1930.

⁴ Цит. по: Дiao Шаоxуа. Харбинская «Чураевка». Указ. изд. С. 220.

⁵ Волин М. Гибель Молодой Чураевки... С. 216–240.

Не случайно Ю.В. Крузенштерн-Петерец назовет свои воспоминания «Чураевский питомник»¹. Роль Ачаира как доброго наставника харбинских «птиц певчих»² трудно переоценить. Собрав под своим отеческим крылом молодых ребят, ищущих применение своей энергии, он обеспечил идеальные условия для их творческого развития и самовыражения. Ачаир органично воспроизвел атмосферу Серебряного века в ее харбинско-чураевской миниатюре, продолжил салонную культуру с мелодекламациями, чтением стихов своих и чужих, докладов о художественном творчестве с их последующим обсуждением³. В «Чураевке» работали литературная студия, художественный сектор (куда приглашались все известные в городе художники, курирующие «молодых работников, изучающих живопись»), театральная студия (где «опытными театральными работниками» читались доклады «по вопросам театрального искусства»), а также музыкальная и вокальная секции, проводившие свои показательные открытые вторники, посвященные отдельным композиторам (Григу, Скрябину и т. д.)⁴. Позднее была открыта общественно-научная секция. Все, кто был мало-мальски одарен – в сочинительстве, музицировании, пении, художественном чтении, – имел возможность проявить себя и услышать либо восторженную похвалу, либо доброжелательную критику. «Так сочетаются в одно целое – Литература, Наука и Искусство. И так – творческая молодежь продолжает культурную традицию нашей любимой Родины, Традицию Национальной Культуры...» – отмечал в восьмую годовщину «Чураевки» ее организатор⁵.

Литературная студия собиралась еженедельно по вторникам в 8 часов вечера в здании ХСМЛ. «Присутствуют желающие из действительных членов кружка, члены-сотрудники и иногда специально приглашенные из посторонних. Обычно сначала прочитывается проза, затем стихи <...> Благодаря порядку, выработавшемуся в течение ряда собраний, автор

¹ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Возрождение. 1968. № 204. С. 45–70.

² Ачаир А. Птицы певчие (О харбинских поэтах и поэтессах) // Харбин в зеркале прессы. 1939. № 2. С. 6–7.

³ Об этом: Забияко А.А. Тропа Судьбы Алексея Ачаира. Благовещенск, 2005.

⁴ <Б.н.> Работа по студиям // Чураевка. 1932. № 7 (1), 27 дек. С. 5.

⁵ Ачаир А. Перед началом // Чураевка. 1933. № 10 (4), 14 нояб. С. 1.

получает почти исчерпывающую оценку своих произведений присутствующими членами кружка», и хотя эти оценки «не всегда бывают лестными для авторов, но здоровая атмосфера дружеской, хотя подчас и суровой критики, почти никогда не нарушается», – писалось в газете «Чураевка»¹. В разные годы в состав Литературной студии входили Н. Светлов, Н. Щеголев, Н. Петерец, Г. Гранин, Л. Андерсен, Л. Хаиндрова, Вл. Слободчиков, О. Тельтофт, М. Волин, В. Перелешин и др.

Молодежи было дано право самой выбирать кумиров – не по воле партийного циркуляра, а по велению сердца и собственного художественного чутья. Здесь увлекались попеременно Блоком, Гумилевым, Северяниным, Маяковским, Пастернаком, Волошиным... Вот как пишет об этом В. Перелешин в «Поэме без предмета»:

Всех уголков гостеприимней
в Х.С.М.Л. тогда слыла
учительская. Стужи зимней
мы, раскалившись добела,
не замечали. Облаками
табачный дым ходил над нами,
и в гуле звонких голосов
терялся бой стенных часов.
Пока прочитывалась проза,
которой не блистал Харбин,
мы стыли, но быстрее льдин,
внесенных в кузницу с мороза,
оттаивали: добрый грог –
рифмованных струенье строк.

(Песня первая, строфа XLV)²

Декларативно это была идеологическая платформа ХСМЛ, базирующаяся на идее о том, что «быть христианином – значит верить во Христа и жить согласно его учению, следовательно, не только личная жизнь человека, но и социальная и экономическая жизнь народов должна быть согласуема с христианскими принципами»³.

¹ <Б.п.> Работа по студиям. Указ. изд.

² Перелешин В. Поэма без предмета. Холиок, 1989. С. 57.

³ Лякер Н. Христианский Союз Молодых Людей // Чураевка. 1932. № 7 (1), 27 дек. С. 6.

Но, несмотря на ачаиrowsкое увлечение сибирским регионализмом, Рерихом, христианскими идеями, в практической плоскости весь спектр идейных ориентиров преломлялся в многоуровневой системе воспитания и образования русских ребятшек в духе добра, справедливости и уважения к своим национальным корням¹.

Отношения между юными поэтами в «Чураевке» были сложные – попробуйте привести к общему знаменателю столько разносторонних дарований! Но Валерий Перелешин, пришедший в «Чураевку» много позже, в 1932 году, вспоминал атмосферу тех встреч:

Я, будущий поэт российский,
там изучил в короткий срок
мирок харбинско-олимпийский,
тепличный маленький мирок.
Во дни чураевских парадов
не слушал тошных я докладов,
но за стихи – зоил, не тронь! –
бросался в воду и огонь.
Вот Щеголев сухой и едкий,
вот Гранин томный, вот Сергин –
красивый пустельга один,
другой – взволнованный и меткий.

(Песня первая, строфа XXXVIII)²

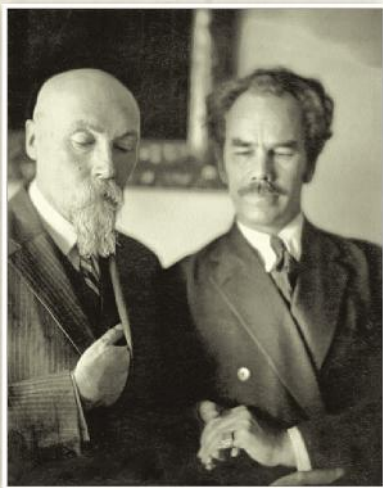
«Странная это вещь, – пишет В. Слободчиков, – в годы всеобщей разрухи и переживаемых тягот множество людей, в особенности молодежь, тянулось к поэзии, находя в ней живительную замену хлебу насущному. По всей видимости, именно этому феномену обязана “Чураевка” своим возникновением и небывалым всплеском»³. В «Чураевке» был избран некий средний путь: «исключались богемность, авангардизм, гражданская тема, политика, ориентация на литературную моду <...>».

¹ Подробно об этом: *Забияко А.А.* «Дело о Чураевском питомнике» (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 170–186.

² *Перелешин В.* Поэма без предмета. Указ. изд. С. 54. Характеристики, данные Перелешиним Г. Гранину и С. Сергину, вряд ли стоит принимать серьезно, по крайней мере – однозначно. С данными поэтами у автора «Поэмы без предмета» были сложные личные отношения. Об этом пишет, например, М. Волин в своих воспоминаниях: *Волин М.* Гибель «Молодой Чураевки»: Воспоминания / Публ. Э. Штейна // Новый журнал. 1997. № 209. С. 216–240.

³ *Слободчиков В.А.* «Чураевка». Указ. изд. С. 67.

**Н. Рерих, сибирский регионализм,
А. Ачаир и «Чураевка»**

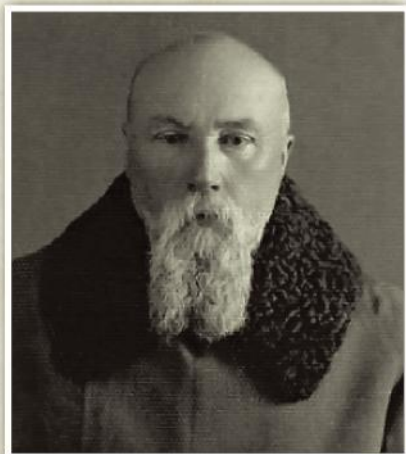

Н. Рерих и Г. Гребенщиков.

Тибетская экспедиция Н. Рериха (1927 г.).

**Н. Рерих, сибирский регионализм,
А. Ачаир и «Чураевка»**

Н. Рерих в Харбине.
1934 г.

А. Ачаир
(Грызов).

Харбин. Дом на ул. Садовой, где останавливался Н. Рерих.

**Н. Рерих, сибирский регионализм,
А. Ачаир и «Чураевка»**

Николай Петерец
[1907–1944].

Алексей Ачаир
[1896–1960].

Валерий Перелешин
[1913–1992].

Ларисса Андерсен
[1911–2011].

Владимир Слободчиков
[1913–2007].

Лидия Хаиндрова
[1910–1986].

Михаил Волин
[1914–1997].

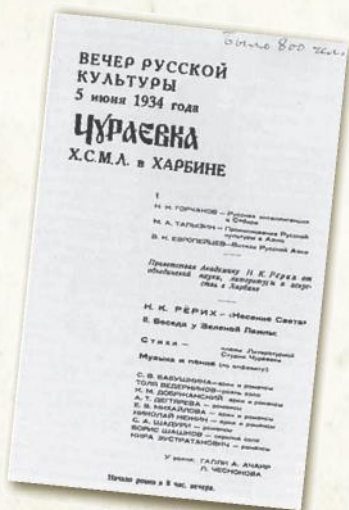

Георгий Гранин
[1913–1934].

Н. Рерих, сибирский регионализм, А. Ачаир и «Чураевка»

Семь лет «Чураевки»
(публ. в «Рубеже»).

Вечер русской культуры
в «Чураевке».

Литературно-художественное объединение «Молодая Чураевка».
А. Ачаир — в центре.

Увлечения попеременно сменялись: Блок, Брюсов, Белый, Пастернак, а также Г. Иванов, Ходасевич, Цветаева, Адамович и другие парижане»¹.

Нам этой жизни было мало:
напрасно женщина качала
бессмысленную колыбель, –
манила нас иная цель.
Я о кресте мечтал и розе,
Сергин – о музыке небес,
чтоб отступил упрямый бес,
а Щеголев – о звонкой прозе,
чтоб Сирин завистью пылал,
а Бунин ахал и вздыхал.

(Песня первая, строфа LXXIV)²

Члены кружка выпускали свои сборники («Семеро», «Излучины»)³. А в 1931 г. выходит в свет первый номер газеты «Молодая Чураевка» (пока – в качестве страницы литературной студии и кружка «Молодая Чураевка ХСМЛ», еженедельного приложения к «Харбинским ежедневным новостям»). Впоследствии, с 1932 по 1934 г., газета выпускалась под названием «Чураевка».

А затем в «Чураевке» наступил раскол. В справочной литературе эти события описаны кратко: в декабре 1932 г. в объединении свершилась своеобразная «революция». Молодые поэты Н. Щеголев, Н. Петерец, Г. Гранин, П. Лапикен образовали «Круг поэтов», заочно избрав своим духовным вождем Н. Гумилева⁴. В декабре 1934 г. произошло трагическое событие: загадочное двойное самоубийство молодых и талантливых поэтов – Георгия Гранина и Сергея Сергина⁵. Началась кампания против «Чураевки», инспирированная японцами. В результате ХСМЛ был вынужден закрыть кружок⁶.

¹ Крейд В. Все звезды повидав чужие... // Русская поэзия Китая. Антология. М., 2001. С. 21.

² Перелешин В. Поэма без предмета. Указ. изд. С. 72.

³ Семеро. Харбин, 1930; Излучины. Харбин, 1935.

⁴ Круzensитерн-Петерец Ю. Чураевский питомник. Указ. изд. С. 63; Дiao Шаохуа. Харбинская «Чураевка». Указ. изд. С. 226.

⁵ Волин М. Гибель Молодой Чураевки. Указ. изд. С. 238.

⁶ Дiao Шаохуа. Литература русского зарубежья в Китае: Библиография. Харбин, 2001.

Безусловно, самым достоверным источником в данной ситуации являются свидетельства непосредственных участников событий. Но «каноническая» версия распада «Чураевки» принадлежит Ю. Крузенштерн-Петерец¹ – талантливой харбинской, а затем шанхайской журналистке, писательнице, неплохой поэтессе, впоследствии – супруге Николая Петереца, главного зачинщика раскола. Чураевские события 1932 г. Ю. Крузенштерн-Петерец представляет как настоящую «революцию», борьбу двух поколений поэтов. Николай Петерец в этом контексте выступает идеологом прогрессивного литературного движения: «Между тем в Харбине, уже занятом японцами, находившемся в преддверии японо-фашистского террора, Чураевка развивала серьезную работу. *Работе этой не помешал, а наоборот, способствовал устроенный группой молодежи переворот* (курсив мой. – А.З.). Во главе этой группы стояли Николай Петерец и Николай Щеголев, считавшие, что для роста поэтов недостаточно одних открытых вечеров с аплодисментами дружественно настроенной публики и что *необходимы серьезные студийные занятия* (курсив мой. – А.З.). Было много споров и относительно направления. Почему именно – Чураевка? Сибиряками молодые поэты себя совсем не чувствовали, имя Гребенщикова их вовсе не влекло. Но за кем же идти? За футуристами? За символистами? За акмеистами? Во всем этом заплеталось слишком многое – Маяковский с его большевизмом, Блок с его вопросами, никогда не разрешенными, либо задушенными смертью, – выбор языка – у кого учиться – у “московской просвирни” или у “блистательного Санкт-Петербурга”? В конце концов, остановились на Петербурге и на акмеистах – поэзия для поэзии, строгая школа, мужественное стремление к “акмэ”, пусть недостижимому, – все равно, чем труднее, тем лучше. Так в Чураевке создавалась литературная студия “*Цех поэтов*”, с Гумилевым – духовным вождем и императором, управлявшим, из-за гроба, крошечной монархией внутри либеральной республики» (курсив мой. – А.З.)².

Крузенштерн-Петерец вторит В. Перелешин: «Большой переполох вызвало создание Петерецем параллельной “Чураевке” организации – Круга поэтов, которая собиралась там в те же часы, что и “Чураевка”, но имела другое руководство.

¹ Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник. Указ. изд. С. 45-70.

² Там же. С. 63.

В этот момент “Чураевка” окончательно вырвалась из-под благосклонной опеки Ачаира, фактического основателя, устроившего для нее приют в помещении ХСМЛ и всячески ей помогавшего»¹.

Обратим внимание на следующие строки Крузенштерн: «А еще через год в жизни Чураевки произошло событие – ее заметили на Западе»². Далее Крузенштерн приводит выдержки одной из майских статей, в которой молодые «чураевцы» излагали свое идейно-эстетическое кредо: «В ходе рассеяния русской интеллигенции по странам всех широт и долгот нам выпала незавидная участь провинциалов. С этим фактом приходится считаться. Культурная столица наша (политической у нас нет) – Париж, а здесь глухое захолустье, как это ни грустно <...> Немало труда стоило нам поэтому осознать принадлежность к тому миру – к Западу, почувствовать свое родство и неразрывную связь с ним <...> И все-таки мы обрели себя <...> Мы наверно ничего нового не скажем, новую школу создавать не беремся, но дело не в этом. Для нас важнее всего то, что мы осознали культурное единство эмиграции <...>, осознали и то, что мы – частица этого единства». Из реплик Крузенштерн и из передовой статьи, которую писал, очевидно, Н. Щеголев, следует, что признание чураевцев парижанами стало следствием как раз той «революции», что устроил Н. Петерец (хотя, насколько известно, среди «замеченных» поэтов были как младшие, так и старшие – А. Несмелов, А. Ачаир, Н. Щеголев, В. Перелешин, но об этом ни Крузенштерн, ни Перелешин не упоминают). Из воспоминаний Перелешина также можно сделать вывод о том, что образовавшийся как противовес «Чураевке» «Круг поэтов» *решающе влиял* на развитие поэтического мастерства начинающих литераторов: «Гумилевское знамя обязывало к добросовестной работе над стихом, к серьезности тона, к ясности и последовательности...»³ И еще: «Под консервативным руководством Н. Петереца и В. Перелешина [?! – А.З.] Чураевка стала школой поэтического ремесла»⁴.

¹ Перелешин В. Два полустанка (фрагменты) // Литературная учеба. 1989. № 6. С. 114.

² Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник. Указ. изд. С. 63.

³ Перелешин В. Два полустанка. Указ. изд. С. 114–115.

⁴ Перелешин В. Русские дальневосточные поэты // Новый журнал. 1972. № 107. С. 258.

Здесь возникает как минимум, две неясности. Первая: почему именно Гумилев был выбран как противовес поэтическим ориентирам «Чураевки» и ее руководителя А. Ачаира? Известно, что лирика Ачаира была во многом соприродна гумилевской музе¹. Ачаир участвует в «Гумилевском сборнике» (1937), сам цитирует Н. Гумилева в программных чураевских статьях: «Что создадим мы впредь / на это власть Господня, / Но что мы создали, / то с нами по сегодня»². Курьезную ситуацию несколько объясняют слова Перелешина – Гумилев для «канонизации» подходил как нельзя лучше: «Акмеизм, адамизм, беззаветная храбрость, мученическая кончина от большевистской пули»³. На самом деле – хотя «революция» в «Чураевке» и проходила «под знаком» Гумилева, ее идеолог Н. Петерец (по воспоминаниям В. Перелешина) «по секрету признавался», «что лично ему был более созвучен Георгий Иванов». Сам Перелешин «бредил» А. Ладинским, С. Сергин – М. Цветаевой, а если судить по лирике Н. Щеголева, то ему, в общем, были близки В. Маяковский, «монпарнасские» интонации русских парижан и русская классика.

Вторая неясность – разговор о якобы назревшей необходимости серьезной студийной работы (здесь мы опускаем момент о «консервативном руководстве» Перелешина – кроме него самого, об этом никто не упоминает). Судя по воспоминаниям В.А. Слободчикова, его брата, Н.А. Слободчикова, М. Волина и того же В. Перелешина, студийная работа была одной из магистральных линий работы «Чураевки» и до возникновения «Круга поэтов». Этой работой чураевцы регулярно занимались по пятницам. Такие вечера обычно открывались докладом или чтением прозы, а во второй части программы проходил «парад» чураевских поэтов и поэтесс. Весьма живописно воссоздает эти встречи М. Волин: «Подчеркнуто четко, с прекрасной дикцией читал свои холодноватые стихи Николай Щеголев. Как-то боком выскочив на сцену, робея и заикаясь, читал свои удивительные стихи скромный Сергей Сергин. Совсем юный Георгий Гранин стремился поразить слушателей чем-то необычным. Исключительным успехом пользовался

¹ *Забияко А.А.* Тропа судьбы Алексея Ачаира. Указ. изд. С. 67-96.

² *Ачаир А.* Перед началом // Молодая Чураевка. 1932. 3 июля // Личный архив В.А. Слободчикова.

³ *Перелешин В.* Два полустанка. Указ. изд. С. 114.

Алексей Ачаир со своими мелодекламациями. С чтением своих стихов выступали: тихая Лидия Хаиндрова, миниатюрная Наташа Резникова, красавица Ларисса Андерсен, в которую были влюблены все молодые поэты. Пользовались успехом поэты Михаил Волин и Владимир Слободчиков. Как бы разряжая романтическую атмосферу, дурачился чураевский присяжный шут Мурочка Лапикен, который сам стихов не писал, но имел богатый репертуар, главным образом, из Дон Аминадо и Саши Черного [он не был поэтом, а впоследствии проявил себя как критик и прозаик. – А.З.]¹. Добавим, что Лапикен был и весьма талантливым пародистом, его пародии даже становились поводом для бурной внутростудийной и газетной полемики².

На этих заседаниях выступали и представители старшего поколения (Арсений Несмелов, Всеволод Иванов, Василий Логинов и др.). Лейтмотивом студийных встреч был вопрос поэтического мастерства. Надо сказать, что теоретическая подготовка чураевцев заслуживает филологического восхищения: судя по словам В.А. Слободчикова, «Чураевка» являла собой настоящий прообраз Литинститута. Там изучались труды В. Брюсова («Основы стиховедения»), Б. Томашевского («Теория литературы»), В. Жирмунского («Теория стиха» и «Рифма, ее история и теория»), А. Белого («Символизм») и практическое руководство Н. Шульговского («Теория и практика поэтического творчества»). «Объем знаний, которые стремились приобрести члены студии, значительно превосходил содержание соответствующих курсов филологических факультетов университетов», – отмечает В. Слободчиков³. И он же, когда речь заходит о версификационном мастерстве чураевцев, снисходительно замечал, что для начала исследователям было бы полезно самим перечитать все эти книги⁴. Дальнейшая судьба самого Владимира Александровича подтверждает сказанное им: после возвращения в СССР он стал автором популярнейшего семитомного учебника французского языка и до конца дней удивлял собеседников своей эрудицией, филологической глубиной и стиховедческими познаниями.

¹ Волин М. Гибель Молодой Чураевки. Указ. изд. С. 219–220.

² Диао Шаохуа. Харбинская «Чураевка». Указ. изд. С. 224.

³ Слободчиков В.А. «Чураевка». Указ. изд. С. 70–72.

⁴ Слободчиков В.А. Ингервю А.А. Забияко. Москва, октябрь–ноябрь 2003 г. // Личный архив А.А. Забияко.

Чураевские пятницы были настоящими уроками литературной учебы, во время которых «поэты критиковали друг друга и буквально жили стихами» (М. Волин). Вероятно, кто-то из самих же чураевцев и запечатлел обстановку чураевских пятниц в газетной заметке: «Благодаря порядку, выработавшемуся в течение ряда собраний, автор получает почти исчерпывающую оценку своих произведений присутствующими членами студии. Прочитываемые стихи подвергаются подробному персональному разбору. Мнения присутствующих не всегда бывают лестными для авторов, но здоровая атмосфера дружеской, хотя подчас и суровой, критики почти никогда не нарушается»¹. Постепенно число участников росло, к кружку присоединились В. Ветлугин, Г. Гранин, В. Иевлева, М. Коростовец, Е. Недельская, И. Орлова, В. Перелешин, Н. Петерец, В. Померанцев, С. Сергин, Г. Соболева, О. Тельтофт, В. Янковская, жившая, правда, в Корее и бывавшая наездами в Харбине. Некоторые поэты приходили от случая к случаю: Т. Андреева, М. Визи, М. Колосова, Ю. Крузенштерн, В. Логинов, А. Несмелов, Е. Рачинская, Г. Сатовский, А. Упшинский, Е. Яшнов и др... Приходили и прозаики – «исключительно талантливый» Б. Юльский, А. Хейдок, В. Рамбаев². Кстати, сама Ю. Крузенштерн-Петерец впервые попала в «Чураевку» только в 1930 г. и была там, по ее собственным словам, уже «перестарком»³.

В.А. Слободчиков, в своих подробнейших и наиболее поздних воспоминаниях о Чураевке (1998), касаясь событий, связанных с расколом, старался быть максимально объективным и не акцентировал внимание на сомнительной подоплеке событий (как, например, М. Волин): «На одной из “Пятниц” Петерец и Щеголев объявили, что они создают новую организацию поэтов на базе “Чураевки”, и предложили назвать ее “Круг поэтов”. Они тут же зачитали заранее подготовленную “Декларацию Круга поэтов”. Это было неожиданным, и никто не возразил». Далее он подчеркивал: «Создание “Круга поэтов” было направлено против руководителя “Чураевки” Алексея Ачаира. Создание этой новой организации, тем не менее, почти не отразилось на “Чураевке”, и жизнь ее шла, как прежде, в особенности на “Вторниках”. Мне хочется сразу от-

¹ Редакторская статья // Чураевка. 1932. 27 декабря.

² Крейд В. Все звезды повидав чужие... Указ. изд. С. 21.

³ Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник. Указ. изд. С. 61.

метить, что все, что говорится о “Чураевке” этого периода в известной статье Ю.В. Крузенштерн-Петерец, и в особенности о создании “Круга поэтов”, который автор статьи называет ошибочно “Цехом поэтов”, полностью искажает действительность и представляет случившееся в желаемом для Петереца виде. Сама Крузенштерн никогда не бывала на студии и пишет явно со слов Петереца, за которого она вышла замуж значительно позже»¹. В. Слободчиков обращает внимание на непомерную амбициозность Н. Петереца, который устроил настоящую травлю Ачаира и «добился того, что Ачаир перестал бывать в “Чураевке”». Действительно, к этому времени относится ряд едких эпиграмм, которые Петерец писал на Ачаира.

Как отреагировал на происходящие события сам руководитель «Чураевки»? Крузенштерн-Петерец пишет: «Будь на месте Ачаира человек себялюбивый и менее выдержанный, он пошел бы на разрыв, предоставив *новорожденной студии* искать себе другое пристанище. – Вместо этого он скромно *стушевался*, отступил, дал своим *буйным питомцам* возможность трудиться по-своему, а сам остался лишь рядовым членом Чураевки»². Дело представляется так, и это никоим образом не противоречит распространенным характеристикам Ачаира («Нечто донкихотовское есть в его облике» – Е. Сентянина), что-де, Ачаиру и не оставалось ничего делать, как «стушеваться» перед напором молодой силы, признав свое поражение, но он остался верен себе и повел себя в этой ситуации весьма достойно. Действительно, «в начале марта 1933-го А. Ачаир, прочитав доклад “Опыт Чураевки”, заявил о том, что он слагает с себя обязанности руководителя, после чего *Н. Щеголев и Г. Гранин вышли из состава руководства*»³ (курсив мой. – А.З.). Но почему и сподвижники Петереца вдруг вышли из состава руководства? Этот факт мемуаристка никак не комментирует, зато нам он может многое объяснить в ее дальнейшем неприязненном отношении к Щеголеву и в отношении Петереца к Гранину.

На том заседании Ачаир подробно проанализировал деятельность кружка за прошедшие восемь лет и подчеркнул, что свою задачу – подготовить собственных лидеров из кружка молодежи – «Чураевка» выполнила. Возможно, именно в то время

¹ Слободчиков В.А. «Чураевка». Указ. изд. С. 79.

² Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник. Указ. изд. С. 63.

³ Там же.

произносил он слова, позднее оплотнившиеся на бумаге: «...я считаю, что всякая попытка найти общий язык и начало дороги к Истине – уже плодотворна. Можно идти рядом, параллельно, или расходясь (не лучше ли сходясь), но – к одной цели»¹. Любопытна реакция слушавших его отчетный доклад. «На непосвященных эти слова произвели впечатление разорвавшейся бомбы: “Чураевку” невозможно представить без А. Ачаира»². Вероятно, именно эта щекотливая ситуация заставила порывистого (подозреваю – совестливого) Н. Щеголева и романтического Г. Гранина сложить с себя полномочия председателя «Круга поэтов»...

Очевидно, что роль Николая Петереца во всех перечисленных событиях была весьма активна и, мягко говоря, не завидна³. Помимо всего прочего, мы видим, что в чураевских событиях, правда, с другой неблагоприятной стороны, отчасти был замешан и Валерий Перелешин. Следовательно, его единодушие с Крузенштерн-Петерец может быть объяснено не только тем, что он, словами Э. Штейна, «писал не по записям, а по памяти» – этот упрек можно было бы адресовать всем мемуаристам. По всей видимости, и ему хотелось максимально дистанцироваться от тех «чураевских бесов», к которым он, наряду с Петерецем и Лапикеном, был причислен Волиным.

В организации, придуманной Петерецем, по словам Слободчикова, не было членов, заседаний в ней не проходило. Получается, во всем были виноваты личные амбиции заговорщиков, от которых вскоре отделились весьма различные между собою Щеголев, Перелешин, Гранин и др., а камнем преткновения стала либо чья-то неуживчивость, либо – элементарная борьба амбиций, либо, что еще деликатнее, сложные пересечения личных чувств.

Современный историк харбинской литературы вдруг оказывается в почти самгинской ситуации: «А был ли мальчикто?..» В таком понимании чураевские события, действительно, вовсе не заслуживают отдельного разговора. Не случайно Е.П. Таскина пишет: «Все же не следует уж такое внимание, на мой взгляд, уделять “расколу” в “Чураевке”. Какие уж особен-

¹ Ачаир А. К одной цели // Литературный однодневник харбинской группы писателей – динамических реалистов. Харбин, 1941. 21 июля. С. 6.

² Диао Шаохуа. Харбинская «Чураевка». Указ. изд. С. 227.

³ Об этом подробно: Забияко А.А. Дело о «Чураевском питомнике». Указ. изд.

ные последствия были у этого, в общем, просто *банального столкновения характеров и личных отношений?!»* (курсив мой. – А.З.)¹.

И все-таки мы позволим себе усомниться в однозначности решения проблемы, которое предлагал уважаемый В.А. Слободчиков, и не будем низводить чурاءевскую историю до «банального» скандала. Мы видим, что при внимательном прочтении воспоминаний, погружении в контекст эпохи, знакомстве с документами и художественными текстами чурاءевцев в объяснениях распада Чурاءевки появляются противоречия – некоторые из них, как видно, замешаны на личной неприязни кого-то из чурاءевцев друг к другу, другие, напротив, имеют целью сгладить болезненные вопросы, давно отошедшие в прошлое. В собрании Л. Андерсен хранится газета «Страница Круга поэтов» (*под ред. Л. Андерсен*), в которой, наряду со статьей Н. Щеголева, помещена статья Н. Петереца «Наше кредо»: «... мы не хотели и не могли быть эмиграцией в специфическом смысле слова, мы стремились стать частью России Зарубежной, духовно преодолев не только кордоны красных штыков, но и тот духовный недуг, который глубоко проник в сердце родной страны, но не достиг, не мог достичь ее души живой, сильной и великой»². Выходит, что поначалу, какое-то время (а не только в момент объявления Петерецем создания Круга), в «Круге» все же были участники, работа в организации проходила – иначе каким бы образом появилась на свет эта газета?

История, как известно, движется не только тектоническими потрясениями, но и такими вот подводными течениями личных отношений, борьбой амбиций, жадой лидерства креативных личностей. А Николай Петерец, несмотря на противоречивость натуры и сложное, вполне заслуженное отношение к нему чурاءевцев, по всей видимости, таким характером обладал. Судя даже по его едким, но остроумным эпиграммам, по способности организовать вокруг себя людей, Петерец вполне мог увлечь на первых порах за собой чурاءевскую молодежь, которая к тому же в то время *уже выросла и осознала себя*.

За историей образования «Круга поэтов» и его первоначального и последующего восприятия чурاءевцами, скорее все-

¹ Письмо Е.П. Таскиной А.А. Забияко от 6 мая 2004 г. // Личный архив А.А. Забияко.

² *Круг поэтов* / Хисамутдинов А.А. // Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. С. 128.

го, скрывается закономерный финал истории сложных взаимоотношений *двух поколений харбинских поэтов* и их эстетических ориентиров. И в стороне от этого не может остаться ни эпатазирующая «революционная» выходка Петереца и его тогдашних, пусть кратковременных, единомышленников, ни глубоко личная, но вскормленная на тех же настроениях трагедия Гранина и Сергина.

Экзистенциальная тоска этих детей эмиграции была совсем иного свойства, нежели их старших братьев (Ачаира, Несмелова, Иванова и др.). Родину у них не отбирали, ее у них просто не было. «*А вдруг и – вправду была Россия, / Россия: пламя, вихрь, огонь!*» – с сомнением вопрошал Георгий Гранин. Они не понимали драматизма ностальгических настроений поэтов старшего поколения. Их не привлекала идея «сибирского регионализма». Их размышления о России носили исключительно литературный характер.

Молодые читали советских поэтов и писателей – и восхищались многими. Николай Щеголев в рукописи своего неопубликованного романа «Перекресток» обрисует эту ситуацию так: «Харбинские русские мальчишки, которым всем вместе едва ли было 60 лет [речь идет о литературных двойниках Гранина (Секирин), Сергина (Скрежетов) и Щеголева (Петрокаменский). – А.З.], не были еще поэтами. Стихи каждого из них представляли мешанину влияний и увлечений ранним Маяковским, Есениным, Пастернаком, Багрицким и эмигрантскими поэтами Ходасевичем, в частности. Виталий считал, что он уже выходит на собственн^{ый} путь, но это думали про себя и Секирин, и Скрежетов, которому было 24 года»¹.

Что в целом читали «взыскующие» молодые люди? Весьма содержательны в этом отношении разнообразные рецензии, обзоры и передовицы «Молодой Чураевки» (затем «Чураевки»). В заметках одного только Н. Щеголева (но ведь нельзя забыть и

¹ Щеголев Н.А. Тетрадь № 1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957–1962) // Архивный фонд литературно-историографической лаборатории «Центр изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета. Л. 13.

² «И вы, взыскующий поэт, не можете без метронома?» – фраза из стихотворения А. Ачаира «Форма» (1937), адресованного, скорее всего, Н. Щеголеву. Об этом: *Забияко А.А. Николай Щеголев: харбинский поэт-одиночка* // Новый Журнал. Нью-Йорк, 2009. № 256. С. 310–324.

увлекающегося Г. Гранина, и «книжного червя» Н. Петереца, и пресловутого «Сигму» Валерия Перелешина) была проявлена подробная карта начитанности образованного харбинского юноши: здесь Бунин, Достоевский, Пильняк, Яновский, Белый, Пруст, Голсуорси, Ремизов, Эренбург...

Идеалом для них, как уже писалось выше, была литература западного зарубежья. Весьма характерно замечание в «Чураевке»: «нарасхват идут литературные журналы западной эмиграции – “Современные записки”, “Иллюстрированная Россия”, есть свой круг читателей у журнала “Путь”»¹. В «Книжных новинках» «Рубежа», рубрике «Библиография» «Молодой Чураевки», в других изданиях то и дело появлялись анонсы-рецензии на новые произведения западных собратьев по перу. Проза западной эмиграции была не только доступна харбинцам, но и подвергалась критическому разбору – например, роман В.С. Яновского «Мир» (Берлин: Изд-во «Парабола», 1931)². Обнаружив у автора многочисленные влияния русских авторов – Бунина (как «остатки литературной выучки, внешнего лоска»), Достоевского, Андреева («Жизнь Василия Фивейского»), Пильняка («Голый год») (вплоть до обнаружения буквального совпадения некоторых натуралистических образов из последнего), Николай Щеголев завершает свой обзор двусмысленно и иронично: «Уходишь от романа с одним иллюзорно утешительным выводом о живучести людей, ухитряющихся существовать даже при таких физических и психических условиях, созданных автором этой нужной, своевременной, но почти отталкивающей книги»³. В заметке Н. Резниковой 1937 г. читаем: «Рассказ В. Сирина “Озеро, облако, башня” очень слаб по сравнению со всем тем, что пишет этот талантливый, своеобразный писатель. Вполне очевидно, что написан он очень давно, так как в нем намечаются мотивы, разработанные позднее гораздо более остро и оригинально». Тремя годами позднее дело доходит и до оценки фабулы: «“Отчаяние” В. Сирина оставляет двойственное впечатление. Как всегда, буквально очаровывает смелость, свежесть стиля и выдумки молодого пи-

¹ Редакторская статья // Чураевка. 1932. 27 декабря.

² Молодая Чураевка. 1932. 24 июля. С. 1.

³ Там же. С. 4.

сателя. Но фабула кажется недостойной такого блеска и совершенства, и это раздражает»¹.

Впрочем, Н. Резникова, скорее всего, в своих оценках ориентировалась на парижскую критику. У большей же части молодого поколения харбинских писателей стилевые новации Набокова находили поддержку. Валерий Перелешин вспоминал: «за живое брали книги шумевшего тогда Вл. Сирина: “Защита Лужина”, “Король, дама, валет”, “Camera obskura”, “Возвращение Чорба”. Впрочем, шампанское, которое падало в гортань “холодными звездочками”, обжигало не одного меня. И Щеголев, да и все мы, были потрясены и очарованы этими беспощадными панорамами жизни, как она есть, безо всякого морализирования или учительства»². В.А. Слободчиков подтверждал эти слова: «Современными прозаиками интересовались мало. Больше других, пожалуй, нравился Владимир Сирин (тогдашний псевдоним Набокова)»³. Скупая информативность этих строк, тем не менее, свидетельствует о том, что литературный Харбин интересовался Набоковым и что «механика чуда» набоковских приемов интриговала харбинских сочинителей⁴.

Мечтающие о признании их Парижем, хорошо ориентирующиеся в поэзии и прозе метрополии – как могли понять они ачаировские идеи создания Сибирской республики?

Не случайно ко времени возникновения так называемого «Круга поэтов» относится эпиграмма Николая Петереца:

Вторники чураевские – гроб,
Где всегда прославленный в народе
Ачаир, американский поп,
Ныне *областничество* разводит⁵.

¹ Н.Р. (Резникова Н.) Книжные новинки. Русские записки. Общественно-политический и литературный журнал. Книга II. Париж – Шанхай, 1937 г. [рец.] // Рубеж. 1937; Н.Р. (Резникова Н.) Книжные новинки. Современные записки. Книга 55-я. Париж, 1934 [рец.] // Рубеж. 1940. № 15.

² Перелешин В. Два полустанка (фрагменты) // Литературная учеба. 1989. № 6.

³ Слободчиков В.А. «Чураевка» // Русский Харбин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 73–74.

⁴ Об этом: Забияко А.А. На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Часть 1. Проза / Хрестоматия. С. 3–37.

⁵ Волин М. Гибель Молодой Чураевки. Указ. изд. С. 221.

У увлечения парижанами, правда, была и обратная сторона. Молодые поэты хотели новых впечатлений и новых способов для их выражения. «Комплекс самоубийства» как составная часть “Парижской ноты” стал неким “психическим микробом”, хорошо привившимся на харбинской почве. Идея самоубийства овладела многими молодыми поэтами. Для большинства это была лишь трагическая поза, но для некоторых она стала реальностью. Самоубийство стало модной темой для стихов и разговоров. Тень брюсовского “Демона самоубийства” постепенно обретала плоть и кровь»¹. Об этом спустя несколько лет после трагедии напишет А. Несмелов в «Одnodневнике динамистов-реалистов»². Вспомнит об этом и Н. Щеголев, воссоздавая ситуацию последней встречи своего литературного alter ego с будущими самоубийцами, прототипами которых стали Г. Гранин и С. Сергин: «Страсть к стихам была у всех троих подлинная, непритворная. Каждый готов был спаяв себя ради стихов, поставить “на слово, на звук душу свою и судьбу”.

Казалось, не страшно проиграть жизнь»³.

Много позднее разумная Ларисса Андерсен скажет о том, что Гранина убила поэзия, имея в виду, очевидно, неумеренное «вливание» литературности в жизненную практику⁴. Сомнения в собственных трепетных чувствах, в смысле любви, действительно, почти преследовали юного поэта:

День пройдет, и потом темнота
Подкрадется сторожко и хмуро,
И поверишь – а если не та,
Если все это литература?

(«Как трамваи, бегут поезда»)⁵

Алексей Ачаир, как известно, относился к Парижу довольно прохладно, выступая за самоценность регионального материала. Кроме того, он всегда следовал не новым веяниям, а

¹ Волин М. Гибель Молодой Чураевки. Указ. изд. С. 221.

² Несмелов А. Что такое динамичность искусства (из записной книжки) // Литературный одnodневник харбинской группы писателей-динамических реалистов. Указ. изд. С. 3–5.

³ Щеголев Н.А. Тетрадь № 1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957–1962). Л. 13.

⁴ Андерсен Л. Ларисса вспоминает // Новый журнал. 1995. № 200. С. 321.

⁵ Гранин Г. Стихотворения. Рассказы // Россияне в Азии. 1996. № 3. С. 3–45.

собственным – возможно, с точки зрения молодых – устаревающим представлениям. В том же «Однодневнике», где была напечатана полупрограммная статья Несмелова, были опубликованы строки и из письма Ачаира, где тот определял свой *метод*: «мне ближе **надреализм** (иными словами: реализм плюс еще что-то, от сказочной **живой** воды)»¹. Немудрено, что в определенный момент «старшие» – в лице тех же Ачаира и Несмелова – перестали отвечать духовным и интеллектуальным запросам чураевской поросли. «Кусать грудь кормилицы оттого, что зубки прорезались», – эти пушкинские слова привел Е. Эткинд для характеристики постсимволистского отношения к наследию символизма². Но таков, видимо, удел всех, идущих на смену своим предшественникам. «Новые» чураевские силы отвергли «казачьи мотивы и северянинские ноты», которые, видимо, «инкриминировались» Ачаиру. Повторимся – и с А. Несмеловым отношения молодежи складывались не идиллически, а порою – были просто натянутыми. Так, весьма сдержанная в своих суждениях Л. Хаиндрова вспоминает: «Арсений Несмелов стал посещать занятия “Круга поэтов”, но очень скоро наметился разрыв между ним и наиболее агрессивными поэтами из “чураевцев”. Собственно, этого могло бы и не произойти, если бы его “дети” в лице трех Николаев: Петереца, Светлова и Щеголева, а также Валерия Перелешина (поэты способные и сильные) не стали относиться иронически к стихам того самого поэта, перед которым еще так недавно благоговели и кого, – вполне справедливо, – считали своим учителем. Теперь же появление новых стихов или очередного сборника Несмелова они встречали резкими и далеко не всегда справедливыми отзывами. Все, что появлялось из-под пера Арсения Несмелова, встречалось в штывки. Стихи его разбирались по строчке, по слову. Неточная рифма, спорный отзыв, малейшая стилистическая погрешность – действительная или мнимая – вызывали ожесточенные нападки. Несмелов почувствовал перемену к себе и стал все реже и реже появляться на занятиях, а потом и совсем отошел от нас»³.

¹ Ачаир А. К одной цели... Указ. изд. С. 6.

² Эткинд Е. Единство «серебряного века» // Звезда. 1989. № 12. С. 185-194.

³ Хаиндрова Л.Ю. Арсений Несмелов // Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. Калуга, 2003. С. 169.

Обратимся к высказываниям самих «революционеров»: «Наши поэты выросли. В них проснулась потребность в национальном служении. Потребность жертвенно работать для России. Потребность стать поэтами русскими. Идеалом мы представляем себе героя-мученика Николая Гумилева. Он отныне становится знаменем. Он будет образцом. По его “Цеху поэтов” и станет равняться новая деятельность. *Чураевцы освободились от вредного влияния Несмелова и несмеловщины*. Нам надоело фамильярное отношение этого “мэтра” к святыням национализма. Нельзя снисходительно потрепывать по плечу Родину. Не люди типа Несмелова, а люди типа Гумилева должны вдохновлять национально мыслящих юношей и девушек...»¹ Позднее, в письмах Л.Ю. Хаиндровой, А. Несмелов писал о «молодой шпане»: «Жизнь пошла куда-то в другую сторону. Я это очень чувствую. Мне стало трудно печататься, меня не понимают, уже, пожалуй, не любят, а только еще побаиваются, как старика с каким-то “именем”. Не думаю, чтобы я утратил чувство жизни. Скорее всего, это происходит оттого, что общий уровень нашей молодежи поэтической – понизился. Молодежь эстетизирует, пошла по дороге прихорашивания. Ведь это уже племя, которое России не знало. Оно ничем не болеет, желает жить в какой-то, хоть в какой-нибудь, красавости, не зная красоты. Много в них мещанского, звериного. <...> Если этим людям суждено подрасти, они вспомнят о нас с вами. А если не вырастут, то на что они нам»².

Из этих высказываний следует, что дело было не только в личной неприязни Петереца к Ачаиру, Петереца к Гранину или еще кого-либо к кому-либо. И сколь бы ни была лукава и необъективна Ю. Крузенштерн-Петерец, как ни пыталась бы она представить вопреки всему и всем в выгодном свете Н. Петереца, все-таки в ее интерпретации событий была своя правда (как и в остальных мемуарных свидетельствах): новое поколение искало себя, страдало от беспочвенности, рвало с опекой старших.

Но парадокс состоял в том, что победа «новых сил» одновременно стала и началом конца. Наверное, поэтому, да и в силу

¹ *Диало Шаохуа*. Харбинская «Чураевка». Указ. изд. С. 226.

² *Письмо А. Несмелова Л. Хаиндровой от 2 ноября 1943 г.* см.: Цит. по: *Солодкая М.Б.* «Бессмертна вещь созвучность» (Письма А.И. Несмелова к Л.Ю. Хаиндровой) // Четвертые Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2003. С. 37–67.

неуживчивости Петереца, в руководстве начались беспорядки, а тяжелые условия жизни в Харбине заставили многих литераторов искать себе более легкую жизнь в Шанхае. Но самое главное – падение «Чураевки» было исторически обусловлено наступлением японского террора, подавлением гражданской свободы, до этого присущей русскому Харбину, а также общим ощущением «заката Европы» перед надвигающейся военной угрозой. Сегодня же вполне очевидно, что именно мудрое руководство Ачаира дало такую свободу мысли и обеспечило развитие «иногo» вкуса «харбинских юнцов» («шантрапы», по выражению Ачаира), выбор ими альтернативных, по сравнению с «отцами», путей развития.

Глава 6

ОТ ВЗЫСКУЮЩЕГО МОЛОДОГО ПОЭТА ДО ИДЕОЛОГА «ВОЗВРАЩЕНЧЕСТВА» (Николай Щеголев)

*Художник я, и несомненно, русский,
Но не лишенный иностранных черт
(Н. Щеголев. «Русский художник»)¹*

Судьба и эволюция сознания Николая Щеголева, «поэта-задиры», одного из самых талантливых «взыскующих поэтов» дальневосточного зарубежья – пример того, как формировалась фронтирная ментальность детей эмиграции, рожденных в Маньчжурии, знавших Россию лишь по рассказам родителей и литературным произведениям.

Он появился на свет 7 июня 1910 г. (по старому стилю)² в семье железнодорожного служащего³, проживающей в Новом городе, в Корпусном городке⁴. Пока первенец Щеголевых учился и мужал, жизнь русского патриархального Харбина стремительно менялась. В начале 20-х гг. ничего не подозревавшим о революции в России, довольным своей харбинской жизнью, Щеголевым пришлось определяться по отношению к новой власти на далекой родине. Как вспоминал В.А. Слободчиков, в пору его знакомства с Николаем (конец 1920-х–начало 1930-х гг.) родители Щеголева не были настроены против Советов (очевидно, как и многие «кэвэжедековцы»)⁵. Из личного дела отца, Александра Владимировича, следует, что поначалу он стал советским подданным (видимо, после 1924 года, когда было подписано советско-китайское соглашение и для многих

¹ Парус. 1933. № 11. Цит. по: Николай Щеголев. Победное отчаянье. М., 2014. С. 47. Далее – Николай Щеголев. Победное отчаянье.

² Из «Характеристики», данной Щеголеву для поступления в аспирантуру (Собрание З. и М. Пуляевских), узнаем, что он родился 20 июня (по новому стилю) на станции Иректэ в Маньчжурии. Возможно, отец Щеголева, поначалу приехав в Харбин и устроившись там артельщиком, затем некоторое время служил на станции Иректэ. Там же он и нашел себе подругу жизни.

³ Личное дело Щеголева Александра Владимировича в архиве БРЭМ.

⁴ Перелешин В. Поэт Николай Щеголев // Новое русское слово. 1975, 6 июля.

⁵ Слободчиков В.А. Интервью А.А. Забияко. 22.10.2003, Москва // Личный архив А.А. Забияко.

харбинцев встала проблема гражданства)¹. Правда, впоследствии он подал ходатайство о переводе в эмигрантское состояние, и оно было удовлетворено. Упокоиться ему, очевидно, пришлось все же в земле маньчжурской².

Мы не знаем, каким мальчиком рос Коля Щеголев, позднее в поэтических кругах Харбина и Шанхая снискавший славу «бедокура» и «самого талантливого из молодой поросли». Но в целом его путь вполне укладывается в судьбу многих детей эмиграции. Дороги было две – дальнейшее продвижение на Запад, ближе к американскому континенту или Австралии, либо возвращение на родину. А там изменилась не только государственная система – менялся антропологический тип человека. Потому и старались родители дать своим детям все возможности, чтобы тем не пропасть и найти себе применение в странах рассеяния. Как видно, достаток в семье Щеголевых был, а родители внимательно относились к воспитанию и образованию своих чад: Николай закончил Коммерческий колледж ХСМЛ³, в совершенстве овладел английским языком, имел не просто законченное, а блестящее музыкальное образование по классу фортепиано⁴.

Когда проснулась в коренном харбинце тяга к сочинительству, неизвестно. Но увлечение литературой и первые размышления о ее природе наступают юношу очень рано. Едва повзрослев, он уже писал о своей недавней детской любви к

¹ Об этом: *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. С. 126–127.

² Сведений о кончине А.В. Щеголева и месте его захоронения нет. В семейном некрополе Щеголевых в Екатеринбурге его могила отсутствует.

³ *Перелешин В.* Поэт Николай Щеголев. Указ. изд. Подробно об организации учебного процесса в Харбинском коммерческом училище: *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая. Указ. изд. С. 242–251. В биографической справке о Щеголеве, написанной неизвестным лицом (Собрание З. и М. Пуляевских), указано: «Он окончил Коммерческое училище, лучшее в городе, колледж ХСМЛ, музыкальную школу им. А.К. Глазунова (рояль)».

⁴ *Русская поэзия Китая: Антология.* М., 2001. С. 699. Скорее всего, речь идет об одной из музыкальных школ им. А.К. Глазунова, Первой Харбинской музыкальной школе, основанной в 1921 г. и расположенной как раз в здании Коммерческого училища, где мог учиться Щеголев. Программа обучения в этой школе соответствовала программам российских консерваторий Императорского Русского музыкального общества (*Русские в Китае. Исторический обзор.* Указ. изд. С. 58).

Лермонтову: «Стихотворение “Сидел рыбак веселый на берегу реки” – первое стихотворение, подействовавшее на меня особою музыкой. Позднее, в третьем, четвертом классе средне-учебного заведения выбили во мне огромный незаживающий след те стихотворения, что обычно производят впечатление на гимназистов этого возраста. Разумеется, это было “И скучно, и грустно, и некому руку подать”, которое я и теперь считаю лучшим стихотворением Лермонтова», хотя мода на него проходит, и особенно “Выхожу один я на дорогу”. Из поэм выделились “Мцыри” и “Песня про купца Калашникова”».

Помнил Щеголев и о других литературных потрясениях: «В шестом классе среднеучебного заведения я впервые натолкнулся на Леонида Андреева. Этот писатель тогда свел меня с ума... Все, что я мог достать здесь Андреева и об Андрееве, я перечел, как в лихорадке. Пожалуй, меня захватил не сам Андреев, а какой-то иной мир, начавший мне приоткрываться через Андреева»¹.

В это же время, благодаря чтению Андреева, а затем знакомству с символистскими воспоминаниями о нем, юный Щеголев узнает и об Андрее Белом, постигает смысл его литературно-эстетических сочинений². Итак, в 12–13 лет – Лермонтов, затем, в 14–15 – Андреев, Блок, Белый... Для формирования художественных ориентиров эстетическая парадигма весьма стройная, последовательная. И с самой юности – способность создавать эмоциональный облик очередного кумира из слов и строк его сочинений. Более поздние статьи Щеголева, стихотворения, эпитафии свидетельствуют, что в юности читал он и Пушкина (которого очень хорошо знал), Гоголя, Достоевского, Толстого, Кольцова, Некрасова, Надсона. Любовь к Маяковскому пронес через всю жизнь. Его дипломное сочинение, посвященное творчеству Маяковского и защищенное в Свердловском госуниверситете в 1953 году, было позднее опубликовано в московском издательстве в качестве пособия для учителей³.

Взросление Щеголева и его творческое становление счастливо совпали с возникновением в Харбине «Молодой Чураев-

¹ Щеголев Н. Памяти Андрея Белого // Чураевка. 1934. № 11 (5), февр. С. 4.

² Щеголев Н. Памяти Андрея Белого. Указ. изд.

³ Щеголев Н.А. Художественное мастерство В.В. Маяковского в поэме «Хорошо!». М., 1956.

ки». Полноправным членом «Молодой Чураевки» Коля Щеголев становится примерно в шестнадцать лет, одним из первых придя в кружок, образованный Ачаиром в 1926 году. Плохо сохранившаяся фотография запечатлела внешний облик юного поэта: широкоскулое лицо, открытые глаза, нос чуть картошкой, задорная улыбка и буйный темно-русый вихор. Щеголев часто выступает на открытых собраниях литературной студии, иногда читая сразу по пять новых стихотворений, а также готовит литературные доклады.

Своего чураевского первенца вместе с его другом Николаем Светловым¹ упоминает в статье «Наш кружок», посвященной семилетию «Чураевки», и сам основатель объединения: «Некоторые удивлялись: как это так скоро они стали поэтами?.. Не рано ли?.. Но эти двое отвечали своими стихами на недоумевающие вопросы гораздо более убедительно, нежели можно было ответить прозой»².

Весьма любопытны воспоминания о Щеголеве той поры, оставленные Ю.В. Крузенштерн-Петерец: «Помню – тогда еще стройный, шестнадцатилетний, читает он, слегка картавя, слегка нараспев, свои стихи на смерть Маяковского:

Маяковский, неправда, не ты
Нам бормочешь из темноты:
– Я не первый и я не последний.

– Ужасно люблю этого мальчишку, – говорил о нем Ачаир. – Посмотрите, лоб-то, лоб какой крутой. Ох, натворит бед»³.

В 1930 г. погиб Владимир Маяковский. Поэтому совершенно ясно, что Щеголев из воспоминаний Ю.В. Крузенштерн-Петерец – уже двадцатилетний молодой человек. Но его психологический портрет дан весьма метко.

¹ Светлов (Свиньин) Николай Федорович (1909–1970) – харбинский, затем шанхайский поэт. Печатался в журналах «Рубеж», «Парус», «Прожектор», газетах «Рупор», «Шанхайская заря», «Новый путь», «На Родину». Автор сборника «Сторукая» (Шанхай: изд. «Шанхайской Чураевки», 1934. 57 с.). Председатель шанхайских отделений «Чураевки» и «Союза Возвращенцев». В 1947 г. репатриировался в СССР (Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае. Указ. изд. С. 241).

² Ачаир А. Наш кружок // Чураевка. 1933. № 9 (3), 28 марта. С. 2.

³ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. 2000. № 7. С. 138.

«Взыскующий» поэт русского Харбина Николай Щеголев:
от модернизма до «возвращенчества»

«Трио» Литературного кружка «Молодая Чураевка».
Н. Лапикен, Н. Щеголев, П. Лапикен. 1930 г.

БЮРО ПО ДЕЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
в Маньчжурской Империи.

Семья, Имя, Отчество Щеголев
Александр Владимирович

№ паспорта 29242 8282 Ам.
Нов. Р. Х.

1. Община сведений.

1. Время и место рождения 1907-1924 Село Тоньинское Копейский уезд

2. Вероисповедание Православный

3. Подданство и национальность Перочинский Советский Союз

4. Общее образование и занятие Коллектор

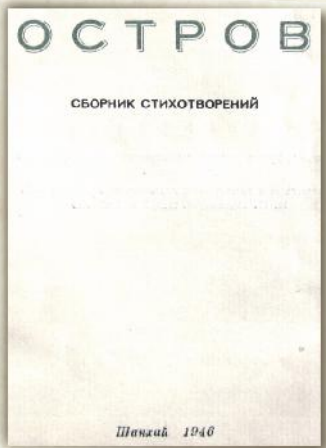
№ 78748
30531

Дело отца Н. Щеголева — А.В. Щеголева в БРЭМ.

«Взыскующий» поэт русского Харбина Николай Щеголев: от модернизма до «возвращенчества»

Стихи Н. Щеголева в журнале «Рубеж» (1932 г.)

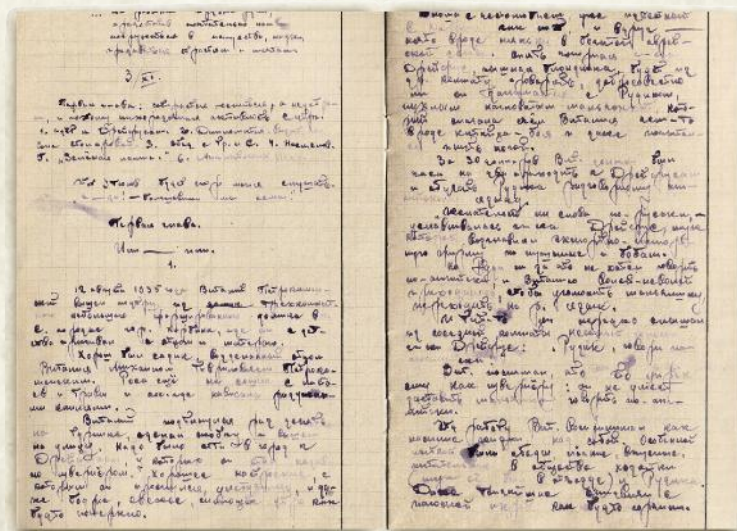
Обложка сборника Н. Щеголева и Н. Петерца «Возвращение».

Обложка сборника «Остров».

«Взыскующий» поэт русского Харбина Николай Щеголев: от модернизма до «возвращенчества»

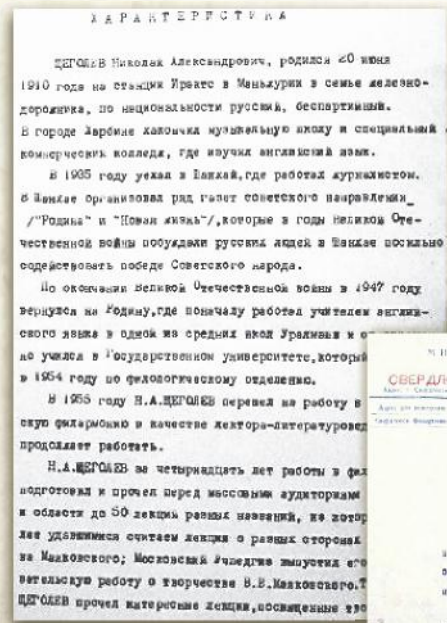

Рукопись романа Щеголева «Перекресток».

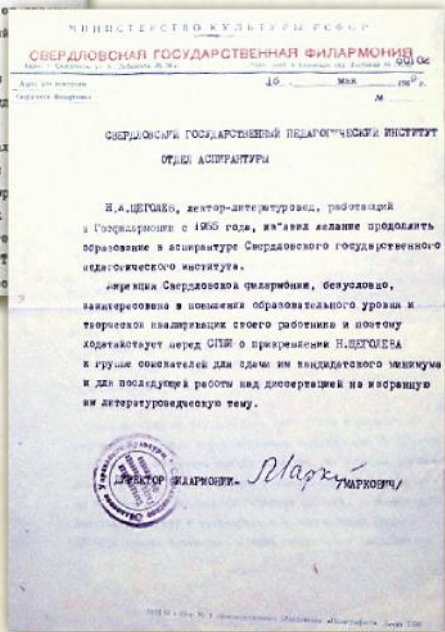

Черновик рукописи романа Н. Щеголева «Перекресток». (1957).

«Взыскующий» поэт русского Харбина Николай Щеголев: от модернизма до «возвращенчества»

Характеристика на Н. Щеголева для поступления в Литинститут.

Характеристика на Н. Щеголева для поступления в аспирантуру.

Щеголев, видимо, выделялся среди многих поэтов почти с самого начала, заработав соответствующую своей личности эпиграмму:

Поэт не дюжий, юный, ранний,
Характер страстный, павианий,
Не Блок, не Пушкин и не Гоголь,
А только просто Коля Щеголь¹.

А в парижской критике имя Щеголева удостоилось иронических замечаний из уст самого Г. Адамовича в связи с тем, что кто-то в Харбине умудрился соположить это имя с именем... Александра Блока: «Трудно не усмехнуться, например, читая о каком-то местном начинающем стихотворце, что он “находится под сильным влиянием Александра Блока и Николая Щеголева”. Кто это – Николай Щеголев? Оказывается, харбинский поэт и один из виднейших сотрудников “Чураевки”. О нем до сих пор, признаться, мы не слыхали ... Но, может быть, и здесь, в Париже, нам, с харбинской точки зрения, случается иногда попадать в столь же смешное положение, и там они удивляются “абберации зрения” так же, как мы здесь»². Как бы ни ерничал Адамович, видимо, личность юного харбинского поэта была незаурядной, и не только в масштабах харбинских.

Стихотворный дебют Щеголева, очевидно, состоялся в 1930 г. в журнале «Рубеж» («Стансы», «В кинематографе», «За временем», «Память видит»). Там же появляется и первый рассказ «Телеграмма»³. Но амплитуда его интеллектуальной, творческой и организационной активности обозначилась в 1931 г. с выходом в свет первого номера «Молодой Чураевки» (пока – в качестве страницы литературной студии и кружка «Молодая Чураевка ХСМЛ», еженедельного приложения к «Харбинским ежедневным новостям»). Наиболее вероятно, что именно Щеголев писал передовую статью к первому номеру издания под названием «Перед началом». Там, в частности, говорилось: «...не ищите в этом листке бодрости в обычном смысле этого слова. Разумеется, в нем будет ощутима молодость, заносчивость, вероятно, будет ощутима и сила, но несвободная и не-

¹ Цит. по: Штейн Э. Примечания (сведения о поэтах) // Остров Лариссы. Орендж, 1988. С. 134-135.

² Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1934. 29 марта. С. 2.

³ Рубеж. 1930. № 45. С. 1, 2, 4.

веселая сила, которой пока некуда приткнуться. Препятствия одно к одному, одно к одному, – и современность, которой не к лицу поэзия, и сугубо трудные условия для развития литературы на Дальнем Востоке при полном отсутствии здесь серьезных литературных изданий, и внутренние причины, из которых – мы не в России – самая главная». А рядом было опубликовано его же метапоэтическое раздумье «Все мои стихи доступны, – всем ли?..», ритмически и по смыслу перекликающееся с передовицей.

Ачаир фиксировал: «Николай Щеголев быстро становится председателем литературной студии и одним из лидеров поэтической молодежи»¹. Действительно, Щеголев занял место председателя студии после отъезда в Шанхай своего друга Н. Светлова². Он же был назван одним из руководителей литературной студии в сезоне 1930–1931 гг., которые (вместе с неким С.М. Бережновым-Агдамовым) «отлично справлялись с намеченными с осени планами, проводя еженедельные литературные пятницы»³. В открытых собраниях того же сезона Щеголев выступил с докладом «Две ветви русской поэзии», посвященным десятилетию со дня смерти Блока и Гумилева.

Каков он был в эти годы своего бурного формирования как поэта и критика? О Щеголеве тех лет вспоминает В. Перелешин: «Был очень мягок, никого своими высказываниями не огорчал. На открытых собраниях – по вторникам – держался с достоинством. Простым золотоволосым юношей становился, когда мы собирались в кабачке Шатровой за углом от здания ХСМЛ: там проводили много часов Щеголев, Лапикен, Слободчиков, Вова Померанцев, Юра Гранин, Миша Волин, да и я с ними.

После открытых “вторников” и закрытых “пятниц” мы все никак не могли наговориться. Провожали друг друга – то на Пристань, то в Мацзягоу, то в Корпусной городок, где жил с отцом, железнодорожником, матерью, братом и, кажется, сестрой Коля Щеголев. Помню наши бесконечные разговоры – его восхищение Андреем Белым, прозой Бунина и Сирина, его мечты

¹ Ачаир А. Наш кружок. Указ. изд. С. 2.

² Гранин Г. Сезон 31–32 гг. // Молодая Чураевка. 1932. 3 июля. С. 1.

³ Там же.

выписаться в хорошего прозаика»¹. Известным прозаиком Щеголев так и не стал, несмотря на опубликованные в «Чураевке» «отрывки из романа» «Случай в парке» и роман, написанный в шанхайскую пору и появившийся в журнале «Сегодня» под названием «Из записок одиночки». Но уже второй номер «Молодой Чураевки» содержал «стихотворение в прозе» Щеголева «Полдень». Поэт избрал оригинальный жанр стихопроезаического отрывка, едва ли догадываясь о столь удачной художественной реализации в новой для русской литературы форме. Это произведение пародировало и «испитого Вертинского», и щеголевских молодых коллег по цеху, увлеченных темой «смерти в двадцать лет». Почему именно Вертинский стал объектом иронии? В эти годы в дальневосточном зарубежье популярность «Печального Пьеро» обрела фантастические масштабы. Если в русском Париже М. Кантор и Г. Адамович даже не помышляли о причислении Вертинского к разряду поэтов, то в русском Харбине он нашел не только много талантливых поклонников особой «вертинской интонации» (включая, например, А. Паркау, А. Ачаира, М. Колосову)², но и стилизаторов, и просто эпигонов. «Полдень» Щеголева исполнен более глубоким смыслом, нежели только аллюзивные намеки на Вертинского. Один из персонажей, беллетрист, раздраженно замечает: «За что я, несчастный, должен все подхватывать зорким своим взором, слышать чутким своим слухом все, что выбрасывает мир?», – не понимая (или не принимая?) того, что умение все видеть и слышать на самом деле является редким даром, присутствующим только избранным художникам. Это произведение выявило художественное кредо Щеголева, в котором сам поэт и его творчество объявлялись полноценными героями литературного текста – так же, как впоследствии у прославленных Пастернака, Набокова, Газданова³.

В пору чураевского взросления Щеголева эта установка обозначилась в настойчивом сопряжении декларативных посылов и поэтических опытов. Четвертый номер «Молодой Чу-

¹ Перелешин В. Поэт Николай Щеголев. Указ. изд.

² Об этом: *Забяко А.А., Эфендиева Г.В.* Вертиниада русского Китая (обзор А. Вертинского в литературе восточного зарубежья) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2004. № 4. С. 152–162.

³ *Забяко А.А.* «Полдень» Николая Щеголева: «поэзия в прозе» и проза поэзии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 5. Благовещенск, 2003. С. 329–334.

раевки» опубликовал передовицу Щеголева «О роли слова»¹ в «содружестве» с программным стихотворением «Опыт» (наиболее цитируемым у Щеголева). Не зная теории языковой концептуализации, развитой много позднее, Щеголев размышляет о тех словах, которые претят либо импонируют отдельному человеку, а иногда целому поколению. При этом ритмический зачин статьи совпадает с ритмическим рисунком стихотворения (случайно или нет?), не говоря уже о концептуальной рокировке посылами: «Ненавидеть слова... Иногда в ненависти не к тому, а иному слову сказывается весь человек. Но не только в ненависти, еще более он сказывается в любви, в пристрастии к определенным словам. Человек повторяет любимые слова вслух и про себя, они произвольно внедряются в сознание, порой гипнотизируют»².

Словно предвидя семиотические возможности «материализации слова», Щеголев размышляет: «Какою ураганною музыкой разносилось в 1917-ом году слово “революция”! Читаешь алдановский “Ключ” и не в силах отделаться от странной мысли, что и революция-то, возможно, потому и приключилась, что это слово звенело тогда во всех ушах, во всех телефонных трубках. Словом “революция” растили подлинную революцию»³. Конечно, в этих интуициях он был не одинок – о материальной силе слова раздумывали в ту пору и обэриуты: «Стихи надо писать так, что если бросить стихотворение в окно, то стекло разобьется»⁴.

Щеголев был весьма плодовитым и разносторонним автором. В принципе, такой разносторонностью отличались и другие талантливые «харбинские юнцы», например – Н. Петерец и Г. Гранин. В шестом номере «Молодой Чураевки» было помещено сразу две статьи Н.Щ. и Н. Щ-ва: «О детективных романах» и «О Марианне Колосовой»⁵.

¹ Как и передовая статья первого номера – «Перед началом», заметка «О роли слова» вышла без указания авторства. Г. Гранин свои статьи подписывал с самого начала, Ачаир писал статьи «идеологического» характера либо отчески-ободряющие. Уверенности в том, что указанные заметки принадлежат перу Щеголева, способствуют и особая стилистика статей, их теоретический характер, а также обозначенный читательский кругозор автора.

² *О роли слова* // Молодая Чураевка. 1932. 3 июля. С. 1.

³ Там же.

⁴ Хармс Д. Записные книжки. Дневник: в 2 кн. СПб., 2002.

⁵ Молодая Чураевка. 1932. № 6, 6 авг. С. 1-2.

Двумя годами позже, будучи уже сам автором парижского альманаха «Числа», он даст довольно трезвый анализ этого недавно вышедшего номера: «Печальны, проще, чем всегда, достойные “Чисел” стихи Юрия Мандельштама. Сухим блеском сверкают стихи Оцуа, колоссально сконцентрированные, скупые и холодные. Что-то от Некрасова есть в них, какая-то небывалая смесь временного и вечного, фельетона и самой углубленной лирики. Противоположность Оцуа – Поплавский, безвольный, расплывчатый, очень часто восклицаящий и всплескивающий руками по-детски беспомощно. София Прегель едва ли не единственная из числовцев, которая умеет и любит описывать вещи. Свое детство она помнит именно в вещах. Стих прост и искусен, – быть может, эта искусность замечается потому, что стихи не поют, не кричат “о самом главном”, а описывают. Стихи Раевского торжественно заданы, как философские проблемы. Этому вполне соответствует их суровость. Червинская радуется еще более, чем в прошлых книгах. Это нелогичные стихи (стихи могут быть и логичными) плывущих образов, всегда жалостных, сумеречных, и между ними в скобках всегда есть “о самом главном”. *О Щеголеве, как об участнике “Чисел”, говорить еще слишком рано* [курсив мой. – А.З.]»¹. Читательский кругозор Щеголева – Голсуорси (роман «Человек Собственности»², Пруст, Эренбург. Читал он и Ремизова – «чуждака, наделенного величайшим словесным мастерством», понимал природу «чуждой» ремизовской прозы, в которой «лица вымышленные разговаривают с лицами невымышленными, имя какого-то Василия Куковникова тесно сплетается с именем Льва Шестова»³, испытывал интерес к литературной публицистике.

С самых первых литературно-критических статей Щеголева проявляется не только его начитанность, но и свободная ориентация в разнонаправленных современных подходах к критике литературного произведения – от импрессионизма до формализма. И в этом Щеголев весьма органичен. «Лермонтов

¹ *Н. З-ов*. Числа IX. Париж // Чураевка. 1933. № 4 (10), 14 нояб. С. 4. *Н. З-ов* [Николай Зерцалов] – один из псевдонимов Щеголева, который подписывался также «Н. Щ-в», «Н.Щ.». Об этом: *Перелешин В.* Русские дальневосточные поэты // Новый журнал. 1972. № 107. С. 255–262.

² Так указано в переводе Н. Щеголева. В СССР-России принято название «Собственник».

³ *Н. З-ов*. Числа IX. Париж. Указ. изд.

подарил мне много высоких переживаний», – признается Щеголев в одной из статей: «Я так внимательно останавливаюсь на своих внутренних процессах, предшествующих перечитыванию Л., потому что мне хочется высказать свое впечатление от Л. и указать значение его и влияние на мою личную жизнь»¹. Читал ли Щеголев работы В. Соловьева и Д. Мережковского², неизвестно. Но важны не содержательные совпадения харбинского юноши с критиками Серебряного века, а его самостоятельные суждения.

Сравнивая музу Пушкина и музу Лермонтова, Щеголев печально констатирует отсутствие у большинства поэтов пушкинской гармоничности: «Сколь с этой точки зрения ясней нам Л., внесший в русскую литературу хаос своей путаной души. Да, – начиная с несчастного, вечно двадцатипятилетнего Михаила Юрьевича Лермонтова, русская литература стала самой испуганной и самоуглубленной из всех европейских литератур. Не от него ли пошла аскетическая муза мести и печали Некрасова и современная околдовывающая муза, питавшаяся цыганскими надрывами, “ночами безумными, ночами веселыми”, муза пышноволосяго аристократа, носившего в себе немецкую кровь, отравленную русскою беспокойною кровью, – муза Блока».

Герой лирики Щеголева – наследник образа, подаренного «вечно двадцатипятилетним поэтом» русской литературе и «отравившего» ее вплоть до Блока. В стихотворении «Опыт» поэт определит собственные слова-концепты: *одиночество, безвыходность, эмиграция, родина, прозябанье, любовь, русский*. Действительно, где бы ни был герой Щеголева, *одиночество* на первом месте из окружающих его бед. Это видно уже в первых «рубежных» стихах:

Радость... –
Я к ней непричастен.
Солнце... –
Я с ним не знаком.

¹ Щеголев Н. Мысли по поводу Лермонтова // Чураевка. 1933. № 8 (2), 7 февр. С. 4–5.

² Соловьев В.С. Лермонтов (1899) // Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 273–406; Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений. Т. 10. СПб.; М., 1911. С. 288–334.

Что для меня ваше счастье?
Что для меня ваш закон?

(«Стансы»)¹

Эволюция лирического сознания Щеголева протекала стремительно; в течение нескольких месяцев он переживает метаморфозу от новоявленного харбинского Печорина к иронизирующему над своим юношеским максимализмом мужчине:

Память видит зеленый альбом...
В нем когда-то, как ярый новатор,
Расчеркнулся я словом «любовь», –
Запятая, тире, – «скучновато»!

(«Память видит...»)²

Наиболее комфортно герой Щеголева ощущает себя наедине с самим собой и своим внутренним миром:

Вечер. Горизонт совсем ступешан.
Печь, диван, присутствие кота.
Ручкой тонкою и камышовой
Я пишу на длинных лоскутах.
<...>
Музыка несется ниоткуда
В форточку и в уши – напролом.
Обожаю внешние причуды
И, в особенности, за столом.

(«Вечер. Горизонт совсем ступешан...»)³

Звуки музыки воспринимаются этим героем в сложном синтезе физических и эмоциональных ощущений – они холодят, ослепляют, пугают:

И какие созвучия! Чем обогрешь
Их полет? Прикасаясь к ушам, холодят они
До мурашек, до дрожи. И тянет скорее
В освещенную комнату. Там благодатнее.

(«От самого страшного»)⁴

¹ Рубеж. 1930. № 28. Цит. по: *Николай Щеголев. Победное отчаянье*. С. 8.

² Рубеж. 1930. № 50. Цит. по: *Николай Щеголев. Победное отчаянье*. С. 12.

³ Чураевка. 1932. № 7 (1). 27 декабря.

⁴ Семеро. 1931. Цит. по: *Николай Щеголев. Победное отчаянье*. С. 25.

Перманентное состояние лирического «я» – «самое страшное, черствое», «бессонная тоска», вступающая в диссонанс с обычным человеческим уютотом:

Чувствую, что с каждым часом чванней
Становлюсь, заверченный в тиски
Горестного самобичеванья
И тоски.

(«Диссонанс»)

Однако *тоска* Щеголева – совсем иного свойства, чем *тоска* того же Ачаира, которому было что вспомнить: «шумливые годы, / звенящее время, / поющую юность – / не пьяненький джаз» («В фруктовой лавчонке», 1938)¹. Тоска Ачаира (и многих других харбинцев старшего поколения) питается болью об утраченной Родине, об утраченной юности. У Щеголева же, который был на 14 лет моложе Ачаира и, соответственно, принадлежал ко второму поколению харбинских поэтов, это ощущение пронизывает его *настоящее*:

Все обиходно. Косые
Спят на обоях лучи...
Разве лишь слово «Россия»
Мне необычно звучит.

(«Стансы»)²

Что противопоставить одиночеству, тоске, диссонансу? Творчество. Оно воспринимается в императивном ключе («суровое слово долг»):

...Пусть клонит в сон – не надо спать!
Будь человеком твердым, будь поэтом.
Не холода, а теплоты, не сна,
А бодрствованья...

(«Живая муза»)³

Констатируя дисгармоничность русской лирики, Щеголев не может вырваться из антиномий собственного поэтического сознания. Он этого и не скрывает: «я – русский, и мне *со-блзнительны надрывы...*»⁴.

¹ Рубеж. 1937. № 25. Об этом: *Забияко А.А.* Тропа судьбы Алексея Ачаира. Благовещенск, 2005. 274 с.

² Указ. изд.

³ Феникс. 1935. № 6. Цит. по: *Николай Щеголев.* Победное отчаянье. С. 68.

⁴ *Щеголев Н.* Мысли по поводу Лермонтова. Указ. изд. С. 5.

Основной формой воплощения такой противоречивой природы становятся демонические и дьяволоподобные персонажи. Одна из причин дьявольской одержимости – ум героя, этот «*мощнистый карлик ехидный*»:

Мой ангел! Я страшно умен
Умом чудака и уродца.
<...>
Виски набухали от дум,
Мне чудился звон панихидный.
И – вправду – скончался мой ум,
Мощнистый карлик ехидный.
Он трясся, пощады моля,
Топорщился злобно, упорно,
Но тяжко прижала земля,
Прикрыла пробившимся дерном.

(«Обновленье»; курсив мой. – А.З.)¹

Мифогенной основой щеголевского пандемониума² становится внутренняя природа героя:

Устаю ненавидеть.
Тихо хожу по проспектам.
«*Некто в сером*» меня в чьи-то тяжкие веки влюбил.
Устаю говорить.
Пресловутый и призрачный «некто» –
Надо мной и во мне,
И рога наподобие вил.

(«Устаю ненавидеть»; курсив мой. – А.З.)³

Помимо «Некто в сером», пробравшегося в лирику Щеголева при помощи Л. Андреева, inferнальную сущность его лирического субъекта сопровождает гоголевский Вий:

Угроза новой затяжной любви...
Ах, не попасть бы из огня да в полымя.
Борюсь с собой, держу глаза, как Вий,
Прикрытыми ресницами тяжелыми.

(«Заговор»)⁴

¹ Чураевка. 1934. Окт., Рубеж. 1934. № 45. Цит. по: Николай Щеголев. Победное отчаянье. С. 61.

² Пандемониум – собрание бесов, демонов.

³ Багульник. Лит.-худ. сб. Кн. I. Харбин, 1931. Цит. по: Николай Щеголев. Победное отчаянье. Указ. изд. С. 27.

⁴ Там же. С. 128.

Вий, как известно, обладает способностями, превышающими «обычные» способности рядовой демонической братии. Он видит и знает не замечаемое другими. Именно поэтому в знаменитой «миргородской» повести призывают Вия демоны, не справляющиеся с Хомой Брутом. Вий воплощает сокровенное знание, а в мифологии многих народов обладание этими надчеловеческими способностями неотделимо и от волхования, и от поэтического экстаза, и от вдохновения. Другое дело, что если в знаменитой повести Гоголя Вий требует: «Подымите мне веки!», то у Щеголева «виеподобный» герой, напротив, уже старается не смотреть на окружающий мир, предпочитая *«держат глаза / прикрытыми ресницами тяжелыми»*. Ведь «поднять веки» значит подвергнуться очередному «припадку вдохновения». «Вочеловечить» этого полудемона может только порыв вдохновения:

Одно ужасное усилие,
Взлет тяжко падающих век,
И – вздох, и вырастают крылья,
И вырастает человек.

Щеголев был поэтом-книгочеем, поэтом-умником. Он начал с Лермонтова, затем обратился к А. Белому. До самого конца жизни ему был близок А. Блок – об этом свидетельствуют найденные остатки архива, где блокские сборники перепечатаны на пишущей машинке. Новаторская техника, основные ритмические «составляющие» стиха аттестуют Щеголева как поэта, слишком «взыскующего» к форме. Благодаря им лирические откровения Щеголева выделяются особой энергетикой ритма, оригинальной словесной рокировкой.

В предисловии к сборнику «Семеро»¹ Ачаир точно определил поэтических кумиров Щеголева: «Андрей Белый, Цветаева, Маяковский, Пастернак, формалисты – любимые поэты у Щеголева <...>»². Формалистские ориентации Щеголева заслужат довольно однозначные оценки в редких воспоминаниях Чураевцев. О «холодных стихах» Щеголева упомянет Михаил Волин³. Владимир Слободчиков не единожды отметит «вычурность» и «манерность» стихотворений Щеголева: «Ще-

¹ Семеро. Указ. изд. С. 5–10.

² Там же.

³ Волин М. Гибель «Молодой Чураевки»: Указ. изд. С. 216–240.

голев слишком увлекался авангардистскими изысками – *гонялся за рифмами*, которые порою сводили его стихи на нет»¹. Все эти более поздние суждения можно было бы отписать по ведомству поэтической конкуренции, однако в них была существенная доля истины.

Музыкальные и звуко смысловые интенции Щеголева наверняка были связаны с его профессиональной музыкальной подготовкой. Алексей Ачаир, характеризуя близкого ему в этом смысле поэта, писал: «Ему – пианисту, пожалуй, – Стравинский ближе Шопена, Прокофьев – роднее Бетховена. Музыка сфер – не его стихия, напевность – не его жанр»². Обнажившиеся в подобных сравнениях ценностные оппозиции метафорически обозначают знание Щеголевым, наряду с музыкальными, художественных ориентиров Серебряного века (*музыка сфер, напевность*) и его близость к поэтике русского авангарда. В этой же статье были весьма тонко подмечены и особенности мировидения юного друга Ачаира: «В старой, быть может, провинциальной библиотеке, где на полках лежат труды философов и древних мастеров, мы видим Щеголева чутко прислушивающимся к голосам прошлого. Он сам сказал бы: *вслушивающимся*. От этого вслушивания, от полноты восприятия Щеголев впадает иногда в отчаяние, его распирает; он вместить не в силах уже своих впечатлений. Но впереди него, через несколько лет, другой Щеголев выявит в стройном сочетании *неопантеизм с налетом урбанизма, влияния формализма и – “математики Черни”*. Не только любовь к природе, но жадность к жизни, к ее творческому биению с насмешкой по адресу шантрапы, покушающейся в бессилии покончить с собой, в городах или в тайге – безразлично. Жизнь так многообразна. Было бы желанье и умение жить. В этом – Щеголев»³ (курсив мой. – А.З.). Как видно, в своем дружеском эссе Ачаир подметил у младшего товарища любовь к философии, искусству, музыкальность, впечатлительность и – жизнелюбие. Немного позднее, в 1937 г., Ачаир напишет стихотворение «Форма», где, обращаясь, скорее всего, именно к

¹ Слободчиков В. О судьбе изгнанников печальной... Указ. изд. С. 145; Слободчиков В.А. Интервью А.А. Забияко. 22. 10. 2003. Москва // Личный архив А.А. Забияко.

² Ачаир А. Предисловие к сборнику «Семеро» // Семеро. Указ. изд. С. 8-9.

³ Там же.

своему бывшему питомцу – «взыскующему поэту», будет сетовать на то, что тот стал уж слишком увлекаться «метрономом», создавая свои «графленые записки»¹. На роль «взыскующего» с самого начала своего творчества с полным правом мог претендовать именно Николай Щеголев:

Стихи читаю вслух и про себя,
Ритм создаю холодный, острый, бритвенный,
И рифмы обличительно скрипят...
Я – как монах, настроенный молитвенно.

(«Заговор»)

Игровое начало распространяется на сам принцип порождения поэтического языка Щеголева. Освобождаясь от стихии «чистого лиризма», поэт в первую очередь иронически переосмысливает лексические клише и «высокие» фразеологизмы традиционной образности, например: «угроза болезни», «затяжная болезнь» – *угроза новой затяжной любви*, «припадок злости» – *но в припадке жесточайшем долга*, «свобода личности» – *свободе личности назло*, «копить злобу» – *накопляешь безвыходность* и т. д. Как видно, формалистская ориентированность поэта была предопределена особенностями его языкового мышления – склонностью к каламбурам, остроумной рокировке образами на уровне внутренней формы слов.

Особого внимания заслуживают опыты Щеголева в области рифмы. Помимо множества вариаций разнообразных способов рифмовки, употребления неточных рифм и их деграмматизации, излюбленным приемом Щеголева становится *паронимическая* рифма, особенно представляющая его «лица необщее выражение»: *марксизма – пароксизмы, одинок – до ног, хлопотно – хлоп о дно, ехидю – панихидю, с ленью я – перечисление, собачками – запачканный, погоню – агония, нечаянно – отчаянье, любви – Вий, Мармеладов – Ленинграда, полямя – тяжелыми* и т. д. Но на уровне поэтических деклараций более современные и актуальны для него были не футуристы и даже не мэтры Серебряного века, а Грибоедов, Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов. Щеголев демонстративно подчеркивал свою зависимость от классической традиции, впитанную с детства: «До боли,

¹ Об этом: *Забияко А.А.* Николай Щеголев: харбинский поэт-одиночка // Новый журнал. 2009. № 256. С. 310–324.

до смертной тоски / Мне призраки эти близки...» («Достоевский»).

При этом Щеголев жаждет новых тем, ему хочется найти иную, «*живую* музу с узкими глазами» (курсив мой. – А.З.), которая смогла бы изменить жизнь настолько, чтобы было «не только умирать, / Но даже, даже вспоминать об этом / Грешно...»¹. В этом – спасение:

И странными становятся тогда,
И слышными как будто издавека
Мучительные вдохновенья Блока,
Несущие свой яд через года.

(«Живая муза»)

Но и в этом *остранении* от своих ближайших предшественников можно увидеть один из способов модернистского жизнестроения – олитературивания своего быта и своих переживаний. Явным образом этот процесс запечатлен в любовной лирике. Мы не знаем ничего о сердечных увлечениях Щеголева эмигрантской поры – времени наиболее терпких ощущений и ярких впечатлений мужчины до сорока. Все, что есть в нашем распоряжении, – это *лирический сюжет* жизни его «alter ego». В нем раскрываются самые разные стороны щеголевского восприятия возлюбленной (или возлюбленных?):

Ты помогала мне в успехе
На утомительной земле,
Ты создала мои доспехи,
Ты сделала меня смелей,

Неуязвимей и злорадней...
И все, что мне тобой дано,
Я взял, но твой покой украден,
Я не люблю тебя давно.

(«Ты помогала мне в успехе...»;
курсив мой. – А.З.)²

¹ Об этом подробнее: Забияко А.А. «Муза с узкими глазами» и русское «самотерзанье» (проблема этнокультурной самоидентификации эмигранта в харбинской литературе) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 7: Мост через Амур. Указ. изд., 2005. С. 298–313.

² Чураевка. 1933. № 8 (2). 7 февр. С. 45.

Он любит принимать разные облики, например – истинного змея-искусителя, обуреваемого темными страстями и преступными желаниями. Но с годами сквозь густую мглу демонических страстей все чаще проступает лицо неуверенного в себе, «ветрового», «порывистого» мальчишки. В таких стихах нет места ритмической виртуозности, лирическим героем владеет непосредственное чувство, о котором говорится просто и открыто (например, «Кошка»). Поэтом не сами по себе «формальные» изыски, а прорывающаяся сквозь них пронзительность интонаций делает лирику «ветрового, недоверчивого»¹ Щеголева причастной к настоящей поэзии. Неудивительно, что такой сложный и многогранный «вслушивающийся» поэт вместе с Николаем Петерецем становится во главе «чураевского переворота».

В 1936 г. Щеголев перебирается в Шанхай, примкнув к своему харбинскому приятелю Николаю Петерецу. О шанхайском периоде жизни Щеголева мы узнаем из воспоминаний все той же Юстины Крузенштерн-Петерец. Поначалу он сближается с «младороссами»², редактирует «Литературную страничку» в газете «Новый путь» (о чем есть упоминание и в анкете БРЭМ его отца). И вновь 27-летний Щеголев «взялся за дело, засучив рукава», пишет задорные критические статьи, ведь уже в Харбине он состоялся как критик со своими оригинальными суждениями и эстетическими ориентирами. Немудрено, что он же некоторое время возглавлял и «Литературную страничку» шанхайского журнала «Сегодня». Можно предположить, что

¹ Так охарактеризовал поэта Георгий Гранин в лирическом эссе «Она» (Россияне в Азии. 1996. № 3. С. 30–45).

² *Младороссы* – национальный союз Нового поколения. «Были очень популярны в Шанхае, как и везде в российской эмиграции. Вначале выступали резко против СССР, приветствуя создание фашистских партий в эмиграции»; Н. Петерец, активный участник всех мероприятий, писал: «Союз младороссов – это русский фашистский отбор, это авангард победоносного национал-революционного потока, который сметет коммунистическую власть и сметет все преграды, мешающие России стать на свой национальный путь» (Петерец Н. Младоросское становление. Шанхай, 1934. Цит. по: Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае. Указ. изд. С. 142). Симпатии Щеголева к младороссам были, возможно, отголоском его харбинской деятельности. В заметке Сигмы (В. Перелешина) на с. 5 есть упоминание о том, что Щеголев сотрудничал с газетой «Наш Путь» (ее литературной страницей, наряду с П. Лапикеном, Вл. Слободчиковым, М. Волиным).

многие статьи для «Сегодня» были написаны именно Щеголевым – о Джойсе, Маяковском и Сологубе он стал писать еще в «Чураевке»¹. К сожалению, и роман Щеголева «Из записок одиночки», опубликованный в «Сегодня», тоже пока не найден исследователями.

В 1937 г. Китай вступает в войну с Японией. Бывшие чураевцы, сбежавшие в начале 1930-х гг. из Харбина от японского засилья, вновь попадают в зависимость от новых властей. Единственным местом, где японцы не «хозяйничали открыто, была французская концессия, поднявшая флаг Петена»². Русские беженцы обосновались там.

А в 1941 г. началась Великая Отечественная. Хоть и гремела эта война далеко-далеко, через много погранпереходов, большая часть эмигрантов всем сердцем откликнулась на призыв «Вставай, страна огромная!». На далекой, порою неизвестной земле гибли родные, русские люди, и эта невозможность помочь общей беде в сердцах многих эмигрантов вызывала горячее желание вернуться. «По мере того, как разгоралась война, охватившая и западную Европу, и Россию, и наш Тихий океан, определялись и настроения русских шанхайцев. Теперь это уже не было теоретическое деление на пораженцев и оборонцев, теперь это было прямо: с японцами и немцами или с Россией, хотя бы советской. Первое было безопаснее и выгоднее, второе пока что не сулило ничего, кроме страшной возможности попасть в японский застенок»³, – вспоминала настроения тех лет Ю.В. Крузенштерн-Петерец.

1943 год – переломный год самой страшной в истории России и всего мира войны. В это время в зарубежье активизирует

¹ Судьба популярного издания была печальна – он был перекуплен предприимчивым компаньоном Петереца, и работа в нем бывших чураевцев прекратилась. Всего под руководством Петереца и Щеголева вышло 15 выпусков, но, как ни грустно, в настоящее время журнал является библиографической редкостью, «отечественным библиографам он не известен». В необработанном архиве Л. Хаиндровой (ГАРФ) имеются в наличии № 22–36 за 1943 г. и три номера за 1947 г. (№ 91[2], 92[3], 93–94 [4–5]) (*Солодкая М.Б.* Книжные раритеты «китайской» русской эмиграции в частной коллекции Л.Ю. Хаиндровой // *Русский Харбин*, запечатленный в слове. Вып. 5: Проблемы источниковедения и текстологии. Благовещенск, 2012. С. 29–41).

² *Крузенштерн-Петерец Ю.В.* Воспоминания. Указ. изд. С. 141.

³ Там же.

свою деятельность «Союз возвращенцев»¹. Щеголев искренне сочувствовал идеям возвращенчества. Совместно с Петерецем он составляет сборник просоветских статей «Возращение», вышедший в Шанхае в 1945 г. уже после смерти Петереца². Спустя много лет насущные вопросы шанхайской поры неотвязно сопровождали его. В письме к Н. Ильиной – автору одноименного романа «Возращение», вышедшего в СССР,³ – Щеголев, в частности, напишет: «...сразу приступаю к теме, живо интересующей нас обоих, – к книге, заброшенной мной и продолжаемой тобой. Первый вопрос я бы поставил так: может ли заграничного материала, имеющегося в нашем распоряжении, хватить для нужной своевременной книги? Чорт его знает. Пожалуй, нет. Говорю, во всяком случае, за себя. Когда мы нашу книгу задумывали, мы учитывали, что главная сила, по которой надо ударить, – это империализм (японский, британский, американский, французский, германский), рвавший на части Китай. Но я лично пока не вижу в себе силенок для поднятия этой темы, а она, несомненно, центральная»⁴. И в Шанхае, и потом в Свердловске Щеголев постоянно испытывал чувство вины за то, что жизнь его народа, беды его народа прошли мимо относительно благополучного эмигрантского бытия: «Могу тебе только сказать, что за три года моего пребывания на Родине, сталкиваясь с многообразными советскими людьми – чуткими,

¹ «Союз возвращенцев» (аналог образования, действовавшего во Франции) был создан по инициативе советских дипломатических представительств в Китае с целью контроля, координации и раскола русской эмиграции. В Шанхае «Союз возвращенцев» был создан в конце сентября 1937 г., работал в тесном взаимодействии с генеральным консульством СССР. В нем имелся свой клуб со свежими советскими изданиями. Председателем Союза был харбинский друг Щеголева Н. Светлов. Помимо него членами комитета были М.Ф. Фомичев и сам Щеголев. Светлов подозревался в шпионских связях в пользу СССР (*Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Указ изд. С. 262). Очевидно, что близки к деятельности Союза были и музыканты джаз-банда О. Лундстрема – не случайно их концерты сопровождали деятельность «Советского клуба» в Шанхае, а их репетиционные аппараты соседствовали с домом В. Серебрякова.

² Петерец Н., Щеголев Н. Возращение: Цикл статей. Шанхай, 1945.

³ Ильина Н.И. Возращение: Роман. В 2 кн. М., 1957; 1966. Рецензия романа очевидцами и участниками описываемых событий была неоднозначной. В эмиграции его восприняли негативно. Например: *Крузенитерн-Петерец Ю.В.* Открытое письмо Наталии Ильиной, автору романа «Возращение». Журнал «Знамя», Москва // Русская мысль. 1957. 12 окт.

⁴ Щеголев Н. – Н. Ильиной. 18 июля 1950 // РГАЛИ. Ф. 3147 [Н. Ильина]. Оп. 1. Ед. хр. 154. Орфография автора сохранена.

умными, работающими, – я ни разу не чувствовал с их стороны никакого сколько-нибудь острого интереса к нашим заграничным “переживаниям”, “страданиям”, “проблемам”. Больше того. Я сам не раз чувствовал, что всякая попытка углубить вопрос о наших тамошних муках звучит с моей стороны невыносимой фальшью, точно я в чем-то извиняюсь, в чем-то перед советскими людьми оправдываюсь, точно собираюсь поплакаться им в жилетку. А вот Китаем и китайцами и хищниками, эксплуатировавшими Китай, – этим они живо интересуются»¹. «Комплекс эмигранта», «чужака захудалого и странного», Щеголев пронесет через всю жизнь. Создается ощущение, что он и родился «иностранцем до мозга костей, с головы и до ног» («Русский художник»).

Как писалось Щеголеву в шанхайские годы? Совсем редкие и неопубликованные до сего дня стихи свидетельствуют о сложных душевных переживаниях, сопровождавших жизнь поэта конца 1930-х–начала 1940-х годов. Пропагандистская нацеленность стихов в ущерб лирическому началу и эвфонии – характерная черта щеголевской лирики тех лет, отразившаяся и в стихотворениях сборника «Остров». История появления этого уникального в своем роде художественного образования тесно связана с возрождением «чураевского братства» уже на шанхайской территории в кружке «Пятница». Они собрались в количестве девяти человек: Н. Петерец, Н. Щеголев, В. Перелешин, Л. Андерсен, Л. Хаиндрова, Ю. Крузенштерн-Петерец, М. Коростовец, В. Иевлева, В. Померанцев. Их объединяло общее харбинское прошлое, а за плечами первых пятерых (хотели они это признать или нет) была чураевская школа. «В “Пятнице” велась серьезная литературная работа и учеба; это была именно рабочая студия»²; все были еще молоды, а от прозаической действительности за стенами кружка «нужно было бежать, чтобы как-то сберечь себя до того дня, когда войны больше не будет, террора не будет, голода и холода тоже не будет»³. Поэтому они бежали – на свой «Остров» поэзии⁴.

¹ Щеголев Н. – Н. Ильиной. 18 июля 1950. Указ. ист.

² Бакич О. Остров среди бушующего моря // Новый журнал. 2005. № 239. С. 174–200.

³ Перелешин В. Два полустанка. С. 102–103.

⁴ Ю.В. Крузенштерн-Петерец пишет о том, что название, сменившее простецкое «Пятница», скорее всего, было придумано Лариссой Андерсен (Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания. Указ. изд. С. 145–148).

Кем-то из самых отчаянных выдумщиков (Перелешин склоняется к тому, что это либо Ларисса Андерсен, либо Николай Петерец)¹ был придуман вид студийной игры: «Будем опускать в этот стакан бумажки, свернутые в трубочку. На каждой будет написана тема. А потом пусть Виталий (Серебряков – кажется, полноправный резидент комнаты, где собиралась Пятница, сам стихов не писавший, но состоявший чем-то вроде “политрука” при той половине членов кружка, которая хотела быть советской) <тянет>. Это и будет тема на неделю. А в следующий раз стихи будут читаться и обсуждаться»². Темы же были такие: Дым, Карусель, Кольцо, Камея, Светильник, Море, Химера, Пустыня, Ангел, Феникс, Сквозь цветное стекло, Кошка, Достоевский, Россия, Дом, Зеркало, Колокол, Мы плетем кружева, Поэт, Джиоконда – всего двадцать, если судить по содержанию вышедшего в 1946 г. сборника. В случае с «Островом» литературная игра оказалась необыкновенно продуктивна. Многие стихотворения сборника – даже у самого теоретически-холодного из участников, Николая Петереца – отмечены оригинальностью мысли и одновременно трепетным чувством. Очень много удачных и многосмысленных стихов вышло в то время из-под пера Валерия Перелешина и Лариссы Андерсен.

Само художественное целое сборника – и как отражение литературной деятельности кружка, и как самоценная эстетическая структура – достойно особого разговора³. Вырвать «островную» лирику Щеголева из этого контекста, с одной стороны, сложно. Однако сошлемся на Перелешина: «Верно, что писание стихов на заданные темы выглядит как-то несерьезно. Однако своими тогдашними стихами я был доволен и включил многие из них в свои позднейшие сборники... Точно так же у других поэтов: стихи “Острова” у многих были крупнейшими удачами. Ведь никто не обязан поминать “тему” буквально: Кольцо символизирует и замкнутость, и безвыходность, и вечность, а Дом – назначение человека здесь на земле, но и в другом мире»⁴.

Если по принципу Перелешина отбирать из этих стихотворений подходящие для сборников Щеголева, то это вызовет

¹ Остров. Шанхай, 1946.

² Перелешин В. Два полустанка. Указ. изд. С. 103.

³ Об этом, например: Бакич О. Остров среди бушующего моря. Указ. изд.

⁴ Перелешин В. Мария Коростовец // Новое русское слово. 1974. 13 янв.

серьезные проблемы. Из 20 тем сборника Щеголев откликнулся на 15, продемонстрировав самые разнообразные претензии в области версификационного мастерства. Однако самоценными лирическими репликами, безотносительно к художественной корреляции с одноименными высказываниями «островитян», звучат лишь стихотворения «Зеркало», «Каменя», «Кошка», «Светильник» и «Достоевский». В этих немногих «островных» удачах Щеголев демонстрирует действительно изысканное разнообразие – например, в творческом освоении ритмического опыта вольных стихов:

Знаю:
в эту ночь
печально,
молча ты
пристально глядишься
в бездну зеркала.
Где твой смех бывалый,
колокольчатый?
Все-то потускнело,
все померкло!

(«Зеркало»)¹

Примечательно – именно у Щеголева в «Зеркале» впервые прозвучала эта пронзительная фраза: «Все не так, не так, не так, как хочется!», всплывшая много лет спустя в ставшей знаменитой песне Владимира Высоцкого: «Все не так, ребята!»

Лирическая зарисовка «Кошка» только формально увязана с заданной темой. Она лишена символики и многосмысленности, но оттого не становится менее изящной и трогательной:

Вот мы снова встретились,
Встреча роковая...
В шубе и в берете Вы
Ждете у трамвая.

Спрашиваете новости,
Хвалите погоду,
Оживает снова все,
Как тогда – в те годы...²

¹ Цит. по: *Николай Щеголев. Победное отчаянье. С. 104.*

² Цит. по: *Николай Щеголев. Победное отчаянье. С. 99.*

«Вещность» портретных характеристик лирической героини придает стихотворению непосредственный и глубоко жизненный смысл. Именно о таких лирических высказываниях, в которых лирическое «я» говорит и о себе, и обо всем человечестве сразу, писал И. Анненский¹.

Несколько по-иному реализован принцип «овеществленности» эмоции в стихотворении «Камея»:

Вот я сижу, вцепившись в ручки кресла,
Какие-то заклятья бормочу...
Здесь женщина была. Она исчезла.
Нет-нет! Мне эта боль не по плечу.
<...>
Но я ведь вещьность придавать умею
Снам, призракам и капелькам дождя...
И вот стихи – резная вещь, камей –
Дрожат в руке, приятно холода².

Стихи, «резная вещь», с точки зрения универсальной поэтической метафорики – то, что отточено и выверено. С точки зрения акмеистской вещьности – это действительно «камея», запечатленный образ в честь возлюбленной. Оттого и холодят они своей «каменной» природой (вспомним названия ключевых акмеистских сборников). А с точки зрения индивидуальной поэтической психологии Щеголева – стихи самоценны своей материальностью, «охлаждающей» пыл любовного чувства, своим «холодным, острым, бритвенным» ритмом.

Остальные 10 стихотворений Щеголева в «Острове» грешат голым экспериментаторством («Феникс», «Сквозь цветное стекло», «Дом») либо построены на поединке техники и риторики в ущерб лиризму. По-видимому, «вдохновение из стакана» не столь часто улыбалось Щеголеву, как другим «островитянам». В отличие от своих товарищей, он был слишком отягощен путами соцзаказа.

После безвременной смерти Н. Петереца Щеголев фактически остался не только единственным руководителем объединения, но и редактором сборника.

В 1947 г. Щеголев по собственному желанию «возвратился» в Советский Союз. На самом же деле свою Родину уроженец

¹ Анненский И. Бальмонт-лирик [1906] // Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 102-103.

² Остров. Цит. по: Николай Щеголев. Победное отчаянье. С. 90.

Маньчжурии увидел впервые. Щеголеву было только 37 лет. Как многие добровольные репатрианты, он и его жена оказались в Свердловске. Очевидно, благодаря активной работе на ниве «возвращенчества» он не попал в лагерь. Более того – построил неплохую карьеру. Вначале Щеголев устроился учителем английского языка и несколько лет проработал в одной из средних школ Уралмаша, одновременно учась на филологическом отделении Свердловского государственного университета¹. А с 1955 г. четырнадцать лет подряд он трудился «лектором-литературоведом» при Свердловской филармонии. В те времена это была настоящая синекюра для простых преподавателей: поездки по городкам и поселкам, везде – гарантированный прием, почет и уважение со стороны стремящейся к культуре публики. Как писалось в характеристике для поступления в аспирантуру, Щеголев прочел более 50 лекций различного содержания, среди которых особенно выделялись лекции о Маяковском, Достоевском, Блоке. Не обошлось, конечно, и без «образа В.И. Ленина в литературе». Культурный миф о Ленине в те годы стал своего рода апокрифом коммунистической религиозности. Романтизированная и одновременно житийная фигура Ильича долгое время пленяла умы не только писателей, но и драматургов, литературоведов. Потому упрекать Щеголева в лениниане не имеет смысла. Он встраивался в эту новую жизнь со всеми ее идеологемами.

По мнению многих, «в конечном итоге, его судьбу можно назвать даже благополучной. Особенно на фоне некоторых других литераторов, добровольно вернувшихся на родину, скажем, Марины Цветаевой или князя Святополка-Мирского», – пишет В. Синкевич². Отчасти это так. Но – за все это советское благополучие приходилось как-то платить. Чем платил поэт? Все теми же одиночеством, тоской, неудовлетворенностью, – и это несмотря на то, что был женат, рядом с ним жили мать, сестра и брат. Впрочем, неудивительно: кому тогда был нужен литературный дар, острый критический ум, блестящая образованность *бывшего эмигранта*? Тем более не стоит говорить о ред-

¹ Об этом: Н. Щеголев. – Н. Ильиной. 18.07.1950. Указ. ист.

² Синкевич В. «Остров» и его редактор // Новый журнал. 2009. №. 256. С. 333–335.

кой способности Щеголева к интуитивному уловлению новых явлений – в области критики, литературоведения, лингвистики, стихосложения... Так, он очень хотел поступить в Литинститут, о чем свидетельствуют строки из письма Н. Ильиной: «В заключение – просьба. Я учусь в Государственном Университете имени Горького (филологическое отделение). Меня интересует – пока совершенно теоретически – вопрос, можно ли через год, два, или уже по окончании Университета ускоренно закончить Лит. Институт, в котором ты учишься. Иными словами, зачтут ли там мне, сданные мною в Гос. Университете предметы? Общих предметов, мне кажется, довольно много, – около 90 %. Узнай, пожалуйста, если можешь»¹. Но попытка, очевидно, не увенчалась успехом: в архиве Литинститута сведений о Щеголеве не обнаружено. Потом он попытался поступить в аспирантуру, о чем свидетельствует имеющаяся в частном архиве З. и М. Пуляевских характеристика из филармонии с положительными отзывами, однако и о фактическом поступлении Щеголева в аспирантуру информации не имеется. А он мог стать литературоведом высокой квалификации...

Единственной страстью Щеголева последних лет становится «запойный» труд. Словно убегая от самого себя, он пытается найти забвение в новой работе: «Много ездил, устал, а буквально в Новый год пришлось делать новую лекцию, так что в новогоднюю ночь поднял с женой рюмку коньяку и буквально через десять минут сел за пишущую машинку – настолько работа была срочная...»²

Писал ли Щеголев в СССР стихи, да и писал ли что-то вообще, долгое время оставалось загадкой. Реальность была такова, что после репатриации стихи как-то не писались. После девяти лет заключения М. Шмейссер признавался: «Видимо, лагерь был для меня слишком сильной психической травмой, от которой трудно было войти в состояние прежнего творческого настроения. Да к тому же и годы ушли, как-то вся литера-

¹ Н. Щеголев. – Н. Ильиной. 18.07.1950. Указ. ист.

² Н.А. Щеголев – А.В. Ревоненко. 07.01.1969 // «Будто нет расстоянья и времени нет...» Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А.В. Ревоненко. Хабаровск, 2006. С. 68.

турная работа отошла в прошлое»¹. Алексей Ачаир высказался более лаконично: «В той звериной жизни было не до стихов»².

О советском периоде жизни Щеголева Ю.В. Крузенштерн-Петерец писала довольно неллицеприятно: «Так же как с музыкой, с верой, со многим, что ему было дорого, Щеголев расстался потом и с поэзией, когда уезжал в СССР. Свое призвание он обрел было в марксистской публицистике. Но эпитафию себе он написал много раньше, – этой эпитафией был его, появившийся в 1943 году в шанхайском журнале “Сегодня”, роман “Из записок одиночки”. Публицистом в СССР Щеголев не стал. Оттуда писали, что он взялся за преподавание английского языка, а тогда – кто бы мог об этом подумать!»³

Сам же Щеголев признавался: «начиная с 1937 года я стал постепенно видеть себя скорее журналистом-публицистом, нежели поэтом, и поэтому стал все меньше уделять внимания стихам. По этой же причине я не собирал ранее опубликованных стихов и своего личного сборника так никогда и не выпустил»⁴. Действительно, несомненные способности к литературно-критической эссеистике проявились у Щеголева еще в юности. Возможно, переход от лирического творчества к критической работе был закономерным этапом творческой эволюции художника.

Николай Щеголев ушел из жизни 15 марта 1975 года: умер от инфаркта⁵. Кончина скромного свердловского преподавателя осталась событием семейного масштаба да грустью редких друзей⁶. И только в нью-йоркском издании появился пронзительный некролог Валерия Перелешина «Поэт Николай Щеголев»⁷.

И все-таки бывший харбинский поэт-задира Николай Щеголев понемногу продолжал писать – до конца жизни. Слу-

¹ М.П. Шмейссер – А.В. Ревоненко. Указ. изд. С. 78–79.

² Андерсен Л. Самовар на Садовой // Андерсен Л. Одна на мосту. Стихотворения. Воспоминания. Письма. М., 2006. С. 256.

³ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания. Указ. изд. С. 68.

⁴ Н.А. Щеголев. А.В. Ревоненко. 26.10.1967 // Указ. изд. С. 67.

⁵ Н. Щеголев похоронен на Восточном кладбище г. Екатеринбург. Вместе с ним похоронена его жена Галина Ивановна, рядом – мать Анна Ивановна, сестра Валентина Александровна (Ким), брат Владимир Александрович.

⁶ Хаиндрова Л. Письмо А. Ревоненко. 2.04.1975. // «Будто нет расстоянья и времени нет...» С. 41.

⁷ Перелешин В. Поэт Николай Щеголев. Указ. изд.

чайно найденные фрагменты его архива¹ свидетельствуют не только о серьезной научно-критической работе (в частности, лекция о Беранже, рецензия на книгу С. Щипачева под названием «Проза поэта»), но и о замыслах романа из харбинской жизни под названием «Перекресток», рукопись черновика которого датирована 1962 г.

Пути истории неисповедимы. Не будь революции, гражданской войны и перерождения тихого провинциального Харбина в белоэмигрантский Харбин – не было бы поэта Николая Щеголева. Вернее, перефразируя Горького, мальчик-то был бы наверняка, а вот поэт – «ветровой, недоверчивый», «самый буйный, самый талантливый из молодой поросли» (Ю.В. Крузенштерн-Петерец) – вряд ли. И не было бы в русской литературе целого поколения харбинских «взыскующих поэтов» и писателей – Г. Гранина, Н. Петереца, Л. Андерсен, О. Тельтофт, Б. Юльского, Н. Завадской...

¹ Автор статьи выражает глубокую признательность Виктору Потриваеву (Екатеринбург) за внимательное и бережное отношение к найденному архиву Н. Щеголева, выброшенному после смерти Г.И. Щеголевой на улицу. Об этом подробно: *Забияко А.А.* Архив Н. Щеголева как источник реконструкции жизни русской эмиграции в Харбине // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия двух культур. Вып. 11. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2015. С. 221–234.

Глава 7

«НО И В СМЕРТИ БЫЛ Я ТИХ, ПОВЕРЬТЕ»: ЛИТЕРАТУРНОЕ ЮРОДСТВО В РУССКОМ ХАРБИНЕ

(Леонид Ещин)

*Боже правый! Мне тридцать два.
Десять лет переходим каликою...*

(Л. Ещин)

*Так и умер я голодной смертью
На полях и на крутом юру,
Но и в смерти был я тих, поверьте.
Помирать? Ну что же, и помру!*

(Л. Ещин)¹

Наряду с потребностью в культурном Герое², способном к преобразению Хаоса и художественному созиданию, ментальность русских эмигрантов дальневосточного фронта нуждалась и в иных духовных опорах. Мучительные вопросы, обращающие к истокам национальной трагедии и поиску оснований эмигрантского бытия, были неотделимы для носителей фронтальной ментальности от православного прошлого России – в его самых разнообразных константах³.

Религиозная насыщенность православной части эмигрантской культуры, проявленная в храмовом зодчестве русского Харбина⁴, праздничной обрядности, была неотделима и от художественной религиозности многих поэтов и писателей русского Харбина⁵. Интуитивные поиски исключительной

¹ Ещин Л. Собрание стихотворений. М., 2005. Здесь и далее стихотворения Л. Ещина цитируются по этому изданию с указанием страниц.

² Об этом: *Забияко А.А.* Ремифологизация как способ художественного бытия русского эмигранта-харбинца // *Религиоведение*. 2006. № 3. С. 161–179.

³ Об этом: *Забияко А.А.* Юродство как форма литературного поведения // *Религиоведение*. 2008. № 2. С. 166–178.

⁴ Об этом: *Левощко С.С.* Национальный стиль православного Харбина // *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта*. Указ. изд. С. 40–48.

⁵ Об этом: *Таскина Е.П.* Дорогами русского Зарубежья. М., 2007; *Мелихов Г.В.* Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003; *Левощко С.С.* Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX–первая половина XX века. Хабаровск, 2003; *Эфендиева Г.В.* Поэтическая религиозность русских поэтов-эмигрантов (по страницам харбинской лирики) // *Религиоведение*. 2006. № 4. С. 109–119.

личности, сопричастной к божественной правде, способной аккумулировать в себе всю степень страданий русских изгнанников, обратили харбинскую культуру к народному пониманию духовности. Исстари национальное сознание связывает его с опытом религиозного подвижничества, явленным в иноческом служении Господу, странничестве, юродстве.

Юродство как феномен историко-культурного и духовного порядка – явление малоизученное, в первую очередь, потому, что в его основе лежит сложный религиозный опыт человека, самобытность его мировоззрения, образа жизни и взаимоотношений с окружающими. Юродивый в социуме – личность маргинальная, вызывающая амбивалентную реакцию: страха и насмешки, непонимания и ожидания откровений: «Юродивый видит и слышит то, о чем не знают другие... Его мир двуплановый: для невежд – смешной, для понимающих – особо значительный»¹. «Мудрое безумие» юродствующего во Христе проявлено вовне произвольно, непреднамеренно, бескорыстно, отсюда – и доверие народа к пророчествам и «чудесам» блаженных.

В широком смысле и в своей архаической основе поэтический дар – сродни юродству. Онтологическое одиночество, «неотмирность» и пророческие способности, стремление к «высшей правде» и «высокое косноязычие» резко отделяют поэта от толпы. Однако совмещение в художественном сознании одаренности и психоэмоциональных характеристик «блажененького», определяющее *литературное поведение* поэта или писателя, – явление уникальное. Оно должно питаться особой религиозностью творческой личности, определенным культурным запросом общества и требует отдельного разговора в каждом конкретном случае. К примеру, «юродствующее искусство» рубежа XIX–XX вв. родилось в духовной атмосфере поиска «миров иных», «несказанного», а вылилось в творчество В. Хлебникова, А. Крученых, В. Маяковского и т. д. Это было искусство *зрелищное, эпатазирующее, массовое*, в котором глубинный духовный опыт уступил место поиску новых форм выражения.

Для того чтобы эта этнокультурная интенция воплотилась в полной мере, социокультурный и художественный «за-

¹ Лихачев Д.С. Избранные работы в 3 т. Т. 2. Великое наследие; Смех в древней Руси. Л., 1987. С. 344–345.

каз» должен был совпасть с психоэмоциональным складом отдельных личностей – носителей особого типа сознания.

14 июля 1930 г. русский Харбин прощался с поэтом Леонидом Ещиным. Бывший белопоходник, героически прошедший все этапы трагического отхода Белой гвардии на восток, мужественно переживший Ледяной поход, закончил жизнь в болезни и страшной нищете. «За несколько дней до смерти Ещин оказался в лачуге какого-то корейца, откуда поэта отправили умирать в больницу», – писал в некрологе о своем друге Арсений Несмелов. Поэт погиб в самом расцвете – ему едва исполнилось 33 года.

Безвременная кончина талантливого художника слова и многообещающего филолога, печальные обстоятельства его эмигрантских бедствий обеспечили трагический ответ образу Ещина в культурном сознании русских харбинцев. В воспоминаниях современников (А. Несмелова, Ю. Крузенштерн-Петерец, Л. Хаиндровой, Н. Петереца, С. Курбатова) Леонид Ещин предстает в мученическом ореоле самого неприкаянного и несчастного харбинского художника: «*Раздетый, разутый, голодный* ходил по улицам Харбина в поисках случайного заработка: стихков для актера, стихков для газеты; за ничтожную плату у него покупали стихи и забывали о нем, не интересуясь, как живет, чем живет этот талантливый поэт, с душой нежной и глубокой»¹; «*Огромный, почти никогда не бритый, неряшливый*, Ещин подкупал своим детским беззлобием, и его любили, как беспризорного ребенка, как большого доброго пса»² (курсив мой. – А.З.).

Но не только особый внешний облик, сам характер «кротчайшего Леньки» (А. Несмелов) и печальные обстоятельства его жизни способствовали тому, что в относительно благополучном (по сравнению с другими эмигрантскими центрами) Харбине Леонид Ещин приобрел статус личности особой. В первую очередь, причиной тому было личное самоощущение и мировосприятие поэта. *Одинокий, бездомный, печальный, тоскливый, уничтоженный, униженный, втоптаный в грязь* – такими эпитетами аттестует себя и свои экзистенциальные настроения в лирике герой Ещина харбинских лет:

¹ Несмелов А. Памяти Ещина // Понедельник. 1930. № 1, сентябрь. С. 93–94.

² Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник // Возрождение. 1968. № 204. С. 45–70.

Какими словами скажу,
Какой строкою поведаю,
Что от стужи опять дрожу
И опять семь дней не обедаю¹.

(«Беженец». С. 30)

Конечно, среди своих соплеменников-эмигрантов Ещин отличался особой неприкаянностью и бесприютностью. Но перед нами – намеренное создание образа мученика и праведника, при котором страдания реального человека становятся литературной гиперболой.

Словно добровольный страстотерпец, лирический герой поэта покорно принимает свою горькую стезю:

Угрюмый день молчал, смотря на небо,
Где дымилась в пене облака,
И одно в уме: достать бы хлеба,
Ведь дорога в дебрях далека.

Пить хотел. Ключи не зажурчали.
Есть хотел. Но лес был дик и глух.
Как, сорвавшись с пристани, с причала
Челн летел – так мой струился слух.

(«Угрюмый день молчал, смотря на небо...».
С. 50-51)

Обращаясь к Богоматери, он вопиет:

Матьер Божья! Мне тридцать два...
Двадцать лет переходим каликою
Я живу лишь едва-едва,
Не живу, а жизнь свою мыкаю

(С. 30)

Вспомним: в русском этническом сознании в последние века звание *калик* «закрепилось только за нищими, убогими, преимущественно бродячими слепыми, добывающими средства к существованию пением духовных стихов»². *Духовное странничество* как особый феномен русской культуры рубежа веков³ в условиях эмиграции исполняется новым – визионерским – смыслом. Как видно, в первую очередь в образе *калики переходжего* оказалась эксплицирована странническая судьба

¹ Впервые: Рубеж. 1930. № 1.

² Максимов С.В. Избранные произведения в 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 470–471.

³ Коненкова А.К. Духовное странничество как феномен русской культуры конца XIX–начала XX вв. и его отражение в творчестве Б.М. Кустодиева и С.Т. Коненкова // Религиоведение. 2007. № 2. С. 155–169.

Ещина. Однако она неотделима и от осознания им своей поэтической миссии в изгнании.

Средневековый калика пел «все о нищете и убожестве богом любимых и ему угодных, все о нужде и страданиях, которые каждый на себе испытал, и тоску, согласную с напевом и складом, носит в душе своей, да не умеет выразить»¹. Лирически погружаясь в истоки формирования национальных этнокультурных архетипов, харбинский поэт-беженец не просто «выплакивал» свою горькую участь, но и брался, как подобает «калике», «за мир пострадать». «Облачившийся» в рублища духовного странника, он перекладывал на свои плечи беду многих таких же, как он, невольных изгоев-странников. Об этом – не одно стихотворение поэта:

Если все это так, – Боже, за что же мне
Вновь одному, одному, словно перст,
Вновь в *путь обратный* шагать –
уничтоженным,
Снова и снова таща этот крест...

(«Маята». Фрагмент поэмы. С. 27)

Я одиночество свое
Никак, наверно, не забуду,
И если в Царствие Твое
Войду – и там печальным буду!²

(«Таежный поход». С. 22)

Арсений Несмелов вспоминал: «Леонид был религиозен, он умел молиться, умел чувствовать Бога. Он был нежен и кроток»³. Знавший его в харбинскую пору Н. Петерец говорил «о постоянной религиозной экзальтации поэта. Сколько раз он заставлял своего друга павшим ниц перед образом Спасителя»⁴. Многие его стихотворения харбинских лет, несмотря на развитие порою весьма обыденных тем («Фокстрот», «Маята. Фрагмент поэмы» и т. д.), заканчиваются проникновенными молитвенными обращениями. Действительно, лирический герой Ещина слышит молитвенные напевы в каждом проявлении жизни: «...и опять вековечный аминь / затянули на крышах коньки», «Господи Боже, заря эта ранняя – / Вся воплощенье

¹ Максимов С.В. Избранные произведения в 2 т. Указ. изд.

² Впервые: Родная нива. 1925. № 2.

³ Несмелов А. Памяти Ещина. Указ. изд.

⁴ Глэд А. Ещин и Гумилев // Заря. 1932 г. № 298. 27 октября. С. 3.

мечты». Это особым образом выделяет лирику Ещина среди «светской» поэзии русского Харбина.

Но постоянные обращения к Спасителю, соотнесение своей судьбы и участи Христа пронизывают уже первый сборник стихотворений Л. Ещина «Стихи таежного похода», начиная с первых стихов:

Глазам в бреду бессонной муки
Упорно виделись в лесу
Между ветвями чьи-то руки,
В крови прибитые к кресту.

Глубинная религиозность, как видно, была присуща Леониду Ещину с юности. С течением времени горькое осознание ужаса и необратимости всего содеянного им и его однополчанами в годы Гражданской приводит поэта к усилению религиозного чувства, что, в свою очередь, отражается и на лирической рефлексии:

Все сильнее и упорней напев,
Словно плещется в море ладя.
*...Лишь закончив кровавый посев,
Запевают такие, как я,
Да и песня моя – не моя.*

(«И опять в беспредельную синь...». С. 52-53;
курсив мой. – А.З.)

«Особые отношения» с Богом героя Ещина наиболее проявлены в стихотворении «Маята» (Эскиз поэмы), где поэт целиком перелагает собственную судьбу на судьбу библейского Иова:

Утром тягостно владеть бессонным взором,
Солнышко следить – не хватит сил.
Господи! Ведь я же не был вором,
И родителей я чту, как прежде чтил.
Знаю Иова... Учил о нем и в школе,
Памятую, маюсь и дрожу
В этой дикой и пустынной воле,
Уходящей в росную межу.
Но в пустыне праведник библейский,
Вместе с псами в рубище влачась,
Познал ранее, в долине Иудейской,
Сочность жизненную – всю ее, и власть, –

Первые двенадцать строк стихотворения основаны на отрицательном параллелизме – апофатических утверждениях,

являющихся характерным приемом духовного текста о *свя-
тых, праведниках*. Лирический герой «окунается» в библейский
сюжет об Иове – невинном страдальце, бескорыстной верой и
благочестием заслужившем божественное благословение. Как
и герой ветхозаветного мифа, герой Ецина осознает себя в *пу-
стыне, в дикой и пустынной воле, влачащимся вместе с псами в
рубщице*, и поэтому он вправе назвать себя *праведником*. Он – «не
был вором», чтит родителей, «как прежде чтил», бежит соблаз-
нов, не «познал сочность жизненную...».

Вторая часть целиком посвящена жалобе-молитве. Начи-
наясь с прямого обращения, она выделена семантически и гра-
фически:

А я вот, Господи...
Я сызмала без крова,
Я с малолетства струпьями покрыт,
И понаслышке лишь, с чужого только слова
Узнал о тех, кто ежедневно сыт.
Брести в слезах, без сил, асфальтом тротуара,
Молясь, и проклиная, и крича,
И вспоминая боль последнего удара
Карающего (*а за что?*) меча, –
За эту муку – верую, Спаситель,
За каждый шаг бездомного меня –
Ведь верно?.. будет мне?.. потом?.. тогда?.. – обитель,
Где радость шествует, литаврами звеня¹.

(«Маята». Эскиз поэмы. С. 28; курсив мой. – А.3.)

Стилистически жалобы Спасителю довольно последова-
тельно выдержаны в библейском тоне: здесь и возвышенная
лексика, и традиционные идиоматические антитезы, и града-
ционное нагнетание образов, рисующих бедственное положе-
ние героя, – если бы не вкрапление «асфальта тротуара» и сни-
жающего весь пафос второй части сумбурной череды вопро-
сов, особенно явных в предпоследней строке.

От прямых параллелей с библейским сюжетом поэт пере-
ходит к неявным аллюзиям на древнерусскую литературу.
В «молении» его героя одновременно проступают черты и про-
топопа Аввакума, и Даниила Заточника. Стоическое желание,
несмотря ни на что, «брести в слезах, без сил», «молясь, и про-
клиная, и крича», парадоксально сопряжено с полукомиче-

¹ Впервые: Рубеж, 1929. № 11.

ским самоумалением («я сызмала без крова, / я с малолетства струпьями покрыт») и настойчивым, почти навязчивым вопрошанием: «А за что?», «Ведь верно?.. будет мне?.. потом?.. тогда?.. – обитель...».

Лирический герой обнаруживает не только знание ветхозаветного сюжета, не только способность перенести его в сферу древнерусской литературы, но и свою недюжинную подготовленность в области теологических дискуссий. Ведь сюжет об Иове стал в христианской доктрине поводом для сомнений в справедливости падающих на человека несчастий¹. Кажется, что, как и герой «Книги Иова», лирический герой Ещина смиряется в финальной строке стихотворения, признавая абсолютную истину божественного промысла и надеясь на его поддержку. Однако нарочитое нагнетание временных наречий («потом? тогда?») оставляет читателю повод для сомнений в истинности его кротости. В подобном сплаве драматизма, иронии и книжности высказываний лирического субъекта обнажается *сознательное олитературивание* поэтом своей судьбы.

Литературное *убожение* (которое можно соотнести с известным древнерусской культуре *келотическим* типом святости)² интенционально направлено на читателя-эмигранта, на пробуждение его *человеколюбия*, на возрождение заповеди любви к ближнему. Ведь издавна на Руси «целительная сила милостыни полагалась не столько в том, чтобы утереть слезу страждущему, уделяя ему часть своего имущества, сколько в том, чтобы, смотря на его слезы и страдания, самому пострадать с ним, пережить то чувство, которое называется человеколюбием»³.

Но этот лирический герой-странник сродни не просто *калике*, в своей убогости, нищете и бесприютности он – именно *юродивый*, носитель так называемой *потайной святости*. Не случайно он восклицает:

– Неужели не знаешь Ты, Господи Боже,
Что обидеть меня – это грех!⁴

(«Фокстрот». С. 25)

¹ *Иов* // Христианство. Энциклопедический словарь в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 635.

² *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 45.

³ *Забияко А.П.* Святое и падшее. Святое в древнерусской культуре // Начала древнерусской культуры. М., 2002. С. 170.

⁴ Рубеж. 1929. № 8.

Образ юродивого накладывает на его носителя ответственность пророческой силы. В русском этническом сознании «суть юродства заключается в подражании Христу поруганному, терпящему насмешки и издевательства толпы, которая тешится видом нелепого в ее глазах самозванца, взявшегося учить праведности»¹. Лирический герой Ещина это осознает:

Свершилось. Мне ль менять судеб
Предвечный ход, подарок Рока?
Ведь для меня единый хлеб –
*Призвание скорбное пророка*².

(«Сумасшедшая поэма». С. 34; курсив мой. – А.3.)

Его отношение к суетной погоне за славой удивляет своей кротостью. Воистину – «потаенная святость не только скромна в облике, она утишена в слове. Ей не нужна земная слава, она ищет упокоения в безвестности»³:

Спасение от смерти – лишь случайность
Для тех, кто населяет землю.
Словам «геройство» и «необычайность»
Я с удивлением и тихой грустью внемлю.

Слова теряют в жизни основанье
Для тех, кто заглянул в миры, где только мысли...
А будущее местоприбыванье –
Не меряю,
Не число...

(«Мимо. Арсению Несмелову». С. 30–31)

Герой признается: «мне неловко и ними, и с Вами», но понимание им стихотворческой одаренности сродни осознанию своего высокого предназначения:

Я живу, я болею стихами,
Они выжжены в сердце моем,
Не забуду их в уличном гаме,
Не забуду ни ночью, ни днем.

Со стихами я, одинокий,
И умел забывать, и мог
И мои небритые щеки,
И разорванный мой сапог⁴.

(«Мне неловко и с ними и с Вами...». С. 42)

¹ *Забияко А.П.* Святое и падшее. Указ. изд. С. 157–189.

² Стихи из архива Е.Д. Воейковой. 6 февраля 1924 г. Харбин.

³ *Забияко А.П.* Святое и падшее. Указ. изд. С. 166.

⁴ Стихи из архива Е.Д. Воейковой. 2 февраля 1924 г.

Весьма важно, что такой олитературенный образ *убогого, юродивого поэта*, которому было еще хуже, чем остальным, в культурной жизни Харбина был интуитивно востребован. В этом смысле «жизние Леонида Ещина» стало художественным явлением. Подобное восприятие образа поэта Леонида Ещина характерно проявлено в творчестве А. Несмелова. Разумеется, харбинский мэтр был знаком со многими художниками слова, однако только Леонид Ещин стал персонажем его рассказов в единстве биографического и художественного начал. Известно, что они были дружны и знакомы еще с владивостокского периода, но, думается, не это, и даже не безвременная кончина «кротчайшего Леньки» стали причиной его «олитературивания». «Неотмирность» *лирического героя* Ещина и Ещина-литературного персонажа в писательской картине мира – явления одного порядка. «Надо очень страдать, надо, как и каждый поэт, быть отщепенцем, чтобы полюбить хорошие стихи»¹, – размышляет литературный персонаж Леонид Ещин в несмеловском рассказе «Голубое одеяло».

Как и подобает образу юродивого, одежда Ещина напоминает рубище странника («на нем “не было ни одной шерстяной нитки”, – так он сам любил говорить»²) – истинное облачение *святого человека* в русском этническом сознании; он по-своему косноязычен («тында-рында», «честно, я ваша тетя!») – вот характерные высказывания этого персонажа). В художественном сознании Несмелова добровольное «отщепенство» Ещина, его бесхитрость и бесприютность становятся благоприятной почвой для проявления *чудесного* в обыденности эмигрантской жизни. Даже названия рассказов, где главным действующим лицом является «Леня Ещин», содержат эту «чудесную» составляющую («Удачный заголовок», «Чудесный подарок»).

Действие последнего рассказа разворачивается в *Сочельник*, когда квартирный хозяин Лени Ещина, будучи «личностью мрачной, угрюмой, придирчивой»³, отказывает задолжавшему, пьющему поэту в комнате. Бедолага Ещин воспринимает все это безропотно, приготовившись уже спать «на столах» в редакции, и идет умываться. За свою кротость он, как и по-

¹ Несмелов А. Чудесный подарок. Указ. изд. С. 533.

² Там же. С. 523.

³ Там же. С. 521.

добает «праведнику», вознаграждается. В тот момент, когда он «фыркал и, радуясь приятной свежести воды, плескался над тазиком, вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Он взглянул в неопрятный угол кухни и там, у железного ведра с углем, – увидел Чехова...»¹.

«Явление» Чехова (портретного изображения, сделанного Репиным, *странным образом* утерянного самим писателем и кочующего по городам и весям) бедствующему поэту описывается сродни явлению *священной иконы*: «Антон Павлович смотрел на Леонида Евсеевича и улыбался ему с невыразимой снисходительностью и ласковостью». Адекватна и реакция обретшего «чудесный лик»: «Ещин вздрогнул, почти испугался». Как и подобает функциональному назначению *чудесного*, а для поэта – практически *священного*, этот случай изменяет (конечно, на короткое время) жизнь Ещина: «И вот в первый день *Рождества* – это было в 1929 году, – ныне покойный и всеми забытый харбинский поэт Леонид Евсеевич Ещин появился на улице в новом, теплом, хорошем пальто, в новых ботинках и отличной, теплейшей меховой шапке с наушниками».

Финал повествования выдержан в агиографическом духе, начиная с повсеместного утверждения промыслительной роли *чудесного*, «укрывания» причин его проявления от «профанов» до умиленного настроения финальных строк: «И везде, куда он только ни приходил с визитами, это вызывало удивление. <...>

– Не чудо ли? – спрашивали знакомые и друзья, искренно радовавшиеся за бедного поэта.

И Ленька отвечал:

– Чудо! Да, именно: чудо.

И умолкал. И больше от него ничего не могли добиться, как ни выпытывали. И лишь незадолго до своей смерти он рассказал кое-кому о чудесном подарке, полученном им в рождественский Сочельник»². Как видно, лексическое «нагнетание» констатации «чуда», «нанизывание» предложений при помощи союза «и» отражает агиографическую стилистику повествования.

Случайно ли именно Ещин в *святые дни* становится обладателем чудесного портрета? И да, и нет. Следуя иронической логике повествования, он, бедный и неприкаянный,

¹ Там же.

² Несмелов А. Голубое одеяло. Указ. изд. С. 522–523.

поднявшись над суетной рутинной бытия и примирившись с земными неудачами, *возблагодарен*. Кем? Чем? Проявление ли это божественного провидения или это – всемогущая сила литературности русского сознания? Несмелов доводит до статуса религиозной одержимости поэтическую одаренность «своего» Ещина: «Его сердце никогда не согревала ни вера в Бога, ни любовь к женщине, только хорошие стихи поднимали работу его сердца»¹. Но, думается, что собственно несмеловская философия жизни и его религиозность, спроецированные на художественный образ «Лени Ещина», совсем не отменяют особого отношения героя к вере, присущего юродству.

Рассказ «Голубое одеяло», на первый взгляд, назван весьма прозаично, однако именно *голубое одеяло* становится проявлением *чудесного* в безбытной жизни харбинского «калики». Субъект повествования так описывает жильё Ещина той поры: «Жалок был этот приют ресторанных кельнерш и каких-то одиноких, подозрительных профессий мужчин, и жалка была в нем каморка Лени»². Но случай вновь *чудесным образом* преобразует каморку: «Однажды, посетив Ещина, я увидел, что жесткая железная койка, на которой он спал, застлана *чудесным*, хоть в самую богатую спальню, голубого шелка стеганым одеялом. В неприглядном номеришке с жирной паутиной по углам, с колченогим столом и ободраным стулом – голубой шелк одеяла сиял ослепительно, хоть глаза зажмуривай» (курсив мой. – А.З.)³. Одеяло достается Ещину за то, что он бескорыстно помогает молодой еврейской женщине, решившей замерзнуть от горя, дает ей приют, отогревает, и, в конечном итоге, спасает от смерти. В один из самых тяжких дней своего эмигрантского житья, ощутив себя практически нищим, страдая от холода и голода, он помогает той, которой, по его разумению, еще хуже.

То, что реальный человек при жизни отчасти был заслонен его литературным образом, косвенно подтверждают два некролога Несмелова: один был написан сразу после кончины Ещина, а второй – год спустя, на открытие памятника поэту. В первом А. Несмелов еще полностью находился во власти своего «литературного» впечатления о поэте: «Умер поэт Леонид

¹ Несмелов А. Голубое одеяло // Несмелов А. Собр. соч. Том 2. Повести и рассказы. Мемуары. Указ. изд. С. 530.

² Там же. С. 524.

³ Там же.

Евсеевич Ещина. Полагается говорить теперь об его талантливости, одаренности. Да, Леонид был очень талантлив, но еще более, чем талантлив, он был несчастлив. Путь поэта – вообще тяжелый путь, жизненный же путь поэта в Харбине – часто невыносим. Семь лет жизни Леонида в Харбине были сплошной каторгой. И это без всяких преувеличений. Много ли сытых дней было у него за это время? <...> Говорят, что смерть всегда приходит на половине жизни, неожиданно, но все же Харбин мог бы сохранить жизнь Леонида Ещина, если бы он ценил в нем поэта. Но что за дело Харбину до поэтов?»¹ А уже год спустя он скажет совершенно обратное: «было бы несправедливо сказать, что Харбин оставался равнодушным к горемычной судьбе Ещина. Его ценили, даже, пожалуй, любили, он всегда имел работу, *когда этого хотел*. Когда Ещин заболел, *его не бросали на произвол судьбы, о нем заботились, как могли, помещали в больницу, собирали ему деньги на первые недели жизни после выздоровления*. И так бывало не один раз»² (курсив мой. – А.З.). В рассказе «Чудесный подарок» Несмелов выскажет общий взгляд на стезю поэта: «бесповоротно могут “падать” только богачи, чье благосостояние базируется не на том, что *в них самих*, а на том, *что и как* происходит вокруг. Никакая ведь девальвация не лишит куска хлеба артиста, поэта, ремесленника, инженера, врача и пр. Каждый труженик, конечно, будет в зависимости от окружающих условий жить хуже или лучше, но все-таки *будет жить*»³ (курсив А. Несмелова). Хотя эти слова напрямую не относятся к образу Ещина в рассказе, в целом они задают некую аксиологическую парадигму в отношении жизненного пути Ещина-персонажа. Даже прочитав финальную фразу о том, что «незадолго до своей смерти» Леня рассказал-таки «кое-кому» об истории своего чудесного «обогащения», мы понимаем, что умер он не от голода.

Итак, образ *калики перехожего, юродивого* не только становится формой *литературного поведения* поэта Леонида Ещина, но и *художественным явлением харбинской культуры*. «Впрочем, что ж: *я родился поэтом / Вы же просто мадам Барри*», – гордо восклицает герой Ещина («Мне неловко и с ними, и с Вами...»),

¹ Несмелов А. Памяти Ещина // Понедельник. 1930 г. № 1, сентябрь. С. 93–94.

² Несмелов А. Памяти Л.Е. Ещина // Рупор. 1931. № 153.

³ Несмелов А. Голубое одеяло. Указ. изд. С. 519.

но при этом он же называет себя «словоблудом» («Сумасшедшая поэма»). И в этом нет противоречия, лишь только актуализация *литературной осознанности* своего отношения к жизни. Как нет противоречия в том, что *юродивый поэт* оказывается открытым для инокультуры в ее самых обыденных проявлениях:

И занывши от старых ран,
Я молю тебя пред иконами:
«Даруй фанзу, курму и чифан
В той стране, что хранима драконами».

(«Беженец». С. 30)

Заметно, что изменились только география странника-беженца и название реалий: вместо родной крыши над головой – *фанза*, его убогую одежонку заменит *курма* (простая полотняная одежда китайца), пиджинизированное обозначение еды в ее общем понимании – *чифан* – можно понимать как угодно, ясно, что герою главное – не умереть с голоду.

Имея свои представления об аде и рае, этот герой не страшится особенностей чуждых ритуалов. Оказавшись в буддийском монастыре, он готов к тому, что может быть «переправлен» в мир иной не соответствующим образом. Героя пугает совсем другое:

Эй, не меня ли тут хоронят,
Не я ль иду на вышний суд,
Меня ль то на мишурной броне,
На жертвенном огне сожгут?

Зачем задумчивые ламы
Кадят куреньями вослед?
*Постойте! Я не видел мамы
Так долго – целых восемь лет*¹.

(«Сумасшедшая поэма». С. 37;
курсив мой. – А.З.)

Пронзительные финальные строки третьего стихотворения «Сумасшедшей поэмы» обнажают суетность для этого персонажа этнорелигиозных различий. В них подчеркивается вневременная и вненациональная значимость базовых архетипических универсалий – *мама, дом, жизнь, смерть*.

Даже сюжет уголовной хроники, связанный с гибелью японки и описанный в харбинской газете², становится для

¹ Из архива Е.Д. Воейковой. 6 февраля 1924 г.

² Впервые: Рубеж. 1928. № 5.

Ещина поводом к «инобытийным» раздумьям, примиряющим одну и другую культуры. Несмотря на разницу этнокультурных представлений о посмертном существовании, укорененных в русской и японской традиции («русские не знают слова умереть»), лирический герой Ещина надеется встретиться с «японской девушкой, убитой любовью», за гранью жизни:

Но я поспорю, что в день будущий,
Который жизнь пробьет, дробя,
Сквозь мглу тебя увижу идущей,
Ямаджи-сан, тебя, тебя...

И ты, быть может, мне, тоскливому,
Не знавшему, куда идти,
Укажешь грань к неторопливому,
Но неизменному пути¹?

(«Ямаджи». С. 24)

В целом поэтическая личность Ещина удивляет сочетанием несочетаемого: глубоким, почти экстатическим проникновением в истоки древнерусской духовности и органическим приятием инокультуры; дружбой с представителями двух генераций харбинских поэтов – с А. Несмеловым и Н. Петерцем, людьми совершенно разного жизненного опыта, по возрасту разделенными почти двумя десятками лет, каждый из которых по-своему определял эстетическое кредо своего поколения... Добавим к этим наблюдениям воспоминания современников поэта: «Все в нем поражало какой-то особой раздвоенностью. Чрезвычайная жизненная расхлябанность и напряженная религиозность. Вечный наркоз и наряду с этим постоянные молитвы. Ледяной поход, служба в Белой армии и работа с комсомольцами, работа на красных в красной газете»². В чем искать причины подобной «раздвоенности» творческой природы?

По сведениям Е. Витковского, отец поэта, Евсей Маркович Ещин, был родом из Речицы Минской губернии. Он имел хорошее образование, работал адвокатом в Нижнем Новгороде, был знаком с Максимом Горьким. Там же в 1897 г. родился будущий поэт. О юности Леонида известно мало – кроме того, что учился в Московском университете – как предполагает Е. Витковский, на юридическом факультете, наследуя семейную тра-

¹ Впервые: Рубеж. 1929. № 5.

² Глэд А. Ещин и Гумилев // Заря. № 298. 27 октября 1932 г. С. 3.

дицию. В антологии же В. Крейда и О. Бакич пишется об историко-филологическом факультете того же учебного заведения. Так это или иначе, но серьезная гуманитарная подготовленность очень сильно сказывается в лирике поэта. Добавим: вполне вероятно, что прогрессивная семья Ещина была знакома и с религиозным философом С.Л. Франком, в 90-е годы XIX столетия отбывавшим в Нижнем ссылке. Эти предположения имеют конкретную основу: знакомство с трудами Франка практически дословно отразится в третьей части «Стихов таежного похода» Леонида Ещина в стихотворении «De profundis»¹.

Ещин был из семьи выкрестов, и именно это, вероятно, определяет *культурную маргинальность* его личности, пограничность поэтического сознания, психологическую склонность к *экзальтации*. В истории культуры *выкресты* (обращенные в христианство иноверцы, преимущественно – иудеи) – явление сложное в социальном, но в первую очередь – в культурно-психологическом плане. В Российской империи начала века выкрестами становились в результате дискриминационных процессов в отношении евреев². Самым прямым образом переход в новую веру отражается на *религиозной идентичности* человека³. Как считают исследователи, насильственное отпадение от родной веры (которое еще болезненнее происходит в сознании потомков выкрестов в первом поколении) чревато глубинными духовными трансформациями, обусловленными *навязанной религиозной идентичностью*⁴.

Типологию формирования художественного сознания харбинского поэта можно соотнести с судьбой других его более знаменитых современников, носителей аналогичного религиозного опыта – О. Мандельштама, Б. Пастернака, И. Бабеля... В творчестве каждого из этих художников слова, впитавших две мощные лингво- и этнорелигиозные системы, *культурная мар-*

¹ Об этом подробно: Забияко А.А. «Калика переходжий» харбинской лирики // «Четверть века беженской судьбы...» (художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск, 2008. С. 270–301.

² *Свяц, Александр Шрамко. Судьба выкрестов* // berkovich-zametki.com/Nomer23/Shramko1.htm

³ *Забияко А.П. Религиозная идентичность* // Религиоведение. Энциклопедия. М., 2006. С. 863–864.

⁴ *Забияко А.П. Религиозная идентичность*. Указ. изд.

гинальность отразилась особым образом¹. Нет смысла спорить с тезисом о том, что «культура творится на границах». Анализируя данную особенность как основу поэтических миров Мандельштама и Пастернака, М. Эпштейн пишет: «Еврейское и русское, кровное и сознательное, почва и судьба – сложно взаимодействуют, определяя новый, неслыханный склад поэтической речи»².

Мы не знаем, каким образом процесс этнокультурной самоидентификации проистекал в семье Ещина, каково было отношение к русской и еврейской культуре у его родителей, как воспитывали мальчика с детства. Но можем предположить, что *особые отношения* с русской культурой сопровождали личность поэта-маргинала на протяжении всего его творчества. Возможно, и истовая религиозность Ещина стала следствием его отчаянной тяги к христианству при сохранении глубинной верности *иудаизму*. При этом речь, вероятно, должна идти о той части его вероучительной доктрины, которая именуется *хасидизмом* (в его историческом понимании). «Хасидская традиция в какой-то степени близка тому, что в России понималось под юродивостью: это обратный иудаизм, обратное христианство. Не священнослужитель, вещающий с амвона, а юродивый, заляпанный брызгами из лужи, живущий в обнимку со всем мирозданием, не огораживающий себя от мира и от мирского»³. Вспомним – хасидизм получил наибольшее развитие как раз в тех местах, где родился отец Ещина: «Ближе к югу, среди бедного еврейского населения, прежде всего на Украине, – не оставалось другого пути к Богу, кроме легкосердечности, беззаботности, радости нищего сердца»⁴. Внеисторичность ещинской лирики, религиозная обытовленность его Вселенной, условный характер христианства (в его картине мира тесно переплетены католичество и православие, даже старообрядчество) лишний раз доказывают сложную религиозную подоплеку художественного сознания поэта.

¹ Об этом: *Эпштейн М.Н.* Хасид и талмудист. Сравнительный опыт о Пастернаке и Мандельштаме // Звезда. 2000. № 4; *Шкловский В.* Бабель. Критический романс // ЛЕФ. 1924. № 2; *Лежнев А. И.* Бабель // Лежнев А. О литературе. М., 1987; *Кременецкий И.* Евреи при большевистском строе. Миннеаполис, 1999.

² *Эпштейн М.Н.* Хасид и талмудист. Указ. изд.

³ Там же.

⁴ Там же.

В поликультурной и полирелигиозной среде русского Харбина духовный кризис бывшего бойца Леонида Ещина теснейшим образом переплетается с тягой к познанию собственной этничности и одновременным стремлением утвердить свою русскость. Не будем сбрасывать со счетов и то, что Ещин был кокаинистом, еще со времен Ледяного похода. Частое пребывание психики в измененном состоянии всемерно усугубляло религиозный экстазизм художественной натуры, усиливало «неотмирность» поведения. Его «юродство» как мироощущение и литературное поведение приводит в эмигрантской среде к тому, что поэтическая фигура Л. Ещина приобретает мученический ореол, а сам поэт, еврей по национальности, становится воплощением «русскости»:

«Русский, он не избежал судеб русского народа и прошел их мрачным рядом вместе со всеми теми, кто были его спутниками и его противниками, и скрылся, подобно многим, имена же их Ты, Господи, веши – в сумерках прошлого...»¹, – напишут о Леониде Ещине его братья-эмигранты.

¹ Курбатов С. Сегодня – пять лет со дня смерти поэта // Заря. 1935. № 157. 14 июня. С. 5.

Глава 8

«ЕСТЬ ДЕВУШКИ, УДЕЛ КОТОРЫХ СТРАШЕН»: РЕЛИГИОЗНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РАДИКАЛИЗМ В ХАРБИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ (Марианна Колосова)

Художественная среда дальневосточной столицы рассеяния породила мифологию кротчайшего, тишайшего, неприкаянного «Лени Ещина». В этой же атмосфере проявился художественный феномен с противоположными, на первый взгляд, поведенческими и социокультурными характеристиками – Марианна Колосова¹. Ее творчество станет литературным выражением другой крайности религиозной настроенности русских харбинцев.

«Молодость моя была не девичья», – признается Колосова в одном из стихотворений. «В душе от жизни грубой / Угрюмая печать», – горько констатирует в другом². До сих пор не выяснено, где точно родилась поэтесса (бесспорно лишь то, что на Алтае), каково ее происхождение, кем были ее родители. Известно только, что отец был священником, которого зверски убили большевики, о матери же сведений вовсе нет, кроме того, что она умерла очень рано. Мечты о «загробных встречах» с мамой будут всплывать в лирике поэтессы не одиножды, а от лица умершего отца она будет сама посылать себе обращения («Отец»).

Колосова была истово религиозна. По собственным признаниям, училась в томском епархиальном училище. С малых лет особой промыслительной ролью обладало для нее слово пастыря. Ее духовными учителями и наставниками были настоя-

¹ О художественной картине мира поэтессы: *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* «Рождена ведь я все-таки женщиной...»: Марианна Колосова // «Четверть века беженской судьбы...» (художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск, 2008. С. 145–174.

² *Колосова М.* Под шубой // Колосова М. На звон мечей: Стихи: Кн. 4. Харбин. Далее ссылки на это издание даются с указанием и сокращением. НЗМ. С. 225.

шие подвижники – в ранней юности Митрополит Московский Макарий, а впоследствии и Архиепископ Харбинский Мефодий¹. «Возлагай тяжесть на душу свою добровольно», – будет повторять слова завета Мефодия Колосова. Она называла себя ученицей Владыки и признавалась, как вдохновляла ее «непереносимая душевная тяжесть», что долгие годы носил в себе тайно Мефодий. Душевная тяжесть, жертвенность, жизнь во благо России и *непреклонность* (в ее личном понимании) – вот те духовные скрепы, что питают творчество Колосовой.

Марианна Колосова последовательно выстраивала собственную поэтическую биографию – образец для подражания другим «русским девушкам», сознательно выбирая удел странницы, духовной подвижницы, чьи мытарства позволяют понять промысел Божий. Заражающая экзатичность натуры Колосовой красноречиво проявлена в лирике. Вот как в художественной форме описывает поэтесса свое преображение из простой девушки в особую:

Гонимая постылым роком
Из той страны, где смех затих,
Шла мимо всех дверей и окон
И не заглядывала в них.

Жила одна я, меж чужими.
Зачем? Да просто, чтобы жить.
Любимое когда-то имя
Скорей хотела позабыть.

Не разлюбила имя это,
Ни той страны, где смеха нет...
И стала женщина – поэтом,
Певцом героев и побед

(«Жизнь научила», 1930)²

О большом мечтать не буду,
Не умею, разучилась.
Я приемлю хлеб, как чудо,
Крышу, как Господню милость,

– напишет она в стихотворении с симптоматичным названием – «Пытка жизнью»³.

¹ Колосова М. «Вождь» предатель // Новый путь. 1936. № 257, 25 июля.

² Рубеж. 1995. № 2. С. 223–224.

³ Колосова М. На звон мечей. С. 37.

Для своей героини Колосова сознательно выбирает удел страстотерпицы, духовной мученицы, даже – кликуши, чьи испытания позволяют понять промысел Божий. Эти литературные жесты питались, с одной стороны, особым психоэмоциональным складом поэтессы, с другой – были востребованы харбинской культурой.

Женщина-кликуша знакома всем векам и народам¹. Бесоодержимость, порча, колдовство – неперенные спутники кликушества, приписанные ему народными суевериями. Русское религиозное сознание связывало кликушество с «бесноватостью», с мерзостным воздействием злого духа. Несмотря на это, исторически такое болезненное проявление психики было неотделимо от *тайного знания*, близости к верховным божествам, способности пророчествовать². Этимологические реконструкции именованного явления связываются русским этнографом И. Прыжовым со словами *клекътати*, *клецьтание*, выражавшими действие, свойственное мифическим существам. «Клечать – значило пророчествовать, возвещать, предвещать»³.

Судя по самым разным описаниям, кликушество проявляется в истерических припадках, доводящих женщину до беспамятства, сопровождаемых неадекватными действиями, порою – неводержанной икотой, хохотом. «Иногда кликуша произносит бессмысленные звуки с различными переливами и интонацией... Крик этот напоминает всхлипывание, голоса животных, собачий лай или кукуканье, очень часто он прерывается громким иканием или рвотными звуками... В других случаях кликуша сразу начинает выкрикивать определенные слова... Содержание выкрикиваемых слов весьма различно. Чаще всего она кричит: “Ой, лихо мне, ой тяжко, страда-а-аю” и т. д.»⁴.

Нет сомнения, что уровень современного толкования данного феномена учитывает и психофизиологический, и социальный, и психоаналитический, и гендерный аспекты⁵. Несмотря на то, что в настоящее время нет специальных работ, анализирующих сходство социально-психологических фено-

¹ Прыжов И. Русские кликуши // Прыжов И. Двадцать шесть московских дур и дураков. М., 2008. С. 149.

² Прыжов И. Русские кликуши. Указ. изд. С. 152.

³ Там же. С. 154.

⁴ Бехтерева В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 2001.

⁵ Этес К.П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. Пер. с англ. М., 2009.

менов юродства, кликушества и одержимости, вероятно, что в их основе лежит общая этиология. На наш взгляд, кликушество есть частное проявление юродства – в его женских трансформациях (хотя, конечно, среди кликуш есть представители и мужского пола)¹.

Как подмечал детально исследовавший русское юродство и близкие к этому явлению феномены И. Прыжов, *русский город* сам по себе генерирует юродство и нищенство: «...для *города* [выд. авт.] главное дело, главная забота – это нищие, в них все – и спасение, и кара божия, и без них ничего. Поэтому из массы городских нищих должны были выдвинуться вперед такие личности, которые были бы представителями нравственных понятий города, которые раскрыли бы пред нами задушевный мир, – словом, должны были возникнуть *нищие, писатели и художники как выражение городского духа*, и они возникли» (курсив мой. – А.З.)². Вполне закономерно, что *русский эмигрантский Харбин* как воплощение старого *русского города* вне России и уже без России становится благодатной почвой для воспроизведения и развития данной культурной модели.

Онтологическую природу кликушества издревле определяли те условия, «под гнетом которых надламывается женская натура»³. Что это за условия? В силу народнической подошпки своей концепции И. Прыжов склонен был акцентировать злое значение социальной угнетенности женщины, естественно – русской женщины. Но уже врачебные наблюдения второй половины XIX столетия свидетельствуют о том, что «1) припадки, замеченные в больных, называемых кликушами, есть следствие истерической болезни; 2) подвергаются истерике женщины полнокровные, страстные, нервного темперамента, к чему способствует также наследственное расположение от матери, и что взгляд на больных истерических возбуждает и в других здоровых женщинах приступ истерических припадков»⁴. Медицинские исследования начала XX в. под данным явлением разумели «не что иное, как разновидность истерической одержимости», вызванной самовнушением и взаимовнушением (В.М. Бехтерев).

¹ Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни... Указ. изд.

² Прыжов И. Очерки по истории нищенства // Прыжов И. Двадцать шесть московских дур и дураков. Указ. изд. С. 230.

³ Прыжов И. Русские кликуши. Указ. изд. С. 149.

⁴ Там же. С. 170.

Конечно, Колосова – не припадочная и не икотница. Впервые, способы проявления юродства и кликушества сильно трансформировались и изменились ко времени описываемых событий русской истории¹. Во-вторых, мы говорим о *форме литературного поведения*, в котором сплелись сознательное и бессознательное начало, несомненный талант поэтессы и публициста, неудержимость психической натуры, художественная изощренность и природный авантюризм. Как весьма тонко подметил В. Перелешин, М. Колосова раз и навсегда *запретила* «своей музе петь о чем-либо, кроме любви к России и ненависти к ее поработителям» («Два полустанка»). В *вынужденности* и тяжелой обременительности для себя роли «кликуши эмиграции» Колосова признавалась не раз: «не под силу мне, надорвусь». В стихотворении «Дышать нечем», являющемся настоящим образцом исповедальной лирики, поэтесса мечтает:

Хорошо бы встретиться с человеком
На большом океанском пароходе;
И поговорить с ним не о войнах,
Не о политике, не о природе,
Не о спорте, интересующем многих,
Не о достижениях двадцатого века
Говорила бы я, встретив в дороге
Удивительно хорошего человека...

(1932. НЗМ. С. 219)²

Она сетует:

Я все тоскую о любви,
А кто-то говорит:
«Не так, как хочется, живи,
А так, как Бог велит!

И надо мной грохочет гром!
И гонит жизнь меня...
И я кричу: а где мой дом,
А где моя семья?

(«Бог велит...». С. 67)³

¹ О неизбежности исторического изменения проявления симптомов и течения нервных заболеваний: Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 877–878.

² Колосова М. На звон мечей: Стихи: Кн. 4. Харбин, 1934. Цит. по: *Литература русских эмигрантов в Китае*: В 10 т. Пекин, 2005. Т. 1.

³ Колосова М. Господи, спаси Россию!.. Стихи: Кн. 2. Харбин, 1930. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках и сокращением ГСР.

«Приливом религиозного чувства» объяснял «нравственные пытки» кликуш С.Ф. Шевырев. Ему возражали, говоря, что это «обдуманнный обман, что женщина, не находя себе веры в грубом обществе, должна завоевывать себе лучшую долю, пугая и суеверного мужа, и суеверное общество»¹. На наш взгляд, современному подходу к подобным истероидным проявлениям женской природы был наиболее близок все тот же И. Прыжов. По его мнению, кликуша становится таковою потому, что «она “здоровая” душой и сердцем, оттого, что способна глубоко чувствовать нравственные страдания. Не в силах будучи перенести нравственные оскорбления, она надламывается и, среди окружающих ее диких суеверий, становится кликушею. Жить бы ей да жить, да родить здоровых граждан русской земли, а она кличет...»².

В своей политической деятельности Колосова была сподвижницей А. Покровского – одного из основателей фашистского движения в Харбине, человека незаурядного, честного, отчасти – романтика и филантропа³. Но она же была и молитвенно-преданным членом Братства Русской Правды – религиозно-политического движения, основанного, кстати, поэтом С.А. Соколовым-Кречетовым⁴. Случай Марианны в этом деле – особенный, еще раз доказывающий индивидуально-психологическую обусловленность феномена религиозно-художественного радикализма. Как известно, деятельность С.А. Соколова-Кречетова, в свое время увлекшая многих деятелей западной эмиграции (А.В. Амфитеатрова, В.Л. Бурцева, П.Н. Врангеля, П.Н. Краснова, епископа Антония и др.), была весьма сомнительна с точки зрения реального воплощения.

¹ Некрасов И. Филологические записки. 1864, III. С. 109. Цит. по: Прыжов И. Русские кликуши. Указ. изд. С. 175. Скорее всего, в данном подходе отразилось присущее православию отношение к юродству, долгие годы не меняющееся, например: Кузнецов А. Юродство и столпничество: Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование. СПб., 1913; репринт М., 2000. С. 90.

² Прыжов И. Русские кликуши. Указ. изд. С. 173.

³ Подробно об этом: Забияко А.А. Трансформация этнокультурных архетипов: от юродства до фашизма // Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009.

⁴ Будницкий О.В. Братство Русской Правды – последний литературный проект С.А. Соколова-Кречетова // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 114–143.

Судя по архивным расследованиям, осуществленным в последнее время, не очень талантливый поэт-символист Сергей Соколов оказался весьма продуктивным продюсером политического проекта, замешенного на радикальных религиозных настроениях части эмиграции¹. Долгие годы, блефуя и мифифицируя масштабами террористической деятельности против большевиков, он добивался для своей организации серьезных финансовых вливаний. Как Соколову-Кречетову в условиях жуткого безденежья эмиграции это удавалось? Во-первых, срабатывала, как верно замечает О.В. Будницкий, общая мифологическая установка беженского сознания: «поразительное легкое верие достаточно опытных людей во многом извиняется фантастической реальностью русской революции и Гражданской войны»². Однако важна и литературная подоплека самого образа Кречетова, усиливаемая его личным обаянием: «Красавец мужчина, похожий на сокола, “жгучий” брюнет, перекручивал “жгучий” он усик; как вороново крыло – цвет волос; глаза – “черные очи”; сюртук – черный, с лоском; манжеты такие, что-о! Он пенснэ дьяволически скидывал с правильно-хищного носа: с поморщем брезгливых бровей; бас – дьяконский, бархатный: черт побери – адвокат! Его слово – бабац; прямо в цель! Окна вдребезги! <...> С эстрады – как кричат; а в кресле домашнем своем – само “добродушие” и “прямодушие”, режущее “правду-матку”; не слишком ли? Бывало, он так “переправдит”, что просто не знаешь, кидаться ли в объятия и благодарить, иль грубо оборвать...»³.

Надо заметить, что практически все публикации в издании Братства «Русской правде» писал сам Соколов. И лишь изредка в нем встречаются произведения других авторов. Среди этих немногочисленных последователей «Атамана Кречета», в частности, никогда не видевшая «Брата № 1» Марианна Колосова:

Граната и пуля — закон террориста.
Наш суд беспощаден и скор.
Есть только два слова: — «убей коммуниста»
За Русскую боль и позор⁴.

¹ Будницкий О.В. Братство Русской Правды – последний литературный проект. С.А. Соколова-Кречетова. Указ. изд.

² Там же.

³ Белый А. Начало века. М., 1990. С. 256.

⁴ Колосова М. Два слова // Русская правда. 1928. Март-апрель. С. 7.

В письме члену Братства Русской Правды Г.П. Ларину М. Колосова признавалась: «Я дала клятву быть верной моей Родине – Православной Великодержавной Единой Неделимой России. И этой клятве я не изменяла ни на минуту»¹. Эти слова – ключевые для понимания мировоззрения и творческой позиции поэтессы: «Родина» и «Православие» для нее – неразделимые концепты. Начиная с названий сборников, ее лирика определяется самой поэтессой как «динамитная»², но этот «динамит» – во славу Божию: «Армия песен» (1928), «Господи, спаси Россию!» (1930), «Не покорюсь!» (1932), «На звон мечей...» (1935), «Медный гул» (1937).

Религиозная идея неотделима здесь от политических и националистических настроений. «Слово черное да злое» (М. Колосова) направлено как на врагов, так и на жертвующих собою ради «Святой Руси» «святых мучеников» – тех, кто по расчетам Соколова и Колосовой, способен защищать свои идеи с оружием в руках. Завладевающая сознанием читателя религиозная страстность и убедительность поэтических инвектив во многом объяснялась индивидуальным психологическим складом «Атамана Кречета» (литературная маска С. Соловьева) и «Е. Инсаровой» (один из псевдонимов Колосовой). Как известно, М. Колосова была склонна к экзальтированным поступкам, а С. Соловьев скончался от опухоли мозга. Однако в энергетическое поле их радикальных настроений были втянуты искренне верящие им люди. Даже после кончины Соловьева некоторые его поклонники сохраняли стойкое убеждение в возможности продолжения его дела. Не случайно против «Братства Русской Правды» ГПУ разрабатывались серьезные операции, борьба велась по всем правилам военных действий.

Сложное сопряжение религиозного чувства и лирической эмоции, желание во что бы то ни стало утвердиться в своей *православной русскости* рождали в творчестве и литературном поведении М. Колосовой особые формы: в жанровом отношении – молитвы, плачи (причеты), гимны, «садные» стихотворные инвективы; в области художественных жестов – упо-

¹ Письмо М. Колосовой Г.П. Ларину. Цит. по: *Вспомнить нельзя забыть*. Стихи Марианны Колосовой / сост. В. А. Суманосов. Барнаул, 2011. С. 26.

² Название стихотворения «Динамитная лирика» («ГСП»).

добление кликуше, «неистойвой Марианне»¹. Вот как Валерий Перелешин вспоминает о своей встрече с поэтессой. На одном из чураевских вторников летом 1933 г. Колосова подскочила к В. Перелешину со словами: «Я вас ненавижу! Вы – мой враг, потому что вы – враг России!»². Правда, несколько дней спустя Валерий Перелешин побывал у поэтессы в гостях и расстались они уже вполне мирно, даже по-дружески. Причиной довольно курьезного знакомства двух талантливых поэтов послужило только что напечатанное произведение Перелешина «Вечный Рим».

Лирические строки Колосовой заражают своей фанатичной энергией:

Тускнеют, блекнут все химеры
Перед сиянием креста!
Я не сменю отцовской веры,
Она, как жизнь и смерть, проста!

(«Отступнику». ГСР. С. 18)

Такими стихами поэтесса увещевала молодое поколение эмигрантов пойти на смерть за «святую Русь»:

К чему увертки и хитрость?
Сжечь надо врага дотла!
Душонку из тела вытрясти,
Коль подлой она была!

(«Прямая линия». Апрель 1932. НЗМ.
С. 186–187)

Во многом поэтический и идеологический эффект лирики Колосовой был обусловлен тем, что она обращалась к традиционным фольклорным жанрам, не только обнажающим сокровенные женские переживания, но и обладающим определенным *внушающим эффектом*. Прием звуковой метафориза-

¹ Об этом подробно: *Забяко А.А.* Жанровые истоки «динамитной лирики» М. Колосовой (на материале сборника «Господи, спаси Россию!») // Русский Харбин, запечатленный в слове. Благовещенск, 2006. Вып. 1. С. 22–50; *Ее же.* Художественные трансформации этнокультурных архетипов: от юродства до фашизма // *Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии.* Благовещенск. С. 195–234; *Ее же.* Юродство как форма литературного поведения // *Религиоведение.* 2008. Вып. 2. С. 166–178; *Ее же.* Литературное кликушество: драма женской души и форма этнорелигиозной идентификации // *Религиоведение.* 2010. Вып. 1. С. 157–167.

² *Перелешин В.* Два полустанка (фрагменты) // *Литературная учеба.* 1989. № 6. С. 110–119.

ции поэтесса целиком использует для придания максимальной суггестивности своим текстам-заклинаниям. Часто подобный эффект возникает благодаря нагнетанию какого-либо одного звука, иногда – путем присущего народной поэзии тавтологического повтора:

Пошли нам, Господи, грешным, снова
Пробуждающий души грохот гроз!
Скажи нам, Господи, такое слово,
Чтобы мы задохнулись от слез

(«Грохот гроз». ГСР. С. 9)

Стихи Марианны разных лет насквозь пронизаны христианскими образами (храм, икона, крест, божий суд и др.), обращениями к Богу: «Господи, Боже мой, / Вечный, Праведный, Строгий» и т. д. Именно с судьбой православия связывает поэтесса мрачные прогнозы о будущем России: «Пройдут года. В застенке будет храм. / На смену пороху – кадилный фимиам».

Ее не пугает сама по себе еретическая возможность создания нового иконостаса «русских святых», в который входят не только Николай Второй, адмирал Колчак («Все о том же...» «Не в этом ли году?»), генерал Кутепов («Кутепов»), но и барон Унгерн, и Борис Савинков («Бунтари»).

Любимые Колосовой жанры непосредственно связаны с общей смертельной семантикой ее лирики. Впечатляет устойчивый интерес поэтессы не только к лирическому описанию «загробных встреч», но и натуралистическому воссозданию сцен казни и пыток мучеников за идею:

Рассказ мой простой и грубый:
Глаза вышибают и зубы,
Под пыткой кости хрустят...

(«Не было в жизни», 1933.
НЗМ. С. 217)

В стихотворении «Об одной победной гибели» Колосова формулирует телеологию гибельного пафоса своей лирики:

Друзья, делю я гибель с вами...
И вновь живу, чтоб рассказать о вас.
Живу, чтоб вновь слезами и стихами
Запечатлеть геройский чей-то час!

(НЗМ. 1933. С. 191)

Не случайно пафос «смертельного танго» Колосовой «По патрончику, за кровиночку» Ю. Крузенштерн-Петерец определяла как «садический»:

Складка горечи возле сжатых губ...
Неужели цель не намечена?
Заострите глаз, отточите зуб,
И сказать мне вам больше нечего...

(«По патрончику – за кровиночку».
ГСР. С. 25-26)

В «танце любви» любовная тема начисто вытеснена ненавистью к убийцам близких и родных, а лирическая героиня предстает в роли безжалостной подстрекательницы на расправу.

«Кровожадность» Колосовой простирается довольно широко. Она обращает жестокие молитвы к предкам:

Прадеды и деды, кровная родня!
Есть мечта-молитва в сердце у меня:
Чтоб врагов России, если грянет бой,
На тот свет побольше унести с собой!

(«Дорогой предков», 1934. НЗМ. С. 184-185)

Мотивация «садических интонаций» всегда одна: ненависть к врагам, желание вдохновить «хоть песней злобной» народный гнев. Ее лирическая героиня не только не страшится послать бывшему возлюбленному-большевику следующее обещание:

Но я твой след подкараулю
И обещаю, как врагу,
Что в черном браунинге пулю
Я для тебя приберегу.

За то, что многих злобно мучишь,
За то, что многих ты убил, –
Ты пулю смертную получишь
От той, которую любил!

(«Письмо наркомму», 1930. НЗМ. С. 35-36)

но и выражает готовность к действиям, граничащим с патологической жестокостью:

Я б над дворянином-Ильичом
Издевалась вместе с палачом.
Этот череп «павшего в борьбе»
Пепельницей сделала б себе!

(«Пепельница из черепа», 1933. НЗМ. С. 200)

Ряд стихотворений с такими брутальными послылами Колосова обращает напрямую к Сталину:

Упорством можно многое достичь,
А у тебя упорство в каждой жиле.
Но умер твой предшественник Ильич,
И ты умрешь, Иосиф Джугашвили!

(«Сталин», 1934. НЗМ. С. 200–201)

При этом Колосову вдохновляет смерть *вообще*, ее героиня переживает настоящее эротическое возбуждение от переживания, сопереживания и предчувствия чьей-либо гибели. Тем более, когда речь заходит о личностях неординарных: «Мата Хари», «Казнь», «На эшафоте», «Пытка жизнью» и т. д. – характерные названия для стихотворений, герои которых – жертвы самого разного толка: Кутепов, Корнилов, Николай Второй, Людовик XVI, французская королева, барон Унгерн, адмирал Колчак, шпионка-куртизанка и др.

Столь дикие, на первый взгляд, пристрастия имеют глубокую психоаналитическую подоплеку. Не случайно в истории русского юродства именно тяжелые психические потрясения становятся причиной появления новых юродивых среди женщин (например, та же Ксения Петербургская, петербургская юродивая Анна Ивановна)¹. Знаменитый русский этнограф Прыжов не захватил эпоху психоанализа, но во многом его наблюдения за проявлениями женской истероидности, связанные с социальной мотивацией, предвосхитили фрейдовскую концепцию «социального невроза», порожденного «недовольством культурой»².

Не состоялась в жизни этой страстной и темпераментной женщины любовь, не было у нее женского счастья. Ореолом тайны покрыта история ее романтического увлечения революционером В. Куйбышевым, отразившаяся в пронзительном «куйбышевском цикле» стихотворений-признаний³. В нем (особенно после гибели бывшего любовника) Марианна Коло-

¹ *Блаженные* Санкт-Петербурга. От святой блаженной Ксении Петербургской до Любушки Сусанинской. СПб., 2001.

² Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Избранные сочинения. М., 2001.

³ Об этом: *Эфендиева Г.В.* «Любовь в сердцах была подобна шторму!..»: Поэтическая история отношений М. Колосовой с В. Куйбышевым // Россия-Восток-Запад: Проблемы межкультурной коммуникации: Материалы 3-й международной научной конференции. Владивосток, 2007. Ч. 1. С. 198–200.

сова, уже замужняя женщина, не скрывает своей неизбывной тоски:

Этого больше не будет со мной никогда,
Этого больше со мной никогда не случится...
Встреча с одним человеком в былые года
В будущем не повторится...
<...>
Умер он... И хлопотать, и писать ни к чему, –
Все уж пропущены сроки¹.

Судя по лирике, она переживает еще одну драматическую любовь к человеку, вовлекшему ее в антибольшевистскую партизанскую борьбу.

Это было в старом Барнауле.
Правду всю скажу, не утаю;
Это было там, где чья-то пуля
Догоняла молодость мою.

Серебром украшенная сбруя,
Расписная золотом дуга...
Там, у жизни милый час воруя,
Мчались мы сквозь легкие снега.

(«В Барнауле». 19 февраля 1935 г.)²

Есть упоминания и о том, что возлюбленного будущей поэтессы чуть ли не на глазах невесты большевики расстреляли³. В Харбине Колосова выходит замуж за А. Покровского и со всем пылом свой натуры отдается служению его делу⁴. Однако, несмотря на искреннее желание стать споспешницей супругу, ее личная жизнь, скорее всего, была не особенно счастливой.

Не было у харбинской поэтессы и собственных детей – залога гармонизации женской психики. Неутоленной горечью от несбыточности материнства пропитаны ее откровения:

Кто услышит голос незвонкий?
Наша жизнь в Господних руках...
Но зачем мечту о ребенке
Погасил ты в женских глазах?

¹ Рубеж. 1935. № 23. С. 4.

² Колосова М. Помнить нельзя забыть. Барнаул, 2009.

³ Ивлев М. Марианна: от Алтая до чилийских Анд // Простор. 2000. № 1.

⁴ О русском фашизме в Харбине и личности А. Покровского, К. Родзавского: Стефан Дж. Русские фашисты. Указ. изд.

Сердце болью горит напрасно,
Без ребенка незачем жить!..»

(«Наши женщины». НЗМ. С. 235)

Поэтому детская тема в ее лирике всегда тесно соседствует со смертельной тематикой – о детях она плачет в «Причетах», а если речь идет об обретении собственного ребенка, то он оказывается ... *лешаченком* с копытцами («Лешаченок»).

В чем же искать ей самой спасения? Как известно, кликушу «отчитывают». Если развивать мысли Прыжова, то заговор и причитание становились альтернативой крайних проявлений расстроенной женской психики, в современном понимании – сублимацией неизбывных переживаний, «горя, призакрытого грудью» (И. Прыжов). Для страдающей на чужбине неприкаянной поэтессы своеобразной формой «самолечения», «самоотчитывания» становится заговорная и молитвенная форма лирики. Она экстраполирует «собственно-кликушеские» симптомы на формы лирического самовыражения. Кликушеская способность «кричать на разные голоса» (В.М. Бехтерев) обнаруживается в способности лирического субъекта Колосовой органично существовать под маской четырех псевдонимов, где каждому имени соответствуют пол, характер, особые переживания: М. Колосова, Е. Инсарова, Н. Юртин, Джунгар¹. Четыре равноправные ипостаси лирической героини не могут быть объяснены только погоней за заработком, заставляющей, по мнению некоторых исследователей, прибегать к гетеронимам. Не случайно ее второе имя «Марианна» ассоциативно связано не только с личностью Марины Цветаевой, но и с жертвенной героиней тургеневского романа «Новь» Марианной Синецкой². Колосова и свою одержимую натуру соотносила, в первую очередь, с теми личностями в истории, что, забывая себя, провозглашают божественное откровение. Поэтому экстатическая готовность к самоотречению приводит к тому, что в лирике Колосовой постоянно присутствует образ Жанны д'Арк³. Обращаясь к собирательному образу русских женщин-страдалец

¹ О псевдонимах поэтессы: *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* Поэтика псевдонимов в творчестве русских харбинцев: от жизнетворчества к литературным мистификациям // «Четверть века беженской судьбы...» (художественный мир лирики русского Харбина). Указ. изд. С. 79-103.

² Там же.

³ Подробное об этом: *Эфендиева Г.В.* О поэтессе русского Китая Марианне Колосовой // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен: Материалы 2-й международной научной конференции. М., 2006. Вып. 2. С. 197-201.

и восхищаясь силой их личности, в стихотворении «За Родину» (1930) М. Колосова поставила их в один ряд с легендарной героиней французской и мировой истории:

Есть девушки, удел которых страшен...
Рыдать о них? Молиться ли за них?
Из-за высоких стен тюремных башен
Не виден непосильный подвиг их.
<...>

За свой народ, себя на муки обрекая,
Идут... Их шаг мужских шагов быстрее...
Такая девушка, – вот именно, такая,
За Францию погибла на костре!

(«За Родину». 1930. ГСР. С. 62)

Возможно, поэтесса опиралась на личное восприятие громкого подвига знаменитой француженки. Однако в целом образ *девы-воительницы* глубоко укоренен в архаических основах русской культуры¹. Полунищая, часто голодная («я не каждый день обедала, / знаю цену хлебу и дровам»)², неприкаянная и недолюбившая, способная порой доходить до крайних форм в поведении и оценках людей, Марианна Колосова по особому воспринимала личность иступленной Жанны. Орлеанская дева, будучи истово верующей, могла впадать в экстатические состояния и обладала особым даром предвидения – не случайно ее сожгли на костре как колдунью. А в истории русского юродства с типом святой воительницы связан культ Ксении Петербургской³.

К сожалению, мы не располагаем ни дневниками М. Колосовой, ни свидетельствами современников, способными подтвердить наши предположения относительно особой психической организации поэтессы, ее способности к измененным состояниям. Только в редких воспоминаниях (Ю. Крузенштерн-Петерец, В. Перелешина) да в поэтических обращениях

¹ Шахнович М.М. Образ «Девы-воительницы» в русской и французской средневековой ментальности // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Серия «Мыслители». Вып. 8. СПб., 2001. С. 246–249.

² Поэтесса О.А. Скопиченко, подруга Колосовой, написала об их голодных харбинских днях два автобиографических рассказа – «Устрицы» и «Неожиданный завтрак» // Скопиченко О. Рассказы и стихи. Сан-Франциско, 1993.

³ Блаженные Санкт-Петербурга: От святой блаженной Ксении Петербургской до Любушки Сусанинской. Указ. изд.

к М. Колосовой ее подруги и ученицы О. Скопиченко мы обнаруживаем скупые характеристики этой женщины. В частности, О. Скопиченко вспоминает ее «смех ... сдвленный и горький» («Далекому другу», 1930)¹. Пишет она о быстрой смене настроений, присущей Колосовой, ее постоянной душевной тревожности:

Да и вся ты на море похожа
Своей бурной и пестрой судьбой:
Каждый день у тебя тревожный,
Каждый день у тебя иной.

И тебе не чужды перемены –
Ты меняешься, словно зыбь.
Как морская белая пена,
Белоснежен души призыв

(«Твои глаза», 1932)²

В определенной мере лирическое творчество в его совокупном осмыслении – это дневник поэта, фиксирующий его душевные настроения, сложные процессы жизненной рефлексии. Поэтому, несмотря на трудность создания психологического портрета поэтессы, невозможно опровергнуть присущую ей особую поэтическую религиозность. Как трудно оспорить и «колдовские» способности поэтического слова неистовой ревнительницы православия Марианны Колосовой. Любопытно, что Колосова была склонна к «пророчествам»:

И эта неизвестность хороша!
И радуется, и болит душа...
Звенит сквозь слезы мой задорный смех:
Россия будет неожиданной для всех!

(«Неожиданная Русь», 1929. ГСР. С. 40–41)

Уже в 1929 г. она первая канонизировала Николая Второго («Два государя»), предсказывала возрождение поправленного в России православия и т. д.

Многие исследователи соотносят юродство, одержимость и шаманизм (например, В.М. Бехтерев). В свою очередь, Мирча Элиаде писал о близости шаманской и художественной практик, отмечая, что «шаманскую модель можно обнаружить даже и в “Божественной комедии”»: подобно шаманскому, экстатиче-

¹ Скопиченко О. Путь изгнанника: Стихи. Шанхай, 1932. С. 125.

² Литература русских эмигрантов в Китае. Т. 1. С. 137–138.

ское путешествие Данте напоминает всем и каждому, что есть образец и достойно веры»¹. Думаем, что измененные состояния психики, присущие шаманам, юродивым, кликушам, влекущие за собой способность к «экстатическим путешествиям», имеют общую природу.

Проиллюстрировать это могут необычные «лирические путешествия» Колосовой: «Сумрак синий шире, шире! / Запад алый – это Русь! / Неулыбчивой Сибири / Из Китая улыбнись...» («Вспоминай!». ГСР. С. 71); «Сижу, облокотясь на шаткий стол, / И слушаю рассказ неторопливый: / Про Петропавловск, про Tobол... / Я вижу берег синей Ангары, / Потом глухие улицы Читы...» («Все о том же». С. 35-36. ГСР).

Как видно, лирической героине нужен только эмоциональный толчок, и она погружается в лирический «транс».

Стихотворение «Бусы», в котором героиня Колосовой вспоминает о своей несчастливой молодости, словно воспроизводит шаманскую практику вхождения в транс. Это подчеркнуто самой композицией, в которой начало и конец стихотворения ни ритмически, ни архитектурно не совпадают с основной частью: «Нанизываю бусы прошлых дней / На черную нитку памяти...»; «Рассыпьте, бусы прошлых дней, / С разорванной нитки памяти...» («Бусы...». С. 58-59). Колосова выросла на Алтае, где шаманизм был одной из распространенных форм религиозных представлений коренных народов – она могла быть свидетельницей шаманских камланий. Об этом, вспоминая родные места, пишет поэтесса не в одном стихотворении:

У далекой реки,
Где живут и колдуют шаманы,
Берега высоки
И прозрачны ночные туманы...»

(«Бессмертник», 1933. НЗМ. С. 210-211)

Чу! Гремит молитвенно старый бубен.
Там Ульгеню молятся, там камлают.
«Мы вас, духи горные, чтим и любим!»
Голоса гортанные призывают

(«Дар Ульгеню», 1934. НЗМ. С. 211-212)

¹ Eliade M. L'épreuve du labyrinthe. Entretiens avec Claud-Henri Rocquet. Paris, 1978. P. 130.

Свою миссию она видела и в нацеленном на борьбу слове, и в настоящем деле. «Эпидемиологический» эффект (В.М. Бехтерев) литературного кликушества Колосовой был налицо. «Намеченная цель» находила адресата. С ее стихами на устах боевики генерала Косьмина пробивались через границу с СССР¹. Девушки-поэтессы вдохновлялись и лирикой, и образом «неистойвой Марианны», мечтали быть на нее хоть чуточку похожими. Исступленность Марианны перекрывала все «светские» нормы: это можно обнаружить как в лирике, так и в других формах поведения. Ее не очень жаловали в поэтических студиях, старались не упоминать ее имени в европейской печати. Как известно, в эмигрантской среде Харбина не особенно приветствовалась патриотическая лирика. Нарушая неписаное табу эмигрантской культуры и отказываясь поддерживать приличествующий нейтральный тон, Колосова не могла больше ни о чем писать, кроме как о России и своей неисчерпаемой ненависти к большевикам. А, как известно, «кто преступил табу, сам стал табу»².

Но, думается, что главной причиной было другое. Ее одиозное поведение стало притчей во языцех: то она набрасывается на поэта Перелешина, то участвует в акциях против партии Родзаевского, то, заgrimировавшись, едет в Сынцзян за помощью соратникам своего мужа-фашиста³. Эта «слепая до медузных глаз» (В. Перелешин), «тщедушная, малокровная женщина» была очень смелой и настойчивой: «врывалась в кабинеты начальников, защищала арестованных, требовала их освобождения, рыдала. Когда ее не впускали, садилась на ступеньки жандармского управления и отказывалась уходить, пока не примут»⁴.

Конечно, такое поведение неистойвой Марианны не могло вызывать однозначного одобрения ее собратьев по перу. Осмеяние, профанирование подобной одержимости – закономерный итог проявлений юродства. Вот как отзывалась, хотя и не о самой Колосовой, но о ее муже, Ю. Крузенштерн-Пете-

¹ Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Возрождение. 1968. № 204. С. 45–70.

² Фрейд З. Тотем и табу. СПб., 2005. С. 41.

³ БРЭМ. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3. Д. М.И. Колосовой.

⁴ Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Указ. изд. С. 45–70.

рец: «Ни политической прозорливостью, ни умом, ни тактом Покровский не отличался, – о нем даже ходил анекдот: когда японские войска вступали в город, Покровский будто бы торжественно подошел к какому-то генералу и поцеловал морду его лошади»¹.

Но как бы ни осмеивали фанатичность Колосовой ее современники, надо отметить, что идею Маньчжоу-го вместе с Покровским она на дух не приняла. Вскоре она порвала с фашистской партией (ВФП), выступая резко против ее сотрудничества с японцами². За что и поплатилась: «Некоторым она помогла, но японцам так надоела, что они ее выслали. В Шанхай Колосова приехала в ореоле героини...»³.

Деятельность Колосовой демонстрирует, какие противоречия были внутри харбинского фашизма и внутри эмигрантских политических ориентаций в целом. В этом контексте романтический интерес к русской мифологии, славянским корням и этнокультурным архетипам, наблюдаемый в лирике Колосовой, весьма симптоматичен для понимания колосовского фашизма. Интерес к ритуалистике и мистике лежал в основе многих умопостроений фашиствующих ученых-теоретиков⁴.

В отличие от сторонников К. Родзаевского, Колосова нигде не педалирует идею русского национализма в ущерб другим нациям, в частности, ей не была близка идея антисемитизма. Правда, мы не знаем, каково происхождение поэтессы – ее родное имя «Римма» наводит на размышления о том, что она могла быть еврейкой. В этом нет ничего странного – в конце XIX–начале XX столетия среди православных священников было много крещеных евреев. Возможно, корни гипертрофированной русскости Колосовой – именно в этом.

Квинтэссенцией сложного переплетения этнокультурных, этнорелигиозных и психологических проблем, обуревающих харбинскую поэтессу-кликучу, становится стихотворение «Инквизитор»⁵. В нем воссоздается ситуация ночного посеще-

¹ Крузенитерн-Петерец Ю. Чураевский питомник. Указ. изд.

² Колосова М. «Их» желтый путь..., а также: Колосова М. Японцы пробуждают русский патриотизм среди русской эмиграции... (Рук., печ. м.) // БРЭМ. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3. Д. М.И. Колосовой.

³ Крузенитерн-Петерец Ю. Чураевский питомник. Указ. изд.

⁴ Кондратьев А.В. Ведьмы, мифологисты и ритуалисты в религиоведении Третьего рейха // Религиоведение. 2006. № 2. С. 3–21.

⁵ Рубеж. 1929. № 17.

ния героини демоническим визитером. «Черные глаза, алые губы вурдалака» вызывают у нее ужас и одновременно эротические переживания. «Ах, скорей бы рассвет!» – «боязливо и глухо» стонет героиня, а визитер ей шепчет: «Мне с тобой хорошо!». «Кровопоийца, упырь, инквизитор» – никто иной, как Торквемада¹. Он явился к колдунье и пророчице за покаянием, но при этом она уверена, что затем Торквемада «наклонившись / Рванет одеяло. / Чтоб под пламенным ртом / Проклинала! Рвалась! И рыдала... / Да, в ответ на мой стон / Его губы все ярче алеют / Да, такие, как он, / Никогда, никого не жалеют». «Кровавые объятья вампира», «алый след на плече», сама ситуация ночного визита практически дословно воспроизводят типичный рассказ средневековых колдуний об их демонических галлюцинациях (В.М. Бехтерев). В фантазиях Колосовой демоническое и инквизиторское начало сплелось в единый образ. Обратим внимание и на то, что исторический Т. Торквемада, глава испанской инквизиции, был из семьи крещеных евреев. Обращаясь к своему возможному соплеменнику, Колосова пророчесствует о новом вожде и новом исходе «человечества в новые страны».

«До кончиков ногтей русская» (по словам Ю. Крузенштерн-Петерец) Марианна Колосова, ставшая символом патриотизма дальневосточной эмиграции, вполне возможно, страстно желала обрести эту самую *русскость*. «Драма женской души», ввергнутой в пучину социального и национального разлома, сплелась в поэтическом сознании с религиозными исканиями. Не случайно проявления юродства считают индикатором этногенетических процессов (Гончаров А.И.)². Реконструкция особого типа сознания харбинской поэтессы, неотделимого от определенной модели литературного поведения, помогает проследить пути этнокультурной и этнорелигиозной идентификации, присущие русской эмиграции, в ее самых невероятных духовных трансформациях, в условиях дальневосточного фронта.

¹ Торквемада – Томас де Торквемада (исп. *Tomás de Torquemada*, 1420–1498) – основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании. Отличался особой жестокостью. Был инициатором преследования мавров и евреев в Испании.

² Гончаров А.И. Энтелехия юродства в «Слове» Даниила Заточника // Вестник ВГУ. 2004. № 1. С. 95.

Глава 9

«РУССКИХ ВИТЯЗЕЙ СИГНАЛ»: ХАРБИНСКИЕ ИДЕИ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Творчество «неистойой Марианны» в русском Харбине стало выражением радикальных религиозно-политических настроений, определяющих значительную часть ментальности русских дальневосточных эмигрантов. В художественной деятельности явления такого рода определяются как *религиозно-художественный радикализм* – творчество разного рода (словесное, изобразительное, музыкальное), в своей основе опирающееся на радикальные религиозные взгляды и подразумевающее активное воздействие на реципиента с целью достижения максимального религиозно-агитационного эффекта¹. Отсутствие дефиниции понятия «религиозно-художественный радикализм» в словарях обусловлено двуединой природой самого явления, а также сложностью четкого определения составляющих его концептов – *радикализм религиозный* и *радикализм художественный*².

Радикальный жест в искусстве предполагает резкую, коренную ломку устоявшихся стереотипов и привычных форм, что зачастую приводит к смене культурных парадигм и рождению новых направлений. «Я сразу смазал карту будня, плеснув-ши краску из стакана»³, – в 1915 г. восклицает В. Маяковский,

¹ Об этом подробно: *Забияко А.А.* «Слово мое – разящий меч»: феномен религиозно-художественного радикализма // *Религиоведение*. 2013. № 1. С. 158–172.

² Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001; *Забияко А.П.* Экстремизм религиозный // *Религиоведение / Энциклопедический словарь*. Указ. изд. С. 1220–1221; *Его же.* Религия и насилие: пластичность религии вплоть до состояния пласта // *Религиоведение*. 2010. № 2. С. 153–163. («*Экстремизм религиозный* (лат. *extremus* – крайний, чрезвычайный) – тип религиозной идеологии и деятельности, который отличается крайним радикализмом, ориентированным на бескомпромиссную конфронтацию со сложившимися традициями, резкий рост напряженности внутри религиозной группы и в социальном окружении»).

³ *Маяковский В.* Ноктюрн (1915).

и это становится декларацией футуристического нигилизма. В этом же году К. Малевич рисует «Черный квадрат», и многие последующие поколения эстетов будут пытаться прозреть в этом художественном жесте глубинные философские смыслы. Не всегда радикальный художественный жест выливается в новое явление искусства. Но практически всегда он есть некий симптом, предвещающий появление новых тенденций в искусстве (будь то живопись, литература, кино, театр и т. д.).

Религиозно-художественный радикализм инициируется крайним религиозным чувством, а осуществляется художественными средствами. Данный феномен определяется социокультурными, этнорелигиозными, этнопсихологическими и политическими характеристиками¹.

Существует расхожее мнение о том, что крайность в вере и предельная интенсивность выражения своих чувств – укорененная в русском этнорелигиозном сознании черта, почти константа. Историю православного религиозного радикализма можно начать со времен принятия христианства на Руси, когда князь Владимир пустил по Днепру языческих идолов². В истории России религиозный радикализм всегда поднимал голову в эпохи социальных разломов и коренного пересмотра старых устоев – начиная с Раскола и вплоть до 90-х годов прошлого века³. В той войне спор шел не на жизнь, а на смерть. Культ мученика, страдальца весьма присущ русскому радикализму («поистине символические фигуры» Протопопа и боярыни Морозовой, двух борцов и двух жертв). Но Аввакум проявил себя не только как радикал-старообрядец, проповедник-экстремист, не только как талантливый художник-полемист, слово которого действительно могло быть уподоблено разящему мечу. Он был истинным радетелем о национальном самостоянии Руси⁴. Одним из действенных средств сохранения русско-

¹ *Забияко А.П.* Религия и этнос // Религиоведение / Энциклопедический словарь. Указ. изд. С. 909; *Его же.* Религиозная идентичность // Там же. С. 863; *Третьяков А.В.* Религия и политика // Там же. С. 896; *Мозговой С.А.* Религия и нация // Там же. С. 891.

² *Повесть временных лет* // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI–начало XII века. М., 1978. С. 131–133.

³ *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. III (XVII–начало XVIII века). М., 1996. С. 42.

⁴ *Житие протопопа Аввакума.* М., 1960. С. 136.

сти становится выработка им нового литературного стиля, основанного на просторечии.

Итак, русский Раскол и его радикальные герои выявили способность русского этнического сознания к предельным формам религиозного нигилизма. Именно Раскол обозначил самую непосредственную связь религиозного радикализма и политики, радикализма и идеологии. Однако Раскол определил и национально-патриотическую линию русского религиозного радикализма. Явными антиномиями пронизан религиозно-художественный радикализм пустозерцев: чем более художественными становились их вербальные жесты, тем менее они становились экстремистски заряжены.

Особенно выпукло данный клубок противоречий обозначился на рубеже XIX–XX вв. Первое десятилетие двадцатого века было отмечено конфузными и трагическими для страны событиями – поражением в русско-японской войне, последовавшей за ним первой русской революцией 1905 г. Именно эти годы характеризуются появлением самых разных форм религиозно-художественного радикализма. В 1907 г. публицист А.С. Изгоев напишет: «Религиозный вопрос все чаще становится перед нынешним поколением не в догматической, а в чисто практической форме: каково должно быть отношение общественного движения к религии и обратно»¹.

Это отношение выразилось в двух ярких формах: в «теологии революции» так называемого «нового религиозного сознания» и появлении черносотенного движения – Союза русского народа и Союза Михаила Архангела. «Теология революции» сформировалась в работах известных религиозных публицистов, писателей и поэтов Серебряного века: Д. Мережковского, З. Гиппиус, Д. Filosofova, Н. Бердяева, В. Розанова, противоречивое взаимодействие которых определило так называемое «новое религиозное сознание». Оно зародилось в среде религиозной интеллигенции на Петербургских религиозных собраниях (1902–1903), а после революции 1905 г. превратилось в общественное движение². Д. Мережковский после 1906 г. пропагандировал автономность «нового религиозного сознания» на пути решения социальных проблем, стоящих

¹ Изгоев А.С. Религия и политика // Русская мысль. 1907. № 6. С. 106.

² Ермичев А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб., 2007.

перед страной. Путь этот лежал через революционное преобразование религиозного общественного сознания в теократическом государстве¹. «Новое религиозное сознание» хотело «синтезировать» революцию и религию, христианство и язычество, Христа и Диониса. В их манифестах Христос очень часто превращался в «вождя религиозно-политической революции», а само христианство выступало как революционная апокалиптика, направленная против самодержавия и Православной Церкви. Не случайно для Д. Мережковского «русская идея» – это, прежде всего, религиозная революция, которая призвана не только разрушить старую православно-самодержавную Россию, но и открыть новую эпоху так называемого «апокалиптического христианства третьего завета»². Заметим, что по многим позициям представители «нового религиозного сознания» сближались с социал-демократами (РСДРП(б)), при этом – сочувствовали черносотенцам.

Идея создать черносотенные организации, в память о «черных сотнях» 1612 г., спасших Русь от иноземцев, угрожающих российской государственности, вызревает в те же годы. Но только в ситуации начала XX в. «черносотенцы» призваны были спасти престол от своего же собственного народа. Первой черносотенной организацией стала Русская монархическая партия. Следом возник «Союз русского народа», который был одобрен самим царем. Царь выразил поддержку «Союзу русского народа» и даже стал почетным членом этой организации. К «Союзу» примкнуло немало политиков, деятелей науки, культуры, представителей духовенства, не говоря уже о помещиках, заводчиках, лавочниках и «ультрапатриотах» из других сословий. Среди примкнувшей интеллигенции в «Союзе» оказались, в частности, Иоанн Кронштадтский, будущий патриарх Тихон, протоиерей Иоанн Восторгов, академики Д.И. Менделеев и А.И. Соболевский, художники В.М. Васнецов, М.В. Нестеров, П.Д. Корин.

Вскоре в «Союзе русского народа» произошел раскол, и в начале 1908 г. в результате выхода из него ряда ультрареакци-

¹ Мережковский Д.С. Революция и религия // Царь и революция. Париж, 1907.

² Подробно об этом, например: Воронцова И.В. Революция и религия в дискуссии 1906–1914 гг. Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева, П.Б. Струве и др. // Религиоведение. 2011. № 4. С. 28–40.

онных деятелей во главе с В.М. Пуришкевичем (председатель союза до февраля 1914) был образован «Русский народный союз имени Михаила Архангела» (РНСМА), еще одна черносотенная организация в России¹. Отделы союза имелись в Москве, Одессе, Киеве и др. городах. Программа в значительной степени совпадала с программой «Союза русского народа», но признавала необходимость Государственной думы, избранной по реакционному закону 3 июня 1907 г. (при полном лишении избирательных прав евреев и ограничении представительства Польши и Кавказа), поддерживала аграрную политику П.А. Столыпина. Деятели данного союза выступали в периодической печати (газета «Колокол», еженедельники «Прямой путь» и «Зверобой»), распространяли книги и брошюры, проводили собрания, беседы, массовые антисемитские кампании (например, в связи с делом Бейлиса).

Девиз РНСМА звучал весьма поэтически: «За Церковь Православную, Царя Самодержавного и за Народность Русскую» (четырёхстопный ямб с дактилическими окончаниями, имитирующий народный былинный стих, – практически цитата из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», гимна русского народничества). Среди активных членов союза, помимо В. Пуришкевича², были священники А.П. Васильев (духовник царской семьи) и протоиерей И.И. Восторгов (признан Святым Русской Православной Церкви), профессор А.С. Вязигин – председатель Совета правой фракции Государственной думы, М.И. Жданов, издатель «Объединения» С.К. Кузьмин, издатель «Колокола» В.М. Скворцов, купец 1-й гильдии П.П. Сурин, П.Е. Толстой, профессор Ф.С. Хлеборад, Г.А. Шечков – член Государственной думы и др.

Первая мировая война сгладила амплитуду религиозного радикализма не только в общественной, но и в художественной жизни. Следующим витком проявления религиозного, а вслед за ним и религиозно-художественного радикализма становится послереволюционная эпоха. В Стране Советов декларативно и насильственно утверждён воинствующий атеизм и интернаци-

¹ Омельяничук И.В., Ретников А.В. Русский народный союз имени Михаила Архангела // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010.

² Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011. 448 с.

онализм. В эмиграции обращение к религиозным основаниям русского духа становится спасением от горестей и лишений изгнания, залогом сохранения исторической памяти, способом этнической идентификации.

В поток антибольшевистских радикальных настроений в эмиграции вовлечены писатели самых разных религиозных ориентаций. «Мы, умные, – безумны,/ Мы, гордые, – больны,/ Растрепанной язвой чумной/ Мы все заражены»¹, – в своих «Последних стихах» воскликнет неумная З. Гиппиус и продолжит вместе с Д.С. Мережковским войну с Антихристом, который теперь уже видится в большевистском облике². В этой борьбе супруги Мережковские будут уповать на Воина Христова (попеременно видя в этой роли то Л.Г. Корнилова, то Б.В. Савинкова, Ю. Пилсудского, Б. Муссолини, в конце концов, дойдя в своем радикализме до Гитлера). Знаменитый русский журналист А.В. Амфитеатров, до революции сочувствовавший большевикам, решительно меняет свои взгляды. Его новые ценности – «Святая Русь», «Дом Пресвятой Богородицы», ради которых Амфитеатров призывает к поголовному уничтожению большевиков, осквернителей святынь, «зверей» и «зверих», в его словоупотреблении³. М.П. Арцыбашев, неонатюрист и пессимист, скандально известный автор «Санина», до революции весьма далекий от политиканства, становится в эмиграции символом крайней нетерпимости к сказкам большевиков о всеобщем равенстве и коммунистическом благоденствии⁴. Пафос его статей в газете «За свободу!» пугает даже такого отчаянного террориста, как Борис Савинков⁵.

В среде русских беженцев большой популярностью пользуются различные политические партии и организации с радикально-религиозной программой и террористической направ-

¹ Гиппиус З.Н. Последние стихи, 1914–1918. Пг., 1918. С. 63.

² Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д., Злобин В. Царство Антихриста. Мюнхен, 1922.

³ Амфитеатров А. Два Коня // За свободу! Варшава. 1924. 21 июля. С. 3; *Его же*. Стена Плача и Стена Нерушимая. Белград, 1930.

⁴ Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923–1924 / Публ. Э. Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб., 1993. С. 142.

⁵ Зубарев Д.И. «Красная чума» и белый терроризм (1918–1940) // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в.: Материалы конференции. М., 1996.

**Религиозно-художественный радикализм, национализм
и ментальность дальневосточного фронта**

М. Колосова и В.Д. Косьмин (по инф. В. Суманосова).

Религиозно-художественный радикализм, национализм и ментальность дальневосточного фронта

Обложка сборника М. Колосовой
«Медный гул».

Обложка сборника М. Колосовой
«Армия песен».

Соратницы по фашистскому движению. Харбин. 1934 г.

Религиозно-художественный радикализм, национализм и ментальность дальневосточного фронта

Газета «Наш путь».
Выпуск, посвященный приезду А. Вонсяцкого в Харбин.

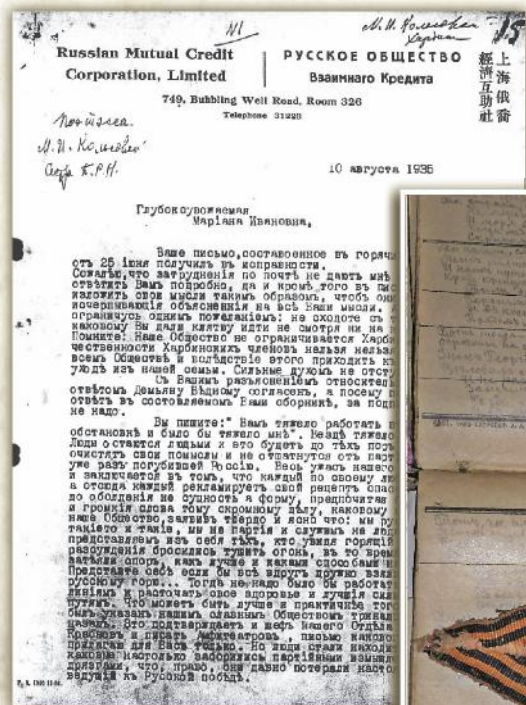

Однодневник фашистского издания
для детей.

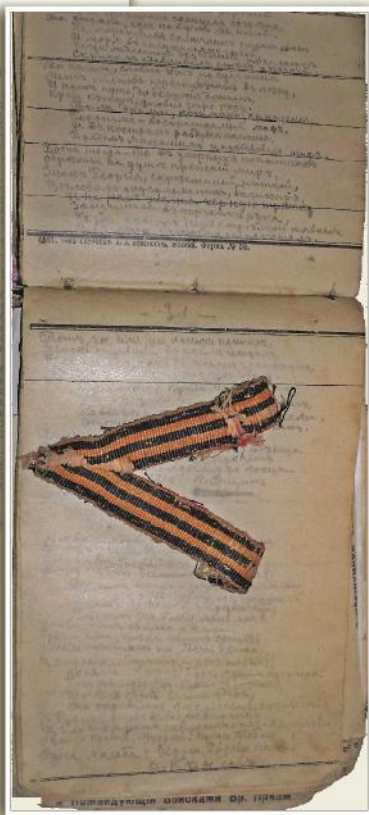

Фашистский журнал «Нация»
(под ред. К. Родзаевского). Шанхай, 1937.

Религиозно-художественный радикализм, национализм и ментальность дальневосточного фронта

Письмо М. Колосовой
от соратника
по «Братству Русской Правды».

Рукопись стихов М. Колосовой со вложенной
между страниц георгиевской ленточкой
(фотоархив В. Суманосова).

ленностью¹. В этом отношении весьма показательна история наиболее одиозного религиозно-политического движения в русском зарубежье – русского фашизма. История его довольно противоречива и, несмотря на ряд серьезных исследований, еще ждет своих толкователей².

«Российская империя произвела на свет *протофашистов*, упрямо цеплявшихся за монархию и православие, пока Октябрьская революция не положила конец их деятельности. ... Не Европа, как выяснилось, а Дальний Восток и Соединенные Штаты были той средой, где русский фашизм мог проявить себя с наибольшей силой» (курсив мой. – А.З.)³, – пишет современный исследователь этого явления. Особенно пышным цветом русский фашизм расцвел в Китае, в Северной Маньчжурии⁴. Фашистские группировки в Харбине возникают в середине 20-х годов, практически одновременно с возникновением фашизма в Европе. Это объясняется все теми же социокультурными обстоятельствами складывания эмигрантского сообщества в Маньчжурии: «В Харбине было больше военизированных эмигрантских организаций, чем в любом другом городе Дальнего Востока, и их присутствие создавало там горячую атмосферу, что отличало этот город от Шанхая и Тяньцзиня. Многим харбинцам освобождение России от большевизма представлялось близкой реальностью; детей, родившихся после революции или вывезенных из России в младенческом возрасте, учили, что нужно готовиться к освободительной войне»⁵. Активными пропагандистами фашистских идей являлись белые генералы В.Д. Косьмин и В.В. Рычков, а также бывший министр Приморского правительства братьев Меркуловых В.Ф. Иванов.

Особенно много сторонников фашистской идеологии было среди студентов Юридического факультета. Это и не

¹ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. М., 2000.

² Одно из серьезных исследований, переведенных на русский язык: Стефан Дж. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992.

³ Стефан Дж. Русские фашисты. Указ. изд. С. 52.

⁴ Мельников Ю. Русские фашисты в Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 109–121; № 3. С. 156–177; Аблова Н.Е. Российская фашистская партия в Маньчжурии // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 2.

⁵ Стефан Дж. Русские фашисты. Указ. изд. С. 65.

удивительно – фашистские идеи распространялись с высоты университетских кафедр профессорами Н.Н. Никифоровым¹ и Г.К. Гинсом², блестяще образованными людьми (Н.Н. Никифоров закончил университет св. Владимира в Киеве, был специалистом по русскому праву; Г.К. Гинс – выпускник Санкт-Петербургского университета, специалист по римскому праву). Прекрасные ораторы, они пользовались большим авторитетом среди студентов А.Н. Покровского, Е.В. Кораблева, Б.С. Румянцева, К.В. Родзаевского и др. В стенах Юридического факультета фашизм обрел романтическую ауру. «В высшей степени изменчивый, фашизм внедрялся в сознание мечтателей-радикалов всех мастей»³.

Ореолом романтики был окружен в 20-е годы для русских мальчиков-националистов образ Бенито Муссолини. «Многие из этих молодых русских увидели в итальянском фашизме именно то, что им было нужно. В 20-е годы Муссолини был

¹ *Никифоров Николай Николаевич* (1986–1951) – в 1921–1922 г. экстраординарный профессор Государственного Дальневосточного университета, с 1 января 1922 г. – и.д. экстраординарного профессора Юридического факультета в Харбине по кафедре истории русского права. На Юридическом факультете в Харбине работал до ликвидации факультета в 1937 г. (был его последним деканом). Во время работы на Юридическом факультете, в конце 20-х годов, создал и возглавил Русскую фашистскую организацию.

² *Гинс Георгий Константинович* (1887–1971) – ученый-юрист, политический деятель. В 1919 г. член правительства Колчака. С 1921 г. в Харбине. В 1926 г. оставил работу на железной дороге, отказавшись принять советское или китайское гражданство. Также работал в Харбинском муниципалитете, в котором возглавлял собрание уполномоченных и комиссию по составлению положений и наказов. В 1923 г. был одним из инициаторов создания в Харбине Народного университета – общественного учебного заведения. В 1920–1921 гг. редактировал литературно-художественный и общественно-политический журнал «Русское обозрение». В 1937 г. издал сборник «Россия и Пушкин», в котором, в частности, опубликовал собственные статьи «А.С. Пушкин и русское самосознание» и «Русское прошлое в произведениях Пушкина». Являлся одним из основателей предприятия «Русско-маньчжурская книготорговля», книжные магазины которого были открыты в разных городах Китая.

Автор мемуаров «Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории (1918–1922 гг.)». Впечатления и мысли члена Омского правительства» (Пекин; Харбин. 1920. Т. 1. Ч. 1; Т. 2. Ч. 2, 3) – ценного источника по истории Гражданской войны. Был последовательным противником компромисса с большевиками в виде «сменовеховства», стоял у истоков российского солидаризма, ставшего официальной идеологией Народно-трудового союза (НТС). В 1930 г. – опубликовал книгу «На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму».

³ *Стефан Дж.* Русские фашисты. Указ. изд. С. 50.

полон энергии, привлекательности и воодушевления.... Фашистская молодежь переделает мир, она сметет капитализм и коммунизм, этих близнецов, рожденных гнилой западной цивилизацией...

Молодые русские эмигранты-патриоты были восприимчивы к подобной демагогии; им казалось, что итальянская нация обрела новую цель существования. Они жаждали солидарности – и поэтому с энтузиазмом восприняли фашизм, отрицавший классовые конфликты и призывавший к подъему национального духа. Оскорбленные нацистской теорией расовой исключительности, они приветствовали доктрину, которая, как казалось в 20-е годы, имела универсальный характер и не унижала славянские народы. Убежденные, что советское коммунистическое правление само при Сталине приобретает черты коммунофашизма, они чувствовали настоятельную необходимость, пока не поздно, воплотить в жизнь итальянскую модель»¹.

На Юридическом факультете была создана Российская фашистская организация (РФО), которая в 1926 г. и 1927 г. обнародовала программные документы «Наши требования» и «Тезисы русского фашизма». Поначалу руководил ими А.Н. Покровский. Константин Родзаевский, в 1927 г. перебежавший через Амур в Сахалян из Благовещенска и оказавшийся в Харбине, включился в работу РФО стремительно и азартно.

По мнению историков, харбинский фашизм определялся «лихорадочными поисками новых социальных идей и новых организационных форм борьбы с советской властью» (Н.Е. Аблова). Дж. Стефан пишет: «В течение 20-х годов за границей выросло новое поколение русских. Взгляды этих молодых людей сильно отличались от взглядов их родителей. <...>

Ненавидя большевизм, эти юные эмигранты тем не менее были лишены свойственной старшим ностальгической привязанности к дореволюционным формам жизни. Они уважали монархию, но не желали иметь дела с монархистами, считая их пережившими свое время реликтами. Они восхищались некоторыми аспектами социалистических учений, но презирали социалистов-эмигрантов, полагая, что те погрязли в теоретических спорах. Они жаждали действия. Они озирались вокруг в поисках чего-то динамичного, какого-

¹ Стефан Дж. Русские фашисты. Указ. изд.

то реального противоядия большевизму»¹. Родзаевский – прекрасно образованный, способный к словесным эскападам, талантливый пропагандист – смог увлечь молодежь за собой. Постепенно в среде фашиствующей молодежи произошел раскол, и К. Родзаевский занял место Покровского.

Харбинская молодежь нуждалась не только в социальных ориентирах, но и – национально-религиозных. Национализм через обращение к религиозным истокам стал выигрышной картой этого общественно-политического движения. «Бог, Нация, Труд!» – девиз русского фашизма. В обвинениях фашиствующих публицистов «преступная» деятельность по разложению основ русского духа, космополитической дезориентации молодежи увязывала в общий контекст «розенкрейцеров, теософов, Рериха»².

Антисемитизм также стал козырем харбинских фашистов, «одним из важнейших “исконных” элементов программы РФП <...>. Родзаевский ревностно проповедовал черносотенную теорию “жидомасонства” <...> Из антисемитского издания Юлиуса Штрайхера “Der Sturmer” перепечатывались карикатуры, изображавшие кремлевских лидеров с подчеркнута еврейскими чертами лица. Особого внимания были удостоены еврейско-коммунисты Троцкий (Бершгейн), Зиновьев (Апфельбаум), Каменев (Розенфельд), Каганович и Радек. ОГПУ называли “сионистским гнездом”. О Ленине говорили как о “полуеврее”. Даже Сталин, которого трудно было заподозрить в юдофильстве, был назван “наложницей американских капиталистов и евреев”»³.

Еврейская община сложилась в Харбине еще до революции и на фоне беженской нищеты являла образ сытости и благополучия: «Хотя в харбинской колонии было несколько богатых семей и выделялся небольшой средний класс, основная часть эмигрантов жила в стесненных условиях. А тысячи самых неудачливых, которые приехали из Сибири без имущества и связей, оказались в крайней нищете. <...> Более половины взрослых русских мужчин были безработными. Женщины, чтобы кормить семью, соглашались на самую черную работу.

¹ Стефан Дж. Русские фашисты. Указ. изд. С. 49–50.

² Там же. С. 49–50.

³ Там же. С. 78–79.

Дети беженцев учились просить милостыню на самых разных языках. ...

Эмигрантам, доведенным нищетой до отчаяния, не нужно было долго искать козлов отпущения.

“Поглядите на богатых евреев! У них и магазины, и банки, и отели. Они жиреют на наш счет, а русские дети нищенствуют и торгуют собой на улицах!”

“Поглядите на красных! Они убили нашего Государя. Они оквернили наши святыни. Они лишили нас отечества. Теперь они и в эмиграции не дают нам жить!”¹.

В рукописи романа Н. Щеголева эти антисемитские настроения проявлены весьма откровенно. Герой романа – из небедной семьи служащего КВЖД, – чтобы заработать карманные деньги, работает гувернером у евреев Дрейфусов: «Юноша с честолюбием, уже известный в Харбине как поэт, и вдруг – опять вроде няньки в богатой еврейской семье. Опять чопорная госпожа Дрейфус, пышная блондинка, будет из-за <sic> комнаты проверять, добросовестно ли он занимается с Рудиком, пухлым нагловатым мальчонкой, который сначала счел Виталия чем-то вроде китайца-боя и даже попытался пнуть ногой.

За 30 долларов Вит<алий> должен был часа на два приходиться к Дрейфусам и обучать Рудика разговорному английскому языку.

“Желательно ни слова по-русски”, – условилась госпожа Дрейфус, муж которой возглавлял экспортно-импортную фирму по пушнине и бобам.

Но Рудя ни за что не хотел говорить по-английски, и Виталию волей-неволей приходилось, чтобы утомонить мальчишку, переходить на русский язык.

И тут-то он нередко слышал из соседней комнаты негодующий голосок госпожи Дрейфус: “Рудик, говори по-английски!”

Вит<алий> понимал, что это упрек ему как гувернеру: он не умеет заставить мальчонку говорить по-английски.

Эту работу Вит<алий> воспринимал как насилие жизни над собой. Особенной пыткой были обеды, легкие, вкусные, питательные, в обществе хозяйки (муж ее был в отъезде) и Рудика. Даже та чашка <1 слово нрзб> с лакомой икрой как будто горчила».

¹ Стефан Дж. Русские фашисты. Указ. изд. С. 68.

«С тоскливой злобой ходит Виталий на эту работу, хотя все считали работу выгодной: 30 долларов за 2 часа 6 дней и мой обед – это был приличный, в те времена заработок.

Приличный прожиточный минимум составлял около 70 дол<ларов>.

Соня Столяр, рекомендовавшая Вит<алия> на эту работу, говорила, что он должен постараться, и Дрейфусы найдут ему еще уроки, столь же выгодные; у них, у Дрейфусов, колоссальные связи»¹.

Соня Столяр – фигура не случайная, имеющая реально-го прототипа: «девушка лет на пять старше Виталия, близящаяся к возрасту старой девы и слышная в Харбине богатой невестой... Еврейка и не очень красивая. Это ж с лужи не воду пить! Зато есть деньги»², – так в форме несобственно-прямой речи воссоздано мнение родителей автобиографического персонажа. Соня – племянница владельца «Журнала для всех»³, и общение с нею и ее семьей продиктовано для русского поэта Виталия корыстными соображениями:

«С каждым ее словом в нем подымалась безотчетная ненависть. Все в ней его раздражало – и толстые губы, напоминавшие какой-то красный цветок, и большой орлиный нос, и маленькое тельце: “я буду карманная ноша”, – порой шутила она, и журчащий женств<енный> голос. От ненависти даже ощущалась некая непонятная слабость под коленками... “Все в ней фальшивое, не мое, чужое, темное”, – думал он, а она то кокетливо позировала на тахте, будя его наимизменнейшие чувства»⁴. Роман писался на протяжении десятка лет, эти рукописные листы датированы 1957 годом – следовательно, в сознании уже постаревшего писателя все еще живы были его антисемитские настроения двадцатипятилетней давности.

¹ Щеголев Н.А. Тетрадь № 1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957–1962) Л. 8. // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточного зарубежья» Амурского государственного университета.

² Щеголев Н.А. Тетрадь № 1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957–1962). Л. 8. Указ. ист.

³ Очевидно, что в виду имеются журнал «Рубеж» и Наталия Резникова, племянница владельца этого журнала, Е.С. Кауфмана.

⁴ Щеголев Н.А. Тетрадь № 1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957–1962). Указ. ист. Л. 11.

Но одно дело – бытового антисемитизм, совсем другое – погромные акции. Страшные события 30-х годов, связанные с преследованием евреев в Харбине, были инспирированы партией Родзаевского и поддержаны японцами: «Переходя от слов к делу, чернорубашечники РФП громили еврейские магазины, били окна в синагоге, устраивали засады на студентов-евреев»¹. Дело Семена Каспэ (1933 г.) – самый ужасающий тому пример. Несчастного юношу-музыканта, сына владельца гостиницы «Модерн» (гражданина Франции), продержали в плену три месяца, требуя невозможного с точки зрения отца выкупа, а потом зверски убили².

Три «А» русского фашизма: «антикоммунизм, антисоветизм и антисемитизм», яростное желание борьбы с «еврейством и масонством» воплощались в так называемых «разоблачениях»³. «Соратники гордились “разоблачениями” Сунгарийской масонской ложи, харбинских розенкрейцеров (масонов), Н.К. Рериха, Христианского союза молодых людей (ХСМЛ) как “сектантской организации”»⁴. Как пишет Н.Е. Аблова, харбинских интеллигентов отталкивал черносотенный, погромный характер РФП и сама личность К. Родзаевского. Многим националистически настроенным эмигрантам претил и откровенно прояпонский характер РФП – в этом кроется, в частности, конфликт с РФП М. Колосовой.

Однако, несмотря на довольно прохладное отношение харбинской интеллигенции к деятельности фашистов, те нашли сторонников в среде писателей и поэтов. По воспоминаниям И. Хаиндравы, «белое движение не сумело противопоставить большевистским лозунгам собственных позитивных лозунгов» и харбинская интеллигенция поверила «в обещания Родзаевского возродить великую, единую, неделимую Россию, Россию русской нации». Родзаевский понимал, какое большое значение имеет в его деле пропаганда.

С 1932 г. в шанхайской штаб-квартире фашистов в свет стал выходить партийный теоретический журнал «Нация», предлагающий «дурманящую смесь полемики, псевдонауки и

¹ Стефан Дж. Русские фашисты. Указ. изд. С. 101.

² Стефан Дж. Русские фашисты. Указ. изд. С. 103–112; Белый Г. Дело Каспэ: Обзор литературы // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 2011. № 405.

³ Об этом, например: Иванов В.Ф. Православный мир и масонство. Харбин, 1935.

⁴ Аблова Н.Е. Российская фашистская партия в Маньчжурии. Указ. изд.

поэзии»¹; этот журнал предназначался «интеллигенции». Затем в Харбине стал выходить «орган для широких масс» – «Наш путь». Газета, выпускавшаяся тиражом 4000 экз., была украшена эмблемой со свастикой, увенчанной двуглавым орлом, на видном месте красовались лозунги РФП: «Бог, Нация, Труд!», «Все силы Национальной революции!», «Россия для россиян!»

Несмотря на все ужасающие действия РФП, русский фашизм нашел своих апологетов в писательской и журналистской среде Харбина. Георгий Гранин, Николай Щеголев, Лев Гроссе, Арсений Несмелов, Яков Лович, Борис Юльский, Николай Байков – далеко не все имена тех, кто в той или иной мере сотрудничал с родаевцами². Причины обращения к фашизму у всех были разные. Кто-то, например, как Георгий Гранин, искал в брутальной идеологии и даже – в эффектной униформе избавления от собственных комплексов (социальной и культурной ущербности, феминности психики)³. Кому-то, как Борису Юльскому, нужны были деньги. По этой самой причине он подтасовал в 1932 г. факты о евреях и опубликовал материал в «Нашем пути»⁴. В 1938 г. в анонимном доносе на Юльского писалось, что такие люди, как он, «используют Ф.П. как дойную корову, не испытывая при этом истинных убеждений»⁵.

Деньги, очевидно, играли немаловажную роль в альянсе с фашистами многих писателей – практически все они нуждались, особенно после 1932 г., когда было образовано марионеточное государство Маньчжоу-го и русских стали отовсюду вытеснять. Родаевцы, поддерживаемые японцами, платили щедро. Так, Несмелов смог получить у них работу лектора-пропагандиста⁶. Однако вряд ли одними материальными соображениями можно объяснить его участие в деятельности РФП. В своем личном деле в БРЭМ он, не стесняясь, однозначно ука-

¹ Стефан Дж. Русские фашисты. Указ. изд. С. 95.

² Вполне возможно, что большую роль в этом альянсе играли деньги – как известно, фашисты были хорошо обеспечены японцами, а харбинские писатели сильно нуждались.

³ О Гранине и его творчестве подробно: *Забияко А.А.* «Пусть ничего и не было на свете...»: Георгий Гранин // «Четверть века беженской судьбы...». Указ. изд. С. 305-329; *Забияко А.А.* Прозаические штудии харбинских лириков // *Русский Харбин, запечатленный в слове.* Вып. 3. Благовещенск, 2009. С. 80-104.

⁴ БРЭМ. Дело Юльского Б.М. № СО – 2 /2047. Л. 4-5.

⁵ БРЭМ. Дело Юльского Б.М. № СО – 2 /2047. Л. 12.

⁶ *Буюков А.* Русский поэт и фашист. Вырванные страницы из биографии Арсения Несмелова // Владивосток. 3 марта 1994 г.

зывает свои политические убеждения: «Фашист»¹. И хотя тексты в журнале «Нация» публикует в основном под псевдонимом «Н. Дозоров», в переписке с П. Балакшиным упорно добивается от американского издателя оценки произведений этого «своего знакомого»².

Нет необходимости изучать детально «художественно-радикальные» истории всех харбинских писателей. В историю литературы они, как правило, войдут как фон, как иллюстрация религиозно-политической тенденциозности в творчестве. Однако как материал для реконструкции истории ментальности русских маргиналов на территории дальневосточного фронта некоторые тексты представляют несомненный интерес. Особенной активности фашистские публикации харбинских писателей достигают в 1935–1938 гг. Тому есть исторические причины – как внутри маньчжурской жизни, так и за ее пределами.

В 1935 г. Родзаевский в выступлении, посвященном четвертой годовщине РФП (которая в 1934 г. была переименована в ВФП), предрекает национальную революцию в СССР. Для этого он определяет план, состоящий из пяти пунктов: 1) усиление фашистской пропаганды; 2) объединение всех русских эмигрантов Маньчжоу-го под эгидой ВФП; 3) тесное сотрудничество с Германией и Италией; 4) упрочение связей с Японией; 5) проникновение в Советский Союз и установление контакта с «антисталинскими элементами»³.

А в 1936 г. начинаются фашистские диверсионные акции на территории СССР. 7 ноября полдюжины бойцов ВФП пробиваются через границу в Забайкалье, доходят до Читы и прямо на демонстрации начинают распространять листовки, изобличающие преступления Сталина. Потом они благополучно возвращаются в Маньчжоу-го. Родзаевский ликует: сорвал крестный ход у коммунистов.

Активизация фашистских группировок на границе совпала с усложнением общей политической ситуации в СССР. 1935–1937 гг. прошли под знаком преобразований в Коминтерне. Все активнее звучат призывы к созданию V Интернационала.

¹ Дело Митропольского А.И. // БРЭМ. Ф. 830. Оп. 3. Д. 143. 4 л.

² Несмелов А. – П. Балакшину. 3 декабря 1936. Харбин // Из переписки Петра Балакшина с Арсением Несмеловым // Россияне в Азии. 1995. № 2. С. 65–84.

³ Стефан Дж. Русские фашисты. Указ. изд. С. 64.

Случайно или нет, но именно на 1936–1937 гг. приходится пик «фашистской» поэзии Несмелова. В 1936 г. выходит фашистская поэма Н. Дозорова (Арсения Несмелова) «Георгий Семена¹» со свастикой на обложке, местом издания которой обозначен Берн. Антиеврейская тема становится двигателем пропагандистской мысли Дозорова даже тогда, когда речь заходит совсем не об этом – например, о молодых поэтах-фашистах. Но Дозоров весьма умело использует этот антисемитский «козырь», начиная свое наставление так: «Если еврейский младенец обнаружит признаки музыкального слуха, его, едва он подрастет, усаживают за инструмент, нанимают к нему учителей, семья не щадит затрат, – и через несколько лет в городе появляется очередной “вундеркинд”; если же еврейское чадо обнаружит склонность к рифмованию слов, – весь местный кагал вопит о “нашем гениальном ребенке”. Первые, самые трудные шаги начинающего облегчаются всемерно.

У нас, русских эмигрантов, вот так никогда не получается, хотя нашу ли славянскую одаренность сравнивать с легковесной еврейской даровитостью, их способностью к некоторым видам искусства! Мы скромные и мы бедные. Если русский подросток, или юноша, начинает пытаться складывать стихи, его, во-первых, в редкой семье не осмеют:

– Туда же... нашелся поэт!

Во-вторых, ему заметят:

– Чем пустяками заниматься, лучше бы занялся делом. Работу бы себе нашел, семье бы помогал, родителям!..

Первые шаги начинающего русского, эмигрантского поэта, если только он, случайно, не окажется в особо благоприятных условиях, – всегда очень тяжелы и в отношении окружающей среды: нет понимания, сочувствия, никто не даст указаний, – не отметит хорошее, не укажет на недостатки. Не до этого окружению: бедноте не до искусств.

И то, что могло расцвести, дать плод, – склонность русского эмигрантского юношества к художественному творчеству, – вянет, засыхает, и, наконец, отваливается от ствола души, как

¹ *Георгий Семена* – фигура реальная, боевик из отряда Косьмина, схваченный советскими пограничниками во время выполнения диверсионного задания. История суда над ним, додуманная и воспетая «Николаем Дозоровым», должна была вдохновить фашистскую молодежь на дальнейшие подвиги.

ненужное. И так это происходит не только вообще в русской эмиграции, широко взятой, но и совсем рядом с нами: в нашей партийной среде»¹. А далее идет детальный разбор поэзии ничем не примечательного лирика-фашиста Ивана Шурупова...

Будучи штатным пропагандистом, Дозоров советует «начинающим поэтам»: «мысли и положения, выраженные Главой Партии в его стихах, – все это прекрасные темы для стихотворений.

Общих же мест надо избегать. Общие места мало говорят душе. Фашистский поэт должен бить в точку» (Подп. Н. Д.)².

В самих «дозоровских» стихах исследователи совершенно точно подмечают стилистику (и, добавим, тактовиковую ритмику) агитационной советской лирики:

Слово мое – не мольба к врагу,
Жизнь молодую не берегу,
Но и в смертельной моей судьбе,
Миг, как фашист, отдаю борьбе!³

Марианна Колосова, кстати, невысоко, отзывалась об этих фашистских «стишках» Несмелова, написанных от имени Николая Дозорова: «плохо стал писать Арсений Несмелов, раньше, когда он работал в советских газетах, он писал немножко ярче. [...] “Дозоровские стихи” совсем не годятся»⁴. И, действительно – стихи, написанные под псевдонимом «Николай Дозоров», много уступают сугубо «несмеловским» текстам:

ЕДИНЕНЬЕ – новый лозунг,
Общий ФРОНТ – звучит девиз.
В победительные грозы
Новой молнией явись!

Будь, как факел, будь, как знамя,
Будь таким, как был всегда...
Ты ведь встанешь рядом с нами,
Русский мститель Коверда!
Наступает миг последний,

¹ Дозоров Н. Наши молодые поэты // *Нация*. 1936. № 11. С. 43–46. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. В 3-х томах. Т. 2. Указ. изд. С. 325.

² *Нация*. 1937. № 1. С. 39–41.

³ Дозоров Н. (Несмелов А.). Георгий Семена // Несмелов А. *Собрание сочинений*: В 2 т. Владивосток, 2006. Т. 1. С. 494.

⁴ Колосова М. «Их» желтый путь // *Новый путь*. 1936. 6 июня. № 208.

Грозный час уже настал,
И вызывает все победней
Русских витязей сигнал!

(Подп. Н. Дозоров. «Борису Коверде»)¹

Да – порой Дозоров в своих инвективах был слишком прямолинеен². Очевидно, что лозунг «СЛАВА РОССИИ И ВФП!», рефреном звучащий в стихах и в поэме, не обладал сакрализованной притягательностью для широкой общественности, к тому же – был труднопроизносим.

Можно много рассуждать о том, что «Дозоров» – не Несмелов, что это всего лишь маска, потому стихи и другие-де опусы Дозорова не столь талантливы. Поэт, безусловно, понимал разницу между голой пропагандой и тем, что дарили «прикосновения» Музы. Были у Дозорова и более удачные стихи – те, что были построены не на голой идее, а на личных воспоминаниях, пропущены сквозь опыт раздумий поэта-добровольца Арсения Митропольского.

И тогда вступали в права любимые «несмеловские» пятистишия, которыми были написаны его лучшие стихотворения³:

Есть правда тыла, где стоят обозы
И кухни под навесами дымят;
Есть правда прозябания и прозы,
И редко освещающие грозы
Над мирным засыпанием гремят.

Но есть иная правда. Лишь герою
Ее глаза, ее зовущий знак...
Есть правда шашки, обнаженной к бою,
В самозабвенном: «На врага, за мною!»
Кавалерийских огненных атак.
Свободно каждому делается выбор...
Под небесами оттремевших гроз.
Где падал конь, от пули вставший дыбом, –
Безмолвный, сонный проползет обоз....

(«Две правды». Подп. Н. Дозоров)⁴.

¹ Нация. 1937. № ?. С. 27–28.

² Об этом: *Забияко А.А.* Художественные трансформации этнокультурных архетипов: от юродства до фашизма. Указ. изд. С. 233–234.

³ О версификационном мастерстве А. Несмелова: *Забияко А.А.* «Сердце жаждет поединка...»: Арсений Несмелов // «Четверть века беженской судьбы». Указ. изд.

⁴ Нация. 1936. № 11. С. 41.

Видимо, псевдоним «Дозоров» и аналогичный ему «Н.Д.», в отличие от многих других гетеронимов («Рахманов», «Биби-ков», «Арсеньев»), использовались Несмеловым не ради денег. Точнее – не только ради денег (в них он нуждался постоянно, потому бессребреником не был). Из песни слов не выкинешь – Несмелов был по большей части искренним в своих тенденциозных произведениях¹. Другое дело – сама тема и личности, о которых писал поэт, не соответствовали масштабу его дарования.

Особенно проявлена его внутренняя убежденность в фашистской идеологии в поучениях молодым фашиствующим поэтам. Так, один незадачливый «лирик» применяет неудачный образ (по правде говоря, удач в разбираемых стихах вообще найти трудно), и мэтр поправляет: «Выражение “словесная война” имеет специфическое значение. Так как это речение обычно употребляется в литературе, – оно означает нечто несерьезное, даже комическое, что обычно противопоставляется подлинной войне, где льется человеческая кровь. При словесной же войне льется не кровь, а чернила, и ведут эту войну шелкоперы. <...> Уж было бы лучше, если бы автор снабдил слово война эпитетом *идейная* или *священная* и т. п., несколько изменив, конечно, и текст следующих строк»² (выделено Н. Дозоровым. – А.З.).

Чуть ниже он продолжает свою поэтически-идеологическую работу:

«Во второй строфе того же стихотворения имеется два таких стиха:

К цели смело идем мы вперед,
Облаченные в светлые ризы.

Если *идем к цели*, то слово вперед – лишнее. Направление движения уже указано. Отдавать фашистов в *ризy* тоже не следовало бы. Пусть бы автор оставил соратников в их прекрасных *штурмовках*. Было бы выразительнее»³ (выделено Н. Дозоровым. – А.З.).

В 1937 г. Дозоров опубликует политический фарс (этюд в 2-х действиях) на эту тему – «Привидение в партклубе». Действующими лицами в нем будут весьма одиозные фигуры: Вайн-

¹ Исследуя «фашистские» тексты Дозорова, националистические пассажи Несмелова, развернутые в текстах более-менее нейтральных, автор изменил свое мнение о внутренней природе таких произведений Несмелова.

² Дозоров Н. Наши молодые поэты. Указ. изд.

³ Там же.

штейн – начальник ГПУ¹ («говорит без еврейского акцента»; такое предупреждение для «господ-актеров» сделает автор); Залкинд – «типичный семит, комендант партклуба. Сильный акцент»; Кабан – телохранитель Вайнштейна и др. Противостоять коммунистам-евреям и их пособникам будет Стоюнин и Филатов – «фашисты, члены конспиративной организации»², а помогать молодым патриотам (в словоупотреблении фашистов, перенявших во многом советскую стилистику, – «соратникам») – ночной сторож Силангий, бывший гвардеец, «похожий на Скобелева» (имеется в виду знаменитый героический генерал). Разумеется, «соратники» Стоюнин и Филатов побеждают невыносимых «семитов» и утверждают «Славу России» в отдельно взятом партклубе, то есть – достигают поставленной цели в своей террористической акции.

«Этюд», несмотря на ходульные образы и фантастический финал, – написан ярко, весело, бурлескно. В нем проявлены все имеющиеся в арсенале писателя запасы художественного остроумия. Например, комический эффект от игры словами или частями слов:

«ВАЙНШТЕЙН. Я вас дожидаю, товарищ Свистунов.

СВИСТУНОВ. До... жид... ай, ай, ай! С юдофобией слово»;

Или:

«СТЕПАНИДА. Даже удивительно! Что я его под юбку, что ли, спрятала? Нужен он мне, пархатый...

ВАЙНШТЕЙН. Что?!

СТЕПАНИДА. Я говорю: не бархатный!»

Дозоров обращается и к сказовой манере, стилизуя «мстечковый говор» ничтожного Залкинда:

«ЗАЛКИНД (дрожа всем телом). Я не верю в Бога, я не верю в черта. Я не верю даже товарищу Сталину. Я никому и ничему не верю. Я верю только в погром. И когда господин Хвощов в ночь под бывшее Рождество начинает визитировать в партклуб и развлекаться игрой на музыке, так я себе уже говорю: таки да, таки будет погром! Погром будет! Я уже чувствую с воздуха, как нас будут бить по шее. Почему? Потому, что я – Залкинд,

¹ ГПУ – Государственное политическое управление; спецслужба в РСФСР в 1922–1923 гг., преемник ВЧК и предшественник ОГПУ.

² Дозоров Н. Привидение в партклубе (эпюд в 2-х действиях) // *Нация*. 1937. № 3. С. 33–40. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Указ. изд. С. 312.

потому, что я – Моисей Абрамович, потому, что я – комендант партклуба. Ах, Моисей, Моисей!.. И зачем тебе нужно было это дело? Член партии? Пхе! Что такое член партии? Я бы был себе в Харбине, я бы был себе в Тяньцзине! Я бы торговал себе с девочками, я бы торговал себе с белый товар. Я бы... (Шум приближающихся голосов). Уже идут. Что же мне делать? Кричать? Стрелять? Или спевать “Боже, Царя храни”? Ох! (Ползет к столу и прячется под него)».

Антисемитская прокламационная направленность эту-да – не только в отгалкивающих образах «жидов-коммунистов» Ванштейна и Залкинда, но и в репликах по отношению к ним других – русских – персонажей:

«СИЛАНТИЙ. И скушно мне с вами. Тошно! Чего вы с Рассеей-то исделали? Ведь праздник наступил. Рождество Христово. А вы... А у вас. (Безнадежно машет рукой). Жид на жиде. Жид русского погоняет. Видано ли? Слыхано ли?»

Если Колосова свои радикальные настроения выражала словом «черным да зловещим», образами brutальными и садическими, то Несмелов-Дозоров более разнообразен: в его арсенале и комика, и лирика, и пропедевтика. Несмелов, как и Колосова, оперирует радикальной риторикой с религиозным содержанием. Это и обращение к рождественской топике в «Привидении в партклубе», и образы «русских витязей» (Капель, Коверда, Семена и др.). Православно-националистическую лексику включает он и в свои «педагогические» высказывания:

«Во имя спасения Родины, освобождения ее от красных узурпаторов и во имя проведения в жизнь нашего лозунга “Русский Русскому брат” – мы, именно, стремимся к победе, к власти, и эта власть, конечно, земная, но освященная Богом, ибо идеал наш – христианский»¹ (курсив мой – А.З.).

Несмелов делает ставку на мастерство и образование: «Соратнику Митричу надо, видимо, еще много работать над своим самообразованием. Без известной высоты культурного уровня, – работа в искусстве, вообще, трудна, бесплодна. Рядом с этим должна проводиться и работа по овладению стихотворчеством. У стихосложения есть свои законы; знать их и подчиняться им – необходимо»².

¹ Дозоров Н. О наших начинающих поэтах. Указ. изд.

² Там же.

Его художественный радикализм в большей степени имеет националистическую, чем религиозную окраску, более умозрителен – но он так же искренен, как и инвективы «неистой Мариины».

1937 год в истории советского народа вступает в права новый виток сталинских репрессий – эпоха Большого террора.

В этом же году начинается широкомасштабное вторжение Японии в Китай, так называемый «китайский инцидент».

Руководство ВФП реагирует в духе «трех А». Причем антисемитизм становится ведущей идеей в ее пропагандистских излияниях. В 1936 году опубликована брошюра В.Н. Данилова, одобренная главой ВФП Родзаевским, – «Что такое Протоколы сионских мудрецов»¹. В 20-е годы это сочинение-мистификация вновь стало волновать воображение разнообразных деятелей правого толка, и вполне закономерно его популярность в кругах эмиграции. Русские фашисты решили вернуться к реанимации идеи подлинности книги совершенно с практическими целями – желая доказать своим апологетам угрозу со стороны всемирных жидомасонов².

¹ Данилов В.Н. Что такое Протоколы сионских мудрецов. Шанхай, 1936. «Протоколы сионских мудрецов» – сфальсифицированный сборник текстов о вымышленном всемирном заговоре евреев. В текстах излагаются планы завоевания евреями мирового господства, внедрения в структуры управления государствами, взятия неевреев под контроль, искоренения прочих религий. «Протоколы сионских мудрецов» играют важную роль в теории жидомасонского заговора. За свою историю существования (с середины XIX в.) «Протоколы» переиздавались многомиллионными тиражами и были переведены на многие языки мира. В России первый вариант «Протоколов» появился в 1903 г. в журнале «Знамя».

² Так, на процессе, который проходил в Берне в октябре 1934 и мае 1935 гг., было проведено расследование происхождения «Протоколов». Процесс вызвал огромный интерес во всем мире, на нем присутствовали многочисленные журналисты. В качестве свидетелей вызывались, в числе прочих, русские эмигранты, имевшие в конце XIX века контакты с работниками парижского бюро русского Охранного отделения. Несмотря на то, что суд своим решением признал, что «Протоколы» являются фальсификацией и плагиатом, и, таким образом, это произведение подпадает под действие Бернского закона о «непристойной литературе», неточность трактовки слова «непристойный» Бернским судом привела к тому, что приговор был частично отменен апелляционным судом в Цюрихе в ноябре 1937 г.

В брошюре Данилова «Протоколы» рассматриваются как «исчерпывающая программа подпольной деятельности международного еврейства по разложению и уничтожению всех нееврейских государств и обществ в целях воцарения Израиля и захвата власти над миром».

В 1937 г. уже в Харбине выходит еще одна брошюра – «История еврейского штурма России»¹ Н.Е. Маркова, посвященная теперь теории коммунистического еврейского заговора, столь популярной в правых националистических кругах эмиграции, и вновь истории скандально известных «Протоколов сионских мудрецов».

Антисемитская идея в риторике фашистов соединяется с идеей радикально-национальной. И если Колосова апеллировала к фольклору и народной православной стихии, то Несмелов в эти годы возводит в ранг святого литературные национальные символы.

1937 год – год празднования столетия русского гения Пушкина в культурной жизни русских: в эмиграции и метрополии, в восточной и западной ветвях зарубежья. И советская, и эмигрантская критика пытаются поставить Пушкина на службу обострившейся идеологической борьбе². В эмиграции Пушкин из категории «наследства» попадает в разряд «современников». Для эмигрантов, выросших на дореволюционном образе Пушкина, новое его прочтение стало средством личного выживания, личной связи с культурой. Наступило время и нового прочтения пушкинской поэзии.

Вслед за парижскими собратьями в Харбине при БРЭМ создается Центральный Пушкинский Комитет, а в русском Ки-

¹ *Марков Н. Е.* История еврейского штурма России. Харбин, 1937. (Марков Николай Евгеньевич (1866–1945) – политический деятель правого толка, один из лидеров черносотенцев, радикальный антисемит. С 1910 г. председатель главного совета Союза русского народа. После революции 1917 г. – участник Белого движения. С 1920-х годов находился в эмиграции, продолжив политическую деятельность в православно-монархическом русле. Выступал сторонником фашистских политических режимов. Сотрудничал с властью в Третьем Рейхе. Поддержал последних в их плане вторжения на СССР, после чего во многом отошел от активной политической деятельности, при этом продолжив публиковать статьи антисемитского содержания).

² В частности, А.В. Луначарский издает целый цикл работ о Пушкине, не остаются в стороне и другие политические и культурные деятели.

тае выходит целая серия публикаций, посвященных Пушкину, его окружению и его новому звучанию в эмиграции¹.

Председателем Пушкинского Комитета становится уже упомянутый профессор Н.К. Гинс. 1 марта 1937 г. он выступает на юридическом факультете с речью «А.С. Пушкин. Русская национальная гордость». Харбинские фашисты активно откликаются на юбилей русского гения². Самым первым из «соратников» обращается к Пушкину Арсений Несмелов, делая его знаменем русского ... фашизма в статье «Пушкин и нация»³.

Статью в журнале «Нация» предваряет идеологически заряженная редакционная реплика: «Мы, Русские фашисты, трагическую гибель Пушкина рассматриваем, как результат борьбы национальных Русских сил с силами, чуждыми России, вторгшимися в нее извне. Среди последних едва ли не первенствующее значение надо признать за силами масонскими, пытавшимися сначала овладеть душой национального Русского гения и затем, потерпев неудачу, дерзнувшими на страшное преступление. И наше

¹ Например: *Северный П.А.* Дуэль // Слово. 1934. 2 января. С. 8; *Перемиловский В.В.* Беседы о русской литературе. Вып. 1. Пушкин. Харбин, Прага, 1934; *Северный П.А.* Косая Мадонна. Очерк о Н.Н. Пушкиной. Шанхай, 1934. 85 с.; *Щербаков М.* Отзыв о книге В.В. Перемиловского «Беседы о русской литературе. Вып. 1. Пушкин» (Харбин, Прага, изд. «Русско-Маньчжурской Книготорговли в Харбине», 1934). Врата. 1935. № 2; *Щербаков М.* Отзыв о книге Павла Северного «Косая Мадонна». Шанхай, 1934. Врата. 1935. № 2; *Северный П.А.* Кружева жизни Пушкина // Слово. 1937. 7 февраля. С. 9–10; *Северный П.А.* Косая Мадонна. Повесть о Пушкине. Шанхай, 1937. 2-е изд. 182 с. В 1937 году выходит пушкинский «Рубеж»: *Гинс Г.К.* Пушкин и наша родина // Рубеж. 1937. № 6. С. 1–2; *Резникова Н.* Бледный ангел // Там же. С. 3–5, 8–11; *Логинов В.* Вечные видения // Там же. С. 5; *Шмидт М.* Родные углы Пушкина под красной сенью // Там же. С. 6–8; *Несмелов А.И.* Кого винить? // Там же. С. 8; <Б.н.> Карьера Дантеса // Там же. С. 11; *Русланова П.* «В кипении страстей...» // Там же. С. 12, 16; *Карикатуры ВИТА* «Мы и Пушкин...» // Там же. С. 13; *Кряжев В.* Пушкин в музыке // Там же. С. 14–15; <Б.н.> В декабрьскую метель. С. 16, 18, 19, 22, 23; *Муратов Б.* Графиня из «домика в Коломне» // Там же. С. 17; *Клеменс Ю.* Первопрестольная во дни Пушкина // Там же. С. 20–21; <Б.н.> Книжные новинки: «Россия и Пушкин»; *Н.Р.* «Собрание сочинений Пушкина» // Там же. С. 25.

² *Назов И.* На юбилей Пушкина. Стихи // Наш Путь. 1937. № 37; <Б.н.> Пушкин и современность // Наш Путь. 1937. № 37; *Родзевский К.* Пушкин // Наш Путь. 1937. № 37.

³ *Несмелов А.* Пушкин и нация // Нация. 1937. № 1. С. 8–11. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей.* Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии. Т. 2. Указ. изд. С. 335.

утверждение не голословно: не напрасно же всякий раз, когда *жидомасоны* пытались причинить вред нашей Родине, они всегда первые свои удары делали по Пушкину, пытаясь развенчать его, обесславить. Этот момент и указан прекрасно в статье соратника А. Несмелова» (курсив мой. – А.З.).

«Соратник Несмелов» (автор публикуется под своим именем, и это характерно) поступательно развивает эти тезисы. Враги России (разумеется, жидо-коммунисты) мечтают «обезбожить» нацию посредством «магических манипуляций» – отнять у русских имя Пушкина:

«Всегда, когда антинациональные силы поднимали, или пытались поднимать, голову в надежде вредить России, – они первые свои удары всегда направляли против Пушкина. <...> Вспомним писаревско-нигилистскую эпоху, вспомним предреволюционных Бурлюков и Крученых, начертавших на своих тряпках-знаменах курьезный лозунг:

– Долой Пушкина с парохода современности!¹

Но солнце гения сожгло их, как и самый их пароходик. Пришла советчина и тоже атаковала Пушкина. Он головою был выдан на расправу Крупской: пусть поживает и вымирает неподходящее. Но и Крупской с наркомпросом² Пушкин оказался не по зубам. У страны, обессиленной, обворованной, залитой кровью и нечистотами, оставалось одно солнце – Пушкин. И страна Пушкина не отдала. Страна сберегла Пушкина, его томики дореволюционных изданий, как гугеноты, сжигаемые на кострах инквизицией за хранение Библий, берегли эту книгу.

И советчина спасовала: там, за рубежом, судя по газетам, тоже собираются отмечать великую дату, и готовятся к этому. Но не насмешкой ли будут “Пушкинские торжества”, торжества в честь русского национального гения в стране, где власть топчет все национальное и издевается над ним. Бессмертная

¹ «Долой Пушкина с парохода современности!» – лозунг из манифеста русских футуристов «Пошечина общественному вкусу. В защиту свободного искусства» (1912), написанного поэтами Д. Бурлюком, А. Крученых, В. Маяковским и В. Хлебниковым.

² *Наркомпрос* (народный комиссар просвещения) – имеется в виду А.В. Луначарский (1875–1933); революционер, соратник Ленина, первый народный комиссар просвещения в Советской республике (1917–1929). Автор многочисленных статей о творчестве А.С. Пушкина, инициатор и редактор издания полного собрания сочинений Пушкина.

душа Пушкина будет не “там”, а с нами, хранителями той России, которой он отдал свой гений».

В этом же году появится еще одно любопытное с точки зрения русского национализма произведение – рассказ Николая Байкова «Мудрый Соломон», вошедший в его уже упомянутый во второй главе сборник «По белу свету» (1937). В художественном целом сборника появление этого рассказа, с одной стороны, логически оправдано: тематической основой сцепления отдельных сюжетов становятся странствия автобиографического рассказчика, вызванные тектоническими сотрясениями основ мирной русской жизни. Начало им положено событиями Первой мировой войны, а затем – революция, Гражданская война, последующие скитания бывшего офицера «по белу свету». Переключка названия с известными очерками любимого Байковым А.В. Елисеева также заслуживает внимания: писатель-этнограф XIX в. странствовал, движимый своей научной миссией. Век XX сделал писателя Байкова путешественником поневоле. Из этого путешествия он еле вернулся живым, однако дух русского ученого оказался не сломлен.

Пространственно-временные координаты «Мудрого Соломона» характеризуют середину невольных скитаний русского офицера. В нем описываются события в Киеве 1918 г., когда город после долгих политических метаморфоз был временно взят западной группой Добровольческой Армии: «Кого только не видел этот красавец-город в своих стенах за это “смутное” время! Здесь побывали и самостийники-петлюровцы, и гетманцы, и чехословаки, и гайдамаки, и большевики два раза. Все они похозяйничали здесь и оставили после себя у веселых киевлян невеселые воспоминания» (С. 167).

Наш герой-рассказчик (прямой alter его писателя) как раз и оказывается на улицах родного города в период «избавления», он воодушевлен вместе со всеми: «Киевляне ликовали и встречали “Белых” криками “Ура!” и пением национального гимна.

Молодежь и женщины забросали цветами Белые войска, вступавшие в город.

Ликование было общее искреннее. Многие плакали от умиления и беспредельной радости» (С. 167).

«Всматриваясь в лица офицеров и солдат, я видел в них какую-то особенную одухотворенность, граничащую с энтузиазмом.

Все это была молодежь, безудачная и безбородая.

Сразу было видно, что это цвет нашей интеллигенции, вставшей на защиту родины. В большинстве случаев это были студенты и гимназисты, ушедшие добровольцами в "Белую армию" прямо со школьной скамьи. Недаром же вся армия называлась "Добровольческой".

Я с удовольствием смотрел на веселых киевлян, спаянных патриотическим подъемом с армией "освободителей".

"Вперед! На Москву" – кричала молодежь, качая на руках юных добровольцев и вручая им заранее заготовленные флаги» (С. 168).

Урапатриотическое настроение экспозиции рассказа смещает часть, ради которой, собственно говоря, и были все эти авторские пассажи.

Это – монолог Соломона Б., известного киевского адвоката, который сам подходит к своему школьному товарищу и увлекает его в кафе для беседы.

Разговор происходит в обстановке интригующей – Соломон приступает к нему, «заперев плотно дверь и опустив портьеру», говорит «полупшепотом», сразу предупреждая – все, «что я тебе скажу, пока тайна <...> События, о которых ты не имеешь понятия, назревают!»

И далее Соломон «пророчествует»: «Белая Армия двигается на Москву, но Москвы им не взять. Очень скоро большевики займут всю Россию. Почти вся наша еврейская молодежь состоит в коммунистической партии, куда она пошла сознательно, из политических и тактических соображений. Коммунизм и большевизм – все это только показная театральная декорация для зрителей; за кулисами ее скрыта реальная, но тайная сила. Капитал заключил союз с масонством и коммунизмом и объявил войну национализму и христианству, то есть тем началам, которые мешают ему овладеть миром. Почти все войны последнего времени были организованы этой мировой силой, которая была сразу двух зайцев, имела колоссальные барыши и расшатывала государственные устои многих стран» (С. 169).

Эта «мировая сила», «шайка международных спекулянтов», свалив успешно «три самые сильные мировые монархии: Россию, Германию и Австрию», «набив себе карманы», развивает «свой план будущего»: «Русский народ по своим физическим и духовным качествам как нельзя более подходит для всяких

экспериментов коммунизации, но для этого его надо обескровить и лишить мозга» (С. 170), «с этой целью <...> большевики уничтожают элиту, мыслящий класс, то есть интеллигенцию. С остальным народом, как поляки говорят – “быдлом”, они потом справятся уже легко посредством испытанных и исторически проверенных приемов в виде террора, морального разложения, голода, физического развала и невежества» (С. 170).

«Эта дьявольская система основана на самых точных и рациональных научных началах. Ленин, Троцкий и вся эта теплая компания будут проводить только то, что угодно мировым хищникам. Они являются исполнителями чужой воли, воли анонимного общества, имя которому – “Золотой Телец”. Ему поклоняется теперь весь мир. У ног его Сатана справляет свой бал!» (С. 170).

Зачем еврей Соломон посвящает русака-офицера в эти масонские тайны? Он считает это необходимым сделать «как друг и однокашник» и как человек, который не может «примкнуть к этой шайке палачей» (С. 171).

Кульминационный момент сюжетной линии (развитие которой составляет нанизываемая Соломоном аргументация теории «мирового заговора») – зрелище пленных красных матросов: «Все это были огромные здоровые люди, в форме матросов гвардейского экипажа, только вместо георгиевских ленточек на бескозырках у них развевались алые ленты, цвета свежей крови.

Всматриваясь в их лица, я не заметил в них ничего человеческого. Как на подбор, все они отличались зверским выражением и животной тупостью. Их широкие волосатые груди были открыты, и у многих сверкали дорогие кулоны, снятые, вероятно, с замученных ими интеллигентных женщин. Они нагло и дерзко смотрели на толпу и перекидывались между собой грубыми циничными замечаниями» (С. 171–172).

Развязка рассказа – финальный комментарий Соломона:

«Ты думаешь, их ждет расстрел? Ничего подобного! Их помилуют ваши русские слонтяи, несмотря на то, что они, без сомнения, являются палачами русского народа. <...> Они, наверно, презирают своих врагов за их гуманное отношение и человечность. Попадись только к ним в лапы, они, конечно, не помилуют. С живого шкуру сдерут. Это им нипочем. Вы,

русские, вообще мягкотелые, и это в конце концов вас погубит. <...> Горе русскому народу, если он не бросит пагубную привычку “непротивления злу”. Эта тенденция по существу противна христианству».

С точки зрения «беллетристичности» (в сопоставлении с предыдущими повествованиями сборника о Первой мировой, о встрече с гуцульскими колдуньями, о том, как спас героя клык Великого Вана) рассказ «Мудрый Соломон не выдерживает никакой критики. Это – откровенная прокламация, в которой нет ни психологизма, ни фабулы, само начало уже словно воссоздает стилистику политического памфлета однозначного толка. Революция определяется как «кошмарная вакханалия разрушения самых основ Российской государственности», а далее наступает время, когда «орава беспринципных проходимцев международного и местного производства, играя на дикости и невежестве народных масс, разоряла страну, превращая ее в арену гражданской войны, со всеми ее ужасами, злодействами и зверскими жестокостями».

Но в этой публицистичности и была, очевидно, авторская установка. Не случайно роль резонера отведена еврею – старому другу рассказчика, но чужому по отношению и к русской культуре, и русскому сознанию, и к православию. В страстной речи Соломона звучат те слова и те мысли, которые русскому человеку было выражать не просто неприлично – недопустимо. Потому-то именно еврей Соломон «открывает глаза» своему русскому визави на страшный заговор евреев против России. Оттого столь силен и действен эффект соломоновой «мудрости». Все сказанное в речи Соломона и подкрепленное живыми впечатлениями звучит, как будто действие происходит в «наши дни», это – не воспоминание, а «зарисовка с натуры»: «Мы обменялись дружеским рукопожатием и расстались» (С. 172).

Что же это за рассказ? Как объяснить его появление в прозе натуралиста Байкова?

Байков был монархистом. Советскую власть он не принял, в 1918 году перебрался на юг и воевал против красных в Добровольческой армии в офицерском батальоне генерала Гуттенберга (1918–1919). В эмиграции Байков стал не просто отчаянным приверженцем монархической идеи – он всецело положился на роль Японии и Маньчжоу-го в «священной войне»

против «Красного Сатаны», сотрудничал с фашистами¹. И ему также весьма импонировала фашистская теория жидомасонского заговора². В этом же году Байков напишет стихотворение «Врагам России», где будет воспета «Русь державная» «под сенью гордого двуглавого орла».

Японцы поддерживали самых талантливых писателей, понимая прекрасно, что только настоящий дар может стать действенным оружием в идеологической борьбе. А насколько были искренни писатели-радикалы? Настолько, насколько националистические и религиозно-радикальные настроения отвечали их личным ощущениям и их пониманию того, как следует «обустраивать Россию». Показательным примером является история публикации откровенно тенденциозных сборников «Избранные произведения писателей народов Маньчжоу-го», устроенной марионеточной администрацией Маньчжоу-го. В первый, состоящий из 20 участников (японских, маньчжурских и китайских), вошли и два русских рассказа – Бориса Юльского «Обрыв» и Арсения Несмелова «Кровавый след на снегу». Стремление инициаторов сформировать «новое народное сознание», в конечном итоге приводящее к «новой общности» народов Азии, не оказалось поддержанным русскими авторами. Оба рассказа были посвящены русской жизни, события их происходят в России и не имеют «никакого отношения к «строительству» нового «царства гармонии»»³. Снискав недовольство «соцзаказчика», русские писатели уже во втором сборнике (теперь уже Б. Юльский в рассказе «Конец Мирона Шибанова» и Н. Байков в рассказе «В трюгах Лао-Лина») вновь проявили

¹ Сообщение о нападении гитлеровской Германии на СССР Николай Байков принял вполне однозначно. В марте 1941 г. он писал: «Рассвет уже близок! Тьма рассеивается! Вся российская эмиграция ждет с нетерпением... когда Германия приступит к ликвидации коммунизма и восстановлению национальной России. Мы ждем двадцать три года – подождем еще немного». А в ноябре следующего года в составе делегации из шести писателей, представлявших литературу Маньчжоу-го, Байков отправился в Японию, союзницу Гитлера по «оси Берлин–Рим–Токио», на съезд писателей «великой Восточной Азии». С течением войны взгляды Николая Аполлоновича кардинально изменились: он радовался победе Красной армии под Сталинградом, введению Сталиным царских «золотых» погон, награждению высокими государственными наградами представителей православного духовенства.

² Например, в Харбине было популярно следующее издание: *Фест Г. Большевизм и еврейство*. Рига, 1935.

³ Об этом: *Рехо К. Байков // Литература русского зарубежья (1917–1940): Материалы и библиографии*. СПб., 1993. С. 270–297.

свои «старые привычки и старое художественное воспитание»¹. Характерно, что последующая за этим критика в качестве положительного примера «строительной» литературы приводила соцреалистические образцы – «Цемент» Ф. Гладкова, «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Лесозавод» А. Караваевой².

Н.А. Байков искренне любил Японию, ее утонченную культуру, поддерживал марионеточный режим Маньчжоу-го, в 1942 г. даже ездил в Японию на съезд ангажированных режимом литераторов. А воспел в своих текстах маньчжурский Шу-Хай, в образах которого, как пишет Ким Рехо, видел все те же сибирские просторы³. А.И. Несмелов весьма уважал японцев, опыт сотрудничества с ними имел еще с Владивостока; долгие годы он сотрудничал с родаевцами, с начала 40-х гг. был пропагандистом в японской разведывательной школе, а рассказ на конкурс послал – про Россию и свою юность. Бориса Юльского японцы спасли от засасывающей наркомании – отправили его служить в Лесную полицию, а он все равно писал о Китае, драконах и русских детях. Так, в принципе, провалился культурный, хорошо профинансированный, проект японцев под названием «Литература Маньчжоу-го».

Что было делать с этими русскими? «Такова натура славянина», «с которым можно завоевать полмира», – писал Николай Байков в 10-е годы в своих первых рассказах и повторял эту фразу в 40-е, имея в виду непредсказуемость русского характера, в котором удивительная доверчивость сочетается с непостижимой цельностью и национальным консерватизмом. Даже увлекшись уже готовой идеей европейского национального радикализма, русские националисты-радикалы на сопках Маньчжурии переиначили ее на свой, русский лад, переосмыслили в духе русского патриотизма в особом фронтирном понимании.

И самые глубоко осмысленные стратегии национального утверждения будут отрефлексированы теми же писателями, о которых шла речь в этой главе, и другими писателями и публицистами, но на материале ином, посвященном поискам этничности и этнокультурной интеграции в условиях дальневосточного фронта.

¹ *Избранные произведения писателей народов Маньчжоу-го.* Токио, 1942. Т. 1. С. 10.

² *Сосуму У.* О русской белоэмигрантской литературе // Канко Тоа. Токио, 1943. Т. 1. С. 32.

³ *Ким Р.* Байков. Указ. изд.

Глава 10

«В ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ Я БЫЛ РУССКИМ»: ТЕОСОФИЯ И МИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ПОД ЗВЕЗДАМИ МАНЬЧЖУРИИ (Альфред Хейдок)

Особенным образом ментальность дальневосточного фронта отозвалась в этнокультурных, религиозных и творческих исканиях Альфреда Петровича Хейдока [1892–1990] – латыша, чьим сознательным выбором стала судьба русского писателя-эмигранта. Предрасположенность психики культурного маргинала А. Хейдока к приятию инокультурных традиций соединилась с мистическим мироощущением и острым даром беллетриста.

Как и многие из старшего поколения писателей-эмигрантов, Хейдок имел богатый жизненный опыт, вмещающийся в авантюрную драму, режиссерами которой явились судьба и случай. Анализируя жизненный путь этого писателя, можно предположить, что все противоречивые хитросплетения истории Российской империи рубежа XIX–XX вв. были задуманы исключительно для того, чтобы мальчик из латышской деревушки стал тем, кем он стал, – доблестным русским солдатом, талантливым русским писателем-мистиком и до конца своих дней последовательным апологетом Н.К. Рериха. Корни этого сложного комплекса, характеризующего духовный мир Альфреда Хейдока, лежали в его детстве, воспитании и образовании, а проросли пышными плодами благодаря его встрече с Дальним Востоком.

«Как живы и прочны детские воспоминания. Мне скоро сто лет, но я по-прежнему помню во всех деталях бревенчатый домик с пристроенной к нему кузницей... Лес, который моя фантазия населяла всеми персонажами прочитанных сказок», – начинает свой экскурс в прошлое уже седобородый и практически слепой Альфред Хейдок¹. Религиозность, склон-

¹ Хейдок А. Страницы моей жизни. М., 2011. С. 4–5.

ность к мистическому постижению реальности были присущи этому мальчику с ранних лет, о чем мы узнаем из его автобиографических очерков. Во многом обращенность его психического склада к религиозным опытам объяснима влиянием матери и бабушки. Хейдок вспоминал: «Церковь была довольно далеко, и она [бабушка] каждое воскресенье устраивала нечто вроде богослужения сама, в полном одиночестве. После завтрака она водружала на нос очки в железной оправе и доставала из шкафа сборник проповедей на каждое воскресенье и праздник. Проповеди она читала громким голосом, хотя ни одного слушателя у нее не было; мать хлопотала по хозяйству, отец по воскресеньям уходил на сыгровку любительского оркестра, в котором участвовал (на контрабасе), а если это был охотничий сезон, то непременно уходил на охоту, к великому неудовольствию бабушки, обрушивавшей на него упреки, что время, отведенное для богослужения, он употребляет для “греховной страсти”»¹.

Мать научила будущего писателя тонко чувствовать окружающую красоту, ее религиозность носила пантеистический характер: «Многим я обязан ей в своем воспитании, главным образом – бережным отношением к природе. Помню: на росистом лугу она подозвала меня и раскрыла перед моими глазами гнездо какой-то птички, полное крапчатых яиц. Но она меня строго предупредила, чтобы я их не касался руками, так как птичка, почувяв чужое прикосновение, больше к гнезду не вернется. Умело она раскрывала передо мной красоту природы, научила любить цветы...»². Брат и отец будущего сочинителя особой религиозностью не отличались. Отец мечтал видеть в сыне не писателя, а «веселого кузнеца», как и он. Но и мать, и отец были людьми, художественно одаренными, тонко чувствовали музыку: отец играл в сельском духовом оркестре, а позднее с матерью на берегу Волги они музицировали на гармонике и кларнете лютеранские хоралы.

Выросший в прибалтийской деревне на окраине Российской империи, воспитанный в лютеранской семье, Хейдок вынужден был учить русский язык, с детства знакомиться с

¹ Хейдок А. Скорее... Автобиографические очерки // Официальный сайт о творчестве Альфреда Петровича Хейдока. [М., 2006]. URL: <http://www.hejdok.ru/index.html> (дата обращения: 12.05.2009).

² Хейдок А. Скорее... Автобиографические очерки. Указ. ист.

русской литературой, так как в силу тогдашней имперской политики образование и библиотека в школе были русскоязычными. Но это не стало для маленького латышца тяготой. Русскую литературу он читал запойно.

Любимыми писателями будущего харбинского мистика с детства стали Лермонтов и Гоголь. С ранних лет он почувствовал в себе и художественные задатки, считая, что писателем он уже родился. В детстве Хейдок решил, что когда-то в прошлых жизнях он был именно русским, и надо было просто вспомнить давно знакомое¹. В 16 лет юноша попадает в глухую сибирскую деревушку. Будущий теософ знакомится с русскими народными обычаями, с живым бытованием фольклорных жанров. Своеобразие песенного начала русской культуры произвело неизгладимое впечатление на его сознание. Позднее Хейдок и это сочтет знаком предопределения. В своем последующем творчестве он неоднократно будет обращаться к наследию русского фольклора (быличкам, бывальщинам, легендам, историческим песням, сказкам и сказам), через него возвращая своего героя к архетипическим истокам формирования личности. Несмотря на то, что до конца жизни Альфред Хейдок говорил по-русски с акцентом², это не помешало ему создать безупречные с точки зрения русской стилистики и напоенные тончайшей поэзией тексты.

Типологию формирования его религиозности, глубочайшего интереса к тайнам бытия можно соотнести с судьбой румынского ученого Мирчи Элиаде, который «на протяжении всей жизни имел склонность видеть в событиях своей жизни, порой на первый взгляд мелких или случайных, многозначительный скрытый смысл»³. С детства маленький Мирча испытывал неизбывную тягу к этническому самоопределению⁴.

¹ Попов А.Е. Трудная жизнь сильного духа: А.П. Хейдок // Официальный сайт о творчестве Альфреда Петровича Хейдока. [М., 2006] // URL:// http://www.hejdok.ru/b_popov.html (дата обращения 15.02.2007).

² Иронические замечания на сей счет оставил В. Перелешин: *Перелешин В. Два полустанка // Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950.* Amsterdam, 1987; критически высказывался по поводу печатного стиля А. Хейдока и М. Щербаков.

³ Об этом: *Забияко А.П. Мирча Элиаде: методология в контексте индивидуально-психологических и религиозных особенностей личности // Религиоведение.* 2008. № 1. С. 53–66.

⁴ Там же.

Анализируя свою этнокультурную идентичность, Элиаде объяснял перепады настроения, ему присущие, интерес к национальной мифологии и тягу к сакральному именно *поликультурностью* своего генетического наследия¹.

Альфреду Хейдоку с юности была близка идея перевоплощения, которую, как думал, он воспринял благодаря романам популярной в те годы В.И. Крыжановской – автора оккультных романов. Писательница утверждала, что все романы надиктованы ей духом английского поэта, Джона Уилмота, графа Рочестера (потому это имя она приписывала рядом со своим при издании книг)². Однако готовность к восприятию идеи перевоплощения была определена склонностью самого Хейдока к личному религиозному опыту, способностью к вещим снам, «экстатическим путешествиям» (М. Элиаде) и мистическим предчувствиям. Как и румынский мистик, всю жизнь разрабатывавший собственную концепцию «творческой герменевтики», Хейдок большое значение придавал своим «онейрическим» предсказаниям. Так, уже в конце жизни он подробно рассказывал о снах-предсказаниях и мистических схождениях, предопределивших его судьбу.

Чудесным образом он мог предугадывать события личной жизни, читать на расстоянии мысли близких. Ярким примером такого предугадания, во-первых, стало для Хейдока знакомство с его будущей женой: «Это было 3 марта 1918 года. Я с рюкзаком за плечами вышел из города, не спеша, пошел пешком в сторону станции Столбцы, чтобы выбраться с оккупированной немцами территории и уйти домой. Да, в тот день, когда я вышел, матрос, один нехороший человек, убил выстрелом из трехлинейки первого мужа моей жены. А в конце апреля я приехал по железной дороге в г. Благовещенск-на-Амуре. И когда слез с поезда, вышел из вокзала, передо мною открылись крыши г. Благовещенска. *Внутренний голос мне подсказал*: под одной из этих крыш живет твоя будущая жена. И действительно, я пошел пешком в город и первая женщина, с которой я познакомился и начал разговаривать, была моя будущая жена. Она стояла с похоронкой, убитая горем»³. Рассказывал он и об опыте

¹ *Eliade M. L'épreuve du labyrinthe. Entretiens avec Claud-Henri Rocquet.* Paris, 1978.

² *Крыжановская В.И.* На соседней планете. СПб., 1903; *Адские чары.* СПб., 1910; *Дочь коздуна.* СПб., 1913; *В царстве тьмы.* СПб., 1914; и др.

³ *Хейдок А.* Интервью видеожурналу «Беловодье». Указ. ист.

личных «экстатических путешествий»: «Хочу рассказать один эпизод из своей жизни, который иллюстрирует силу человеческой мысли. Я женился в г. Благовещенске. Гражданскую войну пробыл в Благовещенске. А потом, когда Белая власть пала, я должен был из Благовещенска бежать на китайскую территорию в Харбин. А жена осталась в Благовещенске. И, конечно, перебежав в Харбин, я тосковал по своей жене невероятно. Я любил свою жену, и разлука с ней, тем более в таких обстоятельствах, была для меня жестоким ударом.

И вот что я один раз придумал: я решил посетить свою жену мысленно. Как это делать, в какой-то книге я прочитал. И вот я поступил так: в Харбине у меня была маленькая комната, жили там несколько человек, другие ушли, я остался воскресным вечером один в комнате. Тогда я сел на стул или на кресло, скорее всего на стул, и ярко мысленно представил, что я сейчас встаю со стула, выхожу из дома, спускаюсь по ступенькам во двор, иду под гору, перехожу улицу и иду на берег реки Сунгари (Сунгари впадает в Амур). По Сунгари я уже на крыльях мысленно лечу до Амура. Амур поворачивает, я лечу вверх по течению, представляю себе знакомые казачьи станицы, которые я пролетаю, и прилетаю в г. Благовещенск. По знакомой улице иду на свою покинутую квартиру. Прохожу в спальню и нахожу, что жена моя спит. Все это происходит мысленно. Я нагибаюсь и целую ее. Потом я выпрямляюсь и лечу обратно в Харбин. Это было зимой.

Прошло больше полгода и моей жене удалось вырваться оттуда и приехать ко мне в Харбин. Жена рассказала, что она в тот день, когда я ее посетил и поцеловал, проснулась от моего поцелуя...»¹

Он воевал на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, затем оказался в Амурской области, где в с. Тамбовка работал начальником милиции, заслужив уважение среди сослуживцев рассудительностью и порядочностью. Стал свидетелем тамбовского восстания². Чудом спасшись, перешел Амур бук-

¹ Хейдок А. Интервью видео-журналу «Беловодье». Указ. ист.

² Тамбовское (Зазейское) восстание – антисоветское вооруженное восстание Амурских казаков и крестьян в 1924 г. в Благовещенском уезде Амурской области (4 января – 1 февраля 1924 г.). Причина восстания – увеличение Дальревкомом продовольственного налога на 25 %. Восстание было жестоко подавлено, более 1000 чел. расстреляно. Более половины участников восстания эмигрировало в Манчжурию.

вально накануне вхождения в Благовещенск красных партизан¹. Видел такое, после чего нетрудно подвинуться рассудком либо уйти в религию. И вот – попав в Харбин, боевой офицер Альфред Хейдок окунается в писательскую среду. При этом становится пламенным последователем и сотрудником Рериха на всю жизнь.

В детстве он уже был под большим впечатлением от репродукций картин Н.К. Рериха. Своими необычными темами они будили в юноше мечту, звали вдаль, окутывали действительность сладостью сказки. Подолгу, не отрываясь, засматривался юный Альфред на эти картины и как бы переселялся в них. Хейдок писал: «Мне было 16 лет, когда я пришел к заключению, что нет в мире лучше художника, чем Рерих. Мог ли я в то время подумать, что когда-нибудь с ним встречу». Позднее он напишет: «Это не было случайность. Это была воля планомерной руки Владыки, который направлял меня. <...> И неминуемо наша встреча должна была состояться»². Предчувствие этого события отразится в творчестве писателя задолго до знакомства с Рерихом: уже в рассказе «Маньчжурская принцесса» (1930) при описании китайских представлений о мире дается упоминание полотен Рериха: «Видели ли вы когда-нибудь некоторые из удачнейших творений Рериха? Замечали в них за каким-нибудь холмом нашего севера, ничего особенного собой не представляющим, неизмеримую глубину бледных северных небес, в которой вы сразу чувствуете *седую вечность, космическое спокойствие и такую даль, будто она раскинулась за гранью недостижимых миров?*»³.

Встреча с Учителем произошла в 1934 г., но известно, что Хейдок познакомился с трудами Рериха задолго до того – например, в 1924 г. была выпущена книга «Пути благословения», включившая 12 статей Н.К. Рериха. Книга была издана при непосредственном участии Г.Д. Гребенщикова. В 1924 г. в газете «Русский голос» были опубликованы две статьи «Н.К. Рерих» за подписью Е.В. и «Таинство Рериха» Г.Д. Гребенщикова; в 1933 г. газета «Заря» опубликовала статью Рериха «Неизлечи-

¹ Хейдок А. Страницы моей жизни. Из устных рассказов писателя (1989). Указ. изд.

² Хейдок А. События. Время. Люди // Хейдок А. Страницы моей жизни. Указ. изд. С. 34.

³ Хейдок А. Звезды Маньчжурии: Рассказы. Владивосток, 2011. С. 74.

мая рана». Для А. Хейдока, переводившего «Тайную доктрину» Е.П. Блаватской, увлечение теософским учением явилось ступенью на пути к постижению «Агни Йоги».

Реальную встречу с Рерихом Хейдок считал самым важным событием, поворотным пунктом своей жизни: «Первый раз я встретился с Николаем Константиновичем на вечере, устроенном литературным объединением “Чураевка”. <...> Когда я узнал, что А. Ачаир устраивает вечер в честь приезда Николая Константиновича, я помчался к нему с просьбой, чтоб он познакомил меня с Николаем Константиновичем, и А. Ачаир обещал. Зал, в котором происходило это собрание, был не велик, но он был полон народу. Появился Николай Константинович, я впервые увидел его, и произнес краткую речь о сотрудничестве. О сотрудничестве, как о принципе, на котором должны строиться человеческие межгосударственные отношения в будущем. Он призывал также всех вносить принцип сотрудничества в нашу жизнь. <...> Когда А. Ачаир меня представил, я попросил Николая Константиновича назначить мне аудиенцию, принять меня для более, так сказать, длительного разговора. Но оказалось, что желающих попасть к Николаю Константиновичу так много, что Николай Константинович должен был открыть запись на прием и нанять специального швейцара у дверей, который пускал посетителей строго по записи, по очереди, и эту запись как раз вел его брат. Когда я попросил о приеме Николая Константиновича, он обратился к брату и спросил: “Как там у тебя, когда мы сможем принять молодого писателя?” Брат прикинул и сказал: “Через три дня. Очередь такая большая, что через три, четыре дня”. Ну, вот я дождался назначенного времени для приема и пришел к Николаю Константиновичу. <...>

Войдя в кабинет, он встал за письменным столом. Причем письменный стол его стоял напротив входной двери, в которую я входил. И вот в этот момент, когда он стоял за письменным столом во весь рост, когда я близко устремил на него взгляд, я понял, что я давно знаю его, и что совсем не первый раз вижу его, и еще я понял, что он мне *роднее родного отца*. У меня вылетели все заготовленные фразы, с которых я хотел начать разговор с Николаем Константиновичем. Я решил задать ему вопрос, который меня очень волновал в Томске, и я задал его. Я сказал: “Николай Константинович, я читал ваши книги:

«Пути благословения», «Сердце Азии», читал о Шамбале и о Великих Учителях, скажите мне, действительно ли существуют такие Великие Учителя и такая Шамбала?» И он мне ответил: “Да, существуют, и я у них был”. После этого у нас пошла беседа о Великих Учителях, о теософии, о Шамбале. Николай Константинович сказал, что Великие Учителя Шамбалы дали Новое Учение, которое называется “Агни Йога”, более того, он мне обещал книги Агни Йоги, как только придет его багаж. Я слушал, *преисполненный огромной радости*, я был счастлив, Николай Константинович излучал из себя *духовный магнетизм*, на фоне которого люди чувствовали себя счастливыми, радовались. Присутствие Николая Константиновича *было до того благостно*, до того приятно, что не хотелось уходить, но я понимал, что уходить-то надо. Но, прощаясь, я так сказать, высказал мысли, что я прощаюсь, ухожу совсем и больше не приду, а он меня перебил и сказал: “Зачем, вы будете приходить, мы с вами будем встречаться”, – и называет новый день для прихода» (курсив мой. – А.З.)¹. Впоследствии у Хейдока и Рериха завяжется переписка, к сожалению, пропавшая в 1950 г. во время ареста Хейдока в СССР. Телеграмму Рериха с поддержкой идеи вернуться в СССР Хейдок будет хранить также до ареста. А вот кольцо-талисман с зеленым камнем, подаренное Учителем в тот незабвенный день, Хейдок чудесным образом пронесет сквозь лагерь и лишения... «Настанет некогда в жизни каждого человека такой день, когда он будет в состоянии заглянуть в свои ранее прожитые жизни в веках и тысячелетиях». В такой емкой форме в своем позднем творчестве А. Хейдок выразит один из постулатов учения Агни Йоги. Очевидно, что его путь к восприятию и стойкому следованию идеям Рериха начался в самую раннюю харбинскую пору.

С одной стороны, произведение Хейдока тех лет пронизаны теософскими идеями поиска сверхреального бытия, сопряженными с китайской мистикой и религиозными представлениями Востока, и насыщены соответствующей символикой. С другой стороны, эти идеи поверяются степенью присутствия *разумного // безумного* в сознании человека и особой предрасположенностью к восприятию этих идей разными этническими психотипами: американцами, скандинавами, китайцами, рус-

¹ Хейдок А. Интервью видеожурналу «Беловодье» // Указ. изд.

скими, маньчжурами, монголами. Не удивительно, что соприродны эти идеи китайцам, монголам и маньчжурам, а наиболее органично они усваиваются русскими. Условием проявления в обыденной жизни этих вечных идей становится особый хронотоп, в котором оказываются герои и разворачивается сюжет.

Благодаря историческим и географическим реалиям читатель может определить, когда и где происходит действие – это время гражданской междоусобицы, охватившей широкие пространства и территории России и перекинувшейся в Китай, Маньчжурию и Монголию. Но временные координаты самим автором определяются метафизически: это «дни великих дерзаний, когда безумие бродило в головах и порождало дикие поступки; когда ожесточение носилось в воздухе и пьянило души»¹. В характеристике пространственных ориентиров доминирует принцип психоэмоциональных ощущений героя: «безумие желтых пустынь», «на этом холме я испытал нечто похожее: сознание близости заколоченных фигур в крепких деревянных гробах под землей; неестественно жуткий покой мертвых»². Именно в «безумные дни» на этих маргинальных пространствах, погружающих человека в первобытное состояние и оправдывающих его дикие инстинкты, возможна встреча с Дьяволом, Сатаной, демонами.

С 1929 по 1934 г. Хейдок опубликует в «Рубеже» и других изданиях Харбина и Шанхая более 40 рассказов, основная часть которых войдет затем в концептуально скомпонованный сборник «Звезды Маньчжурии» (1934). «Помимо увлекательного содержания и вдумчивого изложения, “Звезды Маньчжурии” полны тех внутренних зовов, которые пробуждаются на древних просторах, напитанных славой прошлого. В каждом рассказе, безразлично, будет ли он основан на бытии современности или на далеких звучаниях великих наследий, всюду внимание останавливается на чертах больших реальностей, которые уводят внимание читателя в область высоких представлений»³, – такую характеристику даст в своем предисловии к этому сборнику Н. Рерих.

Итак, древние просторы Северной Маньчжурии и пустыни Гоби становятся для автора-мистика пространством, в

¹ Хейдок А. Безумие желтых пустынь // Рубеж. 1930. № 18.

² Хейдок А. Три осечки // Рупор. 1932. 14 августа.

³ С. 31.

котором человеку доступно Откровение («черты больших реальностей»). В каждом новом рассказе Хейдок постулатально утверждает возможность непосредственных контактов людей со сверхъестественными силами. Призрак Андрея Бельского (одноименный рассказ) предупреждает друга о грозящей ему опасности, Кузнецов из рассказа «Миами» общается с помощью деревенского духовидца и колдуна со своей умершей женой. Мы словно окунаемся в терминологический континуум учения Н. Рериха, ибо эти лексемы концептуальны именно для его философии. Рерих пишет, что любовь может создавать миры, и советует думать о великом даре любви к Единому Богу и уметь развивать великий дар прозрения в будущее Единство человечества. «Учение жизни, направленное мною, – пишет Н. Рерих, – кратчайший путь для достижения явления понимания Космоса»¹. Возможность общения со сверхъестественными силами теософия объясняет пользой для живущего от возвращения духа на объективный уровень. Предупреждение призрака в рассказе «Призрак Андрея Бельского» спасло Вадиму жизнь, то есть сила стремления умершего Андрея спасти друга заставила «высшее сознание» остаться бодрствующим.

Идея перевоплощения находит свою беллетризованную интерпретацию в рассказе «Маньчжурская принцесса». Художник Багров оказывается способен заглянуть за завесу времени и увидеть собственную ипостась несколько сотен лет назад: «Одним словом, в ту минуту я уже был не нынешний Багров, а... Как ты думаешь, кто я был? Яшка Багор, атаман шайки, ... ну, там – землепроходец Сибири, что ли или просто – разбойник»². Хейдок объясняет эту способность Багорова, с одной стороны, силой его любовного чувства к маньчжурской принцессе, с другой стороны, его художественным даром. В теософском учении говорится о том, что «мы остаемся с теми, кого потеряли в материальной форме и становимся много ближе к ним, чем когда они были живы. Ибо чистая божественная любовь – не только цветок человеческого сердца, но имеет свои корни в вечности. Духовная святая любовь бессмертна, и Карма, рано или поздно, дает возможность тем, кто любил друг друга с такой возвышенной страстью, воплотиться еще раз»³. Осознав, какая любовь

¹ Рерих Н. Листы сада Мории // Октябрь. 2001. № 5. С. 19.

² Хейдок А. Звезды Маньчжурии. Указ. изд.

³ Блаватская Е.П. Ключ к теософии. М., 1993. С. 135.

его посетила в прошлом, художник Багров всеми силами старается соединиться с любимой в сфере «тонкого мира». Для этого он последовательными экспериментами с собственным здоровьем «стал ловить смерть на приманку, чуть-чуть приоткрывая ей дверь».

Хейдок делает попытку изучить природу любовного чувства в мистическом контексте вселенских масштабов. И ему весьма импонирует теософская идея возникновения будущего всеобщего братства. В рассказе «Песнь Вальгунты» писатель соединяет два временных пласта – время дикарства на заре человечества и «нынешнее» начало XX в. Лишь обратившись к истокам существования человечества, мы можем обнаружить идею слияния человеческих чувств в едином порыве, которое и должно привести к возникновению всеобщего братства. На поиски истины автор отправляет героя – человека среди многих, ничем не выделяющегося скромного комиссионера. С точки зрения теософского вероучения, все люди между собой равны и неважно, посредством кого будет провозглашена истина, ведь в каждом человеке обретен бог. Но Хейдок в финале рассказа приходит к неутешительному выводу о том, что современный человек не готов к постижению истины: «...в темной душе моей произошло какое-то движение, точно там замерцал слабый свет, и мне показалось, что я получил ответ на свои вопросы, но не хватало соображения сделать вывод».

Теософия как мистическое учение стала синтетической доктриной, претендующей на раскрытие особых божественных тайн, на всеобщность и всеохватность. Она соединила в себе черты буддизма и других восточных учений с элементами оккультизма и неортодоксального христианства. Со страниц сборника «Звезды Маньчжурии» звучат голоса многих религий. Это и языческое поклонение богам древних египтян в рассказе «Храм снов», и представление о карающей и воздающей силе кармы буддийского вероучения: «...пусть вертится колесо жизни: пройдут века, настанут новые жизни, и тогда Лао Ку будет сидеть у полного котла, а лодочники – наоборот...». Название другого рассказа («Неоцененная добродетель») содержит в себе центральное антропологическое понятие даосизма – добродетели как собственно проявления энергии Дао в сфере бытия. Влияние даосизма проявляется на страницах сборника в изображении китайского культа предков: «трижды он бьет

земные поклоны и трижды посылает заклинания властителю Царства Мертвых, чтобы отпустил он отлетевший дух усопшего». Хейдок обращается и к религиозному синкретизму восточного славянина: «Мы справили похороны и очень далеко везли покойника на кладбище, где предали его земле, которая ему, действительно, мать». Православная культура входит в художественную ткань сборника посредством христианских оборотов, которыми герои сборника иногда пересыпают свою речь: «Всякая тварь от бога, мил человек».

Как любые тексты религиозного характера, рассчитанные на широкую аудиторию, рассказы Хейдока двуплановы, за самой историей скрывается притчевый характер. Но Хейдок еще – и мастер фабулата, его произведения захватывают филигранным сочетанием мистики, интриги и иронии. Читатель может не разбираться в тонкостях теософской доктрины – он следит за судьбой героев, способных заглянуть за грань обыденной жизни и очутиться в мирах иных. В отличие от литературных героев с рационалистическим сознанием¹, персонажи Хейдока способны и стремятся преодолевать этнические границы чужих мифологий и представлений. Потому что они – культурные маргиналы («авантюристы в душе, люди, потерявшие представление о границах государств, не желавшие знать пределов»), все – немного сумасшедшие либо близкие к безумию (барон Унгерн, Стимс, стрелок Гржебин, Кузьмин, Кострцов, Андрей Бельский, Багров и др.).

Особое место среди них занимают русские – потерявшие все после революции и гражданской войны и превратившиеся в «безумных обитателей желтых пустынь», равно открытых как смерти, так и откровениям. Они легко проникают в иные миры, достойны неземной любви прекрасных женщин, готовы к поединку с дьявольскими силами. Тому причиной – спиритуалистичность русской культуры, помноженная на те испытания, что посылает история русскому народу. Хейдок не пишет об этом напрямую. Но художественная логика его произведения подводит читателя к подобным выводам.

¹ Так, личный рассказчик И.А. Гончарова из «Фрегата "Паллада"» спасается от «инокультурной» английской хандры рационалистическими аргументами: «Туманы бывают если не каждый день, то через день непременно; можно бы, пожалуй, нажать сплин; но они не русские, а я не англичанин: что же мне терпеть в чужом мире похмелье?»

Образный и мифопоэтический строй одного из самых загадочных рассказов харбинского мистика «Нечто» (1931)¹ является квинтэссенцией вышесказанного. Что есть Нечто? Образ таинственного Нечто нельзя найти ни в одной из мировых религий и культурных форм. Однако упоминание о нем, пусть даже и через другое наименование, присутствует в учении Н.К. Рериха. Это Шамбала – будущая эпоха духовности, культуры, разума и мировой общины, в ней воплощены мечты о земном Рае, будущем всеобщем братстве. Когда люди смогут заключить прочный союз с понятием Братства, тогда можно надеяться на строение крепких основ, тогда к человечеству приблизится великое светлое Будущее².

Многие пытаются достичь Шамбалы. Некоторые из них исчезают навсегда. Только немногие доходят до святого места, и только если карма их созрела³. В 1929 г. Марианна Колосова, предрасположенная к экстатическим состояниям и, очевидно, в тот момент вдохновленная идеями Рериха, напишет загадочное стихотворение «Ничто»⁴:

Не пожалею, что уйду я от земли
И встречу утро новое вдали.
И сказочные белые слоны
Пойдут к границе
Голубой страны⁵.

Знала ли Колосова о Рерихе, о Шамбале? Как относилась к теософии? Этих данных мы, к сожалению, не имеем. Но эта лирическая медитация удивительным образом лексически, топонимически и концептуально перекликается с теософскими предчувствиями А. Хейдока. Только у Колосовой это – «Ничто», а у Хейдока – «Нечто». На самом деле – разница в одной букве рождает полярные смыслы в интерпретации мистического топонима.

¹ Хейдок А. Нечто // Рубеж. 1931. № 12.

² Стульгинский С.В. Космические легенды Востока. Ростов-на-Дону, 1992. С. 11.

³ Рерих Н.К. Шамбала Сияющая // Теософия в России [Неофиц. сайт]. 2000 // URL: <http://www.teosophy.ru/lib/shambala.html> (дата обращения: 6.11.2009).

⁴ О религиозно-художественном радикализме М. Колосовой см.: Забияко А.А. «Слово мое – разящий меч»: феномен религиозно-художественного радикализма. Указ. изд.

⁵ Н. Юртин (М. Колосова). Ничто // Рубеж. 1929. № 44.

В безумное путешествие по мертвой пустыне в поисках неведомого Нечто отправляется потерявший интерес к суетной жизни, но одержимый поиском сверхсмыслов бытия американский богач Стимс: «Я иду за тем заманчивым "Нечто", которое окутывает далекие горы и исчезает по мере приближения к ним. Если хотите – назовите это наркотком неизведанных глубин. Человечество платит ему дань непогребенными костями в самых неудобных закоулках планеты»¹. «Мне тут нужно найти нечто... ну, такое... это трудно объяснить, но оно чрезвычайно важно для меня»². Очевидно, что одержимость Стимса – сродни умопомешательству, это понимают окружающие его люди. В последний момент свое безумие осознает и сам Стимс.

Спутник сумасшедшего американца – русский стрелок Илья Звенигородцев. Пресыщенный жизнью миллионер Стимс отправляется в путешествие в поиске неиспытанных ощущений, ученый-прагматик Баренс пристраивается к экспедиции с мыслью прославиться. А молодой русский мужчина обуреваем сумасшедшим желанием «хоть на миг пожить так, как жили другие, кто разъезжал на мягко шуршащих автокарах, пил вино в обществе красивых женщин за толстым стеклом бара, – так близко и так далеко!».

Но его образ не случайно соположен с образом библейского Илии («Элия» – так на библейский манер зовут его слуга Стимса и сам миллионер). Как библейский пророк, русский парень Илья истоптал ни одну милю в поисках лучшей доли для себя и своего народа («жизнь Ильи, за немногими исключениями, была почти сплошным походом, где упругие, мускулистые и неутомимые ноги являлись существеннейшим из шансов на существование»). Им движет один вопрос: «Где тут путь к радостям человеческим?» и именно он должен «объявить божью милость»³ Стимсу – помочь отыскать искомое Нечто. «Так они поступили в странном согласии оба: один, потерявший вкус к жизни, – весь в устремлении за туманной мечтой; другой – чтобы завоевать ту самую жизнь, от которой бежал первый».

На рассвете четвертого дня в замутненном сознании Стимса предстает образ женщины на белом коне. «Женщина на белом коне только что проскакала мимо нас! – в самое уxo

¹ Хейдок А. Нечто. Указ. изд.

² Там же.

³ Библейская энциклопедия Брокгауза. Paderborn, 1999. 1226 с.

прокричал ему Стимс, покрывая голосом рев бури; он трепетал в невероятно радостном возбуждении, – это конец пути; она приведет нас к людям! Слышишь – нужно бежать за ней».

«Она неслась, как птица по равнине... на ней была огненно-красная мантия и убор из страусовых перьев на голове... Ее лицо излучало сияние. Она сказала, что давно ждет меня... что жрецы в храме трижды приносили жертвы о моем прибытии».

Образ женщины-фантома можно рассматривать и как закономерный образ галлюцинирующего сознания героя, и как концептуальную реализацию различных мировых символов. Образ этот не случайно эклектичен. Упоминание страусовых перьев на голове женщины отсылает нас к мифологии Древнего Египта, где перо страуса являлось атрибутом Маат, богини истины и правосудия, жены бога мудрости Тота¹. Только Тот, лунный бог египтян, достаивается этих знаков. Его же называют измерителем, мужем божественной Маат. Это перо, согласно легенде, клали на чашу весов при взвешивании душ умерших, чтобы определить тяжесть их грехов. Их использовали как символ справедливости.

«Ее лицо излучало сияние»: сияние символизирует чистую духовность, мудрость, святость, чистоту сердца, сверхъестественное². Белый конь (лошадь), на котором восседает женщина, – символ сложной религиозной природы: это и древнейшая зловещая ассоциация с царством мертвых, и апокалиптический символ христианства, и животное-апотропей в славянской языческой символике³. Возможно, что здесь есть намек и на атрибут Будды, ведь известно, что он покинул земную жизнь на белой лошади⁴.

Теперь обратимся к числовой символике. Три – число священное, первое совершенное, сильное число, поскольку при его разделении сохраняется центр, то есть центральная точка равновесия. Оно является янским и благоприятным. Это символ троичности бытия: «все тройственное совершенно», «все подлинное триедино»⁵. Оккультисты полагают, что понятие

¹ Рак И.В. Египетская мифология. М., 2004. С. 269.

² Энциклопедия символов. М., 2006. С. 323.

³ Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 152–154.

⁴ Энциклопедия символов. Указ. изд. С. 881.

⁵ Бидерманн Г. Энциклопедия символов. Указ. изд. С. 298–299.

«тройка» представляет собой проявление наивысшего уровня в сфере духовного мира¹.

Итак, в образе женщины-галлюцинации слились черты различных культур, словно это – само учение Рериха, в котором звучат голоса многих учений и религий мира: буддизм, веданта, египетский эзотеризм, зороастризм, античные мистерии, русское язычество, христианство. Если суммировать все символические трактовки элементов этого образа, то можно их представить в виде следующих теософских сем: чистая духовность, мудрость, святость, чистота сердца, сверхъестественное, справедливость, истина, свет, жизнь, духовное просветление. Этими качествами должны обладать истинные махатмы, которые населяют Шамбалу, считал Н. Рерих. Но можно ли считать ее проводником в таинственную Шамбалу, воспетую Рерихом? Стимс в этом уверен: «Она приведет нас к людям! Слышишь – нужно бежать за ней! Она сказала, что давно ждет меня, что жрецы в храме трижды приносили жертвы о моем прибытии». Его русский спутник иного мнения: «Точно ударили Илью, – он замедлил шаг: сумасшедший человек находился перед ним и нес дикие, сумасшедшие речи... Как он раньше не заметил этого?

Стимс подскочил к нему и схватил за руки.

– Она сказала, что воины с сигнальными трубами расставлены по всем высотам, чтобы известить о моем появлении!

Илья остановился, тяжело переводя дыхание.

– А! Ты не веришь?! – с криком набросился на него Стимс, бешено колотя кулаками, – не веришь?! Я и сам не верю... Но почему ей не быть?.. Почему...

Вцепившись друг в друга, они вступили в исступленную борьбу. Кто-то из них поскользнулся, и они вместе покатались по скату вниз. Клубок из двух тел, подпрыгивая на неровностях, с глухим шумом грохнулся с обрыва на камни...»

Финал рассказа недвусмыслен и лишен оптимизма. Стимс достигает апогея своего безумия и обретает то, что ищет его воспаленный мозг: «Ему чудилось, что он идет не один, а целая армия суровых мужчин – начиная с сухощавых, одетых в легкую парусину тропических путешественников и кончая укутанными в меха полярными исследователями – молча движется вместе с ним.

¹ Энциклопедия символов. Указ. изд. С. 47.

Стальные крылья реяли над ним в воздухе, и оттуда приносили к земле острые, упорные взгляды, пилотов, отыскивающие следы таинственного “Нечто”.

Невиданные растения-полуживотные морских пучин и рыбы, покрытые десятками глаз, шевелились, когда мимо них проплывали подводные лодки, откуда опять выглядывали жадные глаза мужчины, влюбленного в “Нечто”.

Отплываваясь песком и задыхаясь, Стимс продолжал идти. Наконец, ничего не видя перед собой, он закружился на месте и упал. В этот именно момент его потухающее сознание подсказало ему, что он достиг...»

Перед своим последним шагом в Нечто (или в безумие, *ничто*) Стимс совершает поступок, вполне логичный для всего его предшествующего пути. С дьявольским хладнокровием и мистическим интересом он провоцирует на дальнейший поиск Нечто своего русского спутника, оставляя тому чек на огромную сумму: «К выведенной единице он стал приписывать нули, и тут же дьявольский сарказм подсказал ему: – С тремя нулями Илья испытает лишь краткое блаженство, с четырьмя – превратится в тупого мещанина, с пятью – станет, пожалуй, крупным дельцом, а с шестью... сгорит, как я, и, может быть... – тут он задумчиво потер переносицу, – может быть, снова снарядит караван на запад, в поисках невероятного...»¹.

Илья без сознания остается один посреди пустыни с чеком на шестизначную сумму. Нет у него и надежды вернуться, что он понимает еще много раньше, так как запаса воды у него нет.

Несмотря на перегруженность рассказа теософской символикой и основными доктринами учения, для рядового читателя его идея укладывается в классический сюжет безудержного стремления человека обрести смысл жизни. А в случае Ильи, русского мальчика-изгоя, этот сюжет обретает общенациональные масштабы: в чем найти обетованную землю его поколению? Не являются ли все стремления его собратьев по несчастью поисками химерического Нечто?

Религиозный настрой сознания Альфреда Хейдока нашел благодатную почву – теософское учение Рериха, обращенное к мистике Востока. Самые разные учения и духовные практики сошлись воедино в этой религиозной системе, воплотившись у Хейдока в мистическом реализме его рассказов. Непредвзято и

¹ Хейдок А. Нечто. Указ. изд.

объективно он фиксирует события, свидетелем которых становится благодаря своим русским знакомцам-экстремалам.

Писатель – носитель пограничного типа этнического и культурного сознания – смотрит на своих героев немного со стороны; не случайно в его текстах почти всегда присутствует личный рассказчик. Конечно, первостепенная задача такого рассказчика – прояснить неясные моменты учения Агни Йога, о чем Хейдок говорит в своих поздних интервью: «...в жизни изучающих Агни Йогу бывают отдельные интересные моменты, которые требуют обсуждения»¹. Потому апологету приходится зачастую прибегать к творческому воображению: «...в нем участвует сердце, сердечные энергии, и поэтому в процессе творчества, при участии творческого воображения, возможны взлеты и откровения, которые недоступны простому рассудку. Давно говорят, что поэты открывают великие философские истины. Это признание, например, за английским поэтом Эдвином, который написал поэму о жизни Будды. Там он высказал такие философские истины, которые доступны только глубоко посвященным буддистам. Этому поэту никто не посвящал. Но в процессе воображения ему это стало доступно»².

Рассказы Хейдока можно рассматривать как художественные комментарии к заветам Агни Йога, или, говоря его же словами, «очень хорошие упражнения для рассудка и полезные для расширения сознания»³. И все же *писатель* в творческой натуре Хейдока оказывается больше *теософа* – и в эмигрантском творчестве, и даже в позднем, советском. Его случай – яркий пример из раздела «психологии творчества», когда художественная правда борется с идеологемами либо религиозными доктринами (Гоголь, Тургенев, Фадеев, Шолохов и др.) и, как правило, одерживает победу – независимо от воли художника.

Не случайно проводниками русских героев в мир Вечного Добра зачастую становятся носители восточного типа сознания: Миами, Маньчжурская принцесса, старик Хоу. Мистика, определяющая повседневную жизнь китаецца и маньчжура, помогает русскому человеку найти спасение от невыносимых тя-

¹ *Интервью* А.П. Хейдока, данное видеожурналу «Беловодье» в период пребывания его в г. Челябинске // Неоконченная симфония. – Рубцовск, 2004 // hejdok.ru > b_belovod.html. (Дата обращения: 2.12. 2014).

² Там же.

³ Там же.

гот исторических катаклизмов. И потому даже смерть русские персонажи Хейдока принимают легко – как знак предопределения, как возможность узнать новые воплощения. Очевидно, что эти философские идеи, помноженные на теософские постулаты, помогли и самому Хейдоку пережить и принять те не легкие испытания, что были суждены образованному латышу его русским жребием.

В целом мистический реализм Альфреда Хейдока, несмотря на свою теософскую модернизацию в духе Рериха, стал продолжением оккультной литературной традиции рубежа XIX–начала XX вв. Этот модус художественного постижения Востока имеет горячих поклонников и по сей день, как и наследие Н. Рериха.

Совсем иная парадигма освоения культурной традиции Китая и соотнесения собственных этнических представлений с этой системой ценностей была представлена *литературой дальневосточной этнографии*. Она связала воедино науку и поэзию, дореволюционную и послереволюционную литературную традицию, метрополию и эмиграцию.

Глава 11

ОТ МИСТИКИ ВОСТОКА К ЛИТЕРАТУРЕ ФАКТА

(Венедикт Март)

Венедикт Март (Венедикт Николаевич Матвеев) [1896–1937] занимает особое место среди писателей дальневосточного зарубежья, обратившихся к художественной этнографии¹. В генезисе его разнообразного творчества нашли отражение дореволюционное увлечение русских писателей Востоком, собственный опыт повседневного этнокультурного общения, а также – эмигрантский и советский тексты.

Марту не надо было совершать путешествия – по крайней мере, в молодости². Он родился и вырос в Приморье, его детство и юность прошли во Владивостоке, где китайская, японская, корейская речь звучали почти из каждого квартала. Прислуга, прачки и парикмахеры, богатые и мелкие торговцы, владельцы притонов и проститутки, хозяева опиумокурилен, представители бандитских группировок – таков был пестрый социокультурный портрет этой части населения города в 10–20-е гг. прошлого века. «По большей части, русские эту землю обрусили. Но даже теперь легко поверить, что Вавилонскую башню строили в Сибири [имеется в виду российский Дальний Восток. – А.З.], поскольку здесь слышишь тьму языков и видишь великое разнообразие национальных обычаев», – пи-

¹ *Художественная этнография* – результат художественного освоения автором культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представителей определенного этноса, населяющих определенные географические пространства. Об этом подробно: *Забяко А.А.* От научных изысканий к художественной этнографии // *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта.* Указ. изд. С. 242–283.

² Об этом подробно: *Забяко А.А.* *Художественная этнография, традиции народничества и соцзаказ* // *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта.* Указ. изд. С. 283–306.

сал в 1920 г. посетивший Приморье и Владивосток известный американский журналист Коуди Марш¹.

География рождения Венедикта Марта гармонично соединилась с фамильными культурными ценностями: будущий писатель был воспитан в семье, где увлечение историей края и ее изучение стояли на первом месте. Отец Марта Н.П. Матвеев родился в Хакодате (Япония), в семье фельдшера духовной миссии, «став первым русским ребенком, появившимся на свет на японской земле», к тому же выросшим под присмотром японской кормилицы². Для Николая Матвеева японский был вторым родным языком³. Впоследствии Н.П. Март стал известным журналистом и краеведом, прославившимся как автор первой, до сих пор не утратившей актуальности, «Истории города Владивостока», а также – как поэт Н. Амурский (Китайский квартал. 20-е гг.). Если не с молоком матери, то уже с первыми звуками отцовского голоса маленькому Венедикту был привит интерес к восточной культуре.

Интерес отца Марта к краеведению протекал в общем русле развития дальневосточной этнографии, поощряемого российским государством в переломное для истории страны и общества время. Н.П. Матвеев был настроен, в первую очередь, «прояпонски». До революции он раз пятнадцать самостоятельно ездил в Японию. Интерес к Японии и населяющим его народам был профессиональным – с 1896 г. Н.П. Матвеев вступил в Общество изучения Амурского края, в 1898 стал секретарем Общества, а в 1901 – действительным его членом⁴. Его даже подозревали в связях японцами – и старая власть, и новая (возможно, небезосновательно, учитывая активность японской разведки в те годы)⁵. Потому после октябрьских событий он с женой принимает решение эмигрировать в Японию с младши-

¹ Марш К. Знакомство с российским «Диким Востоком» (Нэшнл Географик, декабрь 1920 г. Т. 38. № 6) / Пер. с англ. М. Немцова // Рубеж. 2011. № 11 (873). С. 230-235.

² Хисамутдинов А.А. Владивосток. Этюды к истории старого города. Владивосток, 1992.

³ Витковский Е. Состоявшийся эмигрант // Елагин И. Собрание сочинений в 2 т. Т. 1. Стихотворения. М., 1998. С. 5-40.

⁴ Савада К. Н.П. Матвеев в харбинском журнале «Рубеж» // Матвеев Н.П. «Ваш японский корреспондент...». Рубеж. 2011. № 11 (873). С. 375-391.

⁵ Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905-1907 гг.: шпиономания и реальные проблемы // libbabr.com/?book=2053. (Дата обращения 4.11. 2014).

ми детьми. Там Н.П. Матвеев продолжил занятия журналистской, став представителем журнала «Русский Дальний Восток» в г. Осака, писал статьи, издавал детские книги¹, сочинял, а также знакомил российских эмигрантов с наиболее известными достижениями этой страны².

Н.П. Матвеев увлекался революционными идеями, даже преследовался царской полицией за распространение нелегальной литературы и бывал арестован. В генезисе творческого пути одного из старших сыновей, Венедикта, «революционностью» определялись не только политические убеждения. В первую очередь, это было постоянное стремление преодолевать эстетические барьеры.

С одной стороны – безмерное уважение Марта к отцу и авторитет проповедуемых им ценностных установок. А с другой – стремление выразиться совсем иным способом, чем позитивист-отец, с точностью до наоборот, склонность к одиозным поступкам и аффектации. Пространство художественных увлечений Марта юных лет – модернизм в его декадентском изводе: мрачные предсмертные и даже «загробные» настроения (сборник «Мартелии» и др.), преобладание черного цвета (стихи «Черная тщета», «Черная грозная ночь» и т. д.), декадентская символика, и при этом – эстетизация восточной тематики; бьющий через край эротизм.

В 1914 г. Март выехал в Москву, по 1918 г. пребывал в Петербурге и его окрестностях – возможно, учился в каком-либо заведении, возможно, общался со столичной богемой (сведений об этом, к сожалению, нет). О значимости этого периода для художника мы можем судить по сборникам, вышедшим уже во Владивостоке: «Черный дом», «Черный хрусталь»³, «Лепестки сакуры»⁴, «Песенцы»⁵, стихотворения которых сопровождаются датировкой и указанием места написания: «Дар Мака» (СПб., 22 ноября 1915 г.)⁶, «Ночью» (СПб., 31 января 1916 г.)⁷,

¹ Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния. В 2 ч. Ч. 2. Русские в Японии, Америке и Австралии. Владивосток, 2000. 172 с.

² Савада К. Н.П. Матвеев в харбинском журнале «Рубеж». Указ. изд. С. 125.

³ Март В. Черный дом. Черный хрусталь. Владивосток, 1918.

⁴ Март В., Безе. Лепестки Сакуры. Владивосток, 1919.

⁵ Март В. Песенцы. Владивосток, 1917.

⁶ Март В. Черный дом. Черный хрусталь. Указ. изд. С. 9.

⁷ Там же. С. 11.

«Белая Земля» (СПб., 1 мая 1917 г.)¹ и др. В архиве сохранилась фотография Марта 1916 г. в военной форме – очевидно, он был мобилизован в годы Первой мировой, однако ничего не известно об участии писателя в этих событиях

Отцовский авторитет сыграл решающую роль в изучении юным Венедиктом китайского и японского языков. Постепенно ему стали близки в первоисточниках культура и литература Японии и Китая. Дебюты в художественном освоении этой темы начались с лирических «зарисовок с природы», вернее – по памяти. Юношей, в пору пребывания в Петербурге, он пишет стихотворения «Песенцы» (1915)², «На Амурском заливе» (19 февраля 1916)³ и «В курильне» (4 февраля 1916)⁴.

Свое лирическое высказывание, передающее картину мира китайца, в которой доминируют покой и созерцание, Март создает в форме либо трехстиший, либо пятистиший, написанных белым, сплошь инверсированным, стихом. В этом явственно чувствуется гумилевская традиция «восточной поэзии»⁵ – Март отдает дань литературному опыту авторитетов («Китайские стихи» Н. Гумилева были написаны в июле 1914 г.). Но он и оригинален, – в первую очередь, в том, что его лирический герой не просто эстетствует в петербургском кафе, а действительно плоть от плоти – носитель ментальности дальневосточного фронтира, сам переживший описываемые ситуации:

«Юлит» веслом китаец желтолицый.

Легко скользит широкая шаланда

По тихой глади синих вод залива...

(«На Амурском заливе». С. 7)⁶

Примечательно, что свои рукописные сборники Март постоянно «топонимизирует» именно китайским названием Владивостока: «Хай-шин-вей» (с указанием года написания и

¹ Март В. Черный дом. Черный хрусталь. Указ. изд. С. 15.

² Март В. Песенцы. Владивосток, 1917. С. 5.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Федотов О.И. «Китайские стихи» Николая Гумилева (версификационная поэтика цикла) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 3. С. 494-501.

⁶ Март В. Хай-шин-вей: Песенцы: Китайские этюды: Стихи. 2-е изд. Харбин, 1922.

улицы). Создается впечатление, что поэт – сам немного китаец, ведь именно его глазами он наблюдает за скрытым в тумане Хай-шин-веем:

Как всплески под кормою монотонно
Поет тягуче за веслом китаец
Про Хай-шин-вей – «трепангов град великий».

Над ним в даях небес светло-зеленых
Полоски алые в томленьи тают
И звезды робко открывают лики

(«На Амурском заливе». С. 7)

Уже в ранних «китайских» стихах Март полностью «вживается» в создаваемые им образы. Так, в стихотворениях, позднее вошедших в сборник «Песенцы», лирический субъект лирики Марта – сам участник сеанса опиумокурения:

Зорко и пристально взглядом стеклянным
Смотрит курильщик на шкуру тигрицы –
Некогда хищного зверя Амура.

Чтобы отдаться объятиям пьяным,
Женщина с юношей ею прикрылись.
Смотрит курильщик, как движется шкура...

Мак, точно маг-чаротворец багровый,
Явь затемняет обманом дурмана,
Чадные грезы тревожит и будит¹

(«В курильне». С. 6)

Для натуралистичного воссоздания атмосферы курильни и ощущений опиумного дурмана поэту не нужно было предаваться полету фантазии – известно, что этому пагубному пристрастию был подвержен он сам, а его брат (Гавриил)² даже получил второе имя – Фаин³ (от китайского «фаин», обозначающего дозу опиума и одновременно состояние после ее употребления)⁴. Эти «фаины» Гавриила и сгубили, а вот Март сумел выкарабкаться и избавиться от пагубной страсти.

¹ Март В. Хай-шин-вей: Песенцы: Китайские этюды: Стихи. Указ. изд.

² Дьяченко Б. Клан Матвеевых // Рубеж. Тихоокеанский альманах. С. 265–272.

³ Несмелов А. О себе и о Владивостоке // Собрание сочинений. В 2-х т. Т. 2. Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток, 2006. С. 642–660.

⁴ Об этом: Юльский Б. Возвращение г-жи Цай // Рубеж. 1937. № 28.

Художественные опыты Марта начала 20-х годов соединяли в себе тягу к эксперименту (в визуализации поэзии, в ритмике и образности) и живой интерес к культурной традиции Востока. Он проявляет себя как поэт и прозаик, беллетрист и очеркист, модернист и реалист, символист и футурист. И на этом фоне балансирует между любовью к великим культурам Китая и Японии.

В 1917 г. появляется сборник В. Марта «Песенцы». В своей первой редакции текст сборника синтезировал произведения китайской и японской ориентации: собственно «Песенцы» (пиджинизированное именование жанра песни одним китайским приятелем Марта) и «Бисер» (танка и хокку Марта и переводы императора Микадо Мацухито). «Китайская часть» в этом сборнике изначально продемонстрировала интерес Марта к разным сторонам культурной традиции Китая, базовым установкам национальной культуры, растворившимся в обыденной жизни китайцев. Объектом его лирических зарисовок становятся религиозные представления китайцев о посмертном существовании («У Фудзядяня»), пристрастие к опиумокурению («В курильне»). Но его стихотворения обращены и к повседневной жизни китайцев и японцев («На Амурском заливе», «В чайном домике»).

В 1918 г. Март путешествует по Японии, посылая путевые заметки в дальневосточные журналы. Там он вновь проявляет себя писателем-исследователем народной жизни и народного сознания – например, пишет блестящий очерк о японском водяном Каппе, «кошмарной чуди» японского бестиария¹. Чуть позднее появятся его «Распечатанные тайны» (1920) – странный сплав модернистского эротизма и стилизации под японскую средневековую литературу². «Миниатюры» были опубликованы в литературно-художественном ежемесячнике «Окно», издание которого имело своей целью установление связи между Харбином и Советской Россией (вышло, правда, всего два

¹ Март В. Каппа // ХКМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1225. ЛЛ. 31–33. Об этом: Забияко А.А., Левченко А.А. «Кошмарная чужь» японского бестиария: образ Каппы в русской литературе начала XX в. (В. Март) // Религиоведение. 2014. № 3. С. 187–196.

² Март В. Распечатанные тайны. Миниатюры // Окно. 1920. № 2. С. 8–10.

номера)¹. Первый журнал с автографом на обложке был даже специально отправлен из Харбина в Москву М. Горькому, хотя ответа дальневосточные поэты не дождались. Журнал просуществовал недолго, но он дал возможность публиковаться многим авторам: С. Алымову, Ф. Камышнюку, С. Третьякову, А. Несмелову, М. Щербакову, в том числе и В. Марту².

Культурная и литературная жизнь столицы Приморья тех лет была необыкновенно насыщена и интенсивна. Революционная сумятица и последующее буферное положение Дальневосточной Республики всемерно способствовали тому, что начиная с 20-х годов город представлял собою «бурно кипящий творческий котел» (В. Марков) – он стал прибежищем для многих писателей и художников, спасающихся от лихолетья, голода³. Причем это были люди, зачастую принадлежащие к враждующим политическим лагерям: в эти годы во Владивостоке бок о бок работали А. Несмелов, Вс.Н. Иванов, Н. Чужак, Л. Ещин, приезжал из Харбина Скиталец. Среди направлений господствовал, конечно, футуризм. В 1920 г. под руководством Н. Насимовича-Чужака во Владивостоке было создано литературное общество «Творчество» и одноименный журнал. А затем туда перебрался предприимчивый и дальновидный «отец русского футуризма» Давид Бурлюк. Одна из местных газет тех лет писала после его приезда: «Тут уже целая армия деятелей всех видов искусства и течений, которые со всех концов волею судеб причалили к берегам Великого Океана...»⁴. Тесное содружество художников и поэтов всех направлений (С. Третьякова, Н. Асеева, Д. Бурлюка, В. Марта, Я. Варшавского, А. Зиновьева, В. Пальмова и др.) способствовало работе театра-кабаре («Би-Ба-Бо»), ЛХО (литературно-художественного общества) и одноименного кафе («Балаганчик»), открытию всевозможных выставок, конкурсов (литературных, драматических и художе-

¹ «Окно» – литературно-художественный ежемесячник, выходивший в Харбине в 1920 г. (№ 1, ноябрь. № 2, декабрь).

² Диао Шаохау. Краткий обзор истории русской печати в Харбине // Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография (список книг и публикаций в периодических изданиях) / Сост. Диао Шаохау. Харбин, 2001. С. 403–445.

³ Марков В. Русский след в Японии (Давид Бурлюк – отец японского футуризма) // Рубеж. 2010. № 10 (872). С. 261–279.

⁴ Эхо. 1920. 25 января.

ственных), провоцировало бесконечные словесные баталии о будущем искусстве.

Вернувшись во Владивосток, в начале 20-х годов, Март примкнул к футуристам, сам им не являясь. Слишком уж увлекательно протекала жизнь в их окружении, давая новые стимулы и художественные импульсы – так, например, Д. Бурлюк свои знаменитые программные статьи слал в Москву из Владивостока. Местный шутник на «футуристическом жаргоне» фиксировал творческие штудии «Балаганчика»: «Кто-то где-то уж бурлючил, кто-то что-то футурил», Третьяков, разумеется, «третьяковил», Асеев – «асеил», а Март реализовывался, «стихи венединия...»¹. Марту за теоретическим опытом и поэтическим вдохновением и ходить далеко не было нужды – некоторое время Давид Бурлюк проживал у них дома².

Не стоит удивляться, что на футуристическом поприще Март не снискал себе славы³. Более того – позднее заработал скептическое отношение у более успешных в этой области писателей (в романе К. Вагинова «Козлиная песнь», написанном в 1927 г. и посвященном не нашедшим себя в новой советской реальности писателям)⁴. Но сразу после его появления в Москве о его «китайскости» стали говорить советские критики. В 1924 г. А. Киржниц писал: «... Камышнюк и Март великолепно знают Японию и Китай», а также упоминал о том, что «Венедикт Март, давший в первые годы своей деятельности ряд ярких и красочных произведений», имел в своем художественном арсенале и «прекрасную поэму из жизни японской девушки» (возможно, имеется в виду произведение «Лепестки сакуры» (Владивосток, 1920))⁵.

В футуризме Марта привлекали не просто эксперименты, божественная среда. Его владивостокский футуризм был неотделим от соприродного писателю увлечения Востоком. У некоторых ревнителей «теоретически чистого», урбанистического футуризма возникнет закономерный вопрос: каким образом связать

¹ Голос Родины. 1920. 2 марта.

² *Афанасьева Л.* Владивосток, Бурлюк, «Балаганчик». Мемуары // *Рубеж*. 2012. № 12 (874). С. 220–224.

³ *Март В.* Мартелии. Владивосток, 1918.

⁴ Об этом подробно: *Забияко А.А., Левченко А.А.* Художественная этнография В. Марта: дальневосточный период // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2014. № 4. С. 150–165.

⁵ *Киржниц А.* У порога Китая. М., 1924. С. 44–45.

это с футуризмом, если Восток – заповедная епархия модернизма, а футуризм – это стеклобетонный, «жестяной» урбанизм и т. д.? Надо учитывать, что владивостокские футуристы были из «особого теста»: они были всецело ориентированы на Восток и его эстетику (С. Третьяков, С. Алымов, Д. Бурлюк). Помимо сердечного влечения, очевидно, что это были продолжатели хлебниковского порыва сказать свое «я Азии»¹. Потому так настойчиво устремился в Китай чуть позже С. Третьяков², а Д. Бурлюк стал еще и «отцом японского футуризма»³.

Но Март был продолжателем народно-демократического начала в литературе. Его с юных лет привлекает образ простого человека, именно – представителя инокультуры: китайца, японца, позднее им станет нанаец («Дэрэ – водяная свадьба»). Март-прозаик явно тяготеет к линейному повествованию в духе древних китайских новелл. Этот тип прозаического текста, отражающий национальную картину мира китайцев, был адекватен и запросам русской беллетристики той поры в целом⁴, и соответствовал опытам в художественной этнографии других писателей-дальневосточников⁵.

Все в том же 1920 г. Март публикует сборник «Тигровьи чары»⁶. В книгу вошли произведения, семантически связанные: два рассказа – «Лапа Мин-дзы», «Долг покойного» и стихотворение «Гадальщик». Их объединяют традиционные верования китайцев в судьбу, переселение душ и посмертное существование.

Заметим – название сборника словообразовательной моделью перекликается с названием романа Ф. Сологуба, чего многие не замечают и используют неверное, но с точки зрения русского языка более понятное написание: «Тигровые чары».

¹ Хлебников В. Письмо двум японцам // Творения. М., 1986. С. 603.

² Ли Иннань. Китай в творчестве Сергея Третьякова: Роман «Дэн ши-хуа» // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. Благовещенск, 2012. С. 237–251.

³ Марков В. Русский след в Японии (Давид Бурлюк – отец японского футуризма). Указ. изд.

⁴ Забияко А.А. На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: Хрестоматия: В 4-х томах. Т. 1. Проза: В 3-х частях. Ч. 1 (А–К). Указ. изд. С. 3–36.

⁵ Забияко А.А. Текстологические тропы дальневосточной этнографии (проблема аутентичности текстов писателей 20–40 гг.) // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. Благовещенск, 2012. С. 84–102.

⁶ Март В. Тигровьи чары. Владивосток, 1920.

На наш взгляд, переключки с Сологубом вызваны не просто более предпочтительной мелодикой словосочетания (хотя и в этом есть смысл, учитывая мартовское увлечение словесной вязью), а именно религиозными коннотациями. Март переключается с Сологубом – тот изобретает, «творит» легенду о России и русской жизни, а Март погружается в мир живых и действенных преданий, определяющих быт китайского народа. Это определено самим названием сборника¹.

Графический и синтаксический рисунок рассказа «Лапа Мин-дзы» обращает читательское сознание к ритмизованной прозе символистов:

«Так и состарилась на чужбине Мин-дзы.

Лет тридцать назад – еще бойкой, расторопной – выбралась она случаем из родной деревушки. Зазвал ее на чужбину заезжий проходимец Ван-со-хин, бывалый делец, не однажды посетивший и таежный Амур, и тихие берега спокойной Кореи, и дальний приют белого дьявола Хай-шин-вей.

Ван-со-хин развозил по китайским незатейливым селеньям побережья, ближайшего в Чифу, всякую ходкую всячину: и спрессованную морскую капусту, и лакомые трепанги, и чечунчу прочную, и напраздничные раскрашенные картины театрального действия с изображениями длиннобрадых старческих ликов богов, и наряды готовые, и безделушки любимые, и всякую неожиданную чужестранную невидаль»².

Но, как видно уже из первых абзацев, повествование Марта далеко от сверхсмысловой нагруженности символистского текста. Писатель обращается к религиозным верованиям китайцев сквозь призму их повседневной жизни. И, самое главное, – с точки зрения самих китайцев.

Потому перед нами уже не опозтизированный одурманенным сознанием Хай-шин-вей (Владивосток, куда из Чифу попадает Мин-дзы), а шокирующий своей реальностью приют торговцев, насильников и убийц:

«Запекшиеся в комьях почерневшей крови, отрубленные головы уличных опийщиков все чаще свешивались на придорожных столбах в назидание еще не уличенным опийщикам»³.

¹ *Забяко А.А.* Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение 2011. № 2. С. 154–170.

² *Март В.* Тигровый чары. Указ. изд. С. 3.

³ Там же. С. 4.

Судьба Мин-дзы этом городе – «приюте белого дьявола» – отличается от судеб многих таких же бедолаг тем, что ей сопутствует удача, приносимая таинственной тигровой лапой – «наследной» лапой-амулетом. «С необычайным вниманием и осторожностью, пуще всего берегла Мин-дзы эту вещь. Еще дед завещал отцу, а отец ей передал тигровую лапу»¹. Вскоре жестокая участь обитательницы притона сменилась на тепло и уют: девушка подружилась с богатой китайкой Кун-ны и до старости прожила у этой доброй и ласковой женщины. После смерти своей покровительницы Мин-дзы пришлось вернуться в грязь и нищету. Вот тут и пригодилась тигровая лапа.

На старости лет Мин-дзы стала пользоваться уважением и почетом. Она прославилась тем, что избавляла человека от застрявшей в горле рыбной кости при помощи лапы. Так и закончила свой век «в черных, сумрачных провалах среди бесконечных грязных пристроек, надстроек и построек одного из затхлых, потускневших домов китайского Владивостока... слепнувшая, еле движущаяся крохотная старушонка Мин-дзы – “знаменитая и единственная специалистка по вытаскиванию рыбных костей из горл”»².

Мин-дзы пользуется древней магической практикой, непременным атрибутом которой является таинственная тигровая лапа, дарующая жизнь: «Цап-царап, цап-цапыньки – сверху вниз, и еще, и опять, и потом... водит, проводит старушонка без толку кропотливой ручонкой... минута, другая – глян! – кость-то и выскочила из места насыщенного...»³. Не случайно лапа тигра словно срастается со старушкой – это вполне соответствует мифологической логике подвижности пребывания сферы божества. Потому и рассказ назван не «Тигровая лапа», а «Лапа Мин-дзы»; в названии процесс мифологической апеллативизации зафиксирован как нельзя более убедительно⁴.

Взгляд на жизнь китайцев сквозь призму их повседневной религиозности становится основой сюжета другого рассказа

¹ Март В. Тигровьи чары. Указ. изд. С. 4.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 10.

⁴ Топоров В.Н. Очир // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 271.

сборника – «Долг покойного»¹. Начинается рассказ с небольшой экспозиции – китайского поверья:

«Три души у человека. После смерти расходятся они.

Одна душа уходит в иной, загробный мир и повторяет земную жизнь усопшего.

Душа другая остается в могиле с мертвецом.

А третья душа покидает прах, вселяется в родную фанзу, ютится в дощечке родовой с начертанным именем покойного.

Как будто бы и умер человек – ан, нет! Жива его душа и бродит в мире...»²

Сюжетная ситуация рассказа – мифема о том, что нет успокоения душе того, кто взял в долг.

Согласно древнему представлению китайцев, у человека несколько душ, например, души *хунь* и *по*, одна из которых улетает после смерти, а другая остается с умершим до полного разложения тела. Кроме того, есть душа *лин*, которая находит жизнь во всех вещах и существах³. По-видимому, о душе *лин* и повествует Март.

Душа Ку-юн-суна после смерти переселилась в жеребенка, чтобы конем отработать долг, взятый при жизни. Пример подобной реинкарнации мы можем встретить в уже упомянутом рассказе «Лапа Мин-дзы».

Настоящим сокровищем становится стройный красавец-жеребец для Син-дзы. Однажды юноша решил взять коня на ярмарку, где он впервые расстроил хозяина – учинил разгром в горшечной лавке. Впоследствии оказалось, что хозяин лавки был должен дяде Син-дзы. Таким образом, душа Ку-юн-суна вернула долг. Миф, сказка и реальность переплетены в рассказе, как и в традиционной китайской прозе. Март сотворяет свою легенду о жизни и верованиях китайского народа.

Бытописание у Марта сочетается с особой словесной вязью – стиль рассказов сборника сближается с орнаментальной прозой. И здесь его предшественниками выступают, очевидно, все тот же Ф. Сологуб и А. Ремизов. Разговорная лексика, просторечия, которыми он мыслит воссоздать речь простых китайцев («шевели мозгой», «пень расторопный»), перемежаются

¹ *Март В.* Тигровьи чары. Указ. изд. С. 11–18.

² Там же. С. 11–12.

³ *Токарев С.А.* Душа // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. Указ. изд. С. 414.

тавтологических повторах, инверсиями («с детства далечайшего», «родовых рассказней» и др.), помещается в особую графическую систему абзацев-предложений. Автор не старается выглядеть отстраненным повествователем – текст изобилует эмоционально-экспрессивной лексикой: «дядюшка», «старушка», «соседушка», «мелюзга» и др., выражающими авторское отношение к объекту изображения. Образ «седого, горбатого» старика Ку-юн-суна становится сквозным персонажем «китайского» текста В. Марта – позднее он появится и в лирике, и снова в прозе.

Стихотворение «Гадальщик» становится логическим завершением художественной идеи сборника, вбирающей мифологический комплекс представлений китайцев о жизни и смерти. В нем простыми тактовиковыми ритмами и незатейливыми интонациями воссоздается ежедневная практика гадания «И-Цзин» и вера китайцев в эти предсказания. Лирический «рассказчик» наблюдает за этим со стороны:

У дверей харчевни
Стол гадальщика стоит.
Старец чужеземный
«Завтра» каждого таит.

Три монетки медных,
Тушь и кисть на тростнике.
Книги строгие отметок
Ожидают в уголке.

Изредка прохожий
Остановится гадать,
И старик находит,
Что судьба готова дать.

Дальневосточное творчество Марта – начальный этап становления его художественной этнографии. Первый рассказ сборника «Тигровьи чары» предваряло посвящение: «Посвящаю китайскому поэту Сыкун-Ту, автору бессмертных стансов “Поэма о поэте”». Автор». С поэзией классика танской эпохи Март мог познакомиться в издании В.М. Алексеева¹. Обращение к творчеству китайского поэта-критика, по всей видимо-

¹ Алексеев В.М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкунь Ту (837-908): Перевод и исследование. Пг., 1916.

сти, было не случайным. Сборник «Тигровьи чары» стал этапом окончательной «китайской ориентации» Марта.

В 1920 г. Март уезжает в Харбин, в многонациональной среде которого всемерно усиливается направленность писательского сознания на этнографизм, причем в народно-демократическом ключе. В Харбине Март переиздает свои «Песенцы», дав иное название: «Хай-шин-вей: Песенцы: Китайские этюды: Стихи», – и обновив содержание. Из владивостокского в харбинский сборник перекочевали почти все стихотворения: «Песенцы», «В курильне», «У Фудзядяна», «На Амурском заливе», «Мой гипсовый череп». Исключение составило лишь стихотворение «В чайном домике» (оно посвящено японцам). Новыми для второго сборника стали стихотворения «Три души», «У моря», «Гадальщик» (которое публиковалось в сб. «Тигровьи чары») и «ДУ-ХЭ (одинокий журавль-аист)».

Новую редакцию «Песенцов» по праву можно считать новым сборником. Его пронизывает просветительский посыл Марта: поэт сопровождает стихотворения комментариями, поясняющими читателю ту или иную сторону жизни китайцев, их художественную традицию. Стихотворение «Три души» сопровождает два комментария, касающихся мифологии посмертного существования и определяющих сюжет лирической зарисовки.

Китайская легенда о переселении душ теперь дается в поэтическом переложении. В стихотворении «Три души»¹ она воссоздается при помощи причудливого сочетания лирического «повествования» и акцентного стиха с прихотливой грамматической рифмовкой:

...Три души его покорно
Разбрелись. Дороги
Их решили боги:
Брак трех душ его расторгнуть.

Страж душа одна осталась
С мертвецом в могиле...

¹ В издании «Русская поэзия Китая: Антология» это стихотворение опубликовано отрывком, словно издатели взяли только первую страницу текста оригинала «Песенцов» с первым комментарием. Вероятно, это просто ошибка составителей (либо был опубликован фрагмент текста, имеющийся в копии). Как бы то ни было, в результате текст стихотворения утратил свой смысл.

С новой ясной силой
В теле брэнном засияла.

Отошла душа другая,
Труп покинув в гробе, –
В мир иной загробный,
Жизнь земную повторяя.

Третья – в фанзу возвратилась.
И дощечка в доме –
Память о покойном –
Третью душу приютила¹.

Такой стих, по замечанию М.Л. Гаспарова, почти не употребителен², что приводит к определенной прозаизации художественного текста³. И если бы текст не был заведомо графически разбит Мартом на четверостишия, он, действительно, мог бы читаться как ритмизованная проза. В результате графической сегментации создается особый ритмический рисунок, имитирующий китайскую поэзию – для знатоков. А для «профанов» эта лирика несет на себе печать версификационного эксперимента.

А. Киржниц писал о Марте (вкуне с Камьшнюком), что «в гнилой и засасывающей обстановке Харбина их творчество получило специфический уклон, и они сами так погрязли в харбинском болоте, что вряд ли им уже удастся выбраться из него»⁴. Справедливости ради – кроме «Распечатанных тайн» и «Песенцов» в Харбине Мартом были изданы сборники «Луна. Стихи» (1922), «На перекрестках смерти. Украденная смерть» (1922), «На любовных перекрестках. Новелла-миниатюра» (1922), несколько стихотворений в газетах и журналах⁵.

Что касается «харбинского болота» – действительно, писатель оказался в Харбине в те годы, когда не просто литературной среды – культурной жизни дальневосточного зарубе-

¹ Март В. Хай-шин-вей: Песенцы: Китайские этюды: Стихи. Указ. изд. С. 9–10.

² Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001. С. 154–155.

³ Там же. С. 18.

⁴ Киржниц А. У порога Китая. Указ. изд.

⁵ Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография (список книг и публикаций в периодических изданиях) / Сост. Дiao Шаоxуа. Указ. изд. С. 87–88.

ж्या как таковой еще не сложилось. Потому не мудрено, что в Харбине Март (по владивостокской привычке) вел беспутный образ жизни: «что у него было – пропивалось, прокуривалось и расходовалось на <зачркн.>, в ущерб семье»¹. Но гривуазные похождения Марта оказались чреватые для писателя и открытиями – как ни удивительно, именно в художественной этнографии. По крайней мере, об этом можно судить по циклу очерков «Желтые рабыни»²: в нем Март проявился и как этнограф, и как очеркист, и как прозаик. Как ученый этнограф, Март предпринимает настоящее путешествие в естественную среду. Только среда эта не выходит за пределы Харбина, а располагается в специфическом его районе – Фудзядяне, территории притоков и других значных мест³.

Цикл «путешествий» (а точнее – очерков, написанных в жанре «петербургского физиологического очерка») открывает просветительски заряженное предуведомление автора: «Европейцы – жители Полосы Отчуждения – китайской территории – буквально отчуждены, вовсе изолированы от территории китайского повседневия.

Смешавшись вплотную, перепутав свои насущнейшие интересы и потребности с местными желтолицдыми аборигенами, мы все же допущены, проникли к ним лишь в сфере уличной поверхности...

Наше знакомство, по преимуществу, шапочно через прилавок, по мере необходимости.

Мы за китайской стеной быта.

Поэтому вряд ли не представит интерес наш очерк, открывающий несколько двери в интимнейший мир туземного Харбина и к его детищу – Фудзядяну!...»⁴.

¹ *Архив* Н.Н. Матвеева-Бодрого // ХКМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 723.

² *Март В.* Желтые рабыни // Копейка. 1923. № 123–126, 159.

³ *Фудзядян* (Фудзядянь), современное название – Даовай, район Харбина; в начале 20-х гг. XX века здесь процветала китайская торговля, работали китайские театры и варьете, традиционные китайские кафе, публичные дома, опиумокурильни. Район был населен богатыми китайцами, застроен двухэтажными особняками специфического архитектурного стиля, получившего позднее название «китайское барокко». Сегодня – respectable туристический район с реконструированными и отреставрированными зданиями, «блошиными рынками», этнографическими ресторанчиками и кафе. Излюбленное место отдыха харбинцев. Об этом, в частности: *Левашко С.С.* Архитектура и архитектурная жизнь русского Харбина // *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта.* Благовещенск, 2015. С. 15–68.

⁴ *Март В.* Желтые рабыни. Указ. изд.

В цикле «Желтые рабыни» под специфическим углом зрения Март исследует рынок любви в Китае, успевая при этом рассказать и о традиционной китайской семье, и об устройстве ее в отдельных провинциях, и о нравах простолюдинов. Так, автор начинается с преамбулы: «Многоликий несметный гигант Китай изобилует самыми разноречивыми, парадоксально неожиданными (в смысле географически замкнутой той или иной провинции и т. п.) нравами, специфическими обычаями, бытовыми укладами и т. д.

Благодаря таковой обстановке, отличные, часто вовсе чуждые и даже в некоторой толике иной раз враждебные друг другу условия быта той или иной местности создают совершенно разных характером и по мироотношению людей.

Два китайца из разных провинций при встрече могут отлично разделить участь чужестранца – белолицего европейца.

Крайне различное часто произношение китайского языка вполне способствует таковой возможности...»¹

Рынок проституции на Северо-Востоке Азии, и, конкретно, в Китае интересует сегодня и российских, и французских ученых – историков, этнографов, антропологов. Правда, никто после Марта не обратился к национальным истокам и специфике этого социокультурного явления.

Несмотря на сомнительную с точки зрения обывательской морали тему, Март проводит настоящее научное исследование как грамотный антрополог: вновь обращаясь к интервью, используя методы, которые сегодня активно применяет социология, этнография, антропологи, – социопрос, контент-анализ. При этом, проникая в тайная тайных фудзядяньских притонов и скрупулезно фиксируя особенности быта их обитателей, он остается истинным художником, сохраняя интригу в повествовании, душевно проникаясь своими героями, тщательно работая над словом. По ходу путешествия (которое он предпринимает с китайским проводником) Март успевает поведать и поэтическую быль о губительной любви бедного юноши к проститутке, и историю о куртизанке Куа-хуа – поклоннице театра и других видов искусств. Цикл «Желтые рабыни», без сомнения, представляет собой ценный с точки зрения этнографии и художественной этнографии материал, ждущий детального исследования.

¹ Март В. Желтые рабыни. Указ. изд.

Этнографическая копилка, созданная за небольшой срок жизни в Северной Маньчжурии, пригодится писателю далеко-далеко от советско-китайской границы – правда, совсем не в той мере, в которой из нее можно было бы черпать информацию и вдохновение. В 1923 г. Март с семьей уезжает в Москву.

Китайская тема и любимые китайские персонажи не оставят воображение Марта в Советском Союзе. Теперь Китай станет для писателя источником художественной оригинальности – ведь мало кто из столичных авторов может соперничать с ним по степени жизненного опыта общения с инокультурой, что же говорить о знании языка и литературной традиции. Но в новой системе ценностей, в которой Март оказался, познания в мифологии Китая и его веками устоявшихся традиций были сродни мракобесию. Богатейший «китайский» багаж Марта в социалистическом мире богоборчества ожидала печальная участь годных только в утиль вредных предрассудков. С этим надо было что-то делать.

Советская литература в эти годы переживала период острых дискуссий о «беллетристике» (как литературе вымысла) и «литературе факта»¹. И, конечно, тематику и проблематику прозаических произведений определяло требование соцзаказа². Приехавшему из «белого Харбина» Марту пришлось балансировать между предшествующим жизненным и художественным опытом и тем, чего ждут от него новый читатель совершенно незнакомой ему страны и новая критика.

Но и Китай к концу двадцатых годов перестал уже быть тем древним Китаем, бедные жители которого только тихо возделывают рис, а богатые подремывают в тени дворцовых покоев. Это прекрасно знали в республике Советов. Начало 1927 г. было связано в Советской России с ожиданием китайской революции. Идея мировой революции переживает к тому времени кризис, и на этом фоне вопрос пролетарской революции в Китае – вопрос идеологически и стратегически важный для

¹ *Литература факта*. Первый сборник материалов работников ЛЕФа. М., 2000.

² Об этом, например: *Корниенко Н.В.* «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М., 2010; *В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930 годов*. М., 2010.

Коминтерна и ЦК партии¹. В марте 1927 г. газеты сообщали: «Знамя революции развеивается над Шанхаем». Говорилось о восстании рабочих, вступлении в город национально-революционной армии, печатались портреты ее главнокомандующего Чан Кайши, одного из лидеров Гоминьдана². Однако скоро ситуация резко меняется, происходит раскол Гоминьдана. Взятие власти, осуществленное Чан Кайши, было направлено против китайских коммунистов и симпатизирующих им советских советников: он старался ослабить политическое и идеологическое влияние СССР и Коммунистической партии Китая. Советские газеты сообщили о том, что войска героя китайской революции расстреливают рабочих, их жен и детей, появляются статьи о «китайской корниловщине»³. На страницах советских газет и журналов появляются заметки пролетарских писателей в поддержку китайской революции.

Такая кампания привела не только к расколу внутри Китая, но и к ухудшению советско-китайских отношений: советская миссия была атакована вооруженными солдатами Пекинского правительства. Инициаторы нападения стремились обострить конфликт между странами, что привело бы к прекращению помощи СССР китайской революции. Ситуацию также усугубляла политика американских и британских представителей в Китае⁴.

Новый советский читатель был захвачен бурными революционными событиями в Китае. А советская критика ждала «красных Толстых». И Март забывает на время, что он – салонный писатель-кокаинист, очарованный китайской мистикой и яркими красками фудзяньских героинек. Он начинает следовать общему направлению жизни, новым требованиям к развитию литературы (хотя дома все еще ходит в роскошном восточном халате и шапочке). Помогло присущее с детства «народолюбие».

Март находит для самовыражения новую форму. Он почти отказывается от стихов и отдает предпочтение прозе: «Скоро этак разучусь вовсе писать стихами... Да и к тому же что-то

¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 356–494.

² Рабочая Москва. 1927. 22 марта. С. 1.

³ Китайская корниловщина // Рабочая Москва. 1927. 17 апр. С. 1.

⁴ Об этом подробнее: Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004. С. 446–450.

тянет на прозу», – напишет в письме Рязановскому¹. И потому жизнь любимых героев Марта – Кун Юн-Суна, Мин-дзы – и всего китайского народа определяют уже не Судьба, дарованная свыше Небом, не мистическая воля предков, а социально-политические процессы, марксистско-ленинские лозунги. Именно об этом недвусмысленно идет речь в вышедшем в Советском Союзе «Сборнике рассказов» (1928), а также в «повести для детей из быта современного Китая» «Речные люди» (1930). Заметим – Март воспринял новый модус изображения Китая весьма органично.

Теперь перед читателем Марта – государство, охваченное волнениями и революционной борьбой. Так, в рассказе «Хун Чиэ-Фу» главный герой переживает личную трагедию, связанную с вторжением «белолицых чужестранцев» в Китай. Старик зарабатывает себе на жизнь тяжким трудом, работает рикшей. Рикша, или человек-лошадь, «редко может проработать пятнадцать-двадцать лет»², и Хун постоянно думает о том, что «где-нибудь в торгашеской сутолоке грохочущих улиц он вдруг грохнется замертво наземь»³. Но не только это становится испытанием для старика Хуна: он вынужден каждый день перевозить ненавистных ему чужестранцев, загубивших его единственного сына. Ли еще ребенком был отдан в слуги к богатому англичанину, в доме которого он постоянно переносил побои и издевательства. Однажды отец захотел поделиться с сыном общим горем, сообщить о смерти матери, но это ему не удалось: хозяин особняка плетью прогнал его из дома. На другой день старик узнал, что сын заступился за отца и топором обезобразил лицо хозяина. Конечно, Ли был казнен. И с этого дня Хун находит силы в чувстве мести. Рассказ имеет трагическую концовку: в коляску старика садится уродливый англичанин, в котором он узнает убийцу своего сына. Движимый только одной мыслью отомстить, Хун сбрасывает коляску в реку.

Драматизм ситуации усиливает тот факт, что потеря единственного сына делает невозможным достойное погребение останков отца: «У китайцев еще при жизни отца сын заготавливает гроб для старика, и это является доказательством

¹ Архив Н.Н. Матвеева Бодрого // ХКМ. Ф. 10. Оп. 10. Д. 723.

² *Март В.* Сборник рассказов. Указ. изд. С. 5.

³ Там же. С. 6.

особой сыновней почтительности»¹. В традиционных религиозных верованиях Китая на протяжении многих веков сохраняется культ предков, согласно которому ответственность за похороны главы семьи ложилась на плечи сына. Непременной составляющей обряда захоронения являются дощечки с именами умерших родственников, которые размещались на могилах или алтарях². Китайцы верят, что одна из трех душ человека вселяется в эту особую дощечку. Поэтому несчастного старика постоянно преследует мысль, что после смерти «некуда будет приткнуться его опустошенной душе»³.

Не менее драматична судьба швеи Вы-и, героини рассказа «Красный плат китайки». Автор рассказывает о последних минутах жизни хрупкой предводительницы шайки хунхузов⁴. Перед ее глазами проносится жизнь, полная лишений, голода, опасных связей. Но не с сожалением вспоминает маленькая китайка прожитые годы: она смогла продолжить дело мужа-революционера в борьбе с «белыми дьяволами-европейцами», захватившими Китай. Вы-и стала известна как «Летучая мышь», храбрая и щедрая освободительница, помогающая бедным. И так же бесстрашно она выносит свое наказание у позорного столба, ждет рокового часа. Принимает смерть мужественная Вы-и с торжествующей улыбкой, но не от палача, а от подруги из толпы бродячих швеек.

История Вы-и стала ярким образчиком «литературы факта», о которой грезили в те годы лефовцы. Стремясь создать «новую техническую базу» в литературе и дать «переоценку» «старых представлений о старой же культуре и литературе», В. Перцов, к примеру, напишет: «...застрельщиками этой переоценки выступают люди со стороны, не “авторитетные”, признанные художественные деятели, критики, искусствоведы, а люди пограничных областей – газетчики, журналисты, этнографы, путешественники, историки, публицисты, – т. е. люди, поставленные в потоке живой действительности и привыкшие отвечать за каждое свое слово, как за дело» (курсив мой. – А.З.)⁵.

¹ Примечание В. Марта. Там же.

² *Забияко А.П.* Китайцев древних религия // *Религиоведение: Энциклопедия*. Указ. изд. С. 521–523.

³ *Март В.* Сборник рассказов. Указ. изд. С. 6.

⁴ О явлении хунхузничества на Дальнем Востоке: *Ершов Д.* Хунхузы: неопьявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010.

⁵ *Перцов В.* История и беллетристика // *Новый ЛЕФ*. 1928. № 4. С. 3–8.

Тут-то и сгодился Марту его этнографический харбинский багаж. В 1923 г. в газете «Копейка» за подписью КИН была опубликована сенсационная заметка-хроника «Китайка-бандитка», где рассказывалось о казни страшной «хунхузианки» по имени Вы-и:

«Вы-и действительно связана с Фудзядяном...
Здесь некогда она жила еще совершенно мирной жизнью.
Здесь ее сердце билось иначе: женскою тревогой любви!
Здесь протекала ее супружеская семейная жизнь.
<...>
Муж Вы-и был – хунхуз.
Его поймали, судили и казнили.
Это тоже случилось здесь – в Фудзядяне!..

И Вы-и – решила продолжить “карьеру” мужа-хунхуза и вслед за его казнью, – нарядившись в мужской костюм, – убежала из Фудзядяна в провинцию Лин-цзян-сян – хунхузничать»¹.

И далее – в том же духе романтической разбойничьей стилистики рассказывалось, как держалась на суде за свои «чудовищные разбои» «Хуза-ту» (атаманша):

«Меня нечего спрашивать! Как гром – я гремела – на весь Лян-цзян-сян!.. Все знают меня... Хотите – убивайте!» Репортер откровенно восхищается «изумительной атаманшей-китайкой», сбросившей «бабьи тряпки» – «не ради ли мести за казнь любимого-хунхуза?!». Стиль статьи, ее графика и особая ритмизация навевают мысль о том, что ее автором вполне мог быть и сам Март, в те годы активно сотрудничавший с «Копейкой». В таком случае примечательно, как точно следовал писатель «харбинскому соцзаказу»: читатель «Копейки» ждал именно мелодраматизма, наказанного порока и красивого финала любовной «хунхузианской» истории. Если же КИН – не Март, то любопытно, какую метаморфозу пережил сюжет с реальной атаманшей-хунхузкой в его «советской» интерпретации.

Советскому читателю Март преподнес «революционную» версию хунхузничества в Китае – уже с пафосом, присущим героической романтизации восстаний Е. Пугачева и Стеньки Разина, усвоенной мифологизированным сознанием новой России. Его Вы-и – не просто предводительница шайки, она – провозвестница революционной эмансипации китайских женщин. Марту ли, приехавшему из Маньчжурии, где в начале 20-х гг.

¹ КИН. Китайка-бандитка // Копейка. 1923. № 128.

хунхузы превратились в настоящее бедствие для коренного населения (в первую очередь, бедного), было не знать истинную сущность хунхузничества! Тем более, что он совершенно определенно был знаком с этнографической прозой П.В. Шкуркина, с повествованиями Н.А. Байкова.

В советской интерпретации В. Марта хунхузы – это борцы против иностранного засилья в Китае, против «проклятых белых дьяволов». Поэтому в момент казни их предводителя Тяна на «длинном шесте вдруг взвился красный плат». Жена Тяна берет в свои руки его «благородное дело», а подвиги и щедрость «изумительной атаманши» обрастают легендами¹.

Прозвище китайки – «Летучая мышь» – приобретает особое значение в рассказе, особенно сквозь призму сегодняшнего прочтения прозы Марта. Советскому читателю смысловые коннотации этого образа не давали ничего, кроме устрашающих романтических аллюзий – в духе европейской традиции. На этот счет Март не дает никаких популярных «китаеведческих» комментариев. Но если бы его текст стали читать знатоки-китаеведы, то не увидели в этом ничего сомнительного². В китайской мифологии образ летучей мыши несет самые что ни на есть положительные смыслы – как символ удачи. К тому же, по поверьям китайцев, летучая мышь является спутником бога счастья Фу-Шинга, а известные художники часто выбирали этот образ для своих картин, также он встречался и на народных полотнах. И, конечно, здесь мы имеем дело с универсальной разбойничьей мифологией, устойчиво воспроизводящей в жизни разбойников понятие удачи, везения. Март не отказал себе в этом удовольствии – синтезировать традиционное и революционное. Так же происходит и с символикой «красного платка». Заметим – не платка, а в высоком звучании «платка», в отечественной поэтической традиции – блоковского топоса, его женственной теодицеи России.

¹ *Март В.* Сборник рассказов. Указ. изд. С. 30.

² В Европе летучая мышь всегда ассоциируется с темным началом, смертью, однако в китайской традиции это животное символизирует счастье, так как фонетически это сочетание омонимично пожеланию удачи. *Захарова И.В., Захаров В.Ю.* Удача по-китайски: как читать язык символов. Ростов н/Д; Краснодар, 2010. С. 175–179; *Летучая мышь* – [bianfu] / счастье – [xingfu] // Цзисяншоу (благопожелательные животные) под ред. Чжэнь Иньхэ, Чжэнь Либин. Фучжоу, 2005; *Чжунго чуаньгун цзисян тудянь* (Иллюстрированный словарь китайских традиционных благопожеланий). Пекин, 2005; *Чжунго сяньчжен цидянь* (Словарь китайских символов). Тяньцзинь, 1991.

Издревле красный цвет – символ счастья и благополучия для жителей Китая. Традиционная символика скрещивается с революционной: красный – цвет революции. Синтез этих значений в образе «шлата» героини должен был убедить читателя в вере в светлое будущее, благотворном влиянии революционных событий на жизнь простых жителей Китая: «... на длинном шесте развевался красный плат с начертанной ее рукой осуществленной клятвой»¹.

На фоне обострившегося международного кризиса меняется не только сюжетное наполнение «китайской» прозы В. Марта, меняется сам язык его произведений. Он становится плакатным, а сюжетные линии рассказов довольно прогнозируемы в духе революционной идеологии. В этом отношении характерно «Предисловие» к «Сборнику рассказов»: «В напечатанных в этой книжке рассказах Венедикта Марта описывается жизнь трудящегося населения Китая и Кореи. Постоянная нужда, тяжелый, плохо оплачиваемый труд рабочих и крестьян, всевозможные притеснения, как со стороны иностранных богачей, так и со стороны китайских помещиков и чиновников, – все это порождает глубокую ненависть трудящихся к своим врагам – помещикам и капиталистам.

Борьба эта развивается с большими трудностями. Сейчас китайский рабочий и китайский крестьянин, несмотря ни на что, несмотря на тяжести и жертвы, завоевывают свои права.

Рассказы В. Марта если и не отражают эту великую борьбу, то они все же дадут читателю некоторое представление о жизни рабочих и крестьян в Китае. И старый Хун, и бродячая швейка Вы-и – оба они живут одной ненавистью, одним стремлением непримиримой вражды к своим классовым врагам.

Чтение этих рассказов помогает читателю легко уяснить себе то, что происходит в Китае, и помогает ближе узнать эту великую страну»².

Особого внимания заслуживают комментарии, которые дает В. Март по поводу древних религиозных воззрений китайцев в зависимости от соцзаказа. Если в сборнике «Песенцы» они представляли собой популяризацию китайской мифологии, то в «Сборнике» имеют уже идеологизированный оттенок, сравним: «В китайской темной массе до сих пор не изжит культ

¹ Март В. Сборник рассказов. Указ. изд. С. 32.

² Март В. Сборник рассказов. Указ. изд. С. 3–4.

предков. Они верят, что у человека три души и после смерти одна из душ вселяется в особую дощечку...»¹ (курсив мой. – А.З.).

В повести «Речные люди» (1930) Март продолжит линию освобождения угнетенного китайского народа, обратившись к детскому сознанию и мироощущению своего героя Ку-Сяо². Он мастерски вплетает сюжеты китайской мифологии в новые неомифологические сюжеты советского сознания. «Речной мальчик» Сяо замечает в каменоломне рядом с изображением китайских божеств новое и неизвестное для него божество – портрет Ленина: «Возле божков прямо на стене был приклеен большой лубочный портрет белого человека. Белый человек, прищуря умные глаза, казалось, подсмеивался над Сяо, который не понимал: «Зачем “белого дьявола” повесили в кумирню?»³. Если бы Сяо был грамотен, то он разобрался бы в иероглифах. Эти иероглифы под портретом лысого белого человека, с хитрецою в улыбке, означали: «Ленин – друг китайского народа»⁴. Сяо воспринимает Ленина как «нового бога», но боится молиться ему так, как учили его с детства. В повествовании Марта органично соединяются и новая реальность социалистического сознания, и присущий китайской картине мира синкретизм религиозных верований, и юмор.

Как ни старался, не уместился Март в рамки новой социалистической художественности – ни образом жизни, ни этнокультурной ориентацией. Многие его сочинения так и остались в рукописном виде, отвергнутые критиками⁵. В 1937 г. Март был повторно арестован по обвинению в шпионаже и расстрелян как «японский шпион». Реабилитирован он был посмертно лишь в 1989 г.⁶ Но особый вклад в его личную трагедию реэмигранта внесли ментальность дальневосточного фронта, укорененная к мировосприятию народно-демократическая традиция и, очевидно, искреннее стремление совместить ее со стремительным меняющимся в советской литературе соцзаказом.

¹ *Март В.* Сборник рассказов. Указ. изд. С. 6.

² *Март В.* Речные люди. Л., 1930. С. 38.

³ Там же. С. 39.

⁴ Об этом: *Забялко А.А., Дябкин И.А.* Трансформация сюжетов китайской мифологии в творчестве дальневосточных писателей 20–40 гг. XX в. // Религиоведение. 2013. № 4. С. 139–157.

⁵ Например: *Матвеев В.Н.* Рассказы о Востоке // ГИХЛ. Ф. 613. Оп. 1. е х 7053.

⁶ *Хисалутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь. Владивосток, 2000. С. 198.

Глава 12

ЧЕЛОВЕК ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА В ПОИСКАХ КОРНЯ ЖИЗНИ

(М. Щербаков, Б. Юльский, А. Несмелов)

«Пограничная жизнь – это огромная канва, по которой можно расшивать узоры бесчисленных, весьма запутанных, обремененных сложной фабулярностью, романов... Недаром в доброе старое время писались повести о контрабандистах, о мрачных следопытах-охотниках, о невероятных приключениях, все это – в связи с жизнью на границе», – писал в середине 30-х гг. на страницах журнала «Рубеж» критик Аргус¹.

Начатое писателем Н.А. Байковым и продолженное китаеведом-этнографом П.В. Шкуркиным, оборванное из-за отъезда в СССР в творчестве Венедикта Марта, направление художественной этнографии многообразно развивается в харбинской беллетристике. Этнографический материал становится востребованным не только в узких научных кругах, но и в среде обычных горожан, постепенно осознающих уникальность своего местоположения, того края, что стал их домом. Для обретения новых впечатлений харбинские писатели отправляются в путешествия (в том числе – корреспондентами ведущих периодических изданий – А. Ачаир, А. Хейдок, В. Логинов, Н. Байков и др.); по югу Китая и странам Азии путешествуют шанхайские авторы (М. Щербаков). Их этнографические репортажи и зарисовки несут ценнейшую информацию о нравах, обычаях и верованиях коренных народов Востока Азии и обнажают интерес к окружающей экзотике не только самих писателей-эмигрантов, но и, в первую очередь, читателей газет и журналов

¹ Аргус. Роман, написанный жизнью (Книга К. Сабурова «Зеленый фронт», только что вышедшая в Харбине) // Рубеж. 1937. № 17.

эмигрантской среды¹. Особенности непростой пограничной жизни в Северной Маньчжурии, обусловленные политической ситуацией на Дальнем Востоке, к 1937 г. лишь обозначились уже столь явно, что о них стало возможным писать и в иллюстрированном журнале, и в более солидных публикациях².

Таким самоценным типажом человека дальневосточного фронта стал **Михаил Васильевич Щербаков**³ [1890–1956] – профессиональный физик (закончил Императорское высшее техническое училище), военный летчик, замечательный фотограф (одним из первых разработавший технику цветной фотографии), писатель, поэт и литературный критик, в совершенстве знавший французский, английский, немецкий языки. Был мобилизован в 1914, направлен во Францию, где прошел краткосрочные курсы аэрофотосъемки. Воевал на Балканском фронте. Стал добровольцем Французского иностранного легиона, получил французское гражданство. Но вместо службы в Ханое он перебрался в шальной Владивосток, где прожил несколько лет, редактируя монархическую газету «Русский край» и «Крестьянскую газету». Он был знаком со многими, ставшими впоследствии известными харбинцами (Б. Бета, Вс. Ивановым, А. Несмеловым, М. Урванцевым). В частности, во Владивостоке Щербаков общался с В.К. Арсеньевым, тот подарил ему свою книгу⁴. Щербаков во Владивостоке учит китайский язык,

¹ Ачаир Ал. У священного озера (Спец. корреспонденция для «Рубежа» из Ханьчжоу) // Рубеж. 1929. № 6. С. 11; Хейдок А. Город предрассветных сумерек (Впечатления о Гирине) // Рубеж. 1929. № 45. С. 3; Кедров И. Дикари под боком у Харбина // Рубеж. 1933. № 10. С. 3–4; *Забайкалец*. Соколиная охота в Китае // Рубеж. 1929. № 48. С. 6; На отрогах Хингана (Результаты научной экспедиции) // Рубеж. 1931 (?). № 11. С. 5–6; Щербаков М. По каналам. С фотографиями автора // Слово. 1930. 22 марта; По древним каналам. Этнографический очерк // Понедельник. 1930. № 1; Священный остров. Очерк о Путу // Парус. 1932. Вып. 9.

² Об этом, например: *Забияко А.А.* «Дикари под боком у Харбина»: религиозная жизнь эвенков Северной Маньчжурии в периодической печати дальневосточной эмиграции // Религиоведение. 2014. № 4. С. 185–192.

³ Образ Востока в литературе дальневосточной эмиграции исследован также: *Кириллова Е.О.* Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов). Владивосток, 2015.

⁴ В библиотеке М. Щербакова, сохраненной частично В.А. Слободчиковым, есть первое издание книги Арсеньева с надписью владельца «М. Щ.» *Коллекция «русского харбинца»*. Каталог собрания В.А. Слободчикова. М., 2006.

очевидно – много читает литературы, посвященной Китаю, Японии, востоку Азии вообще.

Покинув Владивосток буквально перед самым вступлением туда красных войск, Щербаков много путешествует по Дальнему Востоку, побывав в Корее, Японии, Сингапуре, Гонконге. Под впечатлением от столь многообразного этнокультурного опыта Щербаков создает различные стилизации в духе национальных традиций поэзии. Они публикуются в альманахе «Китай» (Шанхай, 1923 г.), «Врата» (Шанхай, 1935), «Отгул» (Шанхай, 1944).

В 1922 г. пристанищем Щербакову становится многонациональный Шанхай, где писатель проживет более двадцати лет. Там он активно занимается литературной и организаторской деятельностью, создает и руководит объединением «Понедельник». С 1933 г. входит в правление литературно-художественного объединения «Восток», печатается во многих дальневосточных журналах и альманахах («Врата», «Понедельник», «Багульник», «Феникс», «Шанхайская заря» и др.), а также в ряде американских и европейских изданий («Дымный след», «Современные записки», «Балтийский альманах»). Сразу по приезду в Шанхай либо еще во время своего владивостокского жития и путешествий по Тихому океану и северным пределам России он обратился к переводам. В частности, в «Балтийском альманахе»¹ публикуются его «Шанхайские миниатюры» с подзаголовком «Переводы с китайского» (при этом авторский подзаголовок – «Из китайских анекдотов»). В эти миниатюры входят истории из жизни «китайских замечательных людей» (например, Ли Бо), явно переводные, и очерки – философско-лирические зарисовки китайской жизни. Уже в эти годы Щербаков поднимает вопросы восприятия русским (европейским) сознанием быта и образа жизни китайцев («Муравьи»), его волнуют проблемы этнической идентификации метисов («Хав-Касты»). В этой же публикации впервые появятся его очерки «Каллиграф» и «Нищие», впоследствии вошедшие в «Шанхайские наброски» сборника «Корень жизни».

¹ Цит. по: Щербаков М. Литература и книгоиздательство // Врата. 1935. № 2. С. 43–49.

В 30-е годы у коллег по цеху Михаил Щербаков заработает эпиграмму, характеризующую и его писательские ориентиры, и шноровку путешественника, и мужскую силищу:

М.В.Щ.
При драке с ним, хоть удивитесь,
Получите ущерб боков.
*То – наш Джек Лондон, храбрый витязь,
Михал Василич Щербаков*¹.

В 1925 г. в альманахе «Дымный след» (Сан-Франциско) увидит свет очерк «Корень жизни», затем опубликованный в парижских «Современных записках». Ю. Айхенвальд выделил в «Корне жизни» и самоценность самого дальневосточного материала, и специфический этнокультурный аспект, и закрученность фабульной пружины: «В необычную обстановку и к необычной этнографии, в среду китайцев и корейцев, переносит нас г. Щербаков; и русскую жертву “женьшеня” тоже показывает он. Сделано это искусно, и производит впечатление *повести о тех обильных смертях, какие повлек за собою корень жизни*». Но парижский критик весьма тонко почувствовал и авторскую концепцию фронтальной мифологии, в которой корень жизни карает, но воздаяния за несправедливые поступки не дает: «*Может быть, в связи с этой ироничностью сюжета легкой иронией и преднамеренной объективностью подернут и самый тон рассказа*»² (курсив мой. – А.З.).

В течение двух десятилетий Щербаков продолжает оттачивать свое мастерство – с одной стороны, в этнографических изысканиях, с другой, в области беллетристики, зачастую соединяя в себе этнографа и беллетриста: он пишет и публикует этнографические очерки³, переводит тексты новых китайских писателей, пробует себя в разных жанрах прозы: приключенческой повести «Черная серия», фантастической повести «Токсин любви»⁴, рассказах.

¹ Светлов Н. Чураевцы по белу свету // Молодая Чураевка. 1932. № 5 (30 июля). С. 2.

² Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 17 ноября. № 1813. С. 2–3.

³ Щербаков М. По каналам. С фотографиями автора // Слово. 22. 03. 1930; По древним каналам. Этнографический очерк // Понедельник. 1930. № 1; Священный остров. Очерк о Путу // Парус. 1932. Вып. 9.

⁴ Щербаков М. Токсин любви (отрывок) // Понедельник. 1931. № 2. С. 368.

В своих очерках, например, Щербаков скрупулезно описывает культовую сторону китайского буддизма, наблюдаемую им на священном острове Путу («Священный остров»). Здесь он – и профессиональный этнограф, подмечающий все детали быта буддийских монастырей, описывающий историю острова Путу. И – грамотный религиовед, детально воссоздающий легенду о Мио-Шень (так в земной жизни именовалась Гуань-Инь), делающий зарисовки культа предков, фиксирующий тексты и ритуалы заупокойных служб, исполняемых на острове, а также констатирующий «причудливый конгломерат верований, которым стало на китайской почве учение Будды»¹.

В литературно-критическом обзоре он подчеркнет свой интерес к беллетристическим жанрам: «Мы вовсе не противники фабульно-приключенческого рассказа и считаем, что этот жанр имеет такой же “raison d’etre” в литературе», – и резюмирует: «главное для вещей такого рода – убедительность»². Однако Щербакову претит, если «белые нитки, которыми автор сшивает действительность с фантастикой, так и остаются невыдернутыми».

В повести «Черная серия» Щербаков воссоздает события своего путешествия через Камчатку на русский Север, в землю коряков, вписывая их в «роковую историю» о роли случая – «черной серии» в жизни человека. Русский летчик (Никита Анисимович Порейчук) случайно становится причиной гибели японского солдата; спасаясь от полиции, он устраивается на шхуну с китайско-японской командой. Шхуна отправляется на Камчатку, но уже в начале рейса повар-китаец варит команде суп из акулы – священной рыбы, являющейся «и покровительницей, и врагом моряков. Есть ее на корабле никак нельзя: обязательно несчастье будет»³. Команда требует расчет, и Никита Анисимович вынужден плыть дальше уже с корейской командой. По дороге горе-капитан с говорящей фамилией Худовой («произнося несчастливую фамилию капитана, Рябокоть никогда не забывал перекреститься под столом»⁴), не знающий морских обычаев, убивает чайку. Подбить чайку по морским

¹ Щербаков М. Священный остров. Указ. изд.

² Щербаков М. Утес Дракона // Врата. 1935. Кн. 2.

³ Щербаков М. Токсин любви (отрывок). Указ. изд. С. 196.

⁴ Щербаков М. Одиссеи без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток, 2011. С. 202.

законам – навлечь беду и на себя, и на судно: «Вот попомни меня: мы еще, Бог даст, может, выкрутимся, а уж тебе теперь со шхуной крышка, как пить дать, крышка!», – предвещает Худо-вею старый морской волк Рябоконт, с которым солидаризуется и русская, и корейская часть команды.

По пути своей «черной серии» герой успевает познакомиться с коряками и их бытом: «Это землянки оседлых коряков. <...> В земляной юрте нет ни окон, ни дверей, ни трубы: а все дыра в потолке. А снизу коряки лезут к ней по стволу с перекладами»¹, их промысл: «Однако, ноне урозай оценъ хорос: сетоцек не хватало! – цокая, говорили моряки – Когда рекой сла, олень по самое брюхо в рыбе тонул... Хоросый урозай!»²; приводит разные варианты их речи, а также русско-китайского пиджина.

Узнав многие народы, изведав разные несчастья по пути своего «черно-серийного» путешествия, *русский герой* все преодолевает и оказывается на Гуаме – острове в западной части Тихого океана. Читатель понимает, что, даже если это и конец «черной серии», то не конец испытаний бедолаги-русского, не предел его знакомств с другими странами и народами.

Опыт дальневосточной жизни и впечатления от морских путешествий оставили в сознании писателя глубокий след. Раздумья об универсальных законах, сближающих людей в экстремальных условиях для выживания (тайга, океан), стирающих этнические и религиозные различия, оплотнятся в художественном целом сборника «Корень жизни».

Как *книга* сборник «Корень жизни» формируется почти двадцать лет и выходит в свет только в 1943 г. Туда в основном входят рассказы, написанные в 1923–1930 гг. (в них можно обнаружить прозаическое развитие стихотворений 20-х годов); лишь два рассказа датированы 1935 и 1934 гг.³

Произведения эти разнообразны по жанровому, сюжетологическому наполнению: среди них и новелла («Корень жизни»), и «корейская легенда» («Озеро богача»), и рассказы, написанные в духе фантастического реализма («Утес Драко-

¹ Щербаков М. Одиссеи без Итаки. Указ. изд.

² Там же. С. 206.

³ Щербаков М. Черная серия. Повесть в 9-ти гл. // Багульник (Харбин). Лит.-худ. альманах. 1931 г.; *Его же*. Шанхайские миниатюры (переводы с китайского) // Балтийский альманах, 1924. № 2.

на», «Джонни Молодой мамонт»), и лиризованные зарисовки («Шанхайские наброски») и т. д. Все эти тексты объединены мифологией и мифологическими воззрениями самых разных народов, населяющих Дальний Восток: китайцев, маньчжуров, корейцев, японцев, коряков, пропущенные сквозь призму восприятия русского человека.

Начинается сборник рассказом «Корень жизни», написанным, как было сказано, почти четверть века назад. Это и хронологическая, и топонимическая точка отсчета художественного мира книги. Художественный посыл «Корня жизни» был проявлен уже в эпиграфе – китайской поговорке: «Где женьшень, там и тигры». Для восточных людей эта фраза становится непосредственной реализацией мифологемы, согласно которой *женьшень* – одно из воплощений Духа лесов и гор, а его животное воплощение – *тигр*. Но поговорка есть поговорка, она иносказательна. Жажда обладать корнем превращает в тигров людей.

Злокозненность Корня Жизни, попавшего в «нечистые» человеческие руки с целью наживы, по мысли автора, проявляется вполне последовательно: убийство рождает убийство: «убивают не только люди, – убивает убийцу и тигр, привлеченный свежим запахом только что пролитой крови»¹. В сюжете рассказа переплетаются динамика действия и кумулятивная однообразность каждой новой сюжетной ситуации: борьба за корень между нашедшим его женьшеньщиком – «голубым фазаном», Ли Фун-линем, охотником за женьшеньщиками – Цзян-Куем, «белым лебедем» корейцем Кимом; исполненное символического смысла, но вполне реалистичное убийство Кима тигром, переход корня в русские руки «Тигровой смерти» Николая Тимофеевича, его приключения с корнем, и, наконец кража корня китайцем-аптекарем, коварно убившим охотника и уехавшим в Шань-Си.

По мере каждого преступления возрастает и жестокость воздаяния «гения охранителя» – Духа Леса и Гор. Для русского охотника, знающего «таежную грамоту» и нашедшего корень возле убитого, таежная примета является намеком на его дальнейшую судьбу: «Где женьшень, там и тигры!.. – припомнилась

¹ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 17 ноября. № 1813.

ему древняя китайская поговорка, и Корень Жизни начал внушать к себе еще большее уважение.

– Ладно, там посмотрим!.. – сказал он громко в ответ на свои мысли, осторожно уложил корень в мох, обернул берестой и, спрятав на дно пейтузы, отправился напрямик через сопки в деревню к брату». Но, когда надо было бы поверить «таежной грамоте», этот русский герой полагается на русский «авось». Желая обогатиться, он, преступая «таежный закон», забирает женьшень. Тем самым «Тигриная смерть» обозначает свой Путь – вернее, свой конец.

Собственно говоря, по дороге к своему концу «Тигриная смерть» пошел давно: он неоднократно посягал на самого «Великого Вана» – либо продавая «молодого царя тайги» в гамбургские зоосады, либо убивая тигра и сдавая аптекарю ценные части его тела. Не случайно, проживая среди обитателей тайги, он остается для них чужим, «белым дураком», «белым дьяволом».

Николай Тимофеевич точно так же относится к китайцам и к их обычаям. «Сплеывая и ругаясь», как от нечистой силы, он стремится прочь из «смрада» китайского района: «Охотнику сделалось тошно от всех этих запахов и звуков, его потянуло туда, где были белые люди, а не эти скользкие черные фигуры, от которых так явственно пахло смертью»¹. Заметим, что эти ощущения весьма близки авторскому восприятию духовной жизни китайцев в очерках «Шанхайские миниатюры» (1924). Возможно, именно это органическое неприятие Николаем Тимофеевичем китайцев и их быта стало причиной неуважения его к «закону тайги». Этот русский – чужак в мире таежных мифологем.

Корень жизни становится *знаком смерти* для каждого, вновь обретшего его – правдой и неправдой. Образ смерти, предопределения, напрямую или косвенно связанный с переходной обрядностью китайцев, органично вписывается русским писателем-эмигрантом в его понимание новой культурной и этно-религиозной ситуации. Во втором рассказе «Паршивый уголь» (1924) героем является *русский* капитан Вассер. Вопрос о *русскости* капитана Вассера заслуживает отдельной темы, однако в пространстве разговора о «таежных законах» он выступает как

¹ Щербаков М. Одиссеи без Итаки. Указ. изд. С. 15–39.

носитель русского этнического сознания. Более определенно *русскость* как этнокультурный выбор реализована в образе капитана Дэка («Последний рейс»): со своими «финскими скулами» тот попросту именуется владивостокским губернатором «инородцем». Именно Вассером – «заядлым таежником», прожившим немало лет на мысе Св. Ольги бок о бок с китайцами и «инородцами», излагаются «священные законы тайги». Первый – «гостеприимство» (вплоть до абсурдных, с точки зрения европейца, форм «угощения женой»), второй – «не воруй!» («нет тебе, вору, по всей тайге ни чифана¹, ни теплого ночлега»), третий – «братская клятва» («за ее нарушение одна кара – смерть. Тому, кто бросил братку в беде, – смерть. Тому, кто убил братку, – смерть через лютую пытку»)².

Герой рассказа, капитан, демонстрирует откровенное «великодержавное» пренебрежение к китайцам, населяющим бухту Святой Ольги в Приморье. «Я туда попал с войны после контузии. В те времена русских там почти не было. Одни инородцы: гольды да орочи. Но больше всего – китаезы из Шаньдуня. Ведь из этого самого Чифу желторожие прут к нам, как из брандсбойта. Чего только не делали при Царе, чтобы остановить: ничего не помогло. Расползлись, как клопы. И бойки, и “купезы”, и плотники, и кочегары <...> Тут тайга под носом, а у них вонь и грязь, что в твоём Китае».

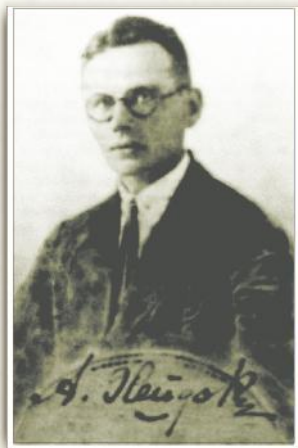
Однако, как только речь заходит о китайцах-таежниках, – тон и язык рассказчика меняются кардинально. *Таежный человек* (фронтирный человек) начинает говорить о «своих», *таежных людях*, и «своих», *таежных порядках*: «Но это вовсе не значит, что в тайге был беспорядок. Наоборот, *порядок был такой, что дай Бог каждой стране*. Вся тайга делилась на участки в тысячи квадратных верст каждый, и для каждого избиралось по три судьи-старшинки на три года».

Случай, рассказанный Вассером, не только проясняет жизненную подошлуку таежных законов, но и косвенным образом утверждает их мистическую детерминированность с точки зрения фронтирной мифологии. В этом повествовании «таежным законом» проверяется и русский (сам Вассер), и китаец. В тайге пропадает богатый Сан Хо-лин, уходивший на охоту вместе со своим «браткой» Кун Си. Казалось бы, что тут удивительного:

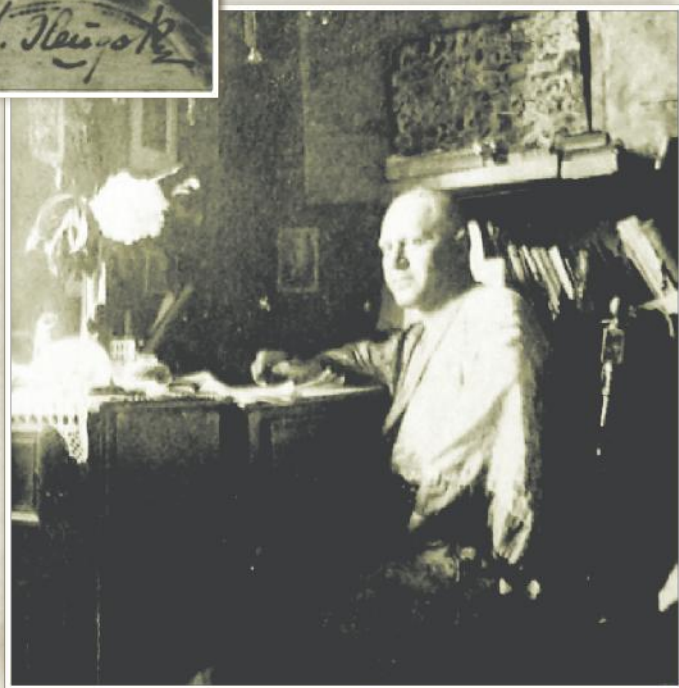
¹ Чифан (пидж.) – еда.

² Щербаков М. Одиссеи без Итаки. Указ. изд. С. 15-39.

**Человек дальневосточного фронта в поисках Корня жизни:
А. Хейдок, В. Март, М. Щербаков, Б. Юльский, А.И. Несмелов**

Альфред Петрович Хейдок
[1892-1990].

Венедикт Николаевич Март (Матвеев) в кабинете. 30-е гг.

**Человек дальневосточного фронта в поисках Корня жизни:
А. Хейдок, В. Март, М. Щербаков, Б. Юльский, А.И. Несмелов**

Михаил Васильевич Щербаков (справа) [1891?-1956]. Шанхай, 40-е гг.

Борис Михайлович Юльский
[1912-1950?].

Арсений Иванович
Несмелов (Митропольский) [1889-1945].

«Мало ли охотников таежный зверь каждый год задирает?». Но благодаря «таежной правде» загадка пропажи старого китайца открывается: «Удивительное, право, дело: ведь уж, кажется, никто ничего не слышал – не видал, а вот заговорила тайга, будто живой человек, заговорила!». Поиски увенчиваются успехом только тогда, когда охотники «надумали помолиться у фанзушки. Сели, развели огонек, помолвились духу покойника и дали обет до тех пор не курить трубочек, пока не разыщут Сан Хо-лина». История оказалась весьма запутанной: молодой напарник не простил трусливому старику того, что тот бросил его наедине с тигром. Убийство молодым Кун Си братки, бросившим своего же братку, неоднозначно оценивается Вассером – русским человеком, но однозначно отрицательно – Вассером-таежником: «Закон тайги ясен. Статей в нем мало; снисхождений никаких: за смерть полагалась смерть. А тут, конечно, вина еще увеличивалась: ведь старик-то принял убийцу в дом, облагодетельствовал, можно сказать...».

В рассказах «Джонни Молодой мамонт», «Иринари», «Озеро богача», «Утес Дракона» герои тунгусской, японской, корейской, китайской мифологии так или иначе инкорпорированы в бытие русского человека: то как оживший Маммон – Джонни Молодой мамонт, то в облике демона-лисицы *иринари*, то – в очертаниях мифологизированного ландшафта, то – в материализовавшемся восточном драконе, откусывающем самыми что ни на есть реальными зубами ногу русскому офицеру. От чужих богов русскому человеку ждать нечего, – такой вывод напрашивается читателю.

Логика чужих обычаев и традиций страшит русского человека, особенно проявлена их демоническая инородность в Шанхае: «Из приоткрытых ставень китайских лавок, где готовили бобовое тесто, плотными клубами выкатывался жирный пахучий пар. Голые по пояс китайцы, копошившиеся внутри у закопченных котлов, казались чертями с даосских картин, избражавших адские муки». Эта inferнальная атмосфера, которую может хоть как-то избежать русский человек в городе, настигает его в естественной среде. Дракон, знакомый по лубочным картинкам и китайским инсценировкам, материализуется во всем своем физиологическом уродстве на острове Жаба, куда во время кораблекрушения попадает русский офицер Елагин. И реальность оказывается много страшнее картинок: «Вы виде-

ли китайские шествия, когда тридцать-сорок человек несут на шестах извивающееся бумажное чудовище с саженной головой и парой горящих выкатившихся глаз? Так вот, всего в нескольких метрах ниже края выступа мой взгляд уперся в глаза очень похожей гадины, но настоящей, живой, тяжело храпевшей и обдававшей меня целыми волнами мерзостного запаха»¹.

В предисловии к сборнику Щербаков пояснит: «Собранные в этой книге рассказы написаны в разное время за двадцать лет жизни в Шанхае. Большинство – дань восхищения перед суровой красотой людей и природы русских Дальнего Востока и Севера, о которых все еще мало сказано в нашей литературе»². На самом деле *русскости* в ее архетипическом этнокультурном понимании в сборнике – мало. Его русские – это особые русские, *русские дальневосточного фронта*. Их ментальность вбирает этнокультурные и этнорелигиозные традиции самых разных народов, их сознание синкретизируется. Не случайно рядом с русским героем в рассказах часто фигурирует европеец, отчасти выполняющий роль мифологического трикстера («Иринари», «Джонни Молодой мамонт», «Европеец», «Последний рейс»). Он, европеец, постоянно испытывает русского, провоцируя на контакт с инокультурой. Так, в рассказе «Иринари» именно англичанин, заводя разговор об «истинной православной вере», подталкивает русского на кражу японского божка из кумирни. Поругание чужой святыни «на спор» приводит доверчивого и горячего русского к тому, что божок «материализуется» и преследует Петра Фаддеича: «Отдай божка!.. Поставь обратно!»³.

В некоторых случаях европеец – откровенный антагонист русского и непостижимой для европейца русскости. В рассказе «Европеец» француз Сорель мается оттого, что не может постичь характер русской женщины Лели, а это причиняет ему моральное неудобство. Леля ездит с ним танцевать в дансинг, очаровывая его своей фарфоровой точеной фигурой, своими светскими манерами, но в неожиданно ординарный – по меркам Сореля – момент начинает вдруг плакать и «капризничать». По сравнению с Лелей насколько мила и понятна американка Бетти – сама предложившая Сорелю себя. Все деньги,

¹ Щербаков М. Одиссеи без Итаки. Указ. изд. С. 84–105.

² Там же. С. 15–17.

³ Там же. С. 105–111.

потраченные на Бетти, окупилась для Сореля его мужскими радостями. Иное дело – эта Леля! «Один черт поймет этих русских! Действительно, полуазиаты!», – восклицает француз, раздражаясь при мысли о непостижимой русской барышне. «Азиаты», – позднее выносит Сорель окончательный диагноз, взбешенный резким отказом Лели. А кто же он сам? Старейший французский сноб, ведущий праздный образ жизни в Шанхае, но надеющийся либо выгодно жениться, либо сыграть на акциях суматранского угля. Этот европеец берет чековую книжку и, как «честный человек», посылает Леле 50 долларов – на прощание.

Иного теста – *русские* мужские типажи: Елагин, выдержавший поединок с самим драконом («Утес Дракона») и, несмотря на смертельную рану, стремящийся оставить свидетельские записки об этом событии, чтобы предупредить людей об опасности; офицер Ларцов, убегаящий к любимой по распутице, несмотря на грозящее наказание в виде военного трибунала («Подсудное дело»), тот же Ларцов («Мистраль»), вступающий в поединок с самим мистралем – изматывающим ветром (непостижимо для французов, прекращающих все попытки полетов на этот период) и совершающий дерзкий полет над полями Роны. Эти рассказы повествуют о событиях, не связанных с эмиграцией, – два из них происходят во время Первой мировой войны, в западной части России и во Франции. Однако именно эти русские люди, способные на дерзкие и безрассудные с точки зрения европейского здравого смысла поступки, становятся потом *особенными русскими* Дальнего Востока и Севера. Таким был и сам автор: автобиографические черты присущи его героям – Ларцову и Елагину.

Так в чем же он, «корень жизни», по Щербакову? Ведь название текста, а тем более сборника, всегда – его смысловой конденсат. Однозначного ответа после прочтения книги у пытливого читателя нет. Герои рассказов – русские и китайцы, сельники дальневосточного фронта в широком смысле – так и остаются разделенными верованиями, привычками, этикой. Русские – «белыми дьяволами» для китайцев. Китайцы – «даосскими чертями» для русских. Но явственно и то, что художественное сознание Щербакова интуитивно ищет собственного «соответствия» (название сонета М. Щербакова, 1922) восточному типу мышления.

Так или иначе, этнографические сведения, облеченные в динамичную фабулу, – только повод для философских раздумий о том, как вписывается европейское мышление в многовековые традиции «фронтирной мифологии», как способно оно усвоить чужие обычаи, пронизанные древними религиозными воззрениями. Очевидно, Щербаков смолоду обладал весьма подвижной психикой – благодаря этому он был особенно чуток к восточной мистике, где реальность с фантастикой переплетены неразложимо¹. В китайской религиозной традиции, уходящей в глубокую древность, бытуют представления об эвгемеризации мифологических персонажей. В текстах Щербакова мифологические существа не просто *оживают* – они живут своей жизнью задолго до встречи с ними русского героя; фантазмы в рассказах Щербакова также неотделимы от реальных событий и ощущений, рожденных *сдвинувшейся реальностью русской жизни*.

Сборник «Корень жизни» в своем противоречивом художественном целом воплотил попытку русского художника слова, утратившего родные «корни» и оказавшегося в дальневосточных пределах, вжиться в иную систему духовности и обрести иной «корень жизни» – новый смысл бытия. Этот смысл доступен новому типу ментальности – ментальности дальневосточного фронта, но усвоить ее способен далеко не каждый.

* * *

Художником слова, внесшим свою лепту в создание художественной этнографии дальневосточной эмиграции, переосмыслившим ее устойчивые топосы в оригинальных жанровых формах, стал **Борис Михайлович Юльский [1912–1950?]**. Биография книжного мальчика из дворянской семьи² складывалась вполне типично для его эмигрантских сверстников. Он родился в Иркутске, в 1919 г. вместе со своими родителями при-

¹ Известно, что, уже переехав в Париж, в 1956 г. в результате душевной болезни М. Щербаков выбросился из окна. Однако не ясно доподлинно, когда реально заболел писатель. Обычно первые симптомы душевных расстройств проявляются в молодом возрасте. Возможно, его самоубийство стало следствием очередного кризиса, вызванного трудностями адаптации на новом месте, в чуждой инокультурной среде.

² *Перелешин В.* Два полустанка. Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930 – 1950. Amsterdam, 1987.

ехал в Маньчжурию и переселился в Харбин в декабре 1921 г. Окончил Первое реальное училище, затем два года учился в Политехническом институте, который бросил на 2 курсе и начал сотрудничать в газете¹. Очевидно, учеба в Политехникуме и общение с сокурсниками подвигло Юльского в 1932 г. к вступлению в РФП (Русскую фашистскую партию). В опросном листе БРЭМ он откровенно указал свои политические убеждения: «фашист»², стал сотрудником фашистского издания «Наш путь». Но в мае 1938 г. на страницах «Нашего пути» про Юльского пишется, что он – «штатный посетитель пристанских героинок»³. С июля 1938 г. по июнь 1941 г. Юльский служит в русской лесной полиции на восточной линии бывшей КВЖД, попав туда якобы по воле японских властей, спасающих его от наркомании. И хотя первые рассказы талантливого беллетриста увидели свет еще в 1933 г., именно служба в лесной полиции стала определяющим временем в формировании художественной этнографии Бориса Юльского.

Конечно, интерес к китайской культуре и литературе возник у писателя раньше. В 1937 г. Б. Юльский публикует в «Рубеже» полумистический, полуанекдотический (в жанровом понимании) рассказ «Возвращение г-жи Цай». В нем писатель обращается к китайской мифологии посмертного существования. Лао Цай (старина Цай) потерял жену и живет только воспоминаниями, которые дарит ему опиумокурение. Неожиданным даром небес становится для Цая появление необыкновенной громадной крысы. Известно, что крысы чрезвычайно умны и привязчивы. А китайцы верят в реинкарнацию. Кто она? Просто крыса или душа умершей жены? Ясно одно: в тяжелой жизненной ситуации, когда Цай заложил за долги свой чудесный домик и решает заснуть вечным сном, животное/жена выручает старика – приносит ему бриллианты⁴.

С точки зрения персонажной традиции в литературе, – как тут не вспомнить о «чудесном помощнике» из русских сказок! Но эта «огромная рыжевато-серая крыса с острой хитрой мордочкой и блестящими бисеринками глаз» так реальна, так

¹ Ли Мэн. «Он Байкова литературнее» (о прозе Бориса Юльского) // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. Указ. изд. С. 210–213.

² БРЭМ. Ф. 830. Оп. 3. Д. № СО-22077 Б.М. Юльского // ГАХК. Л. 2, 3.

³ БРЭМ. Ф. 830. Оп. 3. Д. № СО-22077 Б.М. Юльского. Л. 12, 13.

⁴ Юльский Б. Возвращение г-жи Цай // Рубеж. 1937. № 28.

убедительна в своей сердечной преданности, когда внимательно слушает своего спутника, качает головкой, сочувствуя его несчастьям...

Она разделяет и пагубную страсть старика Цай к опиуму: «Когда небо посылает нам гостя, мы должны встретить его достойным образом... – произнес господин Цай. И, дунув на крысу дымом опия, сказал: – Кури, и пусть мысли твои станут светлыми и легкими.

Крыса вдыхала тяжелый белый дым, шевеля острой мордочкой и поблескивая глазами. Когда же господин Цай кончил курить, она спрыгнула с кана и скрылась в углу.

Теперь она стала приходить ежедневно, в одно и то же время. За несколько минут до начала курения крыса садилась на кан и нетерпеливо перебирала лапками. Пока жарился опий, она нюхала воздух и крутила головкой»¹. Реалистичность и, с другой стороны, очеловеченность крысиных реакций сближает рассказ с традициями анималистической литературы.

С одной стороны, этот опыт психологизации характера животного Юльский мог позаимствовать у того же Дж. Лондона и своего земляка Н.А. Байкова. С другой же, захватив внимание читателя необычным сюжетом, Юльский попутно рассказывает и о вере китайцев в оборотней-лис («Смотря на крысу, господин Цай думал, не оборотень ли она, явившийся, чтобы смутить спокойствие его души и заставить совершить злое дело»), и о том, что курение опия издревле используется китайцами для того, чтобы «посетить родину», а также «встретиться с умершими»² («Старый господин Цай выкурил свою первую трубку, вспоминая яркий летний день на берегу реки в благословенной провинции Шань-дун...»; «Трубка, принадлежавшая ему, была старой и ценной. Из нее курили чьи-то деды и прадеды, и она имела вид человеческой руки, сжимавшей пальцами темную обкуренную чашечку»). Подобное натуралистическое вживание в процесс опиумокурения вполне объяснимо – как мы помним, Юльский сам имел богатый опыт наркотических сеансов.

Рассказ «Возвращение г-жи Цай» явил литературе молодого писателя – продолжателя художественной этнографии на

¹ Юльский Б. Возвращение г-жи Цай. Указ. изд.

² Пришвин М.М. Дальний Восток (путевой дневник 1931 г.) // Рубеж. Тихоокеанский альманах. 2006. № 6. С. 211.

новый лад. Благодаря умному животному-духу господин Цай неожиданно избавляется от долговой ямы, доживает в покой положенные ему годы, умирает во сне. «Когда же были совершены похороны и белые кони умчали с огнем душу старого господина Цай в вечернее звездное небо, соседи, пришедшие в его опустевший домик, нашли на кане громадную седую мертвую крысу».

Писателя отличает особенный подход к материалу. Не сам по себе забавный сюжет о компаньонах-наркоманах – крысе и Цае – делает историю привлекательной для читателя. «Опиумная мифология» китайцев в данном случае послужила любопытным поводом переосмыслить архетипический сюжет о возвращении души умершего. Очеловеченная Юльским крыса – не просто умная крыса. Это, как подчеркнуто уже названием и дважды указано в тексте – дух госпожи Цай: «Крыса была очень большая. И соседи невольно подумали, что это был, может быть, добрый дух дома, охранявший хозяина и теперь, когда старый Цай умер, покинувший землю для того, чтобы вернуться в свои небесные края». Юльский нащупал беллетристический потенциал истории, в котором трогательный союз сострадательного животного и несчастного старика реализуется на почве китайских мифологических представлений. Это придает повествованию философский умиротворяющий характер, не лишив при этом его многозначности. Художественной находкой молодого писателя стал специфический способ погружения в инокультуру, когда читатель не может понять, где же грань между жизнеподобием и мифологизмом. Юльский изначально настраивает нас на такой способ восприятия: «Эту историю мне поведал старый китаец за чашкой золотого цветочного чая. Он рассказывал обстоятельно и витиевато, жестикулируя длинными желтыми пальцами. Изредка он подносил к губам чашку и с длительным хлопаньем втягивал в себя горячую душистую струю. Затем он ставил чашку, поднимал глаза и продолжал повествование.

К сожалению, рассказчик далеко не в совершенстве владеет русским языком. Я тоже далек от полнейшего знакомства с китайским. И поэтому мне пришлось изложить этот рассказ моим собственным слогом, лишь изредка вставляя особенно характерные фразы и пояснения моего любезного собеседника».

Китаец рассказал историю, в которую верит сам; верит ему русский писатель, а писателю – русский читатель. Здесь

Юльский, видимо, интуитивно, вплотную подошел к проблеме исследования китайской мифологии: она как раз и состоит в трудности разграничении мифа и реальности, мифа и истории, так как китайская культура абсолютизирует историю и безусловно верит письменному слову¹. Поэтому любое явление принимает в ней достоверность факта, тем более, если постигающий мифологию – «лаовай»-неофит.

Обратный и, прямо скажем, неудачный сценарий постижения китайской культуры европейским сознанием продемонстрирован Юльским в рассказе, написанным годом позднее, с забавным названием – «Мяу»². Тигренок (который, ни много ни мало, «был сыном князя», и у его отца «на широком и плоском рыжем лбу отчетливо вырисовывался черный иероглиф “Ван”») вначале попадает в руки русского охотника, а затем богатого харбинца Кройда.

В этом рассказе, на первый взгляд, нет никаких реализованных мифологем, сюжет его довольно реалистичен. Однако знающий человек сразу чувствует здесь отсылку к знаковым уже к тому времени текстам Н.А. Байкова («Великий Ван») и М.В. Щербакова («Корень жизни»), словно Юльский решил поиграть с читательским ожиданием и развить одну из сюжетных линий художественной этнографии, связанную с «тигриной мифологией». Охотник-промысловик Мигуев убивает тигрицу, забирает в Харбин тигренка – это одна из сюжетных линий центрального рассказа М.В. Щербакова «Корень жизни». Тигра Мяу посещают видения – это практически перифразы описаний Байкова: «Он видел чащу леса с большими хвойными деревьями, каменистые ложа ручьев, поваленные сухие стволы, траву, кусты шиповника... Иногда видел снег, много снега! На снегу следы. В снежной пыли вспархивают куропатки. Красный колонок мелькает в сугробе, среди кустов, как длинный, извивающийся язычок пламени. Белка пружинно перелетает с ветки на ветку, развевая пушистый хвост. Шипит в ветвях насторожившаяся рысь. Сотрясая лес, отдаленно перекачивается страшный рев, переходящий в глухое мяуканье. И светятся, светятся, как зеленые звезды, чьи-то глаза...»

Напомним – русского охотника, ловца за тигрятами, прозванного «Тигриная смерть», в новелле Щербакова постигает

¹ Алимов И.А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб., 2008. С. 5.

² Юльский Б. Мяу // Рубеж. 1938. № 26.

грустная участь: попранный Дух леса мстит ему рукой коварного китайца-аптекаря. В истории, рассказанной Юльским, ухаживать за тигренком приставлен бой Ли-фу (имя, весьма близкое по звучанию имени одного из героев Щербачева), «изумительно вышколенный, безупречный китаец», отличающийся «крайней воспитанностью и предупредительностью». Именно бой Ли-фу мгновенно осознал, кого вручают «его попечению», и «по его лицу, хранившему выражение официальной почтительности, пробежала тень испуга» – он «даже слегка побледнел». И именно Ли-фу выпускает из клетки уже взрослого, ставшего огромным тигром, Мяу – в отместку за несправедливое обвинение в воровстве, вынесенное ему хозяином. Тигр убивает хозяина, а охотник Мигуев на следующий день стреляет в несчастное животное.

Истинная причина трагедии, постигшей Кройда и тигра Мяу, – в изначальном небрежении Законом тайги, когда сына князя – Владыки тайги, «окружавшей станции Шитоухэ-цзы и Тигровая падь» – называют, как домашнего котенка, «Мяу» и продают на потребу в город. Поплатился самодовольный европеец и за неуважение к традиционным этическим воззрениям китайцев, – за то, что обидел искреннего и преданного ему Ли-фу, не подозревая о мстительности китайцев.

В 1939 г. появятся первые рассказы Юльского из цикла «Зеленый Легион», написанные уже с учетом личного опыта проживания в маньчжурской тайге. Предисловие Б. Юльского к задуманному циклу рассказов «Зеленый легион» прозвучит словно ответ на снисходительные слова И.Н. Голенищева-Кутузова о «дальневосточной романтике». Писатель подчеркнет, что его очерки, посвященные службе Зеленой полиции, «не претендуют на экзотику тропиков или трагичность Белой Пустыни. Они правдивы и абсолютно далеки от фантазии. И они говорят о русской лесной полиции – о Русском Легионе, собранном со всех концов России и сторожащем закон маньчжурской тайги, Великой Зеленой Пустыни»¹. Как видно, уже в самой художественной установке автора было заложено широкое мифологическое обобщение: о каких «всех концах России» можно было говорить работающему в лесной полиции молодому эмигранту (которого японцы таким образом спасали от пагубного пристрастия к наркотикам)?

¹ Юльский Б. След лисицы // Рубеж. 1939. № 19.

«“Установка” у него – на Джека Лондона, Купера и Кэрвуда, только вместо Клондайка у него Маньчжурия, с ее тиграми, тайгой, охотничьей романтикой», – писала харбинская журналистка Е. Сентянина. Как известно, «гений места» имеет для человека, тем более писателя, решающее значение. «Сейчас Б.М. Юльский живет в самом сердце маньчжурской тайги. “Наше маленькое местечко – Форт Коломбо, – стоит над скалистой сопкой. Если бы у меня был талант Гумилева, я бы мог описать прелести волчьего воя, или экзотическую прелесть китайского старосты из соседней деревушки, который приходит к нам в гости, долго кланяется и звучно сморкается...” Так описывает он сегодняшний быт. Борис Юльский готовит к печати сборник рассказов из жизни горно-лесной полиции. Мечтает закончить большой роман»¹.

В «очерках» Юльского, декларативно нацеленных на «правдивость», мифологический национальный колорит затеняет более глубокий уровень писательской рефлексии. Мифологизация собственного бытия определяет и неомифологическое восприятие инокультуры. Воссоздавая будни лесной полиции, писатель, не нюхавший порошу Первой мировой, не прошедший фронты Гражданской, живущий на русском «пятак» посреди огромного Китая, ощущает себя в ситуации героического служения, борьбы за правое дело. И герои его повествования – хунхузы-китайцы, русские солдаты – помещены в лиминальную ситуацию «жизнь / смерть».

В повествованиях («очерках») цикла «Зеленый легион» Юльский обращается и к мифам о Драконе («Путь Дракона»), и к «лисьей» мифологии («След лисицы»), и, конечно, к мифам о Хозяине (Господине) леса – тигре («Господин леса», «Вторая смерть Шазы»). И все эти многообразные персонажи китайской и синкретической «фронтирной» мифологии активно взаимодействуют с миром хунхузов – разбойников, с одной стороны, грабящих мирное население и превратившихся в настоящее бедствие как для китайского населения, так и для всех жителей Маньчжурии, с другой стороны, являющихся, как и тигры, полноправными обитателями таежного пространства. Так русские работники лесной полиции, отлавливающие хунхузов и охраняющие от них территорию, невольно сами погружаются в эту мифологизированную среду.

¹ Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты. Указ. изд.

В странном вареве этих повествований хунхуз Лун (кит. – дракон) превращается в реального Дракона, а затем в старика-китайца, выращивающего мак. Озеро, в котором утонул Дракон, действительно, – соленое («от крови дракона»), пить его воду невозможно; по извилистому гребню горного хребта, повторяющему путь убегающего от преследования Дракона, растут «яркие, красные, как кровь, цветы». Мак это или кровь дракона, убитого русскими, остается мифологической загадкой («Путь Дракона»)¹.

Рассказ «След лисицы» предваряется эпитафией – «китайским поверьем»: «Женщина, умершая нехорошей смертью, превращается в лисицу с волшебными и злыми свойствами. Она может казаться живой женщиной, может говорить на языке людей. Но человек не должен верить ей, как бы прекрасна она ни была: мертвая женщина отравит его душу и выпьет его жизнь для того, чтобы продолжить свое существование в образе оборотня-лисицы»². Лисица, по следу которой бредет русский охотник, оборачивается женщиной сказочной красоты, завораживающей героя: «Он обернулся к перегородке, откуда слышался ее голос, и увидел ее. Она стояла, придерживая рукой синюю занавеску, заменявшую дверь. Ее длинный ярко-голубой халат переливался шелком в свете лампы. И в ее жесте – поднятой руке, откидывающей занавеску, – было столько изумительной грации, что она представилась Самарину воплощением фантастического сна». Попав под очарование мистически красивой женщины, Самарин оказывается в плену хунхузов. Возлюбленная безжалостно приговаривает незадачливого «ламузу» к смерти. Впоследствии оказывается, что это – оборотень-хунхузка, она умерла год назад, тогда же сгорела и ее фанза³. Чудом спасенный, Самарин выздоравливает и вновь уходит в лес по следу лисицы – за той, без которой уже не может жить. Там, в тщетных поисках женщины-наваждения, он и погибает.

В рассказе «Арбуз» повествуется о том, как, несмотря на труднейшие условия, боец лесной полиции достает арбуз умирающему однополчанину; «Двадцать два» – рассказ о том, как выигранный в карты молодым солдатиком кратковременный

¹ Юльский Б. Зеленый легион: повести и рассказы. Владивосток, 2011. 560 с.

² Юльский Б. След лисицы // Рубеж. 1939. № 19.

³ Там же.

отпуск стоил ему жизни. «Вода и камень» – драматический сюжет о том, как при задержании хунхузов в перестрелке русский солдат убивает совсем юную девочку-хунхузку. То ли страх, то ли угрызения совести доводят невольного детоубийцу до безумного состояния: «А теперь она от меня не отвяжется, по ночам снится будет...», «Стоит и проклинает... Зачем, говорит, ребенка убил?.. Каждую ночь теперь, говорит, приходите буду». Финальная сцена рассказа проникнута глубоким мистическим смыслом: «У стены казармы стоял Каргин. Его винтовка валялась рядом. Он уже не кричал, а только хрипел. Из глаз смотрело безумие. А на груди, у самой бороды, трепыхалась и била в лицо шуршащими крыльями огромная, вцепившаяся и запутавшаяся когтями, летучая мышь».

Как мы помним, в китайской традиции летучая мышь (фу) – это добрый дух, потому этот образ несет самые что ни на есть положительные смыслы, символизируя удачу. Многозначный мифологический образ обретает в повествовании Юльского плоть и кровь, поступая при этом в соответствии со своей злобной «европейской» трактовкой: известно, что в европейской мифологии «летучие мыши считаются зловещими существами, вцепляющимися, прежде всего, в волосы человека»¹. Каргин погибает, потому что дух китайской хунхузки действует в соответствии с логикой русского мифологического сознания.

Что особенно интересует Юльского в китайской мифологии? Мифология посмертного существования в ее фронтальном осмыслении. Юльский обращается к китайскому мифу сквозь призму русской мифологической картины мира. Точнее сказать, его привлекают те пограничные ситуации, где смерть заглядывает человеку в глаза и человек, независимо от этнической принадлежности, оказывается в той самой лиминальной ситуации, когда проявляются все скрытые в человеке потенции.

Как рассказы Н. Байкова и М. Щербакова, повествования Юльского о Лесной полиции объединяет мифологема Духа Леса. Но отличается ее смысловая реализация. В «Господине леса» сюжет строится вокруг покаяния лесной святыни – кумирни рабочих лесной концессии, именуемой на пиджине «Господин Леса», русским купцом с характерной фамилией Кашцев и жадным *китайцем* Бату Фу. «Фу – хитрая лиса. Он не прочь выпить. И он сказал рабочим: "Разве богу не все равно

¹ Бидерманн Г. Словарь символов. Указ. изд.

где стоять? Сейчас мы свалим дерево, а завтра сделаем на этом месте хорошую крышу...»¹, – пытался оправдать и русским рабочим, и китайцам свой кощунственный поступок коммерсант Кашцев. Против законов динамики срубленное дерево падает в сторону Фу и погребает его под собой. Случайность это или Дух Леса наказывает обидчика?

В рассказе «Вторая смерть Шазы» развивается идея реинкарнации (хунхуза Шазы, умершего от руки русского солдата). Характерно, что действенность китайских примет и суеверий одинаково распространяется на русских и китайцев, что в принципе противоречит закону мифологической логики, но не противоречит действительности фронтирной мифологии.

Пример усвоения фронтирной мифологии Юльским свидетельствует о наибольшей степени сближения русского и китайского мифологического текстов в сознании повествующего субъекта. Даже в самом нефантастическом рассказе из цикла «Зеленый легион» – «Парашютист» – дает о себе знать эта романтическая подоплека неомифологического восприятия реальности. Русский мальчик, сын десятника лесной концессии, мечтает стать летчиком. Его нелепая гибель от шальной пули хунхуза переводит повествование из романтического в мифологический план: с последним вздохом Димки раздается протяжный гул, который рассказчик поначалу принимает за звук самолета. А это – улетають на юг птицы (в маньчжурской же мифологии птица символизирует невинную детскую душу)².

Кроме внесения новых смыслов в понимание фронтирной мифологии, Юльский по-новому сумел ее опозитивировать. Е. Сентянина, сопоставляя творчество талантливого юноши с байковским, писала: *«Это напоминало бы Байкова, но Борис Юльский "литературнее" Байкова, да и темы его рассказов несравненно шире. <...> Как писатель Борис Юльский сентиментален и романтичен, у него зоркий глаз и удивительно много вкуса»* (курсив мой. – А.З.)

«Мистический реализм» текстов Юльского, в пространстве которого на равных взаимодействуют герои сказаний, легенд и

¹ Юльский Б. Господин Леса // Юльский Б. Зеленый легион: повести и рассказы. Указ. изд. С. 44.

² Забияко А.А. «Детский мир» русского Харбина: литература дальневосточной эмиграции для детей и о детях // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 4. Благовещенск, 2010. С. 165–190.

обычные люди, объясним серьезной книжной культурой писателя. Юльский был весьма начитанным молодым человеком и, вполне возможно, был знаком и с китайскими быличками «чуаньцы» («рассказами об удивительном»)¹. Тем более, что к тому времени были опубликованы и собранные В.М. Алексеевым истории о лисах – «Лисьи чары» (1922), «Монахи-волшебники» (1923), «Странные истории» (1928), «Рассказы о людях необычайных» (1937).

Но важно не то, что Юльский мог воспользоваться книжными источниками и пересказать их, – на материале фронтирных мифологем Б. Юльский создает новую художественную систему координат, сквозь которую пропускает и свои познания в культуре Востока, и личную мифологию русского патриотизма. Самый «беспочвенный» из русских эмигрантов, обратившихся к «фронтирной мифологии», он обретает в этих сюжетах родину, которую населяют, вместе с китайцами, маньчжурами, корейцами, в первую очередь, – русские. Но как они, вынужденные адаптироваться среди «чужих богов», ощущают себя здесь? Очевидно, что удел русского – менее оптимистичен, нежели судьба господина Цая («Возвращение г-жи Цай»), тихо доживающего свои дни в облаке опиума рядом с крысой. Деятельному молодому русскому человеку нужна мифология героического служения, которой не могут в полной мере соответствовать ни сводки официальных промилитаристских газет («Парашотист»), ни идея борьбы с хунхузничеством...

Окунаясь в мир представлений дальневосточного фронта, русский человек поверяет и свою духовную крепость, и способность понять и принять другую культуру и религию. Не всегда этот опыт становится созидательным для простого человека, но заведомо плодотворен он для художника. Так вышло в случае харбинского «книжного мальчика» Бориса Михайловича Юльского.

* * *

В ряду создателей красочного полотна художественной этнографии дальневосточного фронта **Арсений Иванович Несмелов [1989–1945]** не стоит. Он не был ни путешественником, ни натуралистом, ни охотником. К науке отношения так-

¹ Голыгина К.И. Китайская проза на пороге средневековья (мифологический рассказ III–IV вв. и проблема генезиса сюжетного повествования). М., 1983.

же не имел. К тиграм Несмелов прошел дорогой писателя иронического мироощущения, любящего «просто писать жизнь».

Его «динамический реализм»¹ позволил использовать фронтирную мифологию в создании метапоэтики. Так возникло его замечательное произведение «Наш тигр». Оно было написано на основе событий двадцатилетней давности (1941), писателем, испытавшим себя в разных жанрах беллетристики.

Безусловно, уже название беллетризованных «воспоминаний», опубликованных в 1941 г.² – «Наш тигр» настраивало читателя на привычную для харбинского читателя тигриную сюжетку и – на «экзотическую романтику», о которой с иронией писали западные критики. Она и составила основу повествования, но в игровом переосмыслении. Образ тигра будет реализован автором в самых разных воплощениях: как реальный экспонат в музее, руководимом В.К. Арсеньевым, с которым Несмелов познакомился во Владивостоке; как герой вставной новеллы – рассказа самого Арсеньева из его «тигриныады»; как мотив, движущий и героев, и сам сюжет; как метафора опасности, подстерегающей в тайге и при переходе границы; и – как фигура фикции, туго закручивающая пружину фабулы.

Несмелов в этом «тигрином повествовании» примеряет на себя роль автора, *остраненного* и от сформированного корпуса дальневосточной этнографии, и от своих собратьев по эмиграции в целом. Уже первый взгляд рассказчика на приморскую природу, в окружение которой попадают русские приятели в начале своих испытаний, на народы, эти края населяющих, и его первые «послепоходные» прогнозы пронизаны иронией:

«И вижу я – приятель опустил руку за борт, погрузил палец в воду и – в рот.

Я, удивленно:

– Зачем ты это делаешь?

Он смущенно:

– Видишь ли, я ведь первый раз на море. Так вот, хочу испытать, правда ли, что вода в море соленая.

Я с хохотом:

– Ну, что же, дубина стоеросовая, удостоверился?

Он, выплевывая слюну:

¹ Литературный Однодневник харбинской группы писателей – динамических реалистов. Харбин, Маньчжоу-го. 1941. 21 июля. С. 3–5.

² Несмелов А. Наш тигр // Луч Азии. 1941. № 2–6.

- Действительно, черт знает, что! Вот нехристи!

- Кто нехристи-то, ирод?

- Вообще. Какие-то горы, вода горькая и... Смотри, смотри, - вдруг, побледнев, завопил он. - Это еще что такое?

Я глянул в ту сторону, куда показывал его палец, и тоже обмер. Шагах в тридцати-сорока от нас из воды бесшумно выныривали огромные лоснящиеся спины и так же бесшумно вновь исчезали в воде, чтобы через минуту появиться вновь в другом месте, иной раз еще ближе к лодке. Акулы, киты? А черт его знает! Несомненно, одно: вот-вот одно из эти чудовищ всплывет под самой лодкой и опрокинет ее. Опрокинет лодку и сожрет, вывернутых, нас. И это после доблестно законченного Ледяного похода, - разве не досадно?»

Лодочник-китаец - проводник в «на тот свет» в несмеловской картине мира - поясняет, что это - «игоян рыба, его капитан моря есть, игоян бога. Его люди кушай нету, его шибко смирный. Фангули пуге!»¹. И автор резюмирует: «Таково было наше - европейцев, великороссов - первое знакомство с Дальним Востоком, с морем, с его удивительными обитателями - кашалотами» (курсив мой. - А.З.).

Так, описывая свои новые ощущения от встречи с незнакомым краем и его обитателями - животными и людьми, - не смотря на иронический посыл, писатель с первых же строк включается в контекст художественной этнографии Дальнего Востока: «Удивительный край! Все кругом совсем иное, чем у нас. Растет какое-то чертово дерево, тайга под боком, и вся она, говорят, переплетена, как в тропиках, лианами...

- И в ней тигры, - вставил я.

- Может, врут, - не поверил мой приятель, пробовавший на вкус морскую воду, вятский парень <...>

- А ты сходи, проверь!

- И схожу!»

Однако, вопреки авантюрному посылу экспозиции, внимание автора будет сфокусировано не на тигре и не на тайге, а на исследователе природы Дальнего Востока - Владимире Клавдиевиче Арсеньеве. Знакомство с этим человеком, как видно, произвело огромное впечатление на Несмелова:

¹ Пидж.: «Он как рыба, хозяин моря, как бог моря. Он не ест людей, очень спокойный. Не надо бояться!»

«В день нашего первого знакомства я лишь слушал Арсеньева и рассматривал его, думая о том, что вот такие именно глаза, как у него, быстрые, зоркие, как бы мгновенно фотографирующие все, на что они направляли свой взгляд, были и у тех охотников, портреты которых оставил нам Купер, Майн Рид, Джек Лондон».

Арсеньеву Несмелов посвятит и замечательный рассказ «Игра на мясо»¹. В этой новелле рассказывается о приключении двух красных партизан – Симаковского и Бочкарева, после разгрома отряда попавших в стан уссурийских хунхузов. Очевидно, что если бы Несмелов захотел стать исключительно автором художественной этнографии – от его зоркого глаза не ускользнули бы мельчайшие подробности быта и нравов описываемых народов: «Вся тайга в тропах, но это была тропа не звериная, а людская. Следы топора, затесы и то скрученные, то надломленные ветки – язык тайги, ее иероглифы – говорили, что тут путь к жилью.

Было уже за полдень, когда оказались у первых фанз поселка. Первым, что увидели, была обращенная к югу ляо-емяо – маленькая кумирня. В ее крошечном окне стояли деревянные чашечки, грубые и черные, с золой и огарками свечей. Тут же, около вареного риса, лежали и позолоченные палочки: для еды богу.

Снаружи мотались по ветерку красные тряпки, и на них тушью были начерчены обращения к духам тайги, рек и умерших», – такова экспозиция, погружающая нас в жизнь уссурийских манз и хунхузов. Следом мы знакомимся с предводителем этой группировки: «Залаяли собаки. На лай вышел манза².

Он был в наколенниках из грубой синей дабы³ и в синей же куртке. В зубах трубка. Лицо цвета темной меди.

– Лайла! – крикнули партизаны приветствие.

– Гуй-ля-ла! – ответил китаец. Так отвечают только возвратившимся из отлучки друзьям: партизаны поняли, что их встретили хорошо, а могло быть всяко.

Чувствуя, что наконец-то нервное напряжение упало, партизаны сели на край колоды-кормушки.

¹ Советская Сибирь. 1926. № 117 (23 мая). С. 4.

² Манзы – китайское население Уссурийского края, в первую очередь, оседлое.

³ Даба – китайская хлопчатобумажная ткань.

Вышло еще несколько китайцев. Горланно галдя между собой, они подошли к гостям:

— Ваша какие люди есть?

Бочкарев показал на красную звезду на фуражке.

— Пауртизаны?

— Партизаны, красные солдаты, — по-китайски пояснил Симаковский. — Мы идем через горы. Проживем у вас сутки и за все заплатим.

Нет большего удовольствия для китайцев, как слышать родной язык из уст иностранца: они задвигались и засмеялись, дружелюбно похлопывая гостя по плечу.

— Твоя шибко хорошо говори! — сказал один.

Он был получше и поподтянутее прочих одет, а русский военный подсумок на поясе и патронташ через плечо — доскал остальное: хунхуз.

Да хунхуз и не скрывал этого. Похлопав по подсумку ладонью, китаец сказал:

— Моя твоя товарищ есть. Вместе японцев и офицеров бей есть. Ходи в фанзу.

Он оттолкнул руку Бочкарева, протягивавшего деньги.

— Это не надо. Моя шибко богатый, моя угощай товарища.

И они вошли в фанзу».

А затем писатель захватывает внимание читателя рассказом о том, какие азартные игроки китайцы, и чем может обернуться такая игра — рабством проигравшего или игрой на кусок живого мяса (вспомним «Хунхузов» и «Игроков» П.В. Шкуркина, в свое время подарившего и Арсеньеву материал по азартным играм у китайцев). Хунхузский атаман, проиграв, либо должен стать рабом — либо играть на мясо: «Молодой выскочил из-за стола, стоя стаскивает с себя рубашку.

— На мясо! — услышал Симаковский крик китайцев. Игра на мясо!

Молодой хунхуз выпячивает вперед желтый вздрагивающий живот и вдруг, согнув спину дугой, захватив в кулак порядочный кусок кожи на животе, ударом ножа обрезает ее и бросает на стол, заливая его кровью, которая хлещет из раны.

Мясо шмякнулось и перевернулось кровавой стороной...

Гигант побледнел. По законам тайги он должен был сделать то же самое, иначе ему грозила смерть, так мстил обычай за удачу в игре. Теперь, если игрок откажется от ставки, толь-

ко что выигранный им раб имел право отрезать от его живота столько мяса, сколько сможет захватить рукой». Испугавшегося и презревшего Закон тайги гиганта манзы безжалостно зарезали. А русские партизаны благополучно отправились восвояси: «Утром, когда партизаны собирались покинуть фанзу и увязывали в мешок купленные на дорогу чумизовые лепешки, манзаповар сказал:

— Наша капитана зови ваша... Туда ходи! — мотнул он головой на хозяйскую половину. Партизаны вошли.

Молодой хунхуз, бледный, но веселый, лежал на кане. От живота его, прикрытого тряпьем, шел пар и пахло кислым: лежала горячая припарка из теста.

Он приветливо закивал головой.

— Ваша плати не надо! Совсем не надо! — говорил он слабым, но радостным голосом. — Моя опять богатый есть и ваша любит. Моя к вам в гости ходи.

Другой китаец, улыбаясь, подал ему плоскую маленькую чашечку с черным напитком: лекарство, настой чудодейственного женьшеня. Он выпил и опустился с локтя навзничь — больно было.

— Моя японцев шибко не любит! — шепотом, гортанно, продолжал хунхуз. — Моя вместе с вами бить их будет.

И он протянул руку, прощаясь.

Когда партизаны снова шли тайгой, давно уже миновав поселок, Бочкарев сплонул, искоса весело посмотрел на товарища и сказал:

— Ну и люди! А в общем ничего... Только дикари очень... На мясо играть!

— Так ведь иначе хунхуз бы рабом стал, — ответил Симковский.

— Положим, — согласился Бочкарев. — Выхода ему иного не было.

И оба стали думать о том, как, блуждая по тайге, иногда они падали духом. Приползала изредка и мыслишка о сдаче... Но теперь этого не было, и, хотя впереди лежала пустынная тайга и неизвестность, шли они спокойно и весело и были уверены, что и свою "ставку на мясо" они сделают не робея.

И счастье им сопутствовало».

Так знакомство с В.К. Арсеньевым и, по всей видимости, с его книгой «Китайцы в Уссурийском крае» подарило прекрас-

ный новеллистический сюжет уже харбинскому писателю Несмелову.

Вернемся к «Нашему тигру». В начале историю про тигра и своего бывшего солдата поведает рассказчику сам Арсеньев. Новелла о том, как терроризировавшего семью тигра убили «три паршивыми гайками», сопровождается жуткими подробностями о реакциях на тигра животных и людей: «Боже ты мой: в десяти шагах от меня из кустов что бочка – голова тигра! Вот верите ли, ваше высокоблагородие, глазами друг на друга мы так и уставились! А глаза-то у него зеленые да с золотом, это я отчетливо запомнил, и пасть не наглухо закрыта – белые клычищи видать. Что внутри меня в это мгновение сделалось, с этим я сейчас доложиться никак не могу. Забыл. А главное, забыл я, как надо из ружья стрелять».

«Тигриный мотив» при этом будет сопровождать все эпизоды повествования. В музее ведомый Арсеньевым рассказчик видит чучело тигра, и даже в таком виде образ животного наводит на него ужас: «Тигр скалил свою страшную пасть и смотрел на меня зелеными стеклянными глазами. О возможности встречи с этим кровожадным хищником в тех глухих, таежных местах, по которым мне с приятелями придется проходить, я в этот миг, конечно, не думал».

Итак, четыре приятеля, отправляющиеся таежными тропами через границу в Китай, уже знакомы с тигром заочно и каждую минуту ожидают встречи с кровожадным хищником. По дороге беглецы постоянно будут ощущать следы близкого присутствия тигра, узнавать о его новых жертвах. Для начала герои столкнутся с «тигром человеческого рода», – с девушкой, которая чуть не разрушит планы беглецов (любопытно наблюдать в этом мужском «тигрином» тексте иронию Несмелова, не преминувшего выразить свое отношение к женщине вообще). Эта драматическая подробность, к счастью для всех, не обернется трагедией. Судьба будет посылать им испытание за испытанием, когда они будут на волосок от гибели – а тигра не встретят.

В конце путешествия – снова тигр: переходя границу, герои узнают о том, что в лесу бродит тигр-людоед, который напал на лесорубов. Напал он именно в том месте, куда направлялись беглецы и где впоследствии им приходится заночевать. На следующий день рассказчик и его друзья встречают на своем

пути ловушку для хищника – значит, тигр бродит где-то поблизости, и, кажется, встречи не миновать. Но, помимо реального тигра, их пугает большая опасность – советские пограничники. Беглецы находятся в постоянном страхе, что их поймают.

На счастье, как ни пугал рассказчик, «нашего тигра» в итоге – не оказалось. Беглецы его так и не встретили – «но повстречай мы его и, быть может, мне бы не пришлось бы написать этих строк», резюмирует автор, то есть «был бы тигр» – не было бы воспоминаний. Тигр оказывается игровым перифразом сугубо авантюрной истории рассказчика, в которой и без тигра опасности будут на каждом шагу, а русскому человеку придется проявить все, на что он способен.

Но страшнее всех мыслимых и немыслимых опасностей для русских беженцев станет переход границы и потеря родины: «Мы покидали свою страну и покидали ее, возможно, навсегда. Что нас ждет за этим столбом, перешагнув за мету которого, мы, за метой этой, становимся чужестранцами, пилигримами, всецело отдавшими себя на милость чужого нам народа. Что ждет нас там? <...>

Ответ мог быть только один:

– Все возможно. И, если мы решимся на этот последний шаг, все дальнейшее будет уже зависеть от случайности, от нашего счастья, от “везения” или “невезения”».

К началу 40-х годов Несмелов испытал себя в разных формах писательского ремесла и в разных жанрах. Харбинский сочинитель очень хотел, чтобы его заметили на Западе, чтобы его таежный и тигриный сюжет удивил бы парижских зоилов, скептически оценивающих всю дальневосточную «продукцию». Поэтому в финале истории он напишет: «Так что я не горюю о том, что мы не повстречались с тигром, а лишь шли по его следам. Не посетуй и ты за это, читатель! Обманывать тебя я тоже не хотел, ибо, если бы я уж так пожелал оправдать название моих воспоминаний, я легко бы мог выдумать и неплохо написать о нашей встрече с тигром.

Но пусть *врут другие*. Мне не хочется» (курсив мой. – А.З).

Кто эти «другие», с которыми полемизировал Несмелов, текст «Нашего тигра» не проясняет. Но определенно и однозначно он выскажется об одном из зачинателей литературы дальневосточной этнографии – Владимире Клавдиевиче Арсеньеве:

«“Дерсу Узала” В.К. Арсеньева – не “охотничья литература”, не отрывок повести Майн Рида и даже не “лондонщина”. Приключенческо-охотничий элемент в ней не первостепенен; он лишь фон для большого художественного задания – для проникновения в душу почти первобытной природы Уссурийского края с ее тайгой, еще девственной, по многим местам которой в наши дни еще никогда не ступала нога европейца.

Богатейший материал оказался перед В.К. Арсеньевым, исследователем и художником. А он был именно ими обоими, а не ограниченным охотником, вооруженным скорострельной винтовкой, несущей смерть четвероногим обитателям леса <...> И все, что написал В.К. Арсеньев, – это поэма, посвященная этим сердцам, поэма, полная музыкальных шорохов тайги».

Тут же Несмелов намекнет о «целом хвосте подражателей, желающих пожать те лавры, которые выпали бы на долю Владимира Клавдиевича, если бы обстоятельства не заставили его остаться в СССР, где он безвременно и почил». В чей огород был этот камень, неизвестно. К тому времени дальневосточная эмигрантская литература украсилась и «Великим Ваном» Н. Байкова, и прозой М. Щербакова («Корень жизни»), и рассказами Б. Юльского (цикл «Зеленый легион»). И ни одного из авторов мы не назовем эпигонами Арсеньева. В творчестве Щербакова и Юльского можно обнаружить влияние и Арсеньева, и Байкова, и Шкуркина, но каждый прокладывал дорогу к художественной этнографии своими тропами. Зато сам Несмелов не единожды публиковался под псевдонимом Арсеньев.

В несмеловском повествовании миф о тигре вкраплен в раму приключенческого сюжета и оборачивается «минус-приемом». «Фронтирная мифология», при всем демонстративном желании автора от нее отказаться, становится его «kozyрной картой» как беллетриста. «Наш тигр» Арсения Несмелова замкнул своеобразную «тигринаду» русского Харбина, продемонстрировал те художественные потенции, что накопила дальневосточная литература благодаря своему «месторазвитию» (А. Бем), фронтирным образам и этнографической установке.

Глава 13

ФРОНТИРНАЯ ЖИЗНЬ ХАРБИНА И ШПИОНОМАНИЯ

(М. Колосова, А. Несмелов, Я. Лович, Б. Юльский)

С середины 20-х годов фронтирная жизнь Северной Маньчжурии превратила тихий провинциальный Харбин в город, где скрестились интересы самых разных стран и самых разных разведок. Активнее всех была, разумеется, Советская Россия, но и постоянные вылазки на советскую территорию боевиков ген. Косьмина, детективная подоплека общественно-политической жизни, предгрозовые настроения грядущих военных катастроф – все это было реальностью¹. «Стратегическое положение и неопределенный статус Маньчжурии привлекали в Харбин тучи советских представителей <...> Советские агенты не жалели сил, сея смятение в русской эмигрантской колонии <...> Сотрудники ЧК внедрялись в эмигрантские организации, особенно в те группы, которые пытались засылать в СССР диверсантов. Партизаны, переходившие советскую границу, редко возвращались назад. Их имена, цели и маршруты были известны советским органам безопасности наперед, и на границе их уже ждали»².

Японская жандармерия обвиняла Митрополита Нестора в связях с советской разведкой, за что он был арестован и отпущен только под давлением общественности и перед приближающейся Красной Армией. Среди достоверных свидетельств его работы на разведку, о которых было известно многим, был «... радиопередатчик, который установлен за престолом в церкви Нестора»³, однако на какую разведку он все-таки работал – точно неизвестно.

¹ Пермяков Г. Отряд 731 // Рубеж. Тихоокеанский альманах. № 867. С. 246–298.

² Стефан Дж. Указ. изд. С. 65.

³ Дземешкевич (Хлюстова) Л.К. Харбинцы. Рукопись книги // Архив фонда Дома Русского Зарубежья. Ф. 1. Р-277. Л. 118. Л. 75.

«Как уж он разобрался со своими разведками – американской, японской, английской одновременно...»¹ – озадачивались его современники, но ясно только одно, что его сотрудничество с японцами сомнительно: митрополит не позволил снять колокола с церкви для переплавки², вместе с митрополитом Мелетием выступал против указа японской администрации о поклонении всех верующих японской богине Амаатерасу. После прихода Красной Армии он был арестован контрразведкой Восьмой революционной армии Китая, харбинцы полагали, что за этим стоял СССР: «...все понимали, что взят он советским НКВД»³. Однако «на родине он встал опять во главе епархии. Харбинцы решили, что самый ярый шпионаж он вел все-таки в пользу советской разведки»⁴, вероятно, что и сам арест, исходя из этого предположения, стал лишь прикрытием его отъезда из СССР. Дж. Стефан пишет об этой ситуации в фарсово-гротескной манере: «Так широка была сеть шпионов Москвы, что время от времени для инструктивных совещаний *in situ* использовалась православная церковь. Священник-то был марксист-ленинец»⁵.

В Харбине действовали представители самых разных разведывательных служб – советских, английских, японских, немецких, кроме того – двойные агенты. Всемерно способствовала шпиономанским настроениям и деятельность БРЭМ, вербующего из простых обывателей себе сексотов⁶ и доносчиков.

Потому шпионские сюжеты в жизни харбинского обывателя были не просто востребованы – ими была наполнена сама реальность. И харбинская публицистика и литература отзывались на эту потребность читающей публики, соединив в шпи-

¹ Там же. Ф. 1. Р-277. Л. 76.

² Там же. Л. 77.

³ Там же. Л. 78.

⁴ Там же. Л. 79.

⁵ Стефан Дж. Указ. изд. С. 65.

⁶ Сексот – секретный сотрудник, осведомитель. Слово «осведомитель» широко использовалось в Российской Империи, где осведомителями называли секретных агентов «охранки». Официально они назывались секретными сотрудниками (сокр. *сексоты*). Тот же термин, сексоты, использовался в документах советских спецорганов (ВЧК–ОГПУ–НКВД).

онских историях разлитую в атмосфере Харбина шпиономанию и особенную – фронтирную – шпионографию¹.

К тому времени шпионская история только-только начинала свое развитие в литературе. Временем расцвета шпионографии в европейской литературе становится начало XX века². В русской литературе первым серьезным писателем, воздавшим должное шпионской теме, станет А.И. Куприн с рассказом «Штабс-капитан Рыбников» (1906 г.)³. Писатель считал это произведение лучшим в своем творчестве, и не случайно⁴. Планка, которую выставил Куприн шпионской истории, определила судьбу ее развития в русской литературе на несколько десятилетий вперед. Рассказ Куприна писался по следам русско-японской войны, но не ура-патриотические настроения определили его пафос. Интригу произведения составляет идейно-психологический поединок изошренного японского шпиона и модного петербургского фельетониста Щавинского. В этом противостоянии сошлись не столько логические и дедуктивные способности интеллектуалов, сколько их отношение к русскости, к русской литературе. Кроме того, русская литература сама превратилась в способ изобличения шпиона. Рыбников пересыпает свою речь разнообразными поговорками и присказками, постоянно подчеркивая их русское происхождение. Грамотный читатель сразу вспоминает Гоголя с его «русскими мужиками» в начале «Мертвых душ». И эта закамouflированная литературность дедуктивного метода становится открытием Куприна-«шпионографа». Фельетонист Щавинский так пристально исследует портрет и повадки Рыбникова, его нервные реакции, что для него становится очевидным несоответствие его социального статуса, «прорусских» реплик, физиогномики. Читатель вместе со Щавинским всту-

¹ Об этом, например: *Забияко А.А.* Шпиономания и «шпионография» русского Харбина: приключения шпионской истории в эмигрантской беллетристике // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 1. С. 211–222.

² *Кестхейи Т.* Анатомия детектива. Следствие по делу о детективе. Будапешт, 1989. С. 125–234; *Хоста М., Верховский, Лапчинский А.* «Шпионский роман» (попытка краткого обзора) // [Электронный ресурс], Режим доступа: <http://www.agentura.ru/forum/archive/4047.html>. 5.11.13.

³ Рассказ был написан осенью 1905 г. Впервые напечатан в журнале «Мир божий», 1906. № 1.

⁴ <Б.н.> Беседа с Куприным // Одесские новости. 1909. № 7934. 8 октября.

пает в поединок с хитроумным японцем. Но новеллистическая пуанта состоит как раз в том, что окончательное разоблачение Рыбникова – заслуга не Щавинского, и уж, тем более, не органов контрразведки, а простой, бесхитростной русской женщины – проститутки Клотильды.

После Куприна писателям-шпионографам уже трудно было удовлетворяться шаблоном детектива – необходимо было выйти за его рамки, порою задеиствуя противоположные обычному детективу темы – психологию, эротику, литературность и т. д., заставляя читателя рефлексировать по поводу этических проблем.

Стоит предположить, что особенности развития жанра шпионской истории в России были во многом обусловлены не самой шпиономанией, а уровнем развития отечественной контрразведки в те годы. Как пишут историки, «органы российской контрразведки оформились в отдельную профессиональную структуру лишь в 1908 г. Это совпало с усилением разведдеятельности на территории империи немецких и австрийских разведок»¹. Долго не было живого материала – соответственно, медленно и слабо развивался жанр литературы.

В годы Первой мировой войны, когда сама реальность стала диктовать сюжеты, когда шпиономания в государстве достигнет тотальных масштабов, к детективу о шпионах в России повернется, наконец, массовая беллетристика – появятся известные до революции «шпионские романы» Н.Н. Брешко-Брешковского «Гадины тыла» (1915 г.), «В сетях предательства» (1916 г.), «Ремесло сатаны» (1916 г.), написанные на материале Первой мировой войны. Не столь замечены критикой окажутся два «шпионских» рассказа А.Н. Толстого – «Прекрасная дама» (1916 г.)² и «Возмездие»³ (1917 г.)⁴.

В европейской литературе Первая мировая война тоже станет мощным источником шпионской сюжетики. Затем, в 20–30-е годы, когда в Англии, Франции, Германии далеко впе-

¹ Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: Шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.

² Толстой А.К. Избранные произведения. М., 1947. С. 367–422.

³ Русская эротическая проза: И.А. Бунин, А.Н. Толстой, А.П. Чехов. М., 2006. С. 27–112.

⁴ Забияко А.А., Девочкин А. Проблема «натуралистического текста» в творчестве Арсения Несмелова // Вестник АМГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 52. С. 148–157.

ред продвигается развитие разведывательных служб и контрразведки, развернется и шпиономания, связанная с усилением активности политических сил в европейских странах, их противодействия коммунистическому движению и заигрывания с «правыми». Эти процессы также способствуют развитию шпионской литературы (Агата Кристи, Пьер Нор, Грэм Грин, Эрик Амблер, Сомерсет Моэм, Питер Чейни и др.)¹.

В России после революции судьба шпионской истории сложится тяжело: почти на два десятка лет будет забыто вообще о детективах, а уж о шпионских историях – и подавно. Востребованы будут новые герои и новые идеалы. Нужен новый опыт шпионской работы. Только к концу 30-х годов советская контрразведка, проведя ряд успешных операций против антикоммунистических группировок, даст такой материал литературе. Наверное, первым шагом в освоении этого жанра станет детская повесть А. Гайдара «Судьба барабанщика», написанная только в 1938 г. А затем, уже позднее, в 40–50-х годах, появятся произведения самой разной художественной наполненности, наступит настоящий бум советской шпионографии – в литературе, в кинематографе, в радиопостановках.

Беллетристике дальневосточной эмиграции в этом отношении повезло больше – она не была обременена веригами соцзаказа, развиваясь на пересечении литературных тенденций западноевропейской литературы и литературы метрополий². Эмигрантский читатель, погруженный в каждодневные заботы выживания в инокультурной среде, всей душой был настроен на жанры легкие и развлекательные, захватывающие воображение и уводящие от рутинного быта. Кроме того, информационное пространство эмиграции активно востребовало европейские политические новости, придавая каким-то событиям характер сенсационный, какие-то факты – мифологизируя³.

В отличие от своих советских собратьев по перу, харбинские писатели именно в детективах и шпионских историях

¹ Хоста М., *Верховский, Лапчинский А.* «Шпионский роман» (попытка краткого обзора). Указ. ист.

² Забияко А.А. На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Хрестоматия. Т. I. Проза. В 3-х ч. Благовещенск, 2013. Ч. 1. С. 5–36.

³ <Б.п.> «Основоположником» женского шпионажа был Бисмарк // Заря. 1934. № 15. С. 2, 7.

были склонны видеть источник оживления литературы. И харбинцам было откуда почерпнуть «шпионское вдохновение». Многие писатели – бывшие военные – могли вспомнить опыт Первой мировой и шпионские страсти той поры (А. Несмелов, Я. Лович, Вс. Иванов). Томящееся в захолустье дамское общество будоражили истории про известных женщин-шпионок. В 1929 году в периодической печати дальневосточного зарубежья поднимается волна интереса к сенсационным материалам о легендах женского шпионажа¹. Судьбой «шпионки века», легендарной Мата Хари, как своей, проникается харбинская поэтесса Марианна Колосова²:

Чье сердце дрогнуло
От залпа на рассвете
В последнем
Замирающем
Ударе?
В архиве смерти
Черный рок отметил:
«Расстреляна
Шпионка
Мата-Хари»

И эти руки!
Зацелованные руки,
Сжимавшие
В объятьях
Принцев крови,
Раскинулись в последней
Смертной муке...
И губы замерли
В невысказанном
Слове...

(«Мата-Хари», поэма. 1929)

В кинематографе великая Грета Гарбо создаст образ знаменитой куртизанки только в 1931 г., в «поэме» харбинской поэтессы М. Колосовой он будет воплощен на два года раньше. Как видно, в восприятии Колосовой шпионская деятельность

¹ <Б.п.> Шпионки // Гун-бао. 1931. № 1298. 8 марта С. 6; Шилов Б. Пестрая сеть шпионажа в Харбине // Заря. 1931. № 92. С. 11; <Б.п.> «Основоположником» женского шпионажа был Бисмарк // Заря. 1934. № 15. С 2, 7; <Б.п.> Для шпиона война никогда не кончается // Заря. 1934. № 213. С. 3, 6; <Б.п.> Шпиономания // Заря. 1934. № 231. С. 2; Сатовский-Ржевский Гр. Правда о «шпионах» // Заря. 1935. № 80. С. 2; Трубников П. Шпионки // Заря. 1938. № 332. С. 4.

² Колосова М. Мата Хари (поэма) // Рубеж. 1929. № 40. С. 5.

Мата Хари подернута романтическим флером. Поэтесса внесла в эту романтизацию много личного – возможно, Колосова также имела отношение к «шпионским страстям». По крайней мере, ее роман с большевиком Куйбышевым, по мнению некоторых исследователей, был инициирован не только страстными чувствами¹.

«Нет, никогда не взойдет в русской действительности новый великий писатель, пока торжествует, с одной стороны, беспочвенное презрение к детективным романам, и с другой, слепое увлечение фабулярностью как таковой, как целью»², – писал в 1932 г. Н. Щеголев. Молодой критик почувствовал золотую середину, являющуюся залогом успеха беллетристических жанров: увлекательность сюжета при его содержательной наполненности. При этом – немаловажную роль он придал моде на определенные жанры, от которой литературе и литераторам трудно откреститься.

Шпиономания эпохи, личный интерес к шпионской истории и уровень запросов беллетристики 30-х годов совпали в «шпионографии» Арсения Несмелова. Тематическое пространство произведений Несмелова определяет жизненный опыт – кадетский, журналистский, студенческий, военный и даже – шпионский. Комментаторы несмеловского творчества, ссылаясь на письма Н. Щеголева, отмечают: «Митропольский сотрудничал с царской контрразведкой – “был завербован”, как он говорил»³. Как следует из документов Российского государственного военно-исторического архива, в 1917 г. Несмелов действительно находился под следствием как тайный сотрудник Московского охранного отделения. И в этом факте нет ничего сверхординарного (тем более, конфузного) для младшего армейского офицера. Как пишут историки, в те годы контрразведка быстро развивалась, «однако накануне Первой мировой войны она все еще испытывала сложности с личным составом. Дело в том, что начальниками контрразведывательных отделений (КРО) назначались специально командированные в армию

¹ Любопытный современный материал об участии в шпионской деятельности женщин: Антонов В. Женщины во внешней разведке и контрразведке // Независимая газета. 2012. 6 апр.

² Щеголев Н. О детективных романах // Молодая Чураевка. 1932. № 6.

³ Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. Владивосток, 2006. Т. 2. Рассказы и повести. Мемуары.

жандармские офицеры, а их помощниками – армейские офицеры. Командированные жандармы не всегда имели практику контрразведывательной работы. С армейскими офицерами дело обстояло еще хуже – они вообще не имели подобного опыта. К тому же, ни жандармы, ни военные не хотели командировать в КРО хороших офицеров. Они были нужны на старых местах службы, да и сами офицеры не стремились в контрразведку по причине бесперспективности карьерного роста»¹. Если не карьерные соображения становились стимулом для формирования аппарата контрразведки, следует предположить, что будущих лучших ее представителей мотивировали патриотические чувства и, что немаловажно – сама специфика работы.

Но не будь на самом деле Несмелов агентом контрразведки, – фронтовой опыт, авантюрный склад мышления будущего писателя, а также интерес несостоявшегося психоневролога² вполне могли стать источниками его профессионального интереса к шпионскому детективу.

Первые подступы к шпионской теме Несмелов предпримет в годы Первой мировой войны. К тому времени в русской беллетристике уже наметились определенные клише в изображении шпионов и разведчиков. Спустя некоторое время критики так вспоминали о шпионских страстях в романах чуткого к конъюнктуре Брешко-Брешковского: «Пришла война, и нужны оказались германские зверства. Пожалуйста! И чего-чего только нет в новой, горячей еще, только что со сковородки Брешкиной книжке: и подлые шпионы, и героические сестры милосердия, и “орлы”, “чудо-богатыри” русские, и кровожадные вампиры-немцы...»³.

Несмелов сразу сумеет уйти от стереотипа. В двух рассказах под одним и тем же названием «Шпион» Несмелов создаст абсолютно разные образы шпионов: его не интересуют ни кровожадные злодеи, ни подлецы, ни «чудо-богатыри».

Первый рассказ войдет в сборник «Военные странички»⁴. Не шпионская интрига как таковая, не авантюрный тип героя,

¹ Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: Шпиономания и реальные проблемы. Указ. изд.

² А. Митропольский закончил три курса Психоневрологического института им. Бехтерева.

³ <Б.н.> Для шпиона война никогда не кончается // Заря. 1934. № 213. С. 3, 6, 7.

⁴ Митропольский А. Военные странички. М., 1915.

не ура-патриотические лозунги, а человек на войне, психологический облик конкретной личности в поле зрения писателя-фронтовика. Поэтому начало «странички» про шпиона дается с точки зрения солдат, которые внимательно его рассматривают: «Платье на нем простое, крестьянское и не подходит оно к его интеллигентному “тонкому” лицу. Штиблеты в грязи; видимо, не одну версту пришлось шагать по размытой проселочной дороге». Повествователь (приближенный к рассказчику) сух и лаконичен: «Через полчаса офицер головного отряда, удостоверившись, что среди бумаг, взятых у незнакомца, поставленного сейчас между двух солдат у дверей темной и грязной хаты, были кроки местности, строго спросил:

– Ты шпион?

Арестованный пожал плечами.

– Разведчик, если позволите, – ответил он по-русски. – Я лейтенант австрийской армии.

– Садитесь, – мягче сказал офицер и прибавил. – Через час вы будете отправлены в город, где вас...

– Повесят, вероятно? – довольно спокойно попытался догадаться лейтенант и попросил папиросу». Перед читателем возникает образ человека, к которому ни солдаты, ни повествователь, ни сам читатель не испытывают неприязни – война есть война. Нет ни патриотических возгласов, ни моральных сентенций, ни шпионских перипетий. Австрийский разведчик и русский офицер – достойные противники, уважающие друг друга и честь офицера.

Полярно противоположный образ шпиона – во втором рассказе, написанном и опубликованном в этот же год¹. Теперь перед нами – не офицер, выполняющий свой долг, а местный житель той территории, которую освобождают русские, поляк-предатель.

«Вид у незнакомца был очень жалкий: платье на нем обмокло и облипло, и весь он, маленький и худой, дрожал мелкой дрожью.

Солдаты с любопытством его рассматривали, и он озирался на них злыми и трусливыми глазами.

– Обыскать! – приказал я, и солдаты проворно зашарили по карманам полячка, извлекая оттуда всякие мелкие вещи. На

¹ Столичная молва. 1915. № 428 (8 июня). С. 2. Цит. по: *В художественном мире харбинских писателей*. Арсений Несмелов. Указ. изд. Ч. I. С. 30–32.

свет Божий появились одно за другим: кiset с табаком, трубка, перочинный ножик и носовой платок... Больше при пойманном — ни в карманах, ни за подкладкой — ничего не оказалось.

— Ничего больше нету! — сказали солдаты, отступив от незнакомца. — Чисто обшарили...

— Чего ж ты бежал? — спросили они у него. — Чего испугался-то, дурной?

— Так, сам не знаю, чего! — по-польски ответил человек, и на его лице появилось подобие улыбки. — Вижу — с ружьями...

— С ружьями, говоришь, — сурово повторил бородатый запасной солдатик Еремеев и протянул руку за кепкой незнакомца. Тот разом побледнел и дернулся в сторону, видимо, снова собираясь прыгнуть в речку. Но его схватили и повалили»¹.

«Через двадцать минут мы с ротным командиром допрашивали шпиона. Он стоял перед нами и, видимо, с трудом понимал задаваемые нами вопросы. И вдруг он опустил на пол и заплакал, обняв колени капитана. Тот с омерзением отшвырнул его ногой, и человек упал. Медленно, медленно поднимался он на ноги и, поднявшись, вдруг снова упал на колени. Склонив голову набок, он тихо покачивал ею, и слезы обильно и без усилия текли из его глаз. Худое желтое лицо все нервически дергалось, и губы сложились в жалкую гримасу. Из носа на небритый подбородок текла кровь.

— Встань... Встань, сволочь! — вскочил капитан, замахаясь на шпиона. — Плачешь?.. А окопы зарисовывать не плачешь?.. А, не плачешь?.. Говори, мерзавец!

Он схватил его за плечо и поднял, но человек, как тюфак, снова свалился на пол.

Мне стало не по себе. Я встал и вышел на крыльцо. Через несколько минут туда пришел и ротный командир.

— Ну, что? — спросил я.

— Ничего, — ответил капитан, жадно затягиваясь папиросой. — Завтра утром отправлю его в штаб полка.

Но отправлять никого не пришлось: ночью шпион повесился на собственном поясе».

Прозорливость понимания писателем сущности военного шпионажа скажется спустя много лет в его прозе. Писатель

¹ В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов. Указ. изд.

(уже под фамилией Несмелов) вернется к шпионской истории, пережив немало испытаний – революцию, Гражданскую войну, Омск, Великий Ледяной поход, Владивосток, – уже в качестве эмигранта. В начале 30-х гг. дальневосточная эмигрантская проза начнет свое восхождение к новым рубежам¹: усиленно продвинется вперед художественная этнография П.В. Шкуркина, Н.А. Байкова, М.В. Щербакова, удачно дебютируют в «Рубеже» мистические рассказы А.П. Хейдока, заявит о своем таланте и совсем юный Б. Юльский. Конец 20-х годов станет переломным и для Арсения Несмелова как прозаика; им будут созданы совершенно разноплановые и разностилевые произведения. События недавних владивостокских лет отразятся в сознательно беллетризованной автобиографии «О себе и о Владивостоке»², повести-эсхатопии «Ледяная гибель»³, рассказе-анекдоте «Удачный заголовок»⁴. Трагический военный опыт выльется в «Короткий удар»⁵, вписавший Несмелова в редкий реестр авторов Первой мировой; опасная и авантюрная работа репортера и жизнь в межреволюционной Москве с ее криминальной атмосферой воплотятся в рассказе «Комаровка»⁶.

В 1930 он напишет шпионскую историю с красноречивым названием «Золотой зуб»⁷. Нащупав тот источник остросюжетности, что может привлечь читателя, Несмелов травестирует жанровый канон шпионского детектива. Пренебрегая расхожим мнением, что смех и шпионаж не совместимы, в основу «Золотого зуба» он положит анекдотическую ситуацию. В штаб 25-го армейского корпуса приходит секретная «бумажка» с приметамы германской шпионки Эльзы Шрирер: «три золотых

¹ *Забияко А.А.* На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Хрестоматия. Т. I. Проза. В 3-х ч. Указ. изд. Ч. 1. С. 5–36.

² Впервые: *Несмелов А.* О себе и о Владивостоке. Воспоминания // Рубеж. 1995. № 2. С. 227–237. Об этом: *Забияко А.А., Лоцилина Ю.* Автобиографизм как метажанровая основа прозы Арсения Несмелова // Русский Харбин, запечатленный в слове. Сборник научных работ. Вып. 1. Благовещенск, 2006. С. 81–99.

³ *Ледяная гибель: Повесть* // Рубеж. 1929. № 35–39. Об этом: *Забияко А.А.* Жанровые поиски в прозе русского Харбина: пропаганда, «непреодоленная биография» или возрождение эпоса? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 2. С. 218–228.

⁴ *Удачный заголовок: Отрывок из романа* // Рубеж. 1929. № 3.

⁵ *Короткий удар: Рассказ* // Сибирские огни. 1928. № 5. С. 41–61; Он же // Багульник. Вып. 1. 1931. С. 51–80.

⁶ *Комаровка: Рассказ* // Рупор. 1928. 1 ноября. Подп. А. Арсеньев.

⁷ Рубеж. 1930. № 11.

зуба сверху рта, слева. Молода, хороша собой. Говорит с легким польским акцентом. При совпадении вышеуказанных примет на какой-нибудь из женщин (так и сказано), проживающих в районе расположения корпуса, означенную предлагаем немедленно задержать и препроводить в контрразведку штаба армии». «Предприятие» осознается и начальством, и исполнителями как «довольно безнадежное»: «У кого теперь нет золотых зубов! Даже цвет волос не указан...». После восьми же месяцев без отпуска – «какая не очень старая и не слишком безобразная женщина не покажется вам привлекательной?» Тем не менее, благодаря инициативе простого солдата, фельдфебеля Трофимыча, история получает забавное развитие.

В реализации «шпионского» сюжета Трофимыч играет роль сказочного помощника и одновременно трикстера-плута. Появление фельдфебеля оправдано и продиктовано самой ситуацией поручения, возложенного на поручика: «Пойди туда не знаю куда, найди то, не знаю что», – если перевести ее на язык сказочной формулы. Озадаченный невыполнимостью поставленной задачи, поручик, словно Иван-Царевич (или точнее – Иванушка-дурачок), обращается к своему помощнику:

«Что же делать-то, Трофимыч? – побеспокоил его, наконец, офицер, уважавший старика за ум и находчивость. – Надо бы того, поймать бабу! Сам понимаешь, за такое дело и к чину представят, и орден дадут. Ну, что скажешь?

Облизнув сухонькие коричневые губки острым язычком и помолчав еще с полминуты, Трофимыч ответил так:

– Это, ваше благородие, дело нехитрое. Даже, можно сказать, плевое дело. Однако на него требуется время». Именно хитроумный фельдфебель находит выход из сложившейся ситуации: «Много ли баб живет в тылу корпуса? Сестры в госпиталях, мамзели на питательных пунктах да приезжий элемент». Из этого контингента и составляет он список потенциальных семнадцати «златозубых» шпионок.

Итак, шпионский сюжет, несмотря на сказочные аллюзии (практическую невыполнимость поручения: найти – пусть не Златовласку, но Златозубку), развивается в данном случае по логике анекдота, причем – классического армейского анекдота. Комическое развитие действия движется столкновением точек зрения, максимально «объективированных» автором в «телеграфном стиле» записок, военных приказов, донесений и т. д.

Практическая абсурдность задания обнаруживается в приписке Трофимыча, сопровождающей его «Список дамского полу с золотым зубом, проживающим в районе тыла 25-го армейского корпуса»: «Насчет коренных зубов неизвестно, какие они, природные или золотые, потому что в рот антиинтеллигентной даме солдату никак не заглянуть. Тут способнее будет действовать гг. офицерам».

Не менее примечательна «аргументация» полковника Сотова, отдающего приказания поручику. Она состоит в постоянной артикуляции «приказов по армии» и должна побудить Быстрицкого к скорейшему выполнению этого задания. При этом сами приказы спонтанно рождаются в голове полковника в соответствии с логикой комической кумуляции: «Помните, что комкор¹ два раза уже спрашивал меня, почему я держу вас комендантом роты – вас, еще ни разу не раненного! Что?

– Ничего, господин полковник. Я через час еду.

– Да-с, поезжайте. И помните новый приказ по армиям фронта: на тыловые должности необходимо назначать лишь офицеров, признанных после получения ранений годными к службе по третьей категории. Что-с?

– Так точно! Через полчаса выезжаю».

Стремительное развитие дальнейшей сюжетной линии осуществляется опять-таки благодаря сцеплению полевых записок от Быстрицкого – полковнику и обратно, при этом с вкраплением «внутренней речи» самой подозреваемой.

Быстрицкий – полковнику: «Господин полковник, – писал он, – с Загржецкой познакомился и, кажется, произвел на нее благоприятное впечатление. Акцент есть. Зуб золотой есть. Блестит во рту как проклятый, но что за ним – ничего не известно. Едва говорит; слова прямо цедит и ни разу не улыбнулась. Надеюсь, что завтра зубы сочту».

Загржецкая – о поручике: «Глаз от моих губ не отрывал! – замирая сердцем, думала она. – Значит, правда, что у меня рот красивый. И стиль, конечно, у меня декадентский, строгий. Так и буду держаться – интересничать. Без улыбок, этак – разочарованно...».

Быстрицкий – полковнику: «Доношу, что сегодня прогуливался с известной вам особой по деревне Георгиевке и вел разговор о любовных чувствах и даже жал руку, но известная

¹ *Комкор* – командир корпуса.

вам особа хотя и идет, видимо, навстречу, но грустит о чем-то или напускает на себя меланхолию и вовсе не улыбается. Зуб обозначился только один. Жду дальнейших инструкций».

Полковник – Быстрицкому: «Атакуйте в лоб. Объяснитесь в любви и добивайтесь поцелуя. После этого, если вы не окончательно глупы, нет ничего легче пересчитать не только зубы, а и все прочее. Помните, что комкор два раза справлялся у меня, почему вы не на позициях» и т. д.

Несмотря на динамику «романтических отношений», контрразведывательные старания Быстрицкого тщетны: у искомой шпионки, «чертовой Эльзы, не три золотых зуба, а два, и не наверху, а внизу», – неожиданно сообщает комендант. Однако радение подпоручика возблагодарено другим образом: злополучный *золотой зуб* в итоге становится реализованной метонимией удачливости Быстрицкого. Барышня оказывается не Эльзой, а дочерью богатого нотариуса, приносит подпоручику хорошее приданое и обеспечивает безбедную жизнь в эмиграции: «Под сердитую руку, когда муж возвращается навеселе или когда она найдет в его кармане подозрительную записку, написанную женским почерком, Анна Осиповна презрительно фыркает:

– Эх ты, золотой зуб! Туда же!

И все же живут они неплохо».

Как видно, шпионский сюжет стал только поводом для несмеловских экспериментов в жанрологии и повествовательной стратегии, в частности, в игре композиционными формами речи. В данном случае комическая кумуляция военной фразеологии, просторечной лексики фельдфебеля, мещанского говора «псевдо-Эльзы» создает и занимательный динамичный сюжет, и «переживательные» перипетии, и образ всеведущего автора, не забывающего подчеркнуть, кто виновник и устроитель этого повествования: «прежде чем продолжить рассказ, необходимо познакомить читателя с содержанием той бумажки...».

В этом же году, несколько месяцев спустя, на шпионскую тему в том же анекдотическом ключе откликнется в «Рубеже» бывший фронтовик Яков Лович – рассказом «Женщина из контрразведки»¹. Он создаст историю про русского разведчика – морского агента, в годы Первой мировой работавшего в

¹ Рубеж. 1930. № 41.

Англии и получившего неожиданное задание: перевезти документы в Россию. По дороге ему приходится вступить в поединок со шпионкой-женщиной. Комаровская Эмилия Викторовна, она же Эрма Лодис, одерживает интеллектуальную победу над незадачливым разведчиком и оказывается также русской шпионкой. Но интрига держится не на самой шпионской истории, а на пружине страхов, которые испытывает Серошевский перед женщинами: «Особенно я боюсь женщин. Они – самые талантливые, самые великие шпионы. Они – лучшие в мире артисты. Ложь – стихия женщины, ее мир. Никто так не проведет и не обманет, как женщина». Я. Лович, с одной стороны, почти буквально «процитирует» более поздние газетные публикации, посвященные женскому шпионажу¹, с другой – повторяет уже знакомую сюжетную схему, использованную дважды А. Толстым («Возмездие», «Прекрасная дама»). Беллетристический дар Ловича, не раз отмеченный его коллегами, позволяет создать историю легкую, поучительную и до самой последней фразы держащей читателя в напряжении. Иронический шпионский детектив – вот что вышло из-под пера уже шанхайского писателя Я. Ловича, постоянно публикующегося в харбинском «Рубеже».

В 1933 г. свою лепту в харбинскую шпионографию внесет и совсем еще юный Борис Юльский. «Ошибка Шерлока Холмса» – уже название красноречиво говорило читателям о том, кто станет героями «рубежного» рассказа². Но Юльский вовсе не собирался эксплуатировать чужой материал. Начнем с того, что любимые читателями Холмс и Ватсон у Юльского изрядно постарели, даже – пообтрепались (что, конечно, не допустимо в классическом детективе, где и Мегрэ, и Эркюль Пуаро, и мисс Марпл не выходят из своего возраста десятками лет). Послевоенная депрессия явно не пошла на пользу сыщикам: «В шестьдесят лет Шерлок Холмс сильно сдал и выглядел совсем стариком», а «доктор тоже порядком износился. Он облысел и красил остатки волос патентованным средством, возвращающим прежний, времен молодости, цвет». Мало того, они стали жертвами шпиономании. Интрига рассказа состоит в том, что Холмс предлагает Ватсону дело, связанное с присутствием русских на Бэйкер-стрит. По описанию Холмса, на улице действуют рус-

¹ Трубников П. Шпионки // Заря. 1938. № 322.

² Рубеж. 1933. № 50.

ские шпионы – юноша и девушка, которых конан-дойловская пара решает обезвредить. Ватсон о потенциальном противнике знает немного, но для англичанина это вполне стандартный набор клише: «русские ездят на медведях, пьют водку и носят бороду... <...> Кроме этого, они еще бьют своих жен сапогами и пляшут под балалайку ямщицкие танцы». Однако и в финале, когда подозреваемые оказываются... простыми эмигрантами, они не перестают быть менее загадочными для истинных джентльменов. Обнаружив у молодого человека не снаряд, а самовар, Ватсон вспоминает, что «в самоваре, вы, русские, варите сапоги всмятку», а Холмс уточняет: «Не сапоги, а водку! <...> Водку наливают в самовар, а потом пьют из кокошника». Как видно, писатель создает откровенную пародию и на детектив, и на саму стилистику Конан Дойля, и на русофобию в тех странах, что считают себя образцом добропорядочности и торжества закона.

Правда, рассказ заканчивается хорошо – Холмс со своим дедуктивным методом слегка посрамлен, а молодой русский актер и по совместительству – механик в гараже – женится на русской же модистке.

Для Арсения Несмелова «приключение жанра» шпионского рассказа на бодрой ноте happy end 1930-го года не завершится. Иное время и новый виток шпионмании продиктуют Несмелову новое отношение к сюжету.

С 1932 г. Маньчжурия находится под властью японцев. Японская контрразведка создает в Харбине целую агентурную сеть, которой мощно противостоит советская разведка. Под прикрытием Красного Креста и Армии спасения в городе орудуют разведчики неизвестно каких разведок, процветают авантюристы всех мастей. В частности, в архиве БРЭМ (Бюро по делам российских эмигрантов) находим информацию о некой Екатерине Перси Френч: «По совету своих английских и французских “друзей” она устраивает приемы. Причем список приглашенных составляется заранее, часто без ведома Екатерины Перси Френч. Во время этих приемов активные работники правого лагеря встречаются с таковыми же левого. Это обстоятельство тонко учитывают. Агенты различных разведок весьма успешно выполняют здесь свои задания.

Екатерина Перси Френч ездила в СССР 2 раза. Первый раз она вернулась благополучно. Во второй ее обвинили в шпионаже и посадили в Бутырку. Правительству Англии с трудом

удалось ее оттуда вызволить, причем ей было запрещено еще раз появляться на территории Союза (С. 2).

В данный момент она не имеет прежнего влияния в иностранных кругах, так как уклоняется от всяких приемов и приглашений. Ее связи становятся с каждым днем все меньше и меньше. Иностранцы считают ее уже устаревшей.

На прошлой неделе ее навестили чины Английского Консульства. Им Перси Френч много раньше помогала в секретной работе. Англичане провели у нее около часа и вернулись в Консульство весьма расстроенными. Перси Френч приняла их очень сухо и от выполнения просьб в дальнейшем отказалась. По ее словам, она уже потеряла надежду найти своего друга и поэтому не думает более искать новых людей и связей. <...> В политическом отношении она в данный момент ничего интересного не представляет (С. 3). (5.02.1936)»¹.

Жизнь этой рачительной симбирской помещицы и предприимчивой фабрикантки – сама по себе достойна авантюрного романа. Дочь богатых родителей и наследница всех своих зарубежных родственников, Е. Перси-Френч была весьма образованна, говорила на трех языках, изъездила всю Европу и была знакома со многими влиятельными мира сего людьми. Даже после революции осталась далеко не бедной – имела родовое имение во Франции². Известно, что у нее был кузен – Конрад О'Брайен Френч – профессиональный разведчик английских спецслужб, прототип персонажа Агент 007. В свое время, в 1919 г., благодаря брату Екатерина была освобождена из Бутырки, перед выходом на свободу с ней о чем-то беседовал Петерс. Конрад О'Брайен Френч впоследствии приезжал к своей кузине в Харбин. Правда, встреча с троюродной сестрой была лишь прикрытием его шпионской миссии, хотя родственники были рады друг другу.

Возможно, указанная дама, Екатерина (Кэтлин) Перси-Френч, была двойным агентом – не случайно с нею был особенно близок Вс.Н. Иванов, впоследствии благополучно вернувшийся в СССР. Подобные (очевидно, небезосновательные) слухи ходили и о знаменитом шансонье А. Вертинском³.

¹ БРЭМ. Ф. 830. О. 3. Д. 50108. 28 л.

² Об этом: *Екатерина* Максимилиановна Перси-Френч. Биография // Ответ-газета. Ульяновск. 18.02. 2013.

³ Об этом детально и аргументированно: *Армеев В.* Кто Вы, артист Вертинский // Литературная газета. 2007. 12 янв.

В 1937 г. харбинские критики отмечали: «В наше время пограничная обстановка еще более усложнилась. А здесь, на Дальнем Востоке, она стала особенно богата всяческими возможностями. Хунхузы, отряды самоохраны, чины ГПУ, тайком пробирающиеся “по сю сторону”, всевозможные авантюристы, перебежчики с советской стороны, шпионы, бродяги, искатели приключений, и так далее, и так далее. Все эти любопытные разновидности людей создали бурлящую жизнь, полную опасностей, авантур, пылких взлетов идейного героизма, низменных падений в бездны измены и предательства, невероятной алчности в стремлении к золоту и эфемерной власти»¹.

В 1938 г. Япония решает начать масштабную операцию в глубь Китая. Надо заметить, предгрозовые настроения неизбежного военного конфликта спровоцируют в периодической печати дальневосточной эмиграции новый виток интереса к шпионской теме – так появляются тенденциозные пересказы изданных книг о деятельности американской, британской и германской разведок².

Жизнь писателя Несмелова в эти годы чрезвычайно насыщена и разнообразна. В 1936 г. Несмелов выпустит в свет свои «Рассказы о войне» (Шанхай), которые продолжают толстовскую традицию осмысления трагедии личности на войне³. Но в это же время, как писалось выше, Несмелов активно сотрудничает с харбинскими фашистами, много публикуется в их периодических изданиях – «Нашем пути» и «Нации». Именно в этих публикациях появятся размышления писателя о «бульварной» литературе, например: «У бульварщины есть свой резон д’этр, хотя бы потому, что всякий спрос родит предложение. Но <...> пинкертоновщина давно осуждена, ибо она вредоносна. Нужно ли возрождать ее, примешивая к сыщицкому роману истинно героическую борьбу <...>? Полагаю, что нет. Не надо оскорблять высокое и святое смешиванием его с низким, с бульваром»⁴. Очевидно, что, несмотря на политические реве-

¹ *Аргус*. Роман, написанный жизнью (Книга К. Сабурова «Зеленый фронт», только что вышедшая в Харбине) // Рубеж. 1937. № 17.

² Например, книга Томаса М. Джонсона «Американская разведка во время мировой войны». М., 1938.

³ *Агеносов В.В., Дябкин И.А.* Генезис военной прозы А.И. Несмелова: от «военных страничек» к «окопной правде» // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. Указ. изд. С. 149–167.

⁴ *А. Н-лов.* А. Чернявский-Черниковский. «7 лун Блаженной Бригитты». Роман. Издание «Русской книги», Таллинн, 1938 // Нация. 1938. № 25.

рансы своим соратникам по партии, в это время писатель не перестает размышлять о том, что делает литературу – искусством. И, по всей видимости, свои шпионские истории он отнюдь не связывает с «пинкертоновщиной», с «национализмом», а интуитивно протраивает новые дороги для развития беллетристической жанрологии. И тема Первой мировой войны подошла ему здесь как нельзя лучше.

Новый шаг в поиске жанровых форм будет сделан Несмеловым в рассказе «Контрразведчик» (1938)¹. Время повествования – Первая мировая. В сюжетной основе – задание контрразведки выявить и обезвредить австрийского шпиона. Схема персонажных ролей, на первый взгляд, повторяется: в помощники поручику Бубекину (уже знакомому читателям по «Рассказам о войне»)², получившему секретное задание, контрразведка выделяет денщика Клима Стойлова – простоватого мужичка, исправно выполняющего свои обязанности. Но на этом сходство шпионских историй «Золотого зуба» и «Контрразведчика» заканчивается.

Сюжетное клише с самого начала наполняется психологическими нюансами «окопной правды» и гуманистическим пафосом. Вначале перед нами Бубекин – молодой офицер, вбирающий последние мгновения мирной жизни перед фронтом: «Офицер спешил, как мог и умел, наслаждаться жизнью, потому что знал – скоро госпитальная комиссия препроводит его на эвакуационный пункт, а там дня через четыре – опять фронт, тошная окопная жизнь-жестянка...».

Личность шпиона, которого следует изобличить, известна заранее – это прапорщик Собецкий. С ним Бубекину предстоит ехать из Москвы на фронт в одном вагоне: «В сутолоке отправления, раздевания и, наконец, размещения в купе – все это было еще ничего, но теперь, когда оба они сидят друг против друга и надо разговаривать как ни в чем ни бывало, – теперь это ужасно трудно... Лицо Собецкого так и тянет к себе глаза Бубекина. Против воли своей он явно больше, чем следует, задерживает на нем свой взгляд и сам этого пугается. Но ведь не выдерживать ответного взгляда глаз Собецкого – это тоже недопустимо...».

¹ Рубеж. 1933. № 50.

² Рассказ «Богоискатель».

Шпион с самого начала вызывает симпатии и у повествователя, и у читателя, и – невольно они возникают у Бубекина. Шпион ведет себя «не по-шпионски»: «как мило и естественно обрадовался..., когда узнал, что он, Бубекин, офицер того же полка, в который и он получил назначение»; «искренне почувствовал Анатоше», когда тот специально стал проигрывать в карты и т. д. Собецкий привлекателен физически: «Бубекин не без зависти подумал, как хорошо сложен и крепок телом этот человек». Он образован, склонен к философствованию: «Как пусто, как мало людей на земле! ... Как это сказал ваш Лермонтов: “Под солнцем места много всем...” – как это? – “... но беспрестанно и напрасно один воюет он... Зачем?”»

Итак, русская литература вновь становится полем схватки героев в русской шпионской истории. Теперь уже Несмелов (вослед А. Куприну, А. Толстому), опираясь на «Дядю Ваню», создает новое этнокультурное пространство диалога: «Чехов сказал, – говорил Собецкий, идя так же быстро, – что через триста лет все небо будет в алмазах... Вы, русские, восхищаетесь этими словами, а по-моему – неумно: звезды прекраснее алмазов». И в первом, и во втором случае Собецкий цитирует классиков неточно, искажая и оглушая смысл топов культурного сознания русских. Хотя Бубекин не понимает этого, потому что, мягко говоря, малообразован, он очень остро чувствует пренебрежительные интонации по отношению к себе, русскому, со стороны поляка Собецкого. Но «проницательный читатель», к которому, помимо читающих «Рубеж» домохозяек, также адресуется Несмелов, эти смыслы прочитывает наверняка.

Содержательное наполнение «Контрразведчика» далеко от легкого и полушутиwego тона «Золотого зуба». Мысль о бессмысленности и бесчеловечности войны, как можно было уже заметить, звучит в нем непрестанно – «Контрразведчик» органично продолжает линию «Рассказов о войне». И в ситуациях, где проверяется человечность, шпион Собецкий выглядит намного выигрышней «контрразведчика» Бубекина: «В одном он только не участвовал – в любимом развлечении Бубекина: подкарауливать с винтовкой в руках одиночных шляющихся австрийцев и постреливать в них. Бубекин, бывало, увидит живую цель, выхватит винтовку у наблюдателя-солдата и садит из нее пулю за пулей...

... Собецкий отказывался:

Когда боя нет, как-то неприятно... – говорил он. – Ведь вы же в *людей* стреляете! – подчеркивал он значительно. – Вот когда они сами на нас полезут, тогда другое дело...»

Задание контрразведки Бубекин выполняет весьма своеобразно: он постоянно провоцирует Собецкого, играя не свойственную, по-видимому, для себя роль до крайности черствого, однобоко мыслящего человека. Надо учесть, что «другой Бубекин» – из рассказа «Богоискатель», тогда еще подпоручик, за два года до появления «Контрразведчика», как раз не приемлет мизантропа Ржещевского, поносящего и бранящего русскую интеллигенцию «потому только, что сам он всего-навсего – лишь неудавшийся интеллигент; господин, провалившийся на экзамене в какую-то академию и на всю жизнь этим обстоятельством уязвленный»¹.

Выполняя же задание контрразведки, Бубекин доходит в своем «сладострастном» желании изобличить шпиона до крайности. Кульминационным моментом в рассказе становится эпизод, когда Бубекин достает у полкового фотографа снимки процедуры приведения в исполнение смертного приговора над австрийскими шпионами – мужчиной и женщиной – и показывает их Собецкому. «Ах, с какой жадностью ухватился Собецкий за эти фотографии! Анатоша видел, как изменилось, словно вдруг осунулось, его лицо, какими человеческими, жалеющими стали глаза и как искренно у него вырвалось:

– Ах, бедная!»

Шепот, «в котором слышались ужас и горе», «страдальческие глаза», – портретные характеристики в данном случае еще более усиливают *человеческое*, а не *шпионское* начало в образе Собецкого. Бубекин так до конца и не понимает, что вместо того, чтобы бдительно, аккуратно и технично выполнять задание, он все время пыгается доказать самому себе, что Собецкий – враг, слишком много внимания уделяет собственному отношению к этому. Это едва не стоит Бубекину собственной жизни и провала всей операции.

Как сказал Андре Вюрмсер, «тот, кто владеет жанром, преступает его рамки... Не правила определяют границы жанра,

¹ Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. Владивосток, 2006. Т. 2. Рассказы и повести. Мемуары. С. 162.

а угол зрения автора...»¹. Шпионская история в «Контрразведчике», казалось бы, разрешается по своим законам: шпион пойман, главный герой остается живым и невредимым, контрразведка торжествует. Однако инерцию жанра преодолевает неоднозначность развязки, ее *притчевый* характер. Нарушен основной постулат детектива, в данном случае – шпионского: поимка шпиона не дает катарсического эффекта. Радости Анатоша не испытывает (ему жаль Собецкого), славы наш герой не приобретает (его чуть ли не презирают сослуживцы-вояки, не уважающие разведку). А настоящим «контрразведчиком» оказывается не Бубекин, а исполнительный «солдафон» Стойлов, на самом деле – капитан Рублев, использовавший поручика в качестве прикрытия. Здесь, по-видимому, действительно сказались личные познания Несмелова в деятельности контрразведывательных служб – Рублев сухо и методично рассказывает «начальнику» о сути своего понимания работы: «Да, к такому отношению со стороны окружающих привыкнете. Это оттого, что все нас побаиваются. Мысли-то у людей разные, мыслей-то больше поганых, – вот люди и думают, что мы и мысли их можем читать. Примерно так. А от нас вы уж теперь не уйдете, наша работа затягивает».

Психологизация образов и поступков сближает «Контрразведчика» со «Штабс-капитаном Рыбниковым» Куприна. Кроме того, перед нами – сюжет из «романа воспитания», вплетенный в рамки детективного сюжета. Вопреки жанровому канону, герой Антон Бубекин меняется, внутренне растет. И – понимает, что уже не сможет без контрразведки.

Эволюция «шпионской истории» Несмелова продолжится в рассказе «Встреча на мосту» (1944)², где на первое место выступит уже собственно не сам сюжет, необходимый для авантюрного жанра, а личность рассказчика, его переживания. И вновь писатель обратится к истории о Золотом зубе, теперь уже реализуя метонимию «Золотой зуб» почти в гоголевском ключе: «Бывает так, что вдруг вспомнится событие давнего прошлого, и всплывет оно в памяти совсем в другом освещении. Особенно если в этом событии была какая-нибудь неясность, затемненность. Все его рычажки, колесики и пружинки, раньше разроз-

¹ Вюрмсер А. Жертва номер один – убийца // Вюрмсер А. Не посмотреть ли на известное по-новому? М., 1975.

² Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. Указ изд. С. 185–204.

ненные и в прошлом никак не соединявшиеся, вдруг словно сами собою станут на надлежащее им место, и весь механизм события придет в самое точное движение.

И все горе лишь в том, что ... поздно уже: прозевал и не вернешь – кусай локти! Ведь был же Золотой Зуб в моих руках, и упустил я ее, молокосос!»¹. Полудетективная-полуанекдотическая канва, которую создает рассказчик в своих воспоминаниях, почти в точности воспроизводит ситуацию рассказа «Золотой зуб»: здесь и невразумительное донесение о шпионке (теперь уже – польке), и распоряжение начальства, и отчаяние героя, и наличие персонажа, в морфологии детективного сюжета (по аналогии со сказкой) именуемого «сообщником»². Но самое любопытное – есть то, что уже напрямую сближает данную историю со сказкой: нарушение запрета, повлекшее за собой остальные приключения. Поручик не внял своевременно «мудрому совету своего предусмотрительного начальника» ничего не предпринимать и рассказал своим сослуживцам и дозорным о Золотом зубе. Но к детективу данная перипетия не имеет уже никакого отношения.

Дальнейшая история, произошедшая с опрометчивым поручиком, приобретает полуромантический–полумистический характер, теперь уже в духе лермонтовской «Тамани». Герой вторгается, сам того не желая или не ведая, в чужую жизнь, чужой уклад и из-за этого чуть не прощается с собственной жизнью. Поручик вначале легкомысленно засыпает в чужом лесу с недоброй славой, затем упускает незнакомца на мосту, а уж затем – и золотозубую шпионку, которую к тому же распознал. Шпионка же выигрывает серьезный поединок благодаря твердой воле, профессионализму и, очевидно, своему сердечному чувству к напарнику, который впоследствии оказывается ее мужем. «Олитературивание» детектива³ еще более размывает жанровые границы, читатель забывает о необходимости следовать точности «формулы». *Скука* героя, понявшего, что его, «офицера действующей армии», радение о деле не нужно в штабе армии, еще более снижает детективное напряжение.

¹ Неселов А. Собрание сочинений. Указ. изд. С. 185.

² Кестхейн Т. Анатомия детектива. Следствие по делу о детективе. Бу-
дапешт, 1989.

³ Литературный Однодневник харбинской группы писателей – дина-
мических реалистов. Харбин, Маньчжоу-го. 1941. 21 июля. С. 3–5.

Случай вновь сводит поручика со злополучной парой. И здесь начинается новый сюжетный поворот, окончательно низводящий детективный канон. События, произошедшие всего два года назад, теперь, в послереволюционной Москве 1918 года кажутся поручику, защищавшему недавно Отечество, а *теперь* (так выделено автором в тексте) живущему нелегально, – далеким прошлым. Бывшие враги встречаются в уцелевшей кофейне, шпионская пара узнает своего преследователя, и что же? Он вызывает у них сочувствие: «...я, лишенный офицерских погон, в обтрепанной шинели, должен был казаться им, упитанным, прекрасно одетым, беззаботным и веселым, – жалким, несчастным парием революционной России. Ведь революция лишила меня всех прав, сделала бродягой, травимым зверем»¹. Травестирование сюжетной структуры (шпионка изобличена поручиком-детективом почти сразу же) и персонажных функций детективного сюжета (герой [*детектив*] превращается в преследуемого [почти *врага*], *враг* – в помощника [*дарителя*])² – не просто фабулярный прием. Оно исполнено глубокого, драматического содержательного значения. Величайший сюжетолог – История – отменила не жанровую схему шпионского детектива, а всю систему представлений русского человека, разрушила всю его аксиологическую парадигму.

Очевидно, Несмелов не случайно вернулся к сюжету о Золотом зубе в подобном жанровом воплощении. «Встреча на мосту» свидетельствует о его писательском взрослении. Формальная детективная схема писателя никогда не интересовала. Это – своеобразное *литературное* прощание Несмелова с *его пониманием жанра* детектива, неуместным «*теперь*», когда врагами стали не противоборствующие государства, а кровные братья. «*Теперь*», после революции, уже не нужны воинский долг и верность Отчизне, проявляемые в экстремальных обстоятельствах.

Исследование харбинской «шпионографии» приводит к парадоксальному выводу: несмотря на весьма благоприятную социокультурную и общественно-политическую среду, дальневосточная эмиграция не создала полноценных шпионских детективов, но западная эмиграция не создала их *вообще*. Приключение шпионской истории в эмигрантском Харбине – ил-

¹ Несмелов А. Собрание сочинений. Указ. изд. С. 202.

² Кестхейн Т. Анатомия детектива. Следствие по делу о детективе. Указ. изд. С. 125–234.

люстрация того, как своеобразно протекал культурный процесс в дальневосточном порубежье с его насыщенной политической борьбой жизнью и обывательским провинциальным сознанием граждан.

Жизнь в условиях дальневосточного фронта была чревата, как видно, большими трудностями, но она же давала и новые импульсы сознанию эмигранта, позволяла развиваться новым тенденциям в культуре и литературе.

Кроме того, эта фронтность продуцировала интуитивные прорывы писателей и публицистов эмигрантского Китая в пространство проблем, которые только-только начинали осваиваться мировым гуманитарным знанием: детства и детского, этничности, этнической идентичности, маргинализации сознания в условиях межкультурного взаимодействия.

Глава 14

«ДЕТСКИЙ МИР» РУССКОГО ХАРБИНА

(А. Несмелов, А. Ачаур, Е. Васильева)

*«Если когда-нибудь ангелы на небе спросят меня:
Что хорошего сделала ты в своей жизни?
Для чего жила на свете?» – я отвечу им с гордостью:
«Я жила на свете, чтобы приносить радость русским
детям.
И для меня это была тоже большая радость!»*

Е.А. Васильева (Юрка)¹

Детство – решающая стадия в развитии человека. Представление о детстве и детском формирует особые способы восприятия жизни и организации своей будущей жизни молодежи². Особенно актуально этот топос современной гуманитарной науки проецируется на «детский мир» эмиграции – ее представления о детском, отношении к рождаемости и воспитанию подрастающего поколения, образовательные программы, литературу для детей и о детях³.

¹ *Васильева Е.А.* (Юрка). Детский журнал «Ласточка»: (Воспоминания) // Политехник (Сидней). 1979. № 10. Васильева Елена Александровна (в замужестве Орлова) родилась в 1906 г. (точная дата и место рождения не известны). В Харбин была привезена шестимесячным ребенком. Отец служил в Главном контроле КВЖД. С раннего возраста писала стихи и пьески, которые сама ставила дома. Являлась сотрудником газеты «Рупор». В 1930-х гг. в «Рупоре» вела переписку с детьми в детской страничке, подписываясь псевдонимом «Юрка». На остроумные письма и стихи Юрки обратили внимание, и она стала постоянным сотрудником «Рупора». Работала в редколлегии, затем стала редактором «Ласточки», где писала рассказы и стихотворения, иллюстрировала их и рисовала обложки этого детского журнала. Ее «Похождения Юрки и Бобки» печатались в «Ласточке» и выходили отдельными книгами. Уехала в 1960 г. из Харбина в Сан-Франциско. Умерла 5 июля 1979 года. См.: *Хисамудинов А.А.* Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. С. 43.

² *Арвес Ф.* Открытие детства. Екатеринбург, 1992.

³ Об этом, например: *Мир детства в русском зарубежье: Культуролог. Чтения «Русское зарубежье XX века».* М., 2011; *Забияко А.А.* «Детский мир» русского Харбина: литература дальневосточной эмиграции для детей и о детях // *Русский Харбин, запечатленный в слове.* Вып. 4. Благовещенск, 2010. С. 165–190; *Ее же.* Дети, детство, «детский текст» в творчестве Арсения Несмелова (на кит. языке) // *Русская литература и искусство.* 2012. № 1. С. 12–17; *Ее же.* Эмиграция и детство: «детский текст» в творчестве Арсения Несмелова // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке.* 2014. № 4. С. 230–238.

«Веком ребенка» именовали XX век в первые его десятилетия. В эти годы изменилась сама концепция *детства* и *детского*, что было обусловлено не только предшествующим развитием психологической, философской, литературной мысли, но и социокультурными процессами. Словно готовясь к будущим социально-политическим катаклизмам, ученые-гуманисты пытались утвердить утопическую идею «святости будущего поколения»¹. В своей знаменитой книге Э. Кей говорила о том, что «новое “поколение”, его происхождение, забота об его воспитании делается не только главными, центральными задачами общественной жизни, вокруг которых будут группироваться нравы, законы, учреждения. Но они сделаются исходной точкой зрения, с которой будут рассматриваться все другие вопросы и приниматься решения»².

Русская гуманитарная мысль горячо откликнулась на эти призывы. Эсхатологические настроения рубежной эпохи нуждались в гармонизирующем начале, и обращение к истокам жизни человека, его рождению, поре младенчества и юности не случайно стало одним из путей развития русской литературы. Реалистическое направление здесь успешно взаимодействует с символистской концепцией *детского* (М. Горький, Л. Андреев, А. Куприн – З. Гиппиус, Ф. Сологуб), психоанализ с мифопоэтикой (А. Белый – К. Бальмонт и др.). Именно в эти годы формируется двусубъектный подход к самому феномену *детской литературы*³, и изначальный дидактизм художественной словесности, призванной воспитывать «ребенка неразумного», обогащается психологизмом *литературы о детях*. Как это ни парадоксально, но социальный слом, повлекший разделение литературы на эмигрантскую и советскую, дал толчок дальнейшему развитию этого процесса по ту и эту стороны границы, но в разных претворениях.

В метрополии 20–40-е годы знаменовали эпоху расцвета отечественной детской литературы. Будем справедливы: новая реальность будоражила воображение, поощряла энтузиазм но-

¹ Арзамасцева И.Н. «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930 годов. М., 2003.

² Кей Э. Век ребенка. М., 1905.

³ Под двусубъектностью понимается двойная адресация детской литературы: автор не только обращается к ребенку-читателю, но и в специфической манере выражает собственное «взрослое» представление о мире, о художественном творчестве.

воявленных детских писателей. Но нельзя отрицать и того, что в советской республике сильный импульс писанию для детей был задан идеологической установкой. Декларативно объявленной задачей тех, кому доверено было числиться по ведомству «детской литературы», стало воспитание нового – советского – человека и гражданина.

Однако одними циркулярами литература не создается, а уж тем более – не рождаются от циркуляров писатели. Для ребенка писать особенно трудно. Вопреки всем идеологемам, успех детской книги – не в дидактических максимах, а в тонком сочетании их с особой художественностью. Здесь необходимы интуитивное понимание детских интересов, ребяческая искренность, чувство юмора. В области художественного творчества «для детей» не действовали столь строгие запреты, как во «взрослой» сфере. Поэтому для некоторых «детское пространство» стало откровенным спасением от «груза» прошлых лет (Н. Шестаков, С. Ауслендер). Большинство же талантливых литераторов пользовалось возможностью под маркой «детского писателя» без опаски реализовывать свои художнические искания (К. Чуковский, С. Маршак, Д. Хармс, М. Пришвин, К. Паустовский, Б. Житков, А. Гайдар, Л. Кассиль и др.). Многие писатели, стоявшие у истоков советской детской литературы, впитали плодотворный опыт литературы начала XX столетия: и понимание «детского» в концепции «нового религиозного сознания» (З. Гиппиус, Д. Мережковский), и акмеистскую концепцию детства Н. Гумилева, и лингвопоэтические штудии А. Крученых и т. д.¹

Литература Советской России, адресуемая в 20–30-е годы детям и юношеству, стала причудливой призмой, сквозь которую можно реконструировать негласную установку: искать в художественном творчестве «экологических ниш для сохранения и приумножения мастерства, но и достаточно безопасных подступов к запретным темам»². Одним из путей такого рода художественной мимикрии стало следование постулату – «прошлое не существует»: все, что тематически, сюжетно и стилистически могло возратить к «бесславному» дореволюционным

¹ Подробно об этом: Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература: Учебник для студентов высш. и средн. пед. учебн. заведений. М., 2000.

² См., например: Чудакова М.О. Избранные работы: В 2 т. Т. 1. Литература советского прошлого. М., 2001. С. 361.

годам, было объявлено табу. Отчасти поэтому так интенсивно развиваются в советской детской литературе сказочные жанры (Ю. Олеша, А. Толстой, Е. Шварц, А. Волков), культивируется романтика путешествий и подвига (А. Гайдар, Л. Кассиль, В. Катаев), поэтизируются новые черты и осмеиваются негативные явления быта (К. Чуковский, С. Маршак, А. Барто, С. Михалков)¹. Теория «художественного остроумия», в психоаналитическом ключе разработанная З. Фрейдом и подхваченная русским авангардом, нашла ярчайшее практическое применение в произведениях К. Чуковского, Д. Хармса, С. Маршака. В книге «Маленькие дети» (впоследствии переработанной под названием «От двух до пяти») на примере детского языкового творчества К. Чуковский доказывает, как важна детям «скрытая энергия» слова, как с помощью лингвистического нонсенса ребенок постигает окружающий мир. Как раз интуитивное стремление ребенка к языковой игре стало залогом успеха у многих поколений детей поэзии обэриутов, рожденной из «зауми» и семантического сдвига (абсурдистская поэтика Д. Хармса, «перевертыши» К. Чуковского и С. Маршака)². Позднее К. Чуковский вспоминал «...сейчас кажется невероятным, что остроумные стихи Хармса, к которым дети (особенно маленькие) относились с таким жарким сочувствием, в тридцатых годах вызывали яростный гнев у большинства педагогов». В 1930 г. газета «Смена» публикует статью «Реакционное жонглерство», где поэзия Хармса и его друзей Б. Левина и Ю. Владимирова клеймилась как поэзия «классового врага».

В этом смысле писатели русской эмиграции оказались в двойственной ситуации. С одной стороны, эмигранты были свободны от рамок идеологии. С другой же – испытывали неотступную потребность возвращения к утопически благополучному прошлому. Многие из них еще до революции активно обращались к «детской теме» (А. Куприн, Б. Зайцев, А. Ремизов и др.). Собранная в последние годы антология детской литературы, основанная, в первую очередь, на творчестве европейских изгнанников – И. Шмелева, И. Бунина, Вл. Набокова и др.,

¹ *Лойтер С.М.* Русская детская литература XX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия. П., 2002; *Лойтер С.М.* Открытие неведомых стран: О творчестве Л. Кассиля. П., 1965.

² Подробно об этом: *Жаккар Ж.-Ф.* Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995; *Забяко А.А.* Синэстезия: метаморфозы художественной образности. Благовещенск, 2004.

свидетельствует об особом внимании, с которым эмиграция относилась к миру детства и детской книге¹. Однако общее состояние «беспочвенности», социальной потерянности, особенно ощутимые в европейской эмиграции, не могли не сказаться на плодотворности развития «детского» дискурса. Многомерность этой проблемы ждет объективного исследования.

Несмотря на общность базовых установок эмигрантской культуры, в разных географических пределах рассеяния детская литература развивалась со своей спецификой.

Социокультурная среда дальневосточного центра зарубежья, формирующаяся в 20-е годы XX в., во многом была ориентирована на духовную жизнь ушедшей России. Понимая, что становление культуры начинается с воспитания подрастающего поколения, харбинцы с энтузиазмом восприняли дореволюционный опыт детских общественных организаций (который, к слову сказать, столь же энергично реализовался и в опыте пионерской / комсомольской организаций метрополии). Лидеры самых полярных политических ориентаций изначально были ориентированы на детскую аудиторию. Еще в 1927 г. Алексей Ачаир понимает: «молодежи нужна поддержка, и поддержка моральная»². Поэтому Христианский союз молодых людей, русским секретарем которого он являлся, своими задачами ставит «воспитание молодого поколения в духе христианства и культурную помощь»³, «гармоническое развитие человеческой личности»⁴. В юбилейной статье Ачаир определял ХСМЛ уже как «независимый национальный центр культуры христианского, рыцарского, русского братства»⁵. В этих словах актуализирована сознательная стратегия организации: «С 1923 года, именно с октября месяца, политика Христианского союза в Харбине делает определенный упор на развитие образовательной стороны. Поистине, образовательный отдел союза становится с этого времени доминирующим. Для типа такой организации, как Христианский союз, подобное нару-

¹ *Аня в стране чудес: Детская и юношеская литература русской эмиграции: В 2 т.* (Сост. М.Д. Филин). М., 2004 г.

² А.А. Ачаир – Г.Д. Гребенщикову. 28 марта 1927 г. // Переписка Г.Д. Гребенщикова и А.А. Ачаира. Новый журнал. 2009. № 256. С. 239–264.

³ БРЭМ. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3. Дело Грызова А.А. № 5462.

⁴ Ачаир А. Бог, Родина и Честность // Чураевка. 1933. № 4 (10), 14 ноября.

⁵ Там же.

шение равновесия, пожалуй, и не вполне целесообразно <...> Усиление образовательной работы за эти истекшие десять лет явилось ответом на запрос общества и в то же время ярко отлито Христианский союз в Харбине от многих и многих других ХСМЛ, которые я посетил во время моей служебной командировки в Южную Маньчжурию, Китай и на Филиппины»¹. Работа в ХСМЛ давала возможность Ачаиру творчески реализовать свои педагогические способности². Под его руководством возникает молодежное объединение «Костровые братья», nasledующее опыт скаутов, а уже из их рядов выходили будущие чураевцы. Ачаир писал специально для своих питомцев песни, заряжающие романтической энергетикой действия: «На востоке заря, нам пора уходить от родного костра...», «Нам, братья, ушедшие в дальнюю новь...»³ «Один за всех, все за одного!» – знаменитый призыв мушкетеров, вдохновлявший не одно поколение юных российских читателей до революции, украшал стены Актового зала гимназии ХСМЛ. Такая преемственность в организации юношеских сообществ, единство программных установок педагогов способствовали тому, что, будучи оторванными от Родины, юные харбинцы чувствовали себя вовлеченными в единый культурный процесс.

Не только благородные мужи ХСМЛ, но и лидеры ультраправого толка не оставались в стороне. Со страниц периодической печати харбинские фашисты обращались не только к «юным авангардисткам», «мушкетерам», но и к самым маленьким («фашкрошкам») с воззваниями, призванными звучать трогательно и проникновенно: «С детства отдадим силы Родине-России!», «Помни Россию, люби Россию, живи для России!» – такие лозунги украшали однодневник «Крошка»⁴.

Однако политизация не стала определяющим началом в дальневосточной эмигрантской литературе для детей. Пишущие для детей авторы, минуя лозунговость и злободневность, старались обращать взоры подрастающего «молодняка» к исто-

¹ Ачаир А. Бог, Родина и Честность. Указ. изд.

² См., например: *Забияко А.А.* «Здравствуй, племя младое...» (педагогическая и просветительская деятельность Ачаира) // *Забияко А.А.* Тропа судьбы Алексея Ачаира. Указ. изд. С. 67–95.

³ Цит. по: *Таскина Е.П.* Предисловие // Ачаир А.А. Стихотворения. В 2 т. Сан-Франциско, Калифорния. 2004. С. V.

⁴ Лозунги харбинского однодневника «Крошка» ко Дню Св. Ольги.

кам традиционной культуры и воспитания. А таких писателей было немало. Несмотря на то, что отдельной ниши в литературном процессе русского Харбина детская литература не заняла, «серьезные» сочинители не считали для себя зазорным писать специально для детей – среди них имена Н. Байкова, Б. Березовского, О. Скопиченко, А. Ачаира и др.¹

Задачи литературы, адресованной ребятишкам, были весьма точно сформулированы зачинателями уникального детского издания «Ласточка» (1926–1945), напрямую связанного с дореволюционной традицией². Первый редактор журнала А.Я. Буйлов писал: «Мы глубоко убеждены, что издаваемый нами журнал необходим в каждой семье как постоянный спутник ребенка. Стихи, рассказы и сказки, вполне понятные и дающие детям не только гармонию звука, но и красочное изображение в красивой речи близких им картинок разных моментов их собственной жизни, или иллюстрирующие природу и животный мир, – как нельзя лучше помогают, во-первых, развивать ум, сердце и эстетические наклонности подрастающего человека; во-вторых, учат красиво говорить на родном языке и, наконец, незаметно укрепляют память, что так важно в детском возрасте»³. Не декретированными обязательствами, а укорененными в сознании гуманитарными принципами руководствовались «старшие» писатели, передавая свой опыт молодым.

Особой популярностью среди маленьких харбинцев пользовались регулярно появлявшиеся на страницах «Ласточки» стихи, рассказы, сказки Юрки – Е.А. Васильевой. Они были столь востребованы юными читателями, что издавались отдельными книгами («Бобкины проказы»), а первая «разошлась без остатка»⁴. Е. Сентянина подчеркивала, что «Юрка» – «единственная не только на Дальнем Востоке, но и во всей эмиграции писательница и поэтесса, которая пишет исключительно для детей»⁵.

¹ *Детская литература* // Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. С. 69–70.

² Первый редактор «Ласточки» А.Я. Буйлов заимствовал для своего издания рассказы и стихи из старого российского журнала «Светлячок» (Ласточка, журнал [Харбин] см.: Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии... С. 130).

³ *Редакция* // Ласточка. 1926. №1 (15 окт.). С. 2. Цит. по: Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. С. 131.

⁴ Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты // Рубеж. 1940. № 25.

⁵ Там же.

Что стало «визитной карточкой» Юрки, обеспечивая успех всему изданию? В первую очередь, «детская точка зрения», расширяющаяся и на топику, и на сюжеты, и на лингвистическую сферу. Любимые герои – «сам» Юрка и его пес Бобка (Бобик, Боб). Незатейливые приключения друзей воссоздавали жизненные подробности обыкновенных харбинских малышей, взрослеющих вместе со своими журнальными спутниками – достаточно прочитать заглавия стихотворений: «Привольное дачное житье Бобки с Юркой», «Чудак Бобка боится загореть», «Шалунишка-Бобик собрался в школу» и т. д. По признаниям самой писательницы, «для детей это были вполне реальные, невыдуманные мальчик и собачка»¹.

В нехитрой форме, как правило – четырехстопных хореических четверостиший, описывает автор столь же немудреные похождения мальчика и собачки:

Солнце греет, что есть мочи...
Как ему не стыдно греть?!
Бобик наш гулять не хочет, –
Он боится загореть...

Принимается за дело
Бобик с видом знатока...
Ведь палатку можно сделать
Из огромного платка.

Солнце жарко припекает,
Даже птичка щурит глаз!
Боб в палатке отдыхает,
Пьет лениво хлебный квас.

Все нашли, что Бобки дача –
Расчудесный уголок!..
Только няня Юрки плачет:
– Кто стащил ее платок?

(«Чудак Бобка боится загореть»²)

Если в этих историях и есть дидактизм, то он «утоплен» в добродушном тоне и мягком юморе:

За три дня лихой рыбак
Подцепил всего ... башмак.

¹ Васильева Е.А. (Юрка). Детский журнал «Ласточка». Указ. изд.

² Ласточка. 1932. № 11. С. 4-5.

Серенады по ночам
Им поют лягушки там,
Чтобы Бобка не скучал,
Чтобы Юрка слаще спал...

(«Привольное дачное житье Бобки и Юрки на даче»)¹

Сама Юрка признавалась, что долго выработывала «свой стиль», не желая писать «ходульным языком», каким писали приходящие авторы. Она «предпочитала писать о приключениях зверюшек, одетых, как детишки, и живущих человеческой жизнью, но были сказки и о гномах, и о принцессах, самые разнообразные, на все вкусы»². Скорее всего, интуитивно Юркой был понят основной принцип детской литературы – *двухадресность*, притягивающая к детскому чтению не только ребят, но и родителей, просто – взрослых. «Детская» точка зрения незаметно переплетается в ее произведениях со «взрослой», рождая комический эффект. Писательница создает «двойную» сюжетную ситуацию, когда в процессе игры ребенок имитирует взрослую жизнь, совершая «как бы» взрослые действия, сопровождая их к месту и ни к месту «взрослыми» фразами:

Сегодня – суббота. Я буду купать
Семейку *замурзанных* кукол.
Живут они в детской под креслом, все пять:
Зайчата, Матрешка и Бука!

(«Заботливая мамаша»)³

Воспитание в подобных текстах осуществляется «играючи»: сама последовательность действий «заботливой мамашки» укладывается в сознание читающей или слушающей девочки («Я сделаю мыльную пену / Сейчас рукава подверну до плеча, / Передник огромный надену»). При этом действует принцип юмористической конвенции, рассчитанной на взрослых, – юная купальщица кукол, несмотря на внешнюю правильность ритуала, несомненно, портит свои игрушки:

Зайчата в тазу поместились рядком,
Один только толстый вздыхает.
Я спинку потру им шершавым платком...
О, Боже – как рыжий линяет!
Матрешка – из тряпки...

¹ Ласточка. 1932. № 20. С. 4–5.

² Васильева Е.А. (Юрка). Детский журнал «Ласточка»: (Воспоминания).

³ Ласточка. 1933. С. 9.

Ну, что за беда, –
Пусть тоже понежится в ванне!..
Матрешку свою я купаю всегда
Одетой в лаптях, в сарафане...
У черного Буки расстроенный вид,
Он смотрит печально и робко, –
К коробочке гвоздиком Бука прибит...
– Ну, что ж, окунешься с коробкой...

Оценочные эпитеты, слова-антонимы, определяющие, «что такое хорошо и что такое плохо», сопровождаются вкраплениями форм «семейной» речи – той, которой пользовались в обиходе харбинские мамы (оценочные слова, просторечия, уменьшительные именованья, порою даже – избыточные):

На елку грязнулею стыдно явиться,
И раины пупсы согласны помыться.
Их *Раичка* в ванну рядком посадила,
Достала мочалку, душистое мыло...

Но старший, *водички* набрав полный *ротик*,
Обрызгал второму братишке *животик*.
К обидчику лезет обиженный драться,
И стали *водичкою* оба плескаться.

(«Пупсы расшалились»)¹

Невинные сюжеты таили в себе скрытые задания не только воспитательного, но и практического, и учебного характера, например: сколько было зайчат, можно ли мочить тряпичных кукол, можно ли плыть на бумажном пароходе и т. д. Случалось, что шуточные задачи становились основой целых историй. Например, «Бобка – песик проворный и юркий» испытывал познания своего дружка «проказника Юрки»:

Ну-ка, Юрик, вставай,
Да задачку решай:
Видишь эту огромную миску?
Восемь вкусных костей
Были спрятаны в ней.
Караулить поставили киску.
Но котеночек-гость
Слопал лучшую кость...
Сторожиха напрасно металась...
Ну-ка, Юрка, реши, –

¹ Ласточка. 1933. № 1. С. 14.

На доске напиши,
Сколько косточек в миске осталось?

(«Шалунишка-Бобик собрался в школу»)¹

Опять-таки по наитию, следуя традициям народной педагогики, а возможно, и опираясь на фольклорные тексты, Е. Васильева вводит в свои тексты весь «детский мир» русского ребенка начала XX в. Это не только пупсы, куклы, зайчата, собачка Бобка, киска Фырка, но и стихия русских сказок. Форма обращения к животному-помощнику, заимствованная из русских колыбельных («Уж ты, котинька-коток /Котя, серенький хвосток), помогает жанровому воплощению уже «собственно-юркинской» «беседы перед сном»:

Послушай, кисанька, не щурь так сонно глазки,
Смотри сюда и засыпать не смей.
Вчера я слышала от мамочки моей,
Что ты рассказывать умеешь славно сказки.

Стихотворение «Вечером»² посвящено «Леле Котляровой» (возможно, дочери друзей, а возможно, и незнакомой девочке, родители которой сделали заказ журналу). Но, несмотря на посвящение, это – стихотворение для всех детей на все времена. В вопросах, адресованных киске и уместившихся в два катрена, сокрыто несколько сказочных сюжетов:

Я у тебя спросить хотела много-много...
Скажи мне, – есть у месяца свой дом?
И правда ль, что серебряным песком
Усыпана вся лунная дорога?

Еще ты расскажи мне про волшебный лес,
Про вкусную из пряников избушку,
Про добрую волшебницу-старушку,
Что знает много удивительных чудес.

Перед нами – необычное для Юрки стихотворение (вот оно, умение писать «на все вкусы»): задушевные интонации лирической беседы с кошечкой создаются неспешным ритмом Я6-5 аББа – «литературного» размера, в 20-30-е годы не очень популярного в Советской России. Помимо суггестивного эффекта (такое чтение успокаивает), стихотворение будит фантазию, а также поощряет познавательные инициативы маленьких

¹ Ласточка. 1933. № 4. С. 12.

² Ласточка. 1933. № 11. С. 10.

«почемучек», стимулирует интерес к родной культуре и языку. Заметим, что и в этом трогательном стихотворении писательница остается верна себе, добавляя в финале «юркин» point:

А я тебе за то скажу большой секрет:
Я разговор подслушала случайно
И знаю, - в воскресенье (это - тайна!)
Мороженое будет на обед!

На страницах «Ласточки» испытали себя многие «взрослые» авторы. Сам Алексей Ачаир – старший секретарь ХСМЛ, то есть довольно серьезный чиновник, – помещал здесь и на страницах «Юного читателя “Рубежа”» очень забавные стихи и сказки. Одной из его любимых героинь стала «крошка Галя», на примере чьей бесхитростной жизни писатель излагал малышам азы этических принципов. Например:

Папа с мамой к крошке Гале
Всех подруг ее позвали:
- Приходите в воскресенье, -
Так, часов... положим, в 7¹.

Далее по сюжету «крошка Галя» в недолгом, но томительном ожидании гостей поедает весь торт (разумеется, вместе со своими куклами), а затем весело резвится с самими гостями. Такие «многосерийные» герои (вспомним Бобку и Юрку) собирали постоянную читательскую аудиторию, ждущую «продолжения».

Показательно, что детские стихи и рассказы весьма удавались Ачаиру – природный романтизм органично уживался в нем с искренней детскостью. Опыты писателя не ограничивались только «детским фабулатом». Возможно интуитивно, а скорее всего, зная о почине в области развития детской литературы советских авторов (С. Маршак, К. Чуковский, Д. Хармса)², Алексей Ачаир пытался ориентировать своего читателя на языковую игру, на пробуждение его языкового чутья (шуточная сказка про воробьев, где поэт сплетает воедино стих и прозу, литературный стиль и раешный стих)³.

¹ Ачаир А. В день рождения Гали // Ласточка. 1930. № 5.

² Известно, что стихи К. Чуковского издавались в Харбине, например: Чуковский К.И. Приключения Крокодила Крокодилевича: Поэма для маленьких детей. Харбин.

³ Ачаир А. Воробьи // Юный читатель Рубежа. 1930. № 2. Об этом: Забияко А.А. Прозаические штудии харбинских лириков // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 3. Благовещенск, 2009. С. 80–103.

При этом в более солидных изданиях («Рубеж», «Луч Азии») писатель обращается к жанрам, адресатами которых одновременно могли стать и взрослые, и дети. Так появляются его стихотворные обращения к сыну («Сыну», «Рождество», «Моему сыну», «Цветок Купавы (Сыну Ромилу)» и т. д.). В этих лирических откровениях поэт воплощает свои раздумья о судьбе подрастающей эмигрантской поросли, обреченной на дальнейшие скитания, и призывает молодежь не забывать о своих корнях:

Я – большой и устал,
Сердце стало холодным,
Но и я прежней сказкой живу.
Эта ночь Рождества –
Точно сон быстролетный,
Повторившийся сон – наяву.

Оттого детских глаз –
Точно звезд – озаренье
В мир приносит и мир, и тепло.
Оттого в этот час
Всюду радость и пенье, –
Пусть снегами леса занесло.

Потому, мой малыш,
Я любовно и строго
В этот вечер слежу за тобой.
Что ты в сердце таишь
И какую дорогой
Ты пойдешь, увлекаем судьбой?..¹

Правда, в отличие от сугубо «детских текстов», эти стихотворные посвящения не стали большими удачами Ачаира – поэт не справлялся с излишней сентиментальностью, многословием, тем, что в просторечии именуется «сюсюканьем».

Возвращаясь к «Ласточке», добавим, что в этом издании поощрялись детские поэтические штудии, а также предложенные детишками ребусы и шарады. Был востребован и инокультурный художественный опыт – там нередко печатались специально переведенные И. Кухиным китайские сказки для детей².

¹ Ачаир А. Рождество // Рубеж. 1939. № 2.

² Васильева Е.А. (Юрка). Детский журнал «Ласточка»: (Воспоминания).

Конечно, проблемой беженской жизни были полновесные детские издания. «В настоящее время новая книжка для детей младшего возраста, в эмиграции, во время войны – ведь это настоящее чудо, настоящее событие. Нам только некогда задуматься, некогда осознать тот факт, что мы переживаем длительный кризис детских книг. Старые детские книги не переиздаются, новых никто не пишет...» – горько сетовала в начале 40-х годов на странице «Книжных новинок» журнала «Рубеж» Наталья Резникова¹.

В суровых условиях конкуренции даже тоненькая книжечка вызывала резонанс. Конечно, не всякая – об этом и свидетельствует рецензия харбинского критика. К достоинствам книги О. Скопиченко «Сказка о лисе, еже и зайце»² были причислены не только ее иллюстрированность и «яркая удачная обложка», но, в первую очередь, то, что она написана «свободным легким стихом, образным русским языком». Подчеркивалось и воспитательное значение произведений О. Скопиченко: «Поэтесса очень хорошо понимает черномазого шаловливого котенка, и кошку Марыську, и бездомную белую кошечку, она знает, что чувствует заяц, пойманный хитрой лисой, и о чем мечтает колючий ежик в зеленых зарослях леса. В этом понимании животных и любви к ним – воспитательное достоинство сказок Ольги Скопиченко». «Внутренняя правда», «простота и искренность» делают, по мнению Н. Резниковой, книгу привлекательной для детских сердец, а *хороший стиль и легкость стиха* будут способствовать хорошему запоминанию историй. В критической заметке Н. Резниковой 40-х гг. в неявной форме оговорены требования к «хорошей» литературе для детей, в свое время актуализированные А.Я. Буйловым. Заметим: именно эстетическая, воспитательная и мнемоническая функции выделяются и в современных педагогических изданиях на первый план.

Даже не имеющие детей поэты постоянно обращали свои взоры на тех, кому предназначено было уже в эмиграции стать их продолжением. Очевидно, что общие беды – разрушение привычного семейного уклада, утрата близких, невозможность выстроить гармоничные отношения с супругами и детьми, –

¹ Н.Р. (Резникова Н.). Книжные новинки // Рубеж. 1942. № 18 (2 мая). С. 24.

² Скопиченко О. Про зайца, лису и ежа: Сказки. Шанхай, 1942.

трагические спутники эмигрантского бытия формировали общий «детский посыл» в сознании харбинских сочинителей. Поэтому судьба подрастающего поколения послереволюционных «русских мальчиков» (и девочек!) волновала не одного Алексея Ачаира, но и Марианну Колосову, Ольгу Скопиченко и др.¹

Обратимся к писателю, казалось бы, сугубо «взрослому» – Арсению Ивановичу Несмелову. Его «детский текст» не особенно объемён, тем не менее, весьма содержателен и в «детском», и во «взрослом» измерении. В связи с его именем встает вопрос об обусловленности творческой реализации писателя именно в «детской» литературе с его успешной супружеской и родительской жизнью. Возможно, прямой зависимости здесь найти не удастся. Как известно, у К. Чуковского и С. Михалкова были большие и счастливые семьи. У Хармса детей не было вообще, он их не очень-то и любил, видимо, до конца жизни сам оставаясь ребенком. У Гайдара, как можно понять из «Голубой чашки», в семейной жизни были проблемы, но отцовство было его отдушиной.

Так или иначе, но личная жизнь Арсения Несмелова не сложилась – во многом из-за беженских трудностей, отчасти, может быть, из-за сложного характера, да, в общем, – кто знает, почему... Поначалу он относился к этому легко, «помолодецки», даже бравировал, что «прогнал» свою жену². А потом наступила зрелость, когда – «ты вспоминаешь о сердце» («В эти годы Толстой зарекался курить...»). Очевидно, что уже в 30-е годы Несмелов сильно страдал оттого, что рядом не было родной семьи, близкой спутницы, дочери. Видимо, поэтому такими нежными интонациями пронизаны строки его писем к Л. Хаиндровой, когда речь заходит о ее дочери-мальшкешке³. Специально «Танюше Серебровой» посвящает Несмелов стихи

¹ См., например: *Забияко А.А.* Неистовая Марианна: опыт духовного подвижничества харбинской поэтессы М. Колосовой // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Вып. 8. Благовещенск, 2009. С. 437–460.

² *Кузнецова О.Ф.* Из писем редактора харбинского журнала «Рубеж»: Михаил Рокотов – Валерию Перелешину // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии: Благовещенск, 2012. С. 103–128; *Солодкая М.Б.* «Бессмертна вещая созвучность...» (Письма А.И. Несмелова к Л.Ю. Хаиндровой) // IV Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2003. С. 37–67.

³ *Несмелов А.* – Л. Хаиндровой. Письмо № 6. 25.11. 1940. Указ. изд. С. 46.

«Мишка-воришка» и поясняет: «У меня, милая Танюша, есть целая поэма о славном русском звере. Когда у меня будет свободное время, я перепечатаю ее и пошлю тебе».

Несмеловский дар улавливать насущные проблемы общественной и литературной жизни проявился и в решении «детского» вопроса: фольклорный образ медведя, знакомый детям по родным с детства сказкам, приобретает новые черты в «Мишке-воришке». Начало истории, написанной бодрым ЯЗ жмжм, правда, не предвещает неожиданных коннотаций:

В лесу гуляет Миша,
Коричневый медведь, –
Играя дуб колышет,
А то начнет реветь.

Глаза сверкают дико,
Гудит лесная ширь...
Таежный он владыка,
Таежный богатырь!¹

Размер, характерный для шуточной поэзии, весьма удачно подошел для выбранной Несмеловым «детской» темы². Однако история о Мишке, решившем украсть у пчел мед, имеет басенный финал: малые «букашки»-пчелы «подняли разом жала / И бросились в штыки!». Поэт резюмирует:

Рассказ на этом месте
Я кончить предпочел:
Малы, слабы, да ВМЕСТЕ, –
Вот в этом сила пчел!

Морализаторская сентенция, которой не смог избежать Несмелов и которая была адресована, в первую очередь, взрослым, лишний раз доказывает, как сложна природа «сугубо» детских стихов. В 1940 г. Несмелов, действительно, опубликовал свою поэму о «славном русском звере» под названием «Как они поладили (Сказка о том, как Миша Топтыгин с лесником поспорил и как умная лиса помирила их)»³. Мы не располагаем, к сожалению, сведениями о том, как была принята поэма юными читателями и оценена взрослой критикой. Сегодня поэма

¹ Там же. С. 46.

² О развитии семантического ореола ЯЗ жмжм: *Гаспаров М.Л.* Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М., 2000. С. 88–120.

³ Ласточка. 1940. № 22. 15 ноября.

воспринимается неоднозначно. Ритмическая причудливость ее семи частей (каждая часть написана своим размером), игра рифмами и речевыми оборотами «конфликтуют» с не-детской проблематикой. Кроме того, поэма «утяжелена» бытом и устрашающими описаниями («гадюки злобной муж, / подколотный умный уж», «...сидит медведь, / Пасть – начищенная медь, / Когти – черные крючки, / А глаза – как угольки»). Очевидно, проблема «двусубъектности» не была разрешена поэтом. И в этом тоже можно увидеть некую закономерность.

Парадоксально, но факт: исповедовавший «заумь» Д. Хармс до сих пор актуален как детский поэт (и в этом он намного сильнее, чем поэт взрослый). Дидактизм его детских стихов утоплен в самоценной радости миро-приятия. А Несмелов в области детского стихослагания славы себе не снискал. Вот пример одного из его детских опытов, подписанных собственной фамилией, что говорит о том, что Несмелов считал свое творение достойным:

Чем, мураш, застыв на пальце,
Удивлен, – скажи на милость?
Солнце из-под одеяльца
Ватной тучки закатилось.

Две веселых трясогузки,
Непоседы, ненасытки,
Объясняясь по-французски,
Обсуждали вкус улитки.

Ветер листики березы
Пересчитывал. Березка
Шутника, роняя слезы,
Отгоняла веткой хлесткой...¹

Проблема игры словом и ритмом, рождающей игру смыслами, зачастую оборачивалась у Несмелова искусственностью приемов. Любопытно на этот счет замечание Лидии Хаиндровой: «О вкусах не спорят. Я лично считаю, что он совсем не умел писать для ребят, всегда старался “сделать” стихотворение, найти какие-то необыкновенные рифмы, переходы из строки в строку, и содержание было не для детей»². Итак, как писатель для детей, Несмелов – не состоялся.

¹ После дождя // Юный читатель «Рубежа». 1930. Апрель.

² Хаиндрова Л.И. Письмо В. Перелешину // Письма Л.Ю. Хаиндровой. Краснодар. 1972–1978. ОР ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 2.2.2. Ед. хр. 53.

Но его детский текст этим не исчерпался. Трагическое несовпадение *мира взрослых страстей и детской незащищенности* в эпоху социально-политических потрясений – вот тема, которая будет глубоко прочувствована харьбинским писателем и реализована в разных хронотопических координатах. Первые подступы к ней делает поручик Митропольский еще в очерковых повествованиях «Военных страничек» времен Первой мировой¹ (рассказ «Дети» и стихотворение «Там»). Маленький поляк Владек («Дети»), мать которого, по всей видимости, была убита при обстреле днем ранее, остался один на один с этим непонятным и страшным миром: «Он вышел на крыльцо из своей халупы и, засунув в рот свой грязный палец, с интересом наблюдал за белыми облачками, которые треща и визжа, с утра метались над деревней». Разрывы снарядов он принимает за облачка. И трогательное описание малыша, и грубоватая опека русских солдат над ним («он чувствовал себя оскорбленным совершенно несправедливо, когда из серых солдатских рядов ему то и дело кричат непонятные слова: - Эй, ты, шибзик, марш в избу!») пронзительно диссонируют с моментом нелепой гибели от случайного снаряда: «Он решил уже вернуться в хату, как вдруг впереди что-то зажужжало и загудело.

– Неужели у пана молотилка стала работать? – подумал малыш и удивился. Но жужжание разом оборвалось, и что-то похожее на черный столб выросло в двух шагах и подняло ребенка...

А потом все исчезло...» Эта трагедия не нуждается в подробных описаниях, поэтому лаконичный натурализм Митропольского обладает катарсическим эффектом: «Они [солдаты] отворачивались от ямы, вырытой снарядом, на краю которой лежало что-то маленькое, кровавое и наполовину засыпанное землей»². В рассказе «Дети» всего один персонаж-ребенок – собирательное существительное в названии определяет множественность детских и родительских несчастий, принесенных войной. Горькой эпитафией маленьким невинным жертвам войны звучат строки стихотворения «Там»:

Где гремели пушки
И рвались шрапнели
– Оставались дети.

¹ Митропольский А. Военные странички: стихи и рассказы. М., 1915.

² Митропольский А. Военные странички. Указ. изд.

... Прятались в подушки
Забивались в щели...

Маленького Яна
Голубые глазки
Не забыла рота....

Пространство собственного детства станет для Несмелова способом возвращения в доэмигрантское прошлое (рассказы «Второй Московский», «Герр Тицнер»). Если рассматривать данные произведения с автобиографической точки зрения, то здесь Несмелов был не одинок – русская эмигрантская проза погрузилась в «воспоминания» (И. Бунин, И. Шмелев, В. Набоков и т. д.). В дальневосточном зарубежье к автобиографическому материалу обратится Г. Морозова («Невозвратное», 1932), Н. Веселовский («Восток-Запад», 1940). Но «детский мемуарат» для Несмелова – еще и один из путей вписывания себя и своего творчества в литературную традицию русской культуры (не случайно «Второй Московский» предваряет посвящение: «Александру Куприну, кадету Второго Московского кадетского корпуса»¹). Повествовательная стратегия в данных рассказах с позиции взрослого автора «переключается» на «детскую» призму, автор играет «точками зрения»: «Ртищев садится на скамью. Ветер взвихривает сухие листья и несет их влево, в тяжелый гул Ботаники. Впереди – огни. За бесконечными плацами желтеют окна Военно-фельдшерской школы, а дальше – Военного госпиталя с надписью на фронтоне: *Военная госпиталь*. Бесконечна ночь, бесконечна Москва, и немного жутко сидеть так, одному, на пустынном черном плацу, среди этого ветра и гула, рядом со стенами огромного здания, от соседства с которым одиннадцатилетний Ртищев кажется себе еще меньше, еще беззащитнее.

Уж не *явится* ли дежурному воспитателю, не проделать ли перед ним маленькую церемонию с рапортом и щелканьем каблукми? Нет, нет, не следует торопиться... что-то больно щемит сердце мальчика, удерживает его перед самыми дверьми роты, не пускает. В чем дело? Ртищев сидит на скамье и болтает не достающими до земли ногами – как будто самая безобидная поза. А между тем он лукавит сам пред собой»². Благодаря осо-

¹ Несмелов А. Второй Московский // Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. Владивосток, 2006. Т. 2. Рассказы и повести. Мемуары. С. 3-17.

² Несмелов А. Второй Московский. Указ. изд. С. 4.

бой организации повествования в этих «автобиографических» рассказах детские страхи, беды и радости, погружающие читателя в не-детские этические проблемы, переплавляются в диалектику взросления маленького человека.

«Детская тема» становится для Несмелова поводом реализовать и самые сокровенные переживания о судьбе родины, ее будущем. Адресуемые взрослым, рассказы выстраивают эсхатопическую, «гибельную» перспективу в отношении юной поросли советских детишек (рассказ «Вредители», повесть «Маршал Свистунов» и др.)¹.

Особенно пронзительными интонациями исполнен рассказ «Золото» (1932), действие которого разворачивается в советском Владивостоке. Эта история о том, как маленький мальчик Дим, случайно подслушавший разговор соседей о схороненном ими золоте, становится жертвой алчности взрослых. Трогательный образ малыша – несмышленного, непосредственного, любознательного и нежного – создан мастерским пересечением разнообразных «точек зрения»: автора, ребенка, матери, соседки. «Дим выбежал на крылечко и, заложив ручки за спину, – зеленая сарпинковая комбинация обтянула сытый животик, – стал любоваться морем, таким легким и голубым в утренние часы, с маленьким черным пароходиком, уходившим к горизонту и тянувшим за собой коричневую косицу дыма. Глаза у Дима были такие же, как и это июльское море, – бледно-голубые, с легкой белесинкой...»²; «Но уже топали ножки по коридору, и, как всегда, от этого мягкого торопливого стука у матери сладко и тревожно сжалось сердце. Сладко: вот ходит, бегаёт – значит, здоров и растёт. Тревожно: а что будет завтра, послезавтра, через месяц? И ребенок казался ей, давно покинутой жене, сладкой, но непосильной ношей»; «Диму казалось, что это звенит у него в ушах, как полгода назад, когда он сильно был болен. И Димик ковырял мизинчиками то в правом, то в левом ухе, думая выковырять оттуда звон. Но на мизинчиках ничего не было, а звон все звенел. И тогда, чтобы перекричать надоевший звон, Дим запел песенку, которую тут же сложил» и т. д.

Этот ребенок был последним утешением матери в ее безысходной жизни: «Нет, больше так жить невозможно. Бедность

¹ Несмелов А. Собр. соч. В 2 т. Владивосток, 2006.

² Несмелов А. Золото // Рубеж. 1932. № 2. Цит. по: В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов. Указ. изд. Ч. I. С. 229–240.

и ложь, ложь, бедность и тоска. Собственно, что она такое, она, Ольга Николаевна Рыбникова? Безработная – раз, любовница носатого латыша из Дальрыбы, спеца-инструктора по запаиванию консервных банок, – два. ... Да, жалкие подачки, жалкая плата, нужда и недоедание, ибо последний кусок хлеба, последний метр ситца – не себе, а ему – розовому, кудрявому Димику, ее любви и гордости...». Минута отчаяния, достигшего апогея, совпадает с неожиданным сообщением не ведающего ни о чем ребенка о «золоте». После этого жизнь малыша ставится на карту борьбы взрослых за это самое золото. Матерью овладевает «темный инстинкт» обогащения, и она сама провоцирует соседку на признания: «– Сегодня, знаете, мой Димик с утра о золоте болтает... Даже вот песенку сложил.

И обе женщины внимательно посмотрели друг на друга. Ольга Николаевна ласково и спокойно, словно спрашивая: “Правда?”. Олимпиада первая опустила глаза, выдала себя, и лишь через секунду – такую долгую – усмехнулась, колыхнув обильной грудью:

– Уж дети, они такие... Услышат слово и носятся с ним.

И, справившись наконец с сердцем, рассказала, как какой-то мальчуган, при котором родители не поостереглись, разболтал своим сверстникам, что у его отца есть припрятанное золото. Ребятишки разнесли это дальше, и – пошла писать губерния...».

Женщина, которой природой предназначено оберегать потомство, быть матерью, становится инициатором и воплостителем безжалостного убийства – ради собственного благополучия. Не оправдывает автор и мать мальчика: «Моральной оценки того, что она затеяла, совесть ее не делала – ни одной мысли не было об этом. Наоборот, в женщине проснулся азарт охотника, выслеживающего добычу, – *темный инстинкт*. Ей даже стало весело и очень спокойно, потому что в душе ее зрела крепкая вера в удачу» (курсив мой. – А.З.).

К детской теме как «лакмусовой бумажке» прояснения «человеческого» в новом человеке Несмелов обратится почти одновременно с Андреем Платоновым. У Платонова «детская точка» зрения – мерило духовной «сокровенности», не случайно речевая организация образа мыслей и переживаний ребенка лишены в его рассказах привычного косноязычия взрослых героев («Железная старуха»). Ребенку не надо искать себя, он еще не утратил ту тайну мироустройства, обретением кото-

рой одержимы Фома Пухов («Сокровенный человек»), Макар («Усомнившийся Макар») или Саша Дванов («Чевенгур»). В «Котловане» мысль о детской «слезинке» (сюжет о Насте) реализуется Платоновым в притчевом варианте, обнажая ущербность стремлений строителей нового Небесного Града. При этом сами герои «Котлована» через смерть Насти переживают своеобразное духовное возрождение.

Судя по финалу рассказа Несмелова, такого шанса у *его* «строителей коммунизма» нет. Горе матери, наблюдавшей смерть сына, выплескивается нечеловеческим криком. А затем этот крик превращается в страшную птицу, что переводит сугубо реалистическое повествование в мифолого-фантастический план: «И одновременно с этим длинный крик, как необыкновенно высокая по тону, с ума сошедшая сирена маяка, вонзился в голубое небо, и, в ужасе подняв голову, Олимпиада увидела как бы огромную белую птицу, несущуюся на нее с высоты горы.

И Олимпиада бросилась бежать, оглашая пустынные сопки воем звериного страха и бешенства...

А белая птица, докатившись с горы до дороги, на секунду задержалась над пропастью и ринулась туда, где бездыханным кровавым комком лежал трупик Дима».

Сюжетная динамичность и натуралистический лаконизм повествовательных форм вызывают у читателя ощущение необратимого ужаса и отчаяния. Трагедизм почти античного масштаба не оставляет никаких надежд. Гибель невинного в помыслах и поступках ребенка, доверившегося взрослым, возвращает сознание к архетипическому мотиву гибели невинного бога, предвещающей конец света.

Отметим, что в начале 40-х годов «детская тема» начинает волновать не одного Несмелова. Оставляя в стороне социологические, а возможно, и политические обстоятельства, нам пока не известные, выскажем очевидные вещи: на перекрестке «детских вопросов» происходит «встреча» старшего и младшего поколений литературной эмиграции. И опыт «молодняка», и его взгляд в будущее были более жесткими, чем у его учителей.

Осмысление темы детства, пронизанное трагическим пониманием безбудущности мечтаний тех, чья юность приходится на 40-е годы, представлено в творчестве Бориса Юльского. Герои его рассказов «Парашютист», «Цветок у дороги» – под-

ростки, те же социальные маргиналы, разными путями ищущие свою мечту. Их жизнь описывается вне географических, социальных либо этнокультурных реалий. Но читатель понимает, что речь идет о детях дальневосточной эмиграции – отсюда и таежные места, где служат лесные полицейские, охраняющие русские концесии, и железнодорожные станции, к которым бегут паровозы.

«Цветок у дороги» Мишка, «маленький друг Володя, парашютист с самолета “Мечта”» – такими определениями Юльский не только поэтически выражает свое отношение к своим персонажам-подросткам, но и предопределяет сюжетное развитие их историй. Уже экспозиция рассказа с говорящим названием «Цветок у дороги» не предвещает ничего хорошего: «Было Мишке пятнадцать лет, и рос он, как цветок у заезженной пыльной дороги. Бывают такие цветы – они растут среди придорожного бурьяна, тянутся к солнцу желтыми венчиками, хотят тепла. Иногда гибнут они под расхлябанными дребезжащими колесами, а иногда бурьян, с глухой ненавистью навалившись на них, давит, заглушает, отнимает маленькую желтую жизнь. И редко, очень редко доживают они до конца, умирают своей смертью» («Цветок у дороги»)¹.

Рассказ «Парашютист» предварен эпиграфом – строками стихотворения В. Инбер «Джимми»: «Я знаю, Джимми, Вы б хотели быть пиратом...». Это стихотворение, благодаря песенной интерпретации А. Вертинского, стало расхожим в эмигрантских кругах. В образе «мальчишки при буфете» Джимми словно воплотилась судьба многих эмигрантских детей: «Но вот звонок, и вас зовут куда-то... / Прощайте, Джимми, – сказок нет на свете!»².

Предыстории детских судеб в рассказах Юльского тоже вмещаются в несколько строк: «За пятнадцать Мишкиных лет много и часто били его тяжелые хмурые люди. Били за мелкие кражи, за ночевку в пустых кладовых и вообще за то, что ходил он по городу оборванным, босым, с вечно голодными глазами» («Цветок у дороги»). В образе «огромных, лохматых людей,

¹ Рубеж, 1936. № 12.

² Подробно о рефлексии этого стихотворения в поэтических кругах дальневосточной эмиграции: *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* Вертиниада русского Китая (образ А. Вертинского в литературе восточного зарубежья) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2004. № 4. С. 152-162.

зверски бивших его носками сапог» запечатлена предшествующая жизнь бедолаги Мишки. И лишь в финале, когда ожесточившийся окончательно герой поджигает склад, мы узнаем немного о том, каким он был все эти годы: «Мишка облизнул языком припухшую ссадину. Он вспомнил, как около года тому назад однажды сумел ловко метнуть круглый булыжник в сторону удалявшегося темного силуэта. Это было то же самое, то же самое!» («Цветок у дороги»). Бездомный Мишка живет инстинктами звереныша, не знавшего родительского внимания и просто – человеческого тепла. Его мысли о «новой неизведанной жизни» смутны, не материализованы: «А теперь Мишка мечтал... За последние дни какая-то особенная серьезность и хозяйственность обосновалась в нем. Темной тенью сзади стояло прошлое и, вспоминая его, Мишка морщился и сопел. Сейчас ему хотелось стать чем-то другим, совсем непохожим на то, что видел он прежде, за свои невероятные пятнадцать лет». В радостных предчувствиях новой жизни его радует все – и гудящие провода («А провода гуду-ут! – Вдруг мечтательно сказал Мишка, щуря глаза. – Здорово гудут!..»), и серебрящаяся река, и выплеснувшаяся из реки крупная рыба, взметнувшая «каскад блестящих брызг»: «Вот гадина!.. – вслух сказал Мишка, всецело отдаваясь чувству восторга. – Как играет, холера!», и испуганный бурундучок. Его потрясение от первой встречи с купающимися девочками описано Юльским психологически тонко: с одной стороны, невинного подростка раздражают и их голоса, и их фигуры – как нарушение гармоничного состояния его души. С другой же стороны, и реагирует Мишка весьма непосредственно – громко свистит, пугая купальщиц. В этом свисте – естественный порыв мальчишки, в котором вдруг просыпаются новые, незнакомые ему желания.

Жестокий мир не принимает Мишку и его жажду гармонии: без задней мысли напугав купающихся девочек, он был избит. Сжигая в отместку (всем!) склад на станции, на которой совсем еще недавно мечтал остаться работать, Мишка решает вновь вернуться в ненавистный город: «Небо пылало. Мишка медленно поднялся с насыпи и пошел, повернувшись к зареву спиной. Он шел тихо, не оглядываясь. И шел он обратно к городу, к людям, – к тем людям, которые, может быть, кажутся иногда другими, но всегда и везде – одни. И нес Мишка к этим людям глухую нарастающую ненависть...».

«Его отец был десятником. Но Володю не прельщала карьера отца» («Парашютист»)¹, - говорится о герое другого повествования, мечтателе-«парашютисте». Уже в финале истории мы узнаем, что «матери у Володи не было. Я даже не знал: умерла она или отец почему-то развелся с нею» («Парашютист»)². Но мечты сына десятника лесной концессии Володи более «материализованы»: «С пылкостью своих четырнадцати лет он мечтал о военной славе, о ремнях через грудь крест-накрест, о скрипящей кожаной кобуре револьвера, о бурях небывалых сражений, из которых он, конечно, всегда выходил победителем. Может быть, именно это и влекло его к нам, современным ландскнехтам, боровшимся за свое место под солнцем с винтовкой в руках»³. Этот мальчик растет среди взрослых, умных и внимательных к нему: «Он почти весь день проводил в нашей казарме или около нее. Когда мы ходили к реке купаться, он неизменно был с нами. И даже короткие разведки на пять-шесть верст редко обходились без него. Но особенно любимым временем было для него то, когда мы получали с базы газеты. Их приходила всегда целая пачка»⁴. Объектом романтизации Володи становятся события захвата гитлеровскими войсками Франции и, судя по сочувствующим комментариям автора, героизирует мальчишка именно действия немецких солдат: «И перед нами развертывались картины далекой войны. Рвались снаряды, взлетали с багровыми вспышками черные фонтаны земли, с лязгом и грохотом, как гигантские железные жуки, ползли танки, гудели над содрогающейся землей стальные журавли, и с адским воем падали вниз пикирующие бомбовозы»⁵. Для современного отечественного читателя, воспитанного в нормальной патриотической парадигме, подобные оценки воспринимаются как одиозные. Но тем они и любопытны, что отражают не столько особые политические настроения Юльского (а он, как известно, был членом ВФП), сколько неомифологическое восприятие и истории, и культуры, и политических процессов

¹ Веселовский Н., Юльский Б. Восток и Запад. Рассказы. Харбин, 1943. Цит. по: Литература русских эмигрантов в Китае. Соната над Хинганом. Пекин, 2005. С. 402.

² Там же. С. 407.

³ Веселовский Н., Юльский Б. Восток и Запад. Рассказы. Указ. изд. С. 402.

⁴ Там же. С. 403.

⁵ Веселовский Н., Юльский Б. Восток и Запад. Рассказы. Указ. изд. С. 403.

младшим поколением эмигрантов, не знавших России и оторванных от родной почвы¹.

Рассказчик «Парашютиста» постоянно проводит параллели между восприятием подвига Володи и им, сейчас тридцатипятишестилетним мужчиной, в детстве: «Я невольно вспомнил свои детские мечты. Мне в четырнадцать лет невероятно, до сумасшествия хотелось стать пиратом и плавать на черном бриге под флагом черепа и костей. Я запоем читал “Мир приключений” и даже, каюсь, вырывал оттуда страницы с рисунками крылатых парусных кораблей. Пиратство было моей самой яркой детской мечтой», «И, как прежняя юность рвалась к ажурным парусам сказочных фрегатов, так юность сегодняшнего дня рвется к небу, рвется к стальным крыльям, прорезающим лазурь»². Конечно, многие поколения мальчишек вырастают на «пиратских историях», и в этом поколение Юльского было равно поколению «книжных мальчиков», оставшихся в России (Лев Кассиль, например, и его «страна-мечта»). Однако следующая за ними поросль советских ребятишек воспитывалась уже на героике Гражданской войны, на подвигах своих – национальных – героев. Разумеется, вся трагическая суть проблемы не осознается писателем, размышляющим о несбыточности детской мечты. Важна сама постановка вопроса. Если драматизм рассказа «Цветок у дороги» социально мотивирован, то трагедия Володи, мечтавшего стать парашютистом, но убитого хунхузами, кажется нелепой случайностью, что автор неоднократно повторяет: «Я никогда не забуду этот проклятый день, эту проклятую разведку в район Черепашьей скалы. Ведь эта скала была всего в шести верстах от нашего поста. Кто бы мог знать, кто бы мог предвидеть!»³; «Я думал о том, почему так странно и дико обрываются человеческие мечты. Ведь он мечтал о возможном. Его мечта могла осуществиться, если бы он сильно хотел!»⁴

Случайно или нет, но образ птицы – символ непрожитой детской жизни, – как и в рассказе А. Несмелова «Золото», становится концептуальным у Юльского. Возможно, в такой ин-

¹ Об этом, например: *Забияко А.А.* Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов // *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта.* Указ. изд. С. 141–336.

² *Веселовский Н., Юльский Б.* Восток и Запад. Рассказы. Указ. изд. С. 405.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 409.

терпретации сказалось и влияние маньчжурской мифологии, где птица символизирует детскую душу¹. Мреющая в небесном просторе птица сопровождает все незадачливое путешествие Мишки: «Мишка посмотрел на большую птицу, которая плыла в небе, распластав крылья и не шевелясь. От неподвижной птицы тоже исходила дремотность». Гибель Володы сопровождает гусиный крик, который рассказчик принимает за гул самолета: «Внезапно я ясно услышал в небе переливающийся звук.

– Самолет!.. – быстро проговорил я, чувствуя, что стою на грани сумасшествия. – Матвеевна, там самолет!

– Да какой же самолет?.. – с испугом откликнулась она, не решаясь выйти за дверь. – То не самолет, то гуси отлетают!.. То гуси!..

В тот момент переливчатый звук повторился, и мне стало ясно, что это гуси, улетающие на юг. Меня словно погрузили в холодную воду.

– Матвеевна, Володя умер... – отворачиваясь, сказал я стеклянным, без выражения, голосом»².

Итак, «детский мир» литературы дальневосточного зарубежья отражает в себе сложнейшие процессы развития национального сознания в эпоху социального разлома. Писатели дальневосточного эмигрантского фронта изо всех сил стремились привить своему «молодняку» все лучшее, что может дать русская культура. Обращаясь к собственному дореволюционному детству и юности своих сверстников, они формировали у молодежи основы исторической памяти.

С другой же – они открывали новые художественные горизонты в самой «детской теме», вплетая в ее звучание сложнейшие философские, психологические, социальные и этнокультурные ноты. Можно с уверенностью сказать, что понятие «детство» стало одним из концептов «взрослой» литературы русского Харбина.

Проблемы детской психологии, взаимоотношения ребенка с миром взрослых, гендерной и этнической идентификации, социальной и этнокультурной маргинализации весьма остро поднимаются на страницах произведений дальневосточных писателей-эмигрантов самых разных ориентаций.

¹ Об этом: Ван Хунган, Цзинь Цзихао. О культуре маньчжурского обычая. Чанчунь, 1993. С. 149.

² Веселовский Н., Юльский Б. Восток и Запад. Рассказы. Указ. изд. С. 409.

Обращение к теме детства и детского станет закономерным этапом этнического самопознания и самосохранения в культуре и литературе русского Харбина. Следующим шагом станет обращение русских дальневосточных эмигрантов к проблемам этничности и этнического самостояния русских в инокультурной среде вообще.

Глава 15

«КТО ТЫ, ЧЬЕЙ СЕМЬИ ПОДКИДЫШ?»: ПРОБЛЕМА ЭТНИЧНОСТИ В КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЭМИГРАНТОВ (М. Щербаков, Н. Резникова, А. Несмелов)

Проблемы этничности, или этнокультурной идентичности, стали объектом широкого научного осмысления сравнительно недавно. Интерес к спектру этих сложнейших социокультурных, психоментальных, этнорелигиозных вопросов особенно возрос после Второй мировой войны, когда на смену расовой теории должна была прийти новая научно-идейная парадигма¹. Но мало кому известно, что задолго до этого русский исследователь С.М. Широкогоров обратился в своих работах к вопросам взаимодействия этносов и этничности, разработав основной понятийный аппарат и задав определенную парадигму этой проблематике². В 1921–1922 гг. в курсе лекций, прочитанных им в Дальневосточном университете, Широкогоров обозначит многие положения изданной годом спустя в Шанхае монографии. Случайным ли совпадением явилось то, что в эти годы во Владивостоке обретались и Арсений Несмелов, и Михаил Щербаков?..

Конечно, ни категориальный аппарат, ни сложнейшая этнопсихологическая и этносоциологическая проблематика не были освоены будущими харбинцем и шанхайцем. Однако оба они в скором времени оказались в поликультурных и полиэтнических средах Харбина и Шанхая – городах столь же похожих, сколь и различных в силу своей политической и этносоциальной специфики.

¹ Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999; Лурые С.В. Историческая этнология. М., 1998; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998; Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999.

² Широкогоров С.М. Этнографические исследования: Этнос. Исследования принципов изменения этнических и этнографических явлений. В 2-х кн. Книга 2. Владивосток, 2002.

Уже в 1923 г. М. Щербаков напишет, а чуть позднее опубликует часть своих «шанхайских набросков», где предастся размышлениям об этническом характере китайцев¹. Но одно дело – весь этнос в комплексе его духовно-религиозных и психологических комплексов. Другое дело – этнические маргиналы. В очерке «Хав-Касты» Щербаков обратится проблеме метизации китайцев с европейцами:

«Полукровки. Помесь европейцев и китайцев. Сами они себя зовут “португальцами”, а европейцы, презрительно – “хав-хав”, “середка на половинку”.

Их сразу отличишь по чуть резче очерченным скулам, по исключительному блеску тепло-карих глаз и чисто по-китайски изящным рукам. Восточная кровь упряма – она отпечатывается в нескольких поколениях». Даже в этом «наброске», или «миниатюре», как позднее автор сам определит свой жанр, весьма остро поставлена проблема взаимоотношений этносов, считающих себя «сильнейшими» (в терминологии Широкогорова) по отношению к «слабейшим» – в данном случае – британцев и китайцев, и детей, рожденных в таких неравных браках. «Можно обворовывать китайцев, можно открыто содержать китайскую певицу, но не жениться», – здесь этнического «изменника» не спасут ни военная слава, ни миллионы. Психоментальный облик «хав-кастов» непривлекателен и с точки зрения европейца, и с точки зрения китайца: «говорят, они редко бывают честны, неискренни, нахальны, сплетники», потому – «европеец их презирает, китаец ненавидит».

Оригинальная стихопрозаическая форма очерков Щербакова придает его раздумьям лиризованный характер, а описание «хав-каста», как может убедиться читатель, проникнуто любованием представителями этой маргинальной этнической группы и сочувствием к ним. Щербаков выражает точку зрения *русского человека, гордящегося своим этносом и не испытывающего этнических комплексов*, – это весьма своеобразная точка зрения, определяемая и временными, и географическими факторами. Русский в Шанхае – этом азиатском Вавилоне начала 20-х годов – может позволить себе размышлять над тем, почему так сложился психологический облик метисов-«хав-кастов»: «Мне кажется, это от озлобленности. С детства они привыкли видеть

¹ Щербаков М. Шанхайские миниатюры // Балтийский альманах. 1924. № 2. С. 48-49.

ненависть и презрение». Кроме всего прочего, мы помним, что Щербаков долгое время прожил во Владивостоке, пропутешествовал по странам Азиатско-Тихоокеанского региона, много поездил по Китаю. Его взгляд был открыт китайскому миру, а в Шанхае он не чувствовал себя ущемленным изгоем.

Позднее, уже в 40-х годах, эту тему в беллетристической форме разовьет Наталья Резникова.

Так же – с точки зрения русской, имеющей право на нейтральную точку зрения в вопросе взаимоотношения далеких друг от друга этносов (с большой симпатией по отношению к китайцам), она опишет историю девятилетнего мальчика Жанно, рожденного в семье француженки и китайца, фабриканта Чжан-фу («Полукровка»)¹. При неизвестных обстоятельствах китайка-ама обварила мальчика кипятком, и русскую сестру милосердия попросили помочь в уходе за ним: «Я безмолвно опустилась на стул, стоявший рядом с его постелью, и стала тихонько поглаживать его *жесткие, как конский хвост, прямые волосы* и горячую нежную щечку. В его правильном, еще *детски округлом личике* не было ничего типично китайского, разве что *иссиня черные, смело раскинутые брови* и *кожа той идеальной глянцевиной гладкости и янтарной чистоты, что свойственна лишь китайцам*.

– Маман... – прошептал он, словно во сне. – Вы – как маман...»

Как видно, «маму» он зовет по-французски, и в русской сиделке видит черты милого ему европейского типа. Жанно не желает признавать себя китайцем: «Когда я вырасту, – добавил он задумчиво, – я возьму маму и увезу ее во Францию.

– А папа?

– Он останется в Китае, – ответил мальчик и смолк.

Он явно избегал говорить об отце, *он не хотел признавать себя китайцем*».

Говоря на французском, «как истинный француз», Жанно отказывается говорить на родном языке отца. Причисляя себя к французам, мальчик – этнокультурный маргинал – демонстрирует презрение к чистокровным соплеменникам по китайской линии:

«В эту минуту в комнату с подносом в руках вошла Денис. Сухонькая, скуластая китайка с точно такими же, как у Жан-

¹ Резникова Н. Полукровка // Рубеж. 1941. № 13.

но, жесткими прямыми, коротко подстриженными волосами. Она выглядела необычайно угрюмой.

— Вот видишь! А ты говорил, что о тебе забыли, — упрекнула я и тут же заметила, как изменилось выражение лица Жанно: *оно стало надменным и злым.*

Денис поставила поднос с завтраком на столик и подошла к мальчику с чашкой бульона.

— Я не хочу, чтобы ты меня кормила, — сказал аме Жанно на своем *безукоризненном французском.*

Она быстро и сердито ответила ему что-то по-китайски и поднесла ложку с бульоном к сжатым губам ребенка. Он отвернул голову, и бульон пролился на бинты.

Денис, окончательно выйдя из себя, что-то крикнула ему еще, но Жанно словно не понимал, что ему говорят.

Я решила вмешаться.

— Я покормлю его сама.

— Очень плохой мальчик! — сказала мне Денис на своем ломаном французском и вышла. Мы остались одни.

— *Грязная китаянка!* — проворчал Жанно и стал жадно есть. Я молча кормила его, но он, видимо, игнорировал мое недоумение».

Этничность русской сиделки при этом Жанно принимает нейтрально — как европейскую, а значит, свою. С одной стороны, рассказчица — носитель европейской культурной традиции, может понять причины выбора мальчиком-полукровкой французской идентичности. Китайская культура, несмотря на всю ее декоративную изобретательность, в ее изображении предстает как культура устаревшая, застывшая во многих формах, не поддающаяся прогрессу: «я вдруг ясно представила себе большой, китайского стиля, дом за высокой оградой, окруженный садом, где задумчиво зеленеют пихты, бьют в камнях искусственные ключи, где разбиты красные беседки, напоминающие причудливостью своих крыш знаменитые пекинские храмы, которые мы все видели на картинах. Перед моими глазами встал угрюмый дом с *темными длинными коридорами*, внутренними лестницами, парадными комнатами, обставленными черной резной мебелью, где на стенах висят красные атласные плакаты с иероглифами, шелковые панно, по которым тушью ажурно и тонко вырисованы озера, пагоды, лотосы... Курительные приборы из нефрита и тяжелые вазы ручной ра-

боты не делают уютнее этих комнат, где паутина не снята ленивой прислугой, где сладковато и душно пахнет опиумом, пробивающимся из щелей нижних комнат, в которых живут старики, где бесцельно и устало бродит хрупкая светловолосая француженка, отяжелевшая от беременности с беспомощно опущенными нежными руками. Я ясно увидела, как неповоротливая ама на маленьких забинтованных ножках в ватных штанах и атласной курме несла особо приготовленный на пару золотистый куриный бульон, от которого шел пар, потому что в доме было холодно, и бульон только что кипел. Мне казалось, я слышу ее возглас в ту минуту, когда маленький чертенок попал ей под ноги, и из рук ее вылетела и разбилась миска. Я слышала даже, как всплеснула руками женщина с большим животом и упала в обморок вместо того, чтобы оказать сыну нужную помощь. Вероятно, ей было очень тяжело отпускать сына одного в госпиталь...».

Судя по этим проекциям, нельзя сказать, что самой рассказчице хоть сколько-нибудь импонирует китайская культура в ее бытовом проявлении: «Мы прошли мимо них, мимо фанз и плетней, на которых сушилось белье и рваная одежда. Мы шли молча к единственной лавке, имевшейся в этих краях. Продавец в засаленном халате стоял, спрятав руки в рукава своей одежды, и с восточным безразличием слушал мои объяснения, даже не стараясь их понять. Только тогда, когда я вытщила письмо и показала пальцами, сколько марок и какой стоимости мне нужно, – он кивнул и неторопливо стал доставать просимое». Но в это же время она принимает ее, как вынужден принимать любой иностранец, не владеющий языком, но обязанный применяться к инокультурной среде, те или иные издержки межкультурного общения, даже – проявление национального снобизма.

Другое дело – мальчик-полукровка. Жанно трудно дистанцироваться от той части культуры, к которой он принадлежит наполовину, даже если он и не думает помогать в трудной ситуации «своим китайским языком» русской спутнице. Рассказчица фиксирует те опасные тенденции, которые таит в себе маргинализация этнического сознания, явленная в облике Жанно (очевидно, Вана по-китайски): она видит, что он, несмотря на всю его внешнюю привлекательность, «несколько дикий: дикость чувствовалась во взгляде чуть исподлобья, в злом отблеске белоснежных, острых зубов, в горячем румянце, вдруг вспыскивающим на смуглых щеках».

Поневоле и рассказчица попадает в этот разряд маргиналов, когда мальчик демонстративно называет перед китайцами ее своей матерью: «...пока я наклеивала на конверты марки, вокруг нас образовалась целая толпа, состоявшая из китаянок и детей. Они рассматривали меня и Жанно, перебрасывались между собой замечаниями, видимо, на наш счет и даже пересмеивались. Мы бросили письма в стоявшую поблизости почтовую тумбу и неторопливо пошли назад к госпиталю. Толпа поселянок последовали за нами.

– Чего они хотят от нас – ты не знаешь? – спросила я Жанно по-французски.

– Это всегда так, – ответил он загадочно.

– Что вам надо? – спросила я по-английски и остановилась.

Они тоже все остановились, но ничего не ответили. Я повторила вопрос на французском. *Раздался смех.* Я нахмурилась. Тогда одна из китаянок, молодая и, видимо, самая бойкая, спросила меня на ломаном французском:

– Мадам, сынка?..

Я не успела ответить, как услышала ответ Жанно:

– Да.

Новый взрыв хохота женщин и детей заставил меня вздрогнуть. Я увидела, как одна из китаянок, в рваной кофте, из которой вылезали клочья ваты, протянула руку и коснулась темными, скрюченными от работы пальцами волос мальчика.

– Китаец, – сказала она по-китайски тоном эксперта.

– Китаец! – повторил десяток голосов, и опять раздался *взрыв смеха.*

Я не успела осознать случившегося, как Жанно выпустил мою руку и бегом побежал к видневшимся вдали воротам госпиталя. Я побежала за ним. Эта дико гоготавшая над нами обоими толпа вселяла и в меня животный ужас» (курсив мой. – А.З.).

Родные братья по отцу, рожденные от брака с китаянкой, также не принимают Жанно, смеются над ним. Сестры-монашенки не любят мальчика, обрезая ему, беспомощному и голдному, звонок в отместку за его строптивый нрав.

Но мальчик не может стать и настоящим французом, как при всем желании он мог бы стать и китайцем. «Кто мог помочь его горю?.. Вылечить можно тело, но как вылечить душу?»

Ни религиозная, ни языковая идентичность, судя по наблюдениям Резниковой, не становятся маркерами этничности.

Так, китайка сестра Клементина, говорящая на прекрасном французском, истовая католичка, всю жизнь прожившая в монастыре, «сохранила в себе что-то неподдающееся учету, таинственное и глубоко чуждое европейскому мироощущению, что свойственно только Китаю».

Выбор идентичности этнокультурным маргиналом, очевидно, определяется тем, какую культуру он считает «выше» (в терминологии С.М. Широкогорова). В многонациональном Шанхае одним из таких типов культур становится культура колонизаторов – французов.

Из текстов М. Щербакова и Н. Резниковой мы можем почерпнуть информацию о том, как складывались представления о культурной идентичности в Шанхае – одном из центров беженской культуры. Случайно или нет, но русский человек в этих произведениях выступает в качестве наблюдателя – безучастного, но по мере сил объективного.

Совсем в иной среде формировались представления об этничности у Арсения Несмелова. Харбин, где он прожил свою «четверть века беженской судьбы», был тем городом, где история словно осуществляла некий эксперимент с русским человеком и его способностью сохранения себя как этноса, а русских людей – как нации. В 20-е годы XX в. в Северной Маньчжурии русские оказались далеко не в той роли колонизаторов, которую они примеряли на себя в конце XIX столетия, начиная строительство КВЖД. После революции в России и исхода русских «они потрясли весь Китай. Впервые до сознания китайского народа дошло, что “белые люди”, которых он до этого знал как могущественных, утопавших в роскоши и неге в полудворцах и виллах Шанхая, Тяньцзиня, Циндао, могут оказаться такими, как и русские беженцы.

Это сознание оставило на китайском народе неизгладимый след. Появление в Китае обездоленных русских эмигрантов раз и навсегда покончило с мифом о могуществе и избранности белокожих людей»¹.

Напротив, многие бывшие граждане Российской империи, представители «богоносной» нации (А. Несмелов), пережив Ледяной поход, ужас и позор безденежья, нищеты, брато-

¹ Балакиш П. Финал в Китае. Главы из книги // Рубеж. Тихоокеанский альманах. 2009. № 9 (871). С. 369.

убийства, смогли открыть для себя преимущества китайской традиции и китайской жизни. В этом смысле Арсений Несмелов – как московский великоросс, рассуждавший в Первую мировую о богоносности русского народа, а затем прошедший фронты Гражданской, попавший во Владивосток, а затем в Харбин, – представляет интересный объект для этнокультурного исследования. И он оставил нам прекрасный материал – свои художественные тексты и политические памфлеты.

Современная гуманитарная наука рассматривает процесс этнического взаимодействия как один из стимулов усиления этнического самосознания. Попав в Китай и оказавшись на rendez-vous с инокультурным пространством, Несмелов, на первый взгляд, являл образец харбинского изоляционизма. Китайского языка он не знал, учить не пытался. Евразийских взглядов не разделял. Проблем со своей *русскостью*, в отличие от Л. Хаиндровой, Л. Ещина, Н. Крук и др., очевидно, не испытывал. Историософских прогнозов, связанных с Китаем и его ролью в мире, Несмелов не делал. Не издавал стилизованных сборников, как например, тот же А. Ачаир («Лаконизмы», 1938), не говоря уже о В. Перелешине или Н. Светлове.

В общем, Китай у Несмелова представляется темой, достаточно прозрачной и наименее интересной. Кажется, и в лирике, и в эпике Несмелову не столько важно связать толкование судьбы и истории с определенным этносом, сколько выразить свое отношение к русскости и потере родины:

Руку мне простреленную ломит,
Сердце болью медленной болит.
«Оттого, что падает барометр», –
С весел мне приятель говорит.

Может быть. Вода синеет хмуро,
Неприятной сделалась она.
Как высоко лодочку *маньчжура*
Поднимает встречная волна.

Он поет. «К дождю поют *китайцы*», –
Говоришь ты: есть на все ответ.
Гаснет запад, точно злые пальцы
Красной лампы убавляют свет.

(«В лодке»)¹

¹ Несмелов А.И. Собрание соч. Указ. изд. Т. 1. С. 176.

Тем не менее, весь предшествующий жизненный опыт поэта и писателя так или иначе стимулировал его интерес к познанию *другого* в этнопсихологической и этносоциологической трактовке этой категории. В кадетском корпусе Арсений Митропольский бок о бок жил с немецкими мальчиками, имел воспитателей-немцев (рассказы «Первый Московский», «Герр Тицнер» и др.). В Первую мировую новоявленный поручик воевал на территории Польши и Австрии. В Гражданскую будущий писатель имел опыт общения с японцами, прошел по всей многонациональной территории Дальнего Востока, активно сотрудничал в японской газете «Владиво-Ниппо» в период своего пребывания во Владивостоке.

Кроме того, Несмелов не был ни великосветским снобом, ни синофобом, ни религиозным фанатиком. Очевидно, что чуткий, наблюдательный поэт, живя в самом центре Маньчжурии, не мог не замечать новую реальность, в которой оказались русские, не мог остаться безучастным к реалиям фронтирной жизни разных этносов в условиях Харбина. Процессы этнокультурной ассимиляции русских в Северной Маньчжурии, окитаивания писатель мог наблюдать в течение двадцати с лишним лет, а его тексты отражают эти этапы от создания Харбина до самого конца пребывания в нем писателя Несмелова.

Задолго до понимания учеными необходимости комплексного подхода к данной проблематике Несмелов обратился к системному освоению вопросов этничности – разумеется, в художественной форме. *Этнос и язык, этнос и религиозность, этнос и классовость, сознательное и бессознательное* в процессе этнокультурной идентификации – вот те аспекты, которые уже в 40-е годы прошлого столетия так или иначе затронуты русским писателем. Постепенно в художественной рефлексии Арсения Несмелова эти раздумья приобретут аналитический характер.

Напомним: Несмелов однозначно связывал историю Харбина и шире – развития Северной Маньчжурии с российской миссией в этом регионе, нравится это или нет сегодняшним китайским читателям. И если в его лирике отражены хронологические этапы формирования несмеловского интереса к образу Китая (об этом выше), то в эпике он запечатлел общехарбинский процесс развития этнокультурного сознания великороссов – строителей КВЖД, затем – адаптирующихся в Маньчжурии русских беженцев и, наконец, русских изгнанников, испивающих до дна свою горькую чашу изгнания.

В своем «реалистическом романе» в стихах¹ – незаконченной поэме «Нина Гранина» – Несмелов как истинный житель русского города в Китае декларативно объявит о своей этнической толерантности. Толерантности, имеющей социокультурные рамки, определяемые имперским мышлением поэта-великоросса:

*Английский бой и русский бойка –
Совсем не то, уверю вас,
У нас совсем, совсем не стойка
Надменность в отношеньи рас;
Нам все равно, каков ты кожей,
Какие признаки на роже,
Коль ты попал под сень крыла
Самодержавного орла;
Мы говорим: не супостатом
Отныне будешь ты, а братом.
Для нас уже различья нет,
Татарин родом ты иль швед...*

В словах Несмелова, как бы грубовато ни звучали высказывания о «признаках на роже», выражена глубинная этнокультурная установка жителей Российской империи на свое многонациональное единство – *нацию* как *семью*.

В первую очередь, русско-китайское бытие в Харбине фиксируется Несмеловым на уровне бытовых отношений. Он считает необходимым подчеркнуть тот факт, что большинство прислуги в Харбине изначально состояло из китайцев, именуемых на «английский» манер «бойками»:

*Ни Даш, ни Маш, ни Сиклитиний
В харбинской не найти пустыне,
А без прислуги, как не рвись,
Их барыням не обойтись;
И дамы нанимают боек;
И вот еще в пыли построек
Рождается под гам и стук
Маньчжуро-русский воляток.*

Несмотря на известное суждение о том, что материальная и духовная культуры значительно дистанцированы, все же задержимся именно на этом «материальном» посыле харбин-

¹ Несмелов А. Нина Гранина // Рубеж. 1944. № 12–13. Цит. По: Несмелов А. Собр. соч. в 2-х т. Том 1. Указ. изд. С. 448.

ского поэта. Вписывая свою «Нину Гранину» в многотомный контекст «энциклопедии русской жизни», Несмелов фиксирует, как на языковом уровне англоманские «потуги» бывших «барынь» претерпевают трансформации и рождается новое, харбинско-пиджинизированное явление – тот язык, который поможет русским, не знающим китайский, общаться с коренным населением.

Здесь же писатель отметит и другое явление – как, начиная с первых лет существования Харбина, благодаря русским стало расти китайское предпринимательство и благосостояние:

О сколько их, свою карьеру
(Как Нинин бой, сказать к примеру)
С ведра помойного начав,
С плиты, с котлетного угара, –
Рычаг коммерции поняв,
Сумели прибыль брать с базара,
Где покупали по утрам
Картошку, рыбу, птицу, мясо,
И вдруг, с копейкой изловчась,
Купцами тоже стали там.

Пускай хозяйки экономны,
Пусть их покупки даже скромны,
Но бой на всем имел процент;
Таков обычай дан базаром:
Чтоб поварам ходить не даром,
Им от купцов – всегда презент;
Не взятка это и не кража,
И я не в укоризну даже
Пишу о Вана, Лю и Ли
Побочном маленьком доходе:
Гроши в карманы клали ходи,
Но из грошей росли рубли.

Вопреки высказываниям некоторых ученых (Ли Мэн), харбинская реальность, социокультурные и экономические условия формирования харбинской культуры были таковы, что отношения между русскими и китайцами, маньчжурами и монголами складывались на основе не расовых предубеждений, а человеческих симпатий – тем более, если эти симпатии, как мы видим, подкреплялись материально. Благодаря именно китайскому бою Лю, Нина и ее возлюбленный Ваня Гранин смогли поддерживать связь в письмах.

Несмелов отмечает и то, что отношения русских и китайцев складывались в атмосфере религиозной терпимости. Так, в стихотворении «Старый знакомец»¹ бой Василий весьма расположен к «русскому богу» – хотя и относится к нему немного снисходительно:

Все оделись, стол накрыли
И к Заутрене ушли.
Остается бой (в Василья
Переделанный из Ли)
Ли Тун-чен, старик отличный
Из далекого Чифу;
Не случайно, Вася, ныне
Ты попал в мою строфу!
<...>
Все ушли. Василий тушит
Ярких лампочек огни.
Сеттер Джим, развесив уши,
Сонно следует за ним.
Все в порядке, все спокойно,
Но – борись, не засыпай!
Чу, ударил медью стройной
Первый русский ламатай².
Вася вздрогнул, смотрит строго,
За цветы к окну полез;
Вася знает – русский бога
В эту ночь опять воскрес.

*Васин бог иного сорта,
Он в лучах иных зарниц:
Вася крепко верит в черта
И в таинственность лисиц.
Но пред образом лампада –
Словно звездочка с небес;
Сердце Васи очень радо,
Если русский Бог воскрес.*

В рассказе «Портрет Луки Паччиоли» никто иной, как маньчжурский бой Василий самоотверженно спасает своего доверчивого русского хозяина от русского же проходимца. Только крепкие кулаки преданного маньчжура разрешают напряденную коллизию. «БОЙ ВАСИЛИЙ (все время стоявший

¹ Несмелов А. Старый знакомец (I-V) // Луч Азии. 1941. № 4.

² Ламатай (букв. Храм Ламы) – так в Харбине китайцы называли Свято-Николаевский Собор.

в открытых дверях в переднюю, бросаясь к Незнакомцу и ставшая его с дивана). Ваша цу, ваша Йорка игоян Тезменитов. Ваша не могу карабчи! Капитан хороший люди есть!»¹. При этом «бой Василий» воплощает для Несмелова типичного члена семьи русских харбинцев:

Василий этот (сколько в Васей
Перекрестили мы маньчжур!),
Рожденный Богом в чуждой расе,
Конечно, Ван был или Чжу,
Но откликался без усилья
На Ваську он и на Василья,
Обиды в сердце не тая;
При помощи «моя-твоя»
Он объяснялся с «капитаном»
И был всегда служить готов,
С бокалами или стаканом
Являясь вмиг на первый зов.

(«Старый знакомец»)

Очевидно, что в художественной картине мира Несмелова этнонимы *маньчжур* и *китаец* выступают синонимами (например, все тот же бой Василий – и маньчжур, и китаец одновременно). Как и многим харбинцам, писателю важны не этнические различия этих народов, а их общая *инаковость* по отношению к *русскому* герою, тоскующему на чужбине.

Впрочем, подобное восприятие представителя инокультуры характеризует и самих китайцев, для которых все пришельцы из России – будь то украинцы, армяне, евреи, – невзирая на их этнические признаки, – русские, «ламызы». Странное слово «ламоса» (от кит. «лао мао цзы») – это презрительное именование китайцами «рыжих бородатых русских», «волосатиков»²,

¹ Несмелов А. Портрет Луки Паччиоли // Рубеж. 1944. № 7.

² Современные носители китайского языка утверждают, что слово «ламоса» («ламоуза», «лаомаоцзы») не содержит отрицательного значения, обозначая лишь повышенный волосяной покров, отличающий европейцев. Однако относительность содержания эмоционально-оценочного компонента в данном случае может быть сопоставима с аналогичными именованьями представителей Юго-Восточной Азии в русском языке: «желтолицые», «желтопузые», «узкоглазые», «косоглазые» и т. д. Любопытно, что гладкая кожа как отличительное свойство жителей Юго-Восточной Азии для носителей русского языка не становится доминирующим признаком при характеристике этнической принадлежности китайцев (японцев, корейцев). Налицо доминирование признака, имеющего в представлении носителя языка другого этноса отрицательное значение.

до сих пор имеющее хождение в просторечии жителей Северо-Востока Китая.

В творчестве А. Несмелова это слово становится своеобразным «интегратором» этнокультурного сообщения русских и китайцев, концептом, вмещающим одновременно и раздумья русских о *русскости*, и страхи китайцев, связанных с этой *русскостью*. И в этом случае автор как тонкий исследователь принимает то одну, то другую «этническую» точку зрения.

Как и в случае с боем Василием, в незаконченной поэме «Нина Гранина» Несмелов использует несобственно-прямую речь для передачи восприятия китайцами сути праздника, любимого *ламозами* и весьма выгодного для предприимчивых китайцев:

Прошло Крещенье (праздник русский
Событие для этих мест),
А на речной дороге узкой
Все ледяной сияет крест.

Толкай под резкий скрип полозьев,
Коль спросите, расскажет вам,
Что здесь купались *ламозы*
Под пение их пышных лам,
Что даже девы молодые
Спускались в воды ледяные,
А после кутал в шубы их
То брат, то папа, то жених.

(«Нина Гранина»)

Очевидно, судя по приведенному выше отрывку о предприимчивости китайцев, непостижимой для русских, что Несмелов вовсе не питал иллюзий насчет природной «услужливости» китайцев или, тем паче, их покорности. Потому на одном социальном срезе «боев» Несмелов не остановился. В рассказе «Сторублевка» (с подзаголовком «давняя харбинская быль») (1945)¹ познание писателем столь загадочной для русского китайской души происходит благодаря фантастическому знакомству харбинского врача Крошкина с хунхузом Корявым – живым ужасом бандитского Харбина-папы. Житейская проблема, из-за которой чуть не погибла юная жена Корявого (абсцесс в результате банальной занозы и антисанитарных ус-

¹ Луч Азии. 1945. № 1.

ловий быта), дает возможность врачу не только познакомиться с бытом харбинских разбойников, но и узнать отличия в их этнокультурной системе ценностей. Русское понимание жалости абсолютно не свойственно китайской душе, а вот практическая польза – наилучший аргумент в вопросе о жизни и смерти. «Рассказ Крошкина» лишь подтверждает наблюдения Несмелова за национальным характером китайцев. Желание доктора спасти уже приговоренного к смерти китайского лекаря-самоучку только тогда было исполнено, когда русский врач обещает обучить шарлатана медицине, чтобы тот сумел компенсировать Корявому нанесенный «моральный ущерб»¹. Врач, вызволив беднягу от Корявого и следуя расхожему русскому «авось», отпускает бедолагу-лекаря на все четыре стороны, а тот требует выполнения данных хунхузу обязательств. Все это приводит к тому, что из Харбина русский доктор был вынужден уехать.

Любопытны и точны авторские этнокультурные ремарки, которые он бросает при беглой характеристике персонажей-китайцев. Так, например, переводчик доктора Крошкина при встрече с одним из посетителей-китайцев (который оказался представителем разбойничьего мира) начинает себя вести необычно:

«И вдруг замечаю я [доктор Крошкин] – я ведь человек наблюдательный, – что мой Ли, который, приступая к исполнению своих обязанностей, обычно с пациентами-соотечественниками держится гордо, надменно, чем меня, скромного человека, часто заставляет сердиться, – теперь вдруг словно переродился. Кланяется, сгибается в три погибели, лепечет униженно. А с прочими он словно сам доктор. А я у него за помощника. Что такое, думаю...»². Современные исследования этнокультурных констант сознания китайцев актуализируют именно эти поведенческие стереотипы жителей Поднебесной. К примеру, «настойчивость китайца в получении выгоды, торгашество, согласие взяться, ничуть не гнушаясь, за любую работу, пусть даже уличного сапожника, и вместе с тем показное чванство китайца при первых признаках успеха и манера держать себя хозяином», – характерные признаки «китайской самобытности», удивляющие и отчасти пугающие как нашего

¹ Несмелов А.И. Собрание соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 2. С. 470-481.

² Там же. Т. 2. С. 473.

современника, так и, как мы могли убедиться, русского соплеменника-эмигранта¹.

Впрочем, сам Несмелов занимает в этих вопросах стороннюю позицию – почти как исследователь-этнограф.

В начале 30-х годов Несмелова начинает волновать проблема утраты *русскости* в значении *человечности*. Еще в лирическом сборнике «Без России» он простится со своими *литературными представлениями* о России, родине, русскости и богоносности русского народа². В 1938 г. Несмелов напишет рассказ «Поручик Такахаси», в котором раздумья о *русскости* в ее олитературенной трактовке перепоручит японскому поручику. А русские люди в этом рассказе будут убивать безо всякой рефлексии таких же русских людей. Именно такова была правда Гражданской войны, в которой не было воюющих *русских* и *нерусских*, а были *белые* и *красные*: «Кто враги, кто друзья? Русские люди раскололись надвое, единокровный почуял бешенство в крови против единокровного, страшной отравой напитались сердца! Была одна русская правда, и Русь жила мирно, изобильно, прекрасно. Но враг завладел столицами и объявил, что Российское тысячелетие – ложь и надо идти по дороге иной правды. И началась гражданская война, запылали города и деревни, застучал пулемет»³.

Любопытна в этом рассказе фигура классического резонера. Им становится *японский поручик Такахаси*. Почему носителем высшей правды выступает японец? Он начитан и интеллигентен, он явно симпатичен автору: «У поручика Такахаси веселые, как агат, черные глаза и золотые зубы»⁴.

Действие рассказа развивается в 20-е годы, в период японской интервенции на Дальнем Востоке. Вполне вероятно, что судьба могла свести поручика Несмелова с таким вот образованным японцем – филантропом и гуманистом. Известно, что Несмелов сотрудничал с японцами, они активно поддерживали деятельность фашистской партии, в которой он состоял. Кроме того, фамилия Такахаси весьма значима для харбинской реаль-

¹ См., например: *Забияко А.П.* Предисловие. Встреча на рубеже культур // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Указ. изд. С. 5.

² Об этом: *Забияко А.А.* «Сердце жаждет поединка...» (Арсений Несмелов) // «Четверть века беженской судьбы...». Указ. изд. С. 217–255.

³ *Несмелов А.И.* Собрание соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 2. С. 361.

⁴ Там же. Т. 2. С. 362.

ности – именно так именовался известный резидент японской разведки¹. Но только ли в политической конъюнктуре все дело?

Думается, что *остранение* в единстве литературного и этнопсихологического начал становится в данном случае действительным приемом этнокультурного исследования. Японец, в отличие и от белого офицера (из подпоручиков), и уж тем более – от красного партизана (из каторжан) – весьма образован: «Поручик Такахаси всегда с русскими офицерами. Он отлично говорит по-русски, и с ним интересно вести беседу. Он читал Толстого, знаком с творениями Достоевского и любит поднимать отвлеченные вопросы»². Дело не в том, что он японец, а в том, что он – *чужой* и может со стороны оценить то, что происходит с *русскими*, культурой которых он вдохновлен.

Японец ставит вопросы, заводящие русского офицера-замурца в тупик. С кем бы был сегодня Достоевский – с белыми или красными? Как отнесся бы к своей теории непротравления в сегодняшнее время Толстой? Игнат Петрович с трудом понимает, о каких произведениях идет речь, ясно, что он их попросту не читал. А японец внимательно слушает реплики и ведет дневник: «Я хочу хорошо узнать русскую душу, потому что люблю русских и их страну. Мы, соседи, но люди двух рас, чтобы быть друзьями, должны стремиться хорошо узнать друг друга»³.

Именно японец спасает русскую деревню. Благодаря его ловкости схвачен Дед – командир партизанского отряда, бывший каторжник и головорез. Этот человеческий тип – утрированно жестокий, наглый, но при этом очень сильный – становится поводом внести коррективы в понимание «русской души» и «русскости» в целом. В этом смысле японец имеет право на отвлеченные обобщения, ведь он – *другой*. Он проводит настоящий социологический эксперимент с захваченным в плен Дедом, и благодаря этому читатель может понять, какова аксиология и психология большевизма. Судя по ответам большевика, человеконенавистничество было присуще ему от рождения. Папаша его был «жулик какой-нибудь, потому что мамаша ... девкой была»⁴. И японец резюмирует: «...не так давно

¹ Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1907 гг.: шпиономания и реальные проблемы // libbabr.com/?book=2053. Дата обращения 4.11. 2014.

² Там же.

³ Несмелов А.И. Собрание соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 2. С. 363.

⁴ Там же. Т. 2. С. 373.

я делил большевиков только на две категории: на обманщиков и обманутых, на вождей и стадо. Но теперь мне ясно, что есть и третья категория, может быть, самая опасная, самая упорная <...> Человеконенавистники. За свое личное несчастье, в своей личной житейской неудаче они готовы обвинить весь мир. И за себя они мстят – всему миру готовы мстить!»¹.

В уста японца Несмелов вкладывает собственное резюме относительно «бездны русской души»: «О, русская душа, славянская душа, очень интересна! Такая импульсивная эмоциональность... Обнять весь мир – уничтожить весь мир. Вы помните из “Записок из подполья” Достоевского: “Мне ли чаю не напиться, миру ли погибнуть!” Русская душа – очень интересная душа!»². Но литературная трактовка этничности (в виде этнопсихологических наблюдений японского офицера) оставляет равнодушными русских бойцов. Как не провоцирует их рефлексии очередная казнь противника – Деда, русского.

К проблеме русскости как человеческой цельности Несмелов вновь обратится через год на примере американизации русских, успевших перебраться через океан. В 1939 г. он напишет рассказ «Русский жаворонок», где расскажет о судьбе русского боя Боба в фешенебельном американском отеле. В этом рассказе столкнутся три точки зрения на русскость: русского артиста-эмигранта, его европейской супруги и маленького мальчика. Перед Бобом – талантливый русским мальчуганом – благодаря его русской отзывчивости и непосредственности, которую американцы принимали за предприимчивость, были открыты большие возможности. Но сильнее жажды успеха в нем было стремление узнать родину: «Родившийся в Америке в русской семье, к счастью Боба, так почти и не выучившейся говорить по-английски, – он до школьных лет оставался русским. Но и школьная учеба, товарищество и все иное, американское, чем он был окружен, не разлучили его с Россией. Его родители, простые люди из Великороссии, были религиозны хорошей русской религиозностью. Они привили ему любовь к русскому храму. А около русского храма, вокруг него, было и общение русских с русскими, русская беседа...»³

¹ Несмелов А.И. Собр. соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 2. С. 363.

² Там же. С. 374.

³ Рубеж. 1939. № 12.

И родина пришла к мальчугану в лице русского артиста, говорящего по-русски и декламирующего русскую поэзию: «Как белый арктический медвежонок, родившийся в клетке Нью-йоркского зоологического сада, он оставался все-таки существом Арктики. Но одного ему не доставало, чтобы стать окончательно русским: живого, осязательного ощущения России. И это ощущение он получил сейчас. Это было сильнее, чем юношеское — первое объятие девушки, которая казалась недостижимой. Держать в руках свое счастье!

Он держал его.

А артист бросал и бросал в него Россией. И каждое стихотворение было как огромная глыба, которая почти раздавливала ребенка». Актер делится с мальчиком своим богатством — шепотью русской земли, которую он возит за собой в сейфе вместе с письмом к нему Толстого, а все думают, что в нем — необыкновенный бриллиант.

Но эта *русскость*, обретенная мальчиком в звучащем литературном слове и материализованная в шепотке земли, обращается крахом его карьеры в отеле: ему не прощают того, что он русский, но более того не прощают не адекватного с американской точки зрения поведения: он скрывает свой успех, не тиражирует свой подарок. Рассказ заканчивается весьма оптимистично: «Но Боб не жалел о том, что лишился места. У Боба были другие планы». Вполне вероятно, что русский мальчик, владеющий английским и столь целеустремленный, не пропадет, даже если его жизнь не будет связана с Россией, — примеров построения успешных карьер русскими эмигрантами в Америке несть числа. Русская семья, русский язык и русская культура, помноженные на расторопность и всеприимчивость, знание иностранных языков, — не дадут ребенку пропасть на Западе.

В художественной концепции Несмелова русский язык и русская литература становятся той системой координат, на которой базируется этнокультурная идентификация вначале ребенка, а затем и взрослого человека. Не зная о теории языковой концептуализации мира, о лингвокультурных и этнокультурных архетипах сознания, Несмелов именно этот критерий кладет в основу своих раздумий о *русскости* и проблеме *русского* вживания в другую культуру. Как подчеркивает В.В. Агеносов, эта проблема действительно весьма актуальна для русских, склонных к культурной и языковой ассимиляции в инокультур-

турной среде. Данное наблюдение могут подтвердить многие русские, вынужденные долгое время жить в неродной языковой среде.

Китай и Маньчжурия – вот те среды, где этничность русских волей истории должна была пройти суровую проверку. В полосе отчуждения КВЖД явление «окитаивания» было распространенным – после революции многие русские дети становились сиротами и усыновлялись китайцами. В этой ситуации китайская и маньчжурская традиции, поощряющие наличие в семье сына – продолжателя рода, соединились с традиционным в китайской среде уважением к европейцам. Дети, рожденные в смешанных браках, по мнению китайцев, до сих пор распространеному на Северо-Востоке, наделены физической красотой, силой, а также особым интеллектом¹. Способность же китайцев ассимилировать любой этнос не вызывает в их среде опасений, что такие метисы не станут истинными «ханьцами».

Утрата родных корней и русскости, по мысли Несмелова, ждет русских ребят, вынужденных адаптироваться и растворяться в китайской среде. К концу 30-х годов, когда жизнь русских в Китае уже обрела определенные формы, стало ясно, что многие из эмигрантов волей обстоятельств, от безвыходности и нищеты избрали для себя путь «окитаивания», в первую очередь, конечно, за счет брака с китайцами. Кто-то в результате забывал родной язык, а кто-то и не успевал его узнать. Этой теме будет посвящено несколько произведений Несмелова. Стихотворение и рассказ с одноименным названием «Ламоза» опубликованы Несмеловым практически одновременно – в 1940 г. в журнале «Рубеж» (№ 24 и № 30). Вполне вероятно, что в их основу легло впечатление от общения поэта с таким пареньком-*ламозой*.

Начнем со стихотворения. Оно представляет сюжетную сценку, описывающую встречу лирического героя с мальчиком:

Синеглазый и светлоголовый,
Вышел он из фанзы на припек.
Он не знал по-нашему ни слова,
Объясниться он со мной не мог².

¹ Материалы интервью и бесед А.А. Забияко с респондентами – населением Северо-Востока Китая (1992–2015 гг.).

² Несмелов А.И. Собрание соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 1. С. 175.

«Пасынок китайской деревушки, / Сын горчайшей беженской судьбы» вызывает горькие раздумья поэта:

Как он тут? Какой семьи подкидыш?
Кто его купил или украл?
Бедный мальчик, тайну ты не выдашь,
Ведь уже ты китайчонком стал!

Итак, реальный случай пробудил вначале лирическую эмоцию, а затем уже стал основой эпического повествования. Стихотворение становится словно кратким конспектом рассказа, вскоре написанного, – вплоть до совпадения одного из вариантов имени героя, сюжетно оформленных воспоминаний о матери и общего драматизма ощущения необратимости судьбы мальчугана:

До сих пор тревожных слов рассказы,
Размыкая некое кольцо,
Женщины иной, не узкоглазой,
Приближают нежное лицо.

И она меж мигами немыми
Вдруг, как вызов скованной судьбе,
Русское твоё прошепчет имя,
Непонятное уже тебе!

Как оно: Сережа или Коля,
Витя, Вася, Миша, Леонид, –
Пленной птицей, задрожав от боли,
Сердце задохнется, зазвонит!

Другое дело, что в лирическом тексте автор только гадает, высказывает предположения – ведь они с мальчиком не понимают друг друга, а в рассказе эти вопросы сюжетно развиваются и в дело вступает позиция авторского «всеведения».

Типичную историю превращения русского мальчика в китайца воссоздает писатель в рассказе: «Много лет назад в Маньчжурию бежал один русский человек с женой и ребенком. Проводником их был китаец. Когда четверо этих людей подходили к реке, разделявшей владения России и Китая, их увидели русские пограничники и стали по ним стрелять. Женщина с ребенком и китаец успели благополучно перебежать реку ..., а мужчина упал на русском берегу, раненный пулей». После того, как мужчина и женщина были схвачены на российской стороне, ребенок остался в Китае, его перекушает китаец («Ламоза»).

Герой рассказа «Ламоза» Ван Хин-те вырастает в китайской семье, но всю жизнь мается и страдает от того, что он не может однозначно причислить себя к китайцам. Но и русским он уже не станет никогда. Лишь в редкие минуты особых психических состояний герой рассказа «Ламоза» Ван Хин-те вспоминает о своем «до-китайском» существовании: «Кровь, приливавшая к его голове, открывала какие-то глубоко скрытые тайники его памяти, и тогда из этих тайников туманно, как бы сквозь тонкий дым, выплывало лицо женщины, совершенно не похожей на тех, что окружали Вана, и ее губы произносили слова, значения которых он не понимал. И еще это женское лицо иногда проникало в сны Вана»¹. Не случайно, увидев впервые русскую женщину, юноша бросился к ней с тем словом, что являлось долгие годы для него концептом «русскости»: «Сережа!»

Проблема этнической памяти и возможностей включения ее механизмов, по-видимому, с каждым годом волновала Несмелова все больше, потому что в 1944 г. он напишет повесть «Драгоценные камни». В ней болезненный процесс ассимиляции будет рассмотрен уже на примере образа русской девушки Верки, парня Якова и целой окитаенной деревни.

Юная Верка из повести «Драгоценные камни», имея русскую мать, не желает быть русской, для этого она носит китайскую одежду (курму), красит волосы и брови, сознательно не говорит на родном языке: «Девушка ответила не сразу, может быть, хотела схитрить, притвориться не понимающей русского языка. Все-таки она ответила, но по-китайски: может быть, этот русский китайского языка не понимает и отвяжется»².

В случае с Ваном-Сережей речь идет о вынужденной ассимиляции, начавшейся чуть ли не в утробном возрасте. Верка же сознательно, как и многие жители окитаенной деревни, выбирает свою этнокультурную идентичность – так она может выжить на чужой земле.

С одной стороны, проблема выживания в чужом этносе в равной мере касается вынужденных или добровольных эмигрантов: «Маленького Вана сверстники называли ламозой, как китайского ребенка, воспитывающегося среди русских, со товарищи его игр, дразня, обязательно величали бы ходькой,

¹ Несмелов А.И. Собрание соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 2. С. 509–517.

² Там же. Т. 2. С. 482.

и это обижало бы ребенка, желающего быть русским среди русских»¹.

Этничность, как известно, мифологична (Г. Лебон). Общая история, культура, язык – вот те факторы, которые мобилизуют мифологическое осознание человеком единой судьбы своего этноса и его сохранения. Что, на взгляд Несмелова, выступает залогом сохранения *русскости* и как в целом относится к этой проблеме автор? В рассказе «Ламоза» он не может ответить на этот вопрос: его герой Ван, ощущая невозможность оставаться китайцем в привычном бытовом течении жизни, не может стать и русским: он вырос китайцем. У него нет будущего – его русская возлюбленная погибает вместе с нерожденным младенцем, его ребенком.

Ван становится социальным и этническим маргиналом, превращаясь «в некоего маньчжурского Дубровского, мстящего за гибель любимой девушки». Его безрассудное отчаяние в боях вызвано этнокультурной «несостоятельностью»: «Я был китайцем, но ты оторвала меня от Китая, но не сделала русским. Я живу в лесу и боюсь и тех, и других. Я скоро погибну, и нет мне спасения!»²

И вот тут важно обратить внимание на то, какие коннотации сам автор вносит в значение слова «ламоза», в смысловом поле данного концепта реализуя целую систему собственных представлений об этничности русских и проблеме этнокультурной идентификации. Если пиджинизированный этноним «ходя» в русском языке несет в себе в основном только снисходительные коннотации, то именование «ламоза» более нагружено отрицательной семантикой: «словами “ламоза лайла” – русский пришел – китайки пугали своих капризничавших детей», «когда люди [из бандитской шайки Сережи Ван Хин-ге] узнали в них русских, они закричали: Ламоза лайла!» («Ламоза»). *Ламозой* как именем собственным прозывается разбойник Ван, наводящий страх как на русских, так и на китайцев.

Могила Ламозы (место, где был похоронен убитый при переправе через Амур русский) в сознании окитаенных русских вызывает самый настоящий священный ужас («Драгоценные камни»). Возникает странное явление: для русских более страшным предстает русский же *ламоза*, при этом *китаец* ока-

¹ Несмелов А.И. Собрание соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 2. С. 509.

² Там же. Т. 2. С. 515.

зывается весьма привлекательным, несмотря на то, что в памяти русских живы страшные образы хунхузов. Брак с китайцем становится спасением для многих «тутошных бабочек», потерявших мужей от хунхузов (китайцев, маньчжуров) и большевиков (русских). Русская баба пьет запойно хану, а ее китайский муж выхаживает их общего ребенка, берет с собой в поле, кормит, «как воробья», жеваной чумизой. Китаец Ли становится «старшинкой» в русской общине – он не пьет, деловит, практичен и терпим к чужим обычаям (в его доме рядом расположены русская икона с лампадкой и китайский алтарь). Хотя в его семье можно наблюдать и другое явление: его сын от русской женщины не знает совсем русского языка, так как зачастую уже в первом поколении метисы («полукровцы», «лян-хэ-шуэр по-маньчжурски») становятся настоящими китайцами и не признают соотечественников.

Итак, «ламоса» – это, во-первых, просто русский человек в восприятии китайца, живущего на Северо-Востоке. Во-вторых, это русский большевик в восприятии окитаенных русских. В-третьих, это вообще *русский*, потенциально опасный, практически – демонизированный, если его классовая принадлежность не известна: «пугают тут ребят ламозами, то есть большевиками. ... Как в Россеи домовыми» («Драгоценные камни»). Любопытно, как такой демонизированный образ большевиков в восприятии «наивного» мифологического сознания воссоздаст Марианна Колосова (стихотворение «Лешаченок»). Малыш, которого находит героиня «возле речки Модяговки» «без рубашки, без креста», оказывается покрытым шерстью и вдобавок ... с рожками. Но самое главное, что лирическая героиня не сомневается в его «демоническом» происхождении от матери – большевички-лешачихи.

Вернемся к проблемам утраты *русскости* в ее лингвистических и религиозных параметрах, интересующих Несмелова. Прогноз писателя чем далее, тем более пессимистичен. В повести «Драгоценные камни» (1944) Несмелов понимает: спасения нет ни в языке (он утрачивается, русские предпочитают говорить на пиджине или учить китайский язык), ни в православии (Федосей и ее детьми равно почитаются Божья Матерь и языческие кумиры). Не может одна старушка Марковна, исполняющая вместо священника церковные обряды, спасти целую общину. Поэтому, при всем преклонении автора и героя перед

подвигом этой женщины, образ страстотерпицы – это уходящая натура «окитаенной» деревни.

Герой, носитель авторской точки зрения, – Скрябин, не смотря на горячее сочувствие к своим соплеменникам, не находит в себе сил помочь им: «Чувство неприкаянности, бездомности и вообще ненужности своего бытия» усиливается в сознании Анатоши в «этой притаившейся под темным небом деревеньке, в которую долетает ветер с сибирских сопок, из сибирской тайги». В этом смысле его дружок, Сашка Гвоздев – кряжистый и коротконогий, далеко не красавец, но наделенный *волей к жизни* и не обремененный рефлексией, представляет альтернативу своему бывшему командиру. Он увозит Веру в Харбин, женится на ней и открывает закусочную «Волжские просторы».

Сам Скрябин, в прошлом отчаянный солдат, сметливый командир, постригается в монахи. В чужой стране томление по родине, ощущение полной несостоятельности также превращает его в социального и этнического маргинала.

Отметим, что писателя в равной мере пугает как перспектива молодежи уехать на Запад («потеряем мальчика родного в иностранце двадцати трех лет»), так и «окитаиться». Таков итог несмеловской рефлексии проблемы этнокультурной идентичности в русском Китае, его понимание того, что у русского «молодняка» за рубежом – нет будущего. Видел ли он выход из этой ситуации? Как можно судить по общему пафосу, и особенно – финалу рассказа «Ламоза», поначалу Несмелов апеллировал к излюбленному русскими писателями «литературному» уходу от проблемы. Его Сережа-Ламоза становится китайским Дубровским, он в своем героическом безрассудстве вызывает искреннее читательское сочувствие. Однако в этой повествовательной стратегии, смешивающей высокий романтизм с трагическим реализмом обстоятельств, неразрешимость ситуации была обнажена до предела. Тогда сюжет разбойничьей повести Пушкина Несмелов заменил на гоголевскую «негоцию» в повести «Драгоценные камни». Бытовизм ситуации поиска богатства двумя эмигрантами, сопряженный со знакомством с бедными окитаенными соплеменниками, в итоге обернулся лермонтовской тоской и безнадеей у одного из лучших представителей молодого эмигрантского поколения – Анатоши Скрябина. Переноса сюжет «Тамани» на китайскую землю,

писатель осознает тщетность попыток помочь простым русским людям, оставшимся один на один с Китаем.

Сюжетика русской литературы и ее идеологический багаж только с еще большей остротой обозначили неразрешимость для самого писателя этого вопроса. Ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Гоголь, ни Достоевский с Толстым не помогли русскому человеку в сложнейшей ситуации социального и национального разлома. В образе Скрябина классическое народничество русской интеллигенции обнаруживает свою глубинную утопичность и несостоятельность. Не зная этнологической теории Л. Гумилева, но зная, очевидно, труды С.М. Широкогорова, Несмелов отдает должное русским «пассионариям» типа Гвоздева.

Именно такого «пассионария» – мичмана Ваську – предпочитает богатому иностранцу Дора Крош – героиня другого рассказа Несмелова, написанного в том же 1944 г.¹ («Невеста миллионера»). Несмотря на некоторую надуманность ситуации, востребованную новогодним сюжетом (девушка бросает миллионера и остается с бедным Васькой), Несмелов приводит весьма тонкое наблюдение о том, почему столь несовместимыми оказываются картины мира русских и европейцев (при этом он даже не трудится пояснить, какую нацию имеет в виду). Его герой – просто «иностранец, компаньон одной из крупнейших в городе фирм, тридцатилетний господин внушительного роста и большой физической силы. Он любил Дору, как коллекционеры любят дорогие и красивые редкие вещи – беспрерывно любуясь ими, но холодновато – *оценивая*: ваза, мол, почти совершенна, если бы не эта вот трещинка и не стерся бы вот этот завиток орнамента. Франц Иванович, человек в своих отношениях к Доре безукоризненно порядочный, был помешан на мысли *исправить* девушку, то есть из шалуньи и хохотушки сделать этакую цирлих-манирлих² в стиле сонно-добронравных девиц своей страны. О, если бы это было возможно, он, безусловно, бы женился на Доре!..»

Как следует из исследуемых текстов, объективно – русские лучше чувствуют себя в китайском мире, нежели в чопорной среде европейцев. Несмотря на утрату русскости, они не утра-

¹ Рубеж. 1944. № 1.

² *Цирлих-манирлих* (нем. *zierlichmanierlich*) – жеманный, манерный человек. Очевидно, в словаре Несмелова это выражение определяет невысокий культурный уровень самого Франца Ивановича.

чивают своей человечности. Не для того ли был выстроен Харбин, чтобы дать русским возможность познания своей этничности в экстремальных условиях для ее сохранения? Но какой ценой нужно заплатить за это знание? Этнокультурная стратегия харбинской диаспоры, рассчитанная на максимальную консервацию русскости, с опорой на литературу и высокое искусство, не дала, к сожалению, универсальный образец для всех русских этнических сообществ, развивавшихся в китайской культурной среде.

* * *

Русские на то и русские, чтобы удивлять мир своим многообразием, своей непредсказуемостью, даже когда они – русские лишь наполовину, даже когда они совсем не знают родной азбуки, не умеют читать. Особенно если эти русские проживают в особенных условиях дальневосточного фронта. Именно об этом пишет Арсений Несмелов в своем рассказе «Ламоза». Его Сережа-Ламоза, к сожалению, не нашел сил для утверждения своей непроизвольно вырывающейся русскости, потому его жизнь стала саморазрушением.

Но примерно в те же годы, когда складывалась харбинская диаспора, на территории Северной Маньчжурии, в Трехречье уже сформировался иной русский анклав выходцев из Забайкалья¹. Потомки русских Трехречья («полукровцы», как они сами себя называют, рожденные от браков русских женщин и китайцев), как правило – не грамотны. Задачи фиксации, сохранения и трансляции исторической памяти, важнейших представлений о *своем* и *чужом*, *добре* и *зле*, *праведном* и *неправедном*, а также некоторых других компонентов этнического сознания, выполнял и выполняет в среде трехреченцев русский фольклор. Свободно владея китайским языком как средством повседневного общения, органично ощущая себя в китайской обыденной жизни (хозяйственной, бытовой, праздничной), русские Трехречья продолжают, тем не менее, сохранять и часть своей русской идентичности, реализуют духовные потребности и выражают

¹ Об этом: *Аргудяева Ю.В.* Русские казаки-забайкальцы в Северо-Восточном Китае // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур.* Вып. 11. Указ. изд. С. 152–169.

свою русскость в жанрах русского фольклора¹, в православной обрядности. Подобная этнокультурная стратегия в условиях дальневосточного фронта обладает большим потенциалом витальности. Но эта тема – предмет новых исследований и новых книг.

¹ *Забияко А.А., Забияко А.П.* Фольклор как основа сохранения русской идентичности в китайской среде (по материалам Трехречья) // Эмигрантология славян. Электр. ежегодник. 2015. Ополе (Польша).

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Художественные произведения, публицистические тексты, литературно-критические работы, письма, мемуары, антологии

1. *Андерсен Л.* Ларисса вспоминает... / публ. Э. Штейна // Новый журнал. – 1995. – № 200. – С. 315–326.
2. *Андерсен Л.* Одна на мосту. Стихотворения. Воспоминания. Письма / сост., вступ. ст. и примеч. Т.Н. Калиберовой; предисл. Н.М. Крук; послесл. А.А. Хисамутдинова. – М.: Русский путь. Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2006. – 472 с.
3. *Андерсен Л.* По земным лугам: Стихи. – Шанхай: Изд-во журнала «Современная женщина», 1940. – 56 с.
4. *Балакишин П.* Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. – Сан-Франциско; Нью-Йорк; Париж: Сириус, 1958–1959. – 352 с.
5. *Байков Н.А.* Великий Ван: Повесть; Черный капитан: Роман. Владивосток: Рубеж, 2009. – 528 с.
6. *Байков Н.А.* В горах и лесах Маньчжурии: очерки; Тигрица: повесть / ком. и прилож. Е. Ким. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 736 с.
7. *Великая Маньчжурская империя.* К десятилетнему юбилею Кио-Ва-Кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. – Харбин: Издание Харбинского симфонического общества, 1942. – 65 с.
8. *Волин М.* Гибель «Молодой Чураевки»: Воспоминания / публ. Э. Штейна // Новый журнал. – 1997. – № 209. – С. 216–240.
9. *Волин М.* Русские поэты в Китае // Континент. – 1982. – № 34. – С. 337–357.
10. *В художественном мире харбинских писателей.* Арсений Несмелов: Научное издание: В 3-х томах. Т. 1 (в 2-х ч.) Материалы к творческой биографии / сост. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой; подгот. текстов И.А. Дябкина, А.А. Забияко, К.А. Землянкой, Г.В. Эфендиевой; комментарии А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2015.
11. *Голенищев-Кутузов И.Н.* Арсений Несмелов // Возрождение. – 1932. – 8 сентября.
12. *Голенищев-Кутузов И.Н.* Русская литература на Дальнем Востоке // Возрождение. – Париж. – 1932.

13. *Ещин Л.* Собрание стихотворений. – М.: Водолей Publishers, 2005. – 80 с.
14. *Иванов Вс.Н.* Об эмигрантской литературе // *Огни в тумане. Рерих – художник и мыслитель.* – М.: Советский писатель, 1991. – 384 с.
15. *И.Ф.* Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке // *Русские записки.* – Париж, Шанхай, 1937. – № 1. – С. 322–330.
16. *Ильина Н.* Встречи: Из автобиографической прозы // *Октябрь.* – 1987. – № 5. – С. 83–109.
17. *Ильина Н.И.* Возвращение: Роман: В 2 кн. – М.: Советский писатель, 1957. – 568 с.; 1966. – 463 с. 1966.
18. *Ильина Н.И.* Дороги и судьбы: Автобиографическая проза. – М.: Советский писатель, 1985. – 560 с.
19. *Ильина-Лаиль О.* Восточная нить. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. – 288 с.
20. *Крузенитерн-Петерец Ю.* «У каждого человека есть своя родина...»: Воспоминания // *Россияне в Азии.* – 1994. – № 1. – С. 17–132.
21. *Крузенитерн-Петерец Ю.* Воспоминания // *Россияне в Азии.* – 1997. – № 4. – С. 124–210; 1998. – № 5. – С. 25–83; 1999. – № 6. – С. 29–104; 2000. – № 7. – С. 93–149.
22. *Крузенитерн-Петерец Ю.* Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // *Возрождение.* – 1968. – № 204. – С. 45–70.
23. *Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1.* В 3-х ч. Проза / *Хрестоматия* / сост. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2013.
24. *Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т.* / собиратель оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен. – Пекин: Китайская молодежь, 2005.
25. *Несмелов А.* Собрание сочинений: В 2 т. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006.
26. *Несмелов А.И.* Из переписки с П. Балакшиным // *Россияне в Азии.* – 1995. – № 2. – С. 65–84.
27. *Перелешин В.* Дальний Восток в Якоря // *Новый журнал.* – 1973. – № 111. – С. 298–299.
28. *Перелешин В.* Два полустанка. *Russian Poetry and Literary Life in Harbin and Shanghai, 1930–1950.* – Amsterdam, 1987. – 160 p.
29. *Перелешин В.* Русские дальневосточные поэты // *Новый журнал.* – 1972. – № 107. – С. 255–262.
30. *Перелешин В.* Русские поэты – друг другу // *Новый журнал.* – 1988. – № 172–173.
31. *Перелешин В.* Поэма без предмета / под ред. и с предисл. С. Карлинского. – Холиоук: Нью Ингланд Пабблишинг К., 1989.
32. *Петров В.П.* Город на Сунгари. – Вашингтон: Изд-во Русско-Американского исторического общества, 1984. – 289 с.

33. *Петров В.П.* Литературная жизнь в Харбине и Шанхае // Вопросы литературы. – 1985. – № 8. – С. 276–281.
34. *Петров М.* Шанхай на Вампу. Очерки. Рассказы. – Вашингтон: Изд-во Русско-Американского исторического общества, 1985. – 272 с.
35. *Рачинская Е.Н.* Калейдоскоп жизни: Воспоминания. – Париж: YMCA-Press, 1990. – 429 с.
36. *Рачинская Е.Н.* Перелетные птицы: Воспоминания. – Сан-Франциско: Глобус, 1982. – 262 с.
37. *Русская поэзия Китая: Антология* / сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. – М.: Время, 2001. – 720 с.
38. *Русские поэты Китая о Китае и Японии* // Россияне в Азии. – 1995. – № 2. – С. 3–47.
39. *Русский Харбин* / сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. – М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005. – 352 с.
40. *Семеро: Литературно-художественный сборник* / Л. Андерсен [и др.]. – Харбин: Изд-во ХСМЛ, 1931.
41. *Сентянина Е.* Харбинские писатели и поэты // Рубеж. – 1940. – № 24–25. – С. 5–8.
42. *Серебренников И.И.* Великий отход. Рассеяние по Азии Белых армий, 1919–1923. – Харбин, 1933.
43. *Серебренников И.И.* Мои воспоминания: В 2 т. – Тяньцзинь: тип. «Star Press», 1937–1940.
44. *Сигма (В. Перелешин).* Работа литературной студии // Чураевка. – 1934. – № 5.
45. *Скопиченко О.* Автобиография // Русская жизнь. – 1983. – 28 октября.
46. *Скопиченко О.* О героике прошлых дней: Памяти поэтессы Марианны Колосовой // Русская жизнь. – 1964. – 24 декабря.
47. *Слободчиков В.А.* Земля отцов. – Владимир: Маркарт, 2003. – 85 с.
48. *Слободчиков В.А.* О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2005. – 431 с.
49. *Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока* // Рубеж. – 1934. – № 47. – С. 24–25.
50. *Устрялов Н.В.* Образы Пекина // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 1–2.
51. *Устрялов Н.В.* Россия из окна вагона. – Харбин, 1924. – 154 с.
52. *Хаиндрова Л.Ю.* Сердце поэта. – Калуга: Полиграф-Информ, 2003. – 416 с.
53. *Харбин. Ветка русского дерева: Проза, стихи* / сост. Д.Г. Селькина, Е.П. Таскина. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1991. – 400 с.
54. *Харбин – очаг русской культуры: На доклад академика Рериха в христианском союзе* // Заря. – 1934. – 4 июня.
55. *Хейдок А.* Звезды Маньчжурии: Рассказы. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 336 с.

56. *Шкуркин П.В.* Китайские легенды и предания. – Харбин, 1921.
57. *Штерн О.* О дальневосточных писателях // Багульник: Литературно-художественный сборник. – Харбин, 1931. – Вып. 1. – С. 183–189.
58. *Щеголев Н.* Что такое «Молодая Чураевка»? // Парус. – 1931. – № 1. – С. 82.
59. *Щеголев Н.* Победное отчаянье / сост. А.А. Забияко, В.А. Резвый. Послесловие А.А. Забияко. Комментарии В.А. Резвого. – М.: Водолей, 2014. – 352 с.
60. *Щеголев Н.А.* Тетрадь № 1. Рукопись. Черновик романа «Перекрыток» (1957–1962) // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточного зарубежья» Амурского государственного университета.
61. *Щеголев Н.А.* Тетрадь № 2. Рукопись, машинопись. Лекции, стихи, заметки // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточного зарубежья» Амурского государственного университета.
62. *Щербаков М.* Одиссеи без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы / сост., комм. и вступит. ст. А. Колесова. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 480 с.
63. *Юльский Б.* Зеленый легион: повесть и рассказы / сост. и комм. А. Колесова; Сост. и вст. ст. А. Лобычева. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 560 с.

Энциклопедии, монографии, статьи по истории, культуре и литературе русской эмиграции

64. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). – М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. – 432 с.
65. *Агеносов В.В.* Литература русского зарубежья (1918–1996): Учебное пособие. – М.: Терра спорт, 1998. – 540 с.
66. *Агеносов В.В., Дябкин И.А.* Генезис военной прозы А.И. Несмелова: от «военных страничек» к «окопной правде» // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой; пер. на кит. Ли Иннань; пер. на англ. О.Е. Пышняк. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2012. – С. 148–167.
67. *Аргудьева Ю.В.* В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы, комментарии. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2007. – 272 с.
68. *Диао Шаохау.* Литература русского зарубежья в Китае (в г. Хар-

- бине и Шанхае): Библиография. – Харбин: Бейфан Вен-и, 2001. – 221 с.
69. Дiao Шаохуа. Харбинская «Чураевка» // Рубеж. – 2003. – № 4. – С. 219–229.
 70. Жилевич Т. (Мирошниченко Т.) В память об усопших в земле маньчжурской и харбинцах. – Мельбурн, 2000. – 1005 с.
 71. Забияко А.А. «Дело о Чураевском питомнике» (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 6. – С. 170–186.
 72. Забияко А.А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. – 2011. – № 2. – С. 154–170.
 73. Забияко А.А. «Мои это годы, моя это жизнь и судьба!» (Жизнь и творчество поэта Николая Щеголева в контексте судьбы «взыскующих поэтов» дальневосточного зарубежья) // Щеголев Н. Сочинения / сост. Вл. Резвый, А. Забияко/ под ред. Вл. Резвого. Послесловие А.А. Забияко. – М.: Водолей, 2014. – С. 238–310.
 74. Забияко А.А. На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Часть 1. Проза / Хрестоматия. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2013. – С. 3–37.
 75. Забияко А.А. Ремифологизация в художественном сознании эмигранта-харбинца // Религиоведение. – 2006. – № 3. – С. 161–179.
 76. Забияко А.А. «Слово мое – разящий меч»: феномен религиозно-художественного радикализма // Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 158–172.
 77. Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира: Научное издание. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2005. – 286 с.
 78. Забияко А.А. Юродство как форма литературного поведения // Религиоведение. – 2008. – № 2. – С. 166–178.
 79. Забияко А.А., Дябкин И.А. Трансформация сюжетов китайской мифологии в творчестве дальневосточных писателей 20–40 гг. XX в. // Религиоведение. – 2013. – № 4. – С. 139–157.
 80. Забияко А.А., Землянская К.А. Теософская утопия в культурной жизни дальневосточной эмиграции // Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 187–210.
 81. Забияко А.А., Забияко А.П. Исторический опыт Гражданской войны в произведениях писателей-эмигрантов русского Харбина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 5. – С. 123–131.
 82. Забияко А.А., Левченко А.А. Художественная этнография В. Марта: дальневосточный период // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4. – С. 150–165.

83. *Забияко А.А.* «Дикари под боком у Харбина»: религиозная жизнь эвенков Северной Маньчжурии в периодической печати дальневосточной эмиграции // *Религиоведение*. – 2014. – № 4. – С. 185–192
84. *Забияко А.А.* Архив Н. Щеголева как источник реконструкции жизни русской эмиграции в Харбине // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур*. Вып. 11 / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит. и англ. Е.В. Сенина. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2015. – С. 221–234.
85. *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии: Монография. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2009. – 361 с.
86. *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* «Четверть века беженской судьбы...» (художественный мир лирики русского Харбина): Научное издание. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2009. – 434 с.
87. *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* Прозаическая Арсениана: забытый архив русской жизни // В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: Научное издание: В 3-х томах. Т. 1. Проза: В 2-х частях. Ч. 1 / сост. и комментарии А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой; подгот. текстов Е.Е. Бибик, И.А. Дябкина, А.А. Забияко, К.А. Землянкой, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2015. – С. 3–9.
88. *Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А.* Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта: Монография. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2015. – 462 с., илл.
89. *Забияко А.П.* Порубежье // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2010. – Вып. 9. – С. 5–10.
90. *Забияко А.П.* Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII – начала XX вв. // *Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке* / А.П. Забияко, Р.А. Кобызов, Л.А. Понкратова / под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2009. – С. 9–35.
91. *Забияко А.П.* Русские и китайцы на Дальнем Востоке: двадцать пять лет жизни в условиях открытой границы // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте*. Вып. 10 / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2013. – С. 15–30.
92. *Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А.* Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред.

- А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2009. – 412 с.
93. Кириллова Е.О. Дальневосточная гавань русского футуризма. Книга 1. Модернистские течения в литературе Дальнего Востока 1917–1922 гг. (поэтические имена, идейно-художественные искания): Монография. – Владивосток: ДВФУ, 2011. – 636 с.
94. Кириллова Е.О. Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов): Монография. – Владивосток: ДВФУ, 2015. – 276 с.
95. Крадин Н.П. Харбин – Русская Атлантида. – Хабаровск: Издатель Хворов А.Ю., 2001. – 352 с.
96. Лёвошко С.С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX–первая половина XX века: Научное издание / Российская академия архитектуры и строительных наук и др.; отв. ред. Н.П. Крадин. – Хабаровск: Частная коллекция, 2003. – 176 с.
97. Лёвошко С.С. К истории архитектурного отделения Русского культурно-исторического музея в Праге (1936–1944) // Межд. научно-практ. конференция «Рериховское наследие». Том VIII: Н.К. Рерих и его современники. Архитекторы и архитектура. Восток глазами Запада. – СПб., 2011. – С. 224–234.
98. Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения: Сборник научных трудов, посвященных 60-летию проф. В.В. Агеносова. – М.: Советский спорт, 2002. – С. 271–285.
99. Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. – 1999. – № 1. – С. 96–103.
100. Линник Ю. Сольвейг. наброски к портрету Лариссы Андерсен // Грани. – 1995. – № 177. – С. 149–167.
101. Линник Ю. Валерий Перелешин // Новый журнал. – 1992. – № 189. – С. 227–193.
102. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. – М.: Русский путь, 2003. – 440 с.
103. Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета / предисл., пер. с англ. и науч. ред. А.А. Хисамутдинова. – М.: Пашков Дом, 2002. – 204 с.
104. Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 1. Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2006. – 228 с.
105. Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 2. Литературоведческая россика: Сборник научных статей памяти В.А. Слободчикова / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2008. – 228 с.

106. *Русский Харбин, запечатленный в слове*. Вып. 3. Сборник научных работ, посвященных 95-летию Лариссы Андерсен / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета. 2009. – 176 с.
107. *Русский Харбин, запечатленный в слове*. Вып. 4. К 70-летию профессора О.И. Федотова: Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2010. – 244 с.
108. *Русский Харбин, запечатленный в слове*. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии: Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2012. – 270 с.
109. *Русский Харбин, запечатленный в слове*. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова. Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Пер. на кит. Ли Иннань; пер. на англ. О.Е. Пышняк. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета. 2012. – 354 с.
110. *Стефан Дж. Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945*. – М.: Издательство Советско-Британского совместного предприятия «Слово», 1992. – 440 с.
111. *Таскина Е.П. Неизвестный Харбин*. – М.: Прометей, 1994. – 192 с.
112. *Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии*. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 360 с.
113. *Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: Монография*. В 2 ч. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. – 360 с.
114. *Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь*. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 384 с.
115. *Хисамутдинов А.А. Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбив» // Известия Восточного института*. – 1996. – № 3. – С. 150–160.
116. *Эфендиева Г.В. В пространстве харбинской моды (по материалам журнала «Рубеж») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству*. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета. 2009. – С. 142–153.
117. *Эфендиева Г.В. Судьбы еврейской диаспоры в Китае (по материалам «Бюллетеня Игуд Иоцей Син») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Сборник материалов международной научной конференции / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2002. Вып. 3. С. 469–475.*
118. *Эфендиева Г.В. «Обманчиво несложная» поэтесса (О поэтическом мире Лариссы Андерсен) // Русский Харбин, запечатленный в слове*. Вып. 3. Сборник научных статей, посвященных 95-летию Лариссы Андерсен / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. –

- Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета. 2009. – С. 121–135.
119. *Эфендиева Г.В.* Образ русской женщины в творчестве поэтов русского Китая // *Русский Харбин, запечатленный в слове.* – Вып. 2. Литературоведческая россика. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2008. – С. 55–66.
120. *Эфендиева Г.В.* О последнем поколении харбинских лириков // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству.* – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2009. – С. 35–44.
121. *Эфендиева Г.В.* Поэтическая религиозность русских поэтов-эмигрантов (по страницам харбинской лирики) // *Религиоведение.* – 2006. – № 4. – С. 109–119.
122. *Эфендиева Г.В.* «Что читал русский Харбин?» (О литературных пристрастиях русского восточного зарубежья 1920–1930 гг.) // *Русский Харбин, запечатленный в слове.* – Вып. 6. – Благовещенск, 2012. – С. 182–195.
123. *Эфендиева Г.В., Зиненко Я.В.* К истории церковной и духовной жизни русской эмиграции Дальнего Востока: из публицистического наследия Арсения Несмелова // *Религиоведение.* – 2015. – № 4. – С. 170–176.

Теоретические работы и словари

124. *Библейская энциклопедия.* – М.: Терра, 1990. – 1060 с.
125. *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. – М.: Республика, 1996. – 334 с.
126. *Забияко А.П.* Богини-Матери культ // *Религиоведение. Энциклопедический словарь.* – М.: Академия, 2006. – С. 120.
127. *Забияко А.П.* Земли культ // *Религиоведение. Энциклопедический словарь.* – М.: Академия, 2006. – С. 359.
128. *Забияко А.П.* Категория святости: сравнительное исследование лингво-религиозных традиций. – М.: Издательский дом «Московский учебник – 2000», 1998. – 250 с.
129. *Забияко А.П.* Конфуцианство // *Религии мира. Энциклопедия.* – М.: Академический проект, 2007. – С. 305.
130. *Забияко А.П.* Мирча Элиаде: методология в контексте индивидуально-психологических и религиозных особенностей личности // *Религиоведение.* 2008. – № 1. – С. 53–66.
131. *Забияко А.П.* Мифологизирование истории // *Культурология. XX век. Энциклопедия: В 2 т. – Т. 2.* – СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 54–55.
132. *Забияко А.П.* Ремифологизация // *Религиоведение. Энциклопедический словарь.* – М.: Академический проект, 2006. – С. 400.
133. *Забияко А.П.* Святое, священное, сакральное // *Религиоведение /*

- Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. С. 962–963.
134. *Забияко А.П.* Священное время // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 964–966.
135. *Забияко А.П.* Святое и падшее // Литературная учеба. – Кн. третья. – 1998. – С. 174–194.
136. *Забияко А.П.* Священное пространство // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 966–968.
137. *Забияко А.П., Кобызов Р.А., Аниховский С.Э., Воронкова Е.А., Забияко А.А.* Эвенки Приамурья: Оленяя тропа истории и культуры: Монография. – Благовещенск: Издательская компания «РИО», 2012. – 384 с.
138. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. – М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»; ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 1020 с.
139. *Мартьянов А.А.* Конфуцианство. «Лунь Юй»: В 2 т. Т. 1 / пер. А.С. Мартьянова. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 907 с.
140. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. – М.: Восточная литература РАН; Школа «Языки русской культуры», 1995. – 408 с.
141. *Мифы народов мира.* Энциклопедия: В 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – Т. 1. – 671 с.; Т. 2. – 719 с.
142. *Переломов Л.С.* Конфуций. Лунь Юй / исслед., пер. с кит., коммент. факсимильный текст «Лунь Юя» с коммент. Чжу Си. – М.: Восточная литература, 1998. – 590 с.
143. *Русские* / отв. ред. В.А. Александров [и др.]. – М.: Наука, 2005. – 828 с.
144. *Стефаненко Т.* Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН; Академический проект, 1999. – 320 с.
145. *Тань Аошуан.* Модель этического идеала конфуцианцев // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 46–54.
146. *Тань Аошуан.* Ментальность срединного пути // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред Н.Д. Арутюнова [и др.]. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 31–46.
147. *Широкогоров С.М.* Этнографические исследования: Этнос. Исследование принципов изменения этнических и этнографических явлений / В 2-х кн. Книга 2. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. – 203 с.

SUMMARY

The book deals with the history of mentality of the Far Eastern émigré community – the mentality of a special enclave of Russian Diaspora that formed after 1920 in the conditions of the Far Eastern frontier on the territory of Northern Manchuria.

The hero of the book is a Russian man – a former citizen of the Russian Empire and then the resident of Northern Manchuria, a former hero of the First World War, the heir to the former glory of Russian arm, and later – an emigrant, humiliated by the revolution, by defeats in the Civil War, torn by the Ice campaign, or – a Russian boy grown up without the motherland and homeland, who knew what Russia was only from the stories and memories. That Russian, together with the Chinese, Koreans, Manchus resided in the territory of the Far Eastern frontier – in Northern Manchuria, in Harbin. He was characterized by his own particular religiosity absorbing both Russian and other cultural element, his own ideas of space and time, of youth and anility, of war and peace, life and death, of children and the future.

The mentality of the Far Eastern emigrants was identified by the frontier (border), the theory of the frontier was developed in the early 20th century by F.J. Turner (as a «meeting of savagery and civilization»). Frontier is a term synonymous to Russian concept of «porubezhje», which defines the contact zone between the countries, peoples and cultures. The concept of the «Far Eastern frontier» means the contact area in the Asia-Pacific region. In this contact zone in the atmosphere of close inter-ethnic cooperation since the mid 19th century joined the fates of the Russian and Chinese, Korean, Manchu-Tungus population; formed the psychological, linguistic and cultural boundaries of ethnic compatibility. More than a quarter of a century, and if one counts since the beginning of construction of the Chinese Eastern Railway, even the half of a century Russian people mastered the territory of the Far Eastern frontier on the right side of the Amur River up to the Yellow Sea: they studied and worked, gave birth to children, defended from hunghutzi,

made friends and traded with the local population, created their own schools and theaters, explored that region.

The mentality of the Russian person of the Far Eastern frontier was blended in ordinary consciousness of Russian inhabitants of Harbin, and manifested – in the organization of religious and cultural life, literary life, education, in everyday life (especially the Harbin one), language of Russian population of Harbin. In the mid 50s, the Russian Atlantis called Harbin sank into oblivion, the remains of emigrants scattered around the world. The Far Eastern Russian émigré's image of the world, his prejudices and stereotypes of thinking, religious beliefs and ethnic attitudes were sealed in a special kind of documents – fiction works, journalism, letters, manuscripts, memoirs, speech genres, personal data of the secret services, even – in denunciations.

These sources were mainly used, while writing the book «The mentality of the Far Eastern frontier: Literature and Culture in Russian Harbin». The reflection of the Far Eastern frontier started with the first works of writers who came to northern Manchuria by the beginning of construction of the Chinese Eastern Railway, who passed through Boxer Rebellion in 1900–1901, who fought in the Russian-Japanese War (N.A. Baikov and P.V. Shkurkin). The First World War became not only a turning point in the life of Russia, but also the start of fundamental changes in the mentality of Russian people. The war and its trench truth brought new experience in the consciousness of future emigrants (Arseny Nesmelov, Nikolai Baikov, etc.). Then began the terrible years of the revolution and the Civil War – when a former fellow-soldier shot his friend, when a brother forgot his brother, everyone started running wild – both white and red ones. Homeland stroke out of the glorious list of the previous battles the names of its heroes. Lyrics of L. Eshchin, stories and novels of Ya. Lowich, A. Nesmelov, memories and stories of A. Haydock reflected that reality. And then began wanderings of the Russian exiles on the roads of scattering. «Harbin-daddy» would take those ones who could not find a place in other European countries. Literature and journalism of the Far Eastern emigration would reflect all the complicated processes of adaptation of the Russians to that new life, all the vicissitudes of the formation of a new émigré mentality from the beginning of 20-ies and till 1945, from the «children of the eighteenth year» (the older generation of emigrants – A. Achair, A. Nesmelov, M. Kolosova, L. Eshchin, Vs. Iva-

nov, Ya. Lowich, etc.) to the «offsprings» – young people who have never seen Russia (N. Shchegolev, V. Slobodchikov, N. Peterets, L. Andersen etc.).

In those works and journalistic texts reflected religious throwings of the Russian emigrants – from radical appeal to the roots of Orthodoxy to theosophy and Taoism (M. Kolosov, A. Achair, A. Haydock). The search for ethnic supports in the other cultural environment created the most unexpected scenarios of the literary behavior (L. Eshchin and A. Nesmelov). Nationalism in its Harbin embodiment gave disastrous sprouts of fascism in the literature and journalism (A. Nesmelov, N. Baikov). Thinking about future, trying to raise a generation that can take through scattering across countries and continents their Russian speech, their «Russianness» turn consciousness of writers to the problems of childhood (E. Vasilieva, B. Yulsky, A. Nesmelov).

Besides fiction and critical articles, the attention of the author of the book was drawn to travel notes, materials of personal interviews and correspondence with real people: poets Vladimir Slobodchikov and Larissa Anderson, Tatiana Pischikova, a friend of the poetess Lydia Haindrova, the son of Harbin merchant Nikolai Zaika, a graduate of the gymnasium of the Christian union of young people, cultural historian Helena Taskina, the son of the writer Paul Severny, simple residents of Harbin.

The history of the mentality of the Far Eastern frontier in its human dimension, synchronic and diachronic filling – is part of the social history of the Far Eastern countries and frontier culture, the history of religious, political and ethnic beliefs, history of literature of the eastern branch of emigration.

摘要

这是一本关于远东侨民史的书，它特别着重阐述20世纪20年代后在中国东北边境地区的俄罗斯侨民的状况。

这本书的主人公是俄罗斯人，起初他是俄罗斯帝国的公民、一战中的英雄、俄罗斯军队荣誉的继承人，后来经历了内战的失败，被革命者凌辱，被迫移居中国北满地区。或者他是一个没有祖国的俄罗斯年轻人，他只能通过故事和回忆录来认识俄罗斯。这位俄罗斯人和中国人、朝鲜人、满族人之一样，居住远东地区（北满的哈尔滨）。他具有自己独特的宗教信仰，有俄罗斯人的，也有来源于其他文化的，他还拥有自己对于空间和时间、青春和老年、战争和和平、生和死、孩子们和未来的认识。

远东侨民文化是边疆（边界）的标志，在20世纪初弗雷德里克·杰克逊·特纳提出了边疆理论（“文明遇上野蛮”）。

“边疆”一术语，在俄罗斯人的印象中和“порубежье”是同义词，它意味着国家、民族、文化之间接触的区域。“远东边疆”意味着亚洲与太平洋地区衔接的区域。从19世纪中期开始在这个狭小的区域里俄罗斯人、中国人、朝鲜人、通古斯满族人的命运因跨民族交往而连接在一起；心理、语言、文化方面的民族兼容性形成了。近30年，或中东铁路开始建设之后的半个世纪里，俄罗斯人开发了沿阿穆尔河一直到黄海的远东地区；在这儿他们学习、工作、养育后代、防御红胡子、交朋友、和本地人做买卖、建设自己的学校和剧院、研究这个区域。

哈尔滨本地人的日常创作中出现了俄罗斯远东侨民文化的印记，主要体现在宗教信仰生活、文化习俗、教育，在哈尔滨尤为体现在俄罗斯人的语言和生活方式上。在50年代中期，被誉为俄罗斯的“大西洲”的哈尔滨的印记消失得无影无踪，剩余的侨民也散落在全世界。但俄罗斯远东侨民对世界的理解、偏见和定型思维、宗教观点、民族目标出现在特殊的文件中，比如艺术品、政论作品、书信、手稿、回忆录、言语风格、私人保安服务、甚至是密电。

这些资料来源于《远东边疆：哈尔滨的俄罗斯人文学和文化》。最先反映远东边疆的应该是作家在第一部作品，他们在中东铁路建设的初期来到北满地区，经历了八国联军侵华(1900-1901)和俄日战争（Н.А.拜科夫， П.В. 什库尔金）。一战不仅成为俄罗斯人生活的转折点，也从根本上改变了俄罗斯人的精神面貌。战争和它的生存法则给接下来的侨民(阿尔谢尼·涅斯梅洛夫，尼古拉·拜科夫等等)增添了新的阅历。接下来恐怖的革命和内战的时期开始了：这时以前的战友要枪决自己的朋友、哥哥忘记了自己的弟弟，红军和白军都变得无比疯狂。祖国在光荣的名单中划掉为自己和敌人战斗的英雄的名字。在Л. 耶辛的诗中，在Я.洛维奇、А. 涅斯梅洛夫的短中篇小说中，А. 赫伊多克的回忆录和短篇小说中都有关于这些的记叙。之后俄罗斯侨民开始沿着道路

漫无目的地流浪。“哈尔滨教皇”移民到欧洲并隐姓埋名。远东移民的文学和政论作品反映了俄罗斯人适应新生活的繁琐过程，新侨民文化形成和变迁开始于20年代初，到1945为止。从“十八岁的孩子”(老一代移民：A.阿恰伊尔、A.涅斯梅洛夫、M.科洛索娃、Л.耶辛、Bc.伊万诺夫、Я.洛维奇等等)到“青年”——从来没有见过俄罗斯的年轻人(H.谢戈列夫、B.斯洛博德奇科夫、H.佩捷列茨、Л.安杰尔谢恩等等)。

这些作品和政论课文反映了俄罗斯侨民的宗教倾向——从政教起源的激进信仰到神智学和道教(M.科洛索娃、A.阿恰伊尔、A.赫伊多克)。在不同文化背景下寻找民族支持创造了最意外的文学行为的情节(Л.耶辛、A.涅斯梅洛夫)。民族主义在它的哈尔滨形式下在文学和政论作品里形成了有害的法西斯主义萌芽(A.涅斯梅洛夫、H.拜科夫)。出于对未来的思考和对后代培养的尝试，作家们跨越国家和大陆把自己的俄罗斯言语、俄罗斯风格倾注到童年和儿童的问题上(E.瓦西里耶娃、B.尤列斯克伊、A.涅斯梅洛夫)。

除了艺术作品和评论文章，本书作者注重游记、私人交谈的资料和现实的信函：诗人弗拉基米尔·斯洛博德奇科夫，拉里萨·安杰尔谢恩，诗人利季娅·哈因德罗娃的朋友——塔季扬娜·皮希科娃，哈尔滨商人的儿子尼古拉·扎伊卡，基督教青年会中学的毕业生，文化历史学家叶莲娜·塔斯基娜，作家保罗·谢韦内伊的儿子，他们都是普通的哈尔滨俄罗斯人。

远东边疆文化在人的方面、共时和历时的历史，是远东侨民的社会历史和它的边疆文化，宗教、政治、民族观念，东支移民文学历史的一部分。

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. «Здесь доминировал “Закон тайги”»: образ Маньчжурии начала XX в. в художественном сознании дальневосточных писателей (Н. Байков и П. Шкуркин)	21
Глава 2. «Международный, фантастический, русский»: образ Харбина и харбинцев в культурном сознании дальневосточной эмиграции	58
Глава 3. «Окопная правда»: Первая мировая война в творчестве писателей дальневосточного зарубежья	85
Глава 4. «Бремя ненависти и кровавой борьбы»: опыт Гражданской войны в сознании писателей-дальневосточников	109
Глава 5. Сибирский регионализм, «Чураевка» и дети эмиграции (Алексей Ачаир)	136
Глава 6. От взыскующего молодого поэта до идеолога «возвращенчества» (Николай Щеголев)	167
Глава 7. «Но и в смерти был я тих, поверьте»: литературное юродство в русском Харбине (Леонид Едцин)	195
Глава 8. «Есть девушки, удел которых страшен»: религиозно-художественный радикализм в харбинской культуре (Марианна Колосова)	213
Глава 9. «Русских витязей сигнал»: харбинские идеи национальной революции	233
Глава 10. «В прошлой жизни я был русским»: теософия и мистический реализм под звездами Маньчжурии (Альфред Хейдок)	264
Глава 11. От мистики Востока к литературе факта (Венедикт Март)	283
Глава 12. Человек дальневосточного фронта в поисках Корня жизни (М. Щербаков, Б. Юльский, А. Несмелов)	308
Глава 13. Фронтирная жизнь Харбина и шпиономания (М. Колосова, А. Несмелов, Я. Лович, Б. Юльский)	339

Глава 14. «Детский мир» русского Харбина (А. Несмелов, А. Ачаир, Е. Васильева)	364
Глава 15. «Кто ты, чьей семьи подкидыш?»: проблема этничности в культурном сознании дальневосточных эмигрантов (М. Щербаков, Н. Резникова, А. Несмелов)	392
Избранная библиография	420
Summary	430
摘要	433

Научное издание

Анна Анатольевна Забияко

**МЕНТАЛЬНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА
КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ХАРБИНА**

Монография

Перевод на англ. *О.Е. Цмыкал*
Перевод на кит. *Е.В. Сенина*

Редактор *Н. А. Лившиц*
Корректор *Н. В. Счастлива*
Технический редактор *С. Ю. Бадалян*
Художественный редактор *О. М. Вараксина*
Художник *Е.Н. Сентябова*

Подписано в печать 06.04.2016 Уч.-изд. л. 33,0. Печ. л. 29,1.
Формат 60×84 1/16. Тираж 200 экз. Заказ № 34

Издательство СО РАН
630090, Новосибирск, Морской просп., 2
E-mail: psb@sibran.ru
Тел. (383) 330-80-50

Отпечатано в Издательстве СО РАН
Интернет-магазин Издательства СО РАН
www.sibran.ru